РУССКАЯ
КУЛЬТУРА

Портрет кн. З. А. Волконской.
Гравюра М. Майера с утраченной акварели К. Брюллова. 1830 г.
Собрание музеев замка Сфорца, Милан, Италия.
Heritage Image Partnership Ltd / Alamy Stock Photo

Баяра Арутюнова

Жизнь в письмах

Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты

«Русская культура»
Санкт-Петербург
2017

Литературное приложение к альманаху
«РУССКИЙ МІРЪ. Пространство и время русской культуры»

Арутюнова-Манусевич Б. А.

ЖИЗНЬ В ПИСЬМАХ. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты / Баяра Арутюнова-Манусевич; [предисл. Е. Ивановой-Блиновой]. — СПб.: Некоммерческое партнёрство «Русская культура», 2017. — 272 с.: илл.

Книга Баяры Арутюновой-Манусевич (р. 1916), доктора филологии, впервые была издана на английском языке в 1994 г. в США, Slavica Publishers, Inc. Новое издание книги предпринято в связи с переводом на русский язык, уточнением и дополнением текстов, а также добавлением уникальных иллюстраций, представляющих часть архива кн. З. Волконской, хранящегося в отделе рукописей библиотеки Гарвардского университета Хоттон (Houghton). Впервые полностью публикуется подробно исследованная переписка кн. Зинаиды с царём Александром I и с другими её корреспондентами: Е. А. Баратынским, М. И. Глинкой, И. И. Козловым, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским, мадам де Сталь и кардиналом Э. Консальви.

Книга Б. Арутюновой, ученицы и последовательницы известного учёного, русского филолога Р. Якобсона, составит несомненный интерес не только для узкого круга специалистов, но и для всех, кто интересуется историей России.

ISBN 978-5-905618-16-1

9 785905 618161

© Б. А. Арутюнова-Манусевич, 2017
© А. К. Мынбаева, 2017
© Е. В. Иванова-Блинова, 2017
© Оформление Д. Д. Ивашинцов, 2017

Посвящается Роману Якобсону

Выражение признательности и некоторые пояснения к русскому тексту книги

Архив княгини Зинаиды Волконской, приобретённый Гарвардским университетом в 1967 году, ныне находится в отделе рукописей библиотеки Хоттон (Houghton): *http://id.lib.harvard.edu/aleph/000602235/catalog*

Заняться изучением этого архива убедил меня профессор Роман Якобсон, который познакомился с ним ещё в Риме. Настоящая публикация представляет собой том, посвящённый некоторым письмам в архиве З. Волконской.

В процессе работы над этой книгой я получала существенную помощь от коллег и друзей, которых я хочу здесь поблагодарить. Прежде всего я благодарна уже ушедшему Роману Якобсону, моему учителю, чьи советы и наставления я получала в течение многих лет. Я очень благодарна моим коллегам, которые, не считаясь со временем, делились своими знаниями в содержательных беседах со мной: это Поль Бенишу, Жан-Луи Брюно, Дональд Фангер, Джордж Уильямс и ныне покойный Виктор Вайнтрауб. Мне также помогал куратор отдела рукописей в библиотеке Гарвардского колледжа — Родни Деннис.

В Риме мне была оказана щедрая помощь из разных источников, я благодарна итальянским консультантам за их благожелательное отношение к моей работе. Покойный барон Базиль Леммерман, опытнейший архивист и коллекционер, приобрёл архив Волконской у одного из её наследников,

маркиза Владимира Кампанари, и позже продал этот материал Гарвардскому университету. Он дал мне возможность работать с его книгами и коллекцией картин, которые оказались источником очень ценной информации. Он также дал мне разрешение использовать живопись из его коллекции для иллюстраций к моей книге, за что я очень благодарна. Также я должна поблагодарить нынешнего владельца части леммермановской коллекции, Саво Расковича, проявившего интерес к моей работе и предоставившего некоторые иллюстративные материалы. Я многим обязана сестре Фабиоле из Римского Ордена Крови Христовой, которая щедро снабдила меня необходимой информацией и важными документами. Нельзя не отметить поддержку со стороны компетентных работников библиотеки Ватикана. Наконец, я получила действенную помощь со стороны Святого Престола, и особенно со стороны кардинала Саморе, которому я выражаю глубокую благодарность.

В Гарвардском университете на протяжении всей моей работы над архивом Волконской мне помогал квалифицированный персонал библиотеки Хоттон; эту помощь я высоко ценю.

Выражаю также благодарность всем, кто помогал подготовить рукопись к изданию: Дональду Андерсону, Кристин Бруссо, Кэролайн Батлер, Катлин Клавер, Катерин Эдмондс, Дэвиду Кэйли, Фредерике Ламперини, Люсинде Левей, Яне Орлен, Синтии Вакарелиске и Катерин Тридон.

За финансовую помощь в процессе моих изысканий и в подготовке книги к публикации благодарю гарвардский Фонд Кларка.

Моя особая благодарность — Чарльзу Грибблу, издателю и редактору издательства Slavica Publishers, за его интерес к моей работе. Благодарю также Дина Уорта за его моральную поддержку.

Все иллюстрации, воспроизведённые в книге, опубликованы с разрешения библиотеки Хоттон.

***

Моя книга о переписке княгини З. Волконской (Bayara Aroutunova. LIVES IN LETTERS. Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence. Slavica Publishers, Inc.) вышла в 1994 году на английском языке. За прошедшее двадцатилетие в России продолжали разрабатывать различные аспекты деятельности и литературных связей Зинаиды Волконской. Появились новые исследования о московском салоне Волконской, назову лишь некоторые: Канторович И. В. «Самый нежный звук Москвы...» // Новое литературное обозрение, 1996. № 20. С. 177–219; Сайкина Н. В. Московский литературный салон кн. Зинаиды Волконской: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002; и даже специальная работа о композиторском творчестве княгини: Иванова-Блинова Е.В. Зинаида Волконская: певица, музыкальный деятель, композитор: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008.

Тем не менее мы считаем вполне своевременным появление моей работы на русском языке, поскольку ранее не публиковавшаяся переписка княгини со многими незаурядными современниками, включая императора Александра I, представляет самостоятельный интерес. Переписка никем из русских исследователей до сих пор не рассматривалась и была недоступна для русских читателей. Многие неизвестные факты жизни княгини, проявившиеся в её переписке, рассмотрены нами в комментариях к письмам. Во введении дан общий обзор картины жизни и творчества княгини З. А. Волконской.

Подготовка рукописи и перевод сделан нами совместно с Аллой Каримовной Мынбаевой. Мы исправили опечатки в тексте американского издания и проверили ссылки, устранив, по возможности, неточности и опечатки. Добавлены и расширены сведения об упомянутых в письмах персонажах. При подготовке настоящего издания мы получили большую помощь от сотрудников гарвардских библиотек Хоттон и Вайднер — Эмили Волхут (Emily Walhaut) и Хью Траслоу (Hugh Truslow), за что мы им очень благодарны. Приносим также также благодарность доктору Кэтрин Чвани за консультацию при переводе трудных мест французских текстов.

***

Книга включает также несколько никогда не публиковавшихся писем П. А. Вяземского и Я. Н. Толстого сыну княгини, А. Н. Волконскому, а также письмо И. С. Тургенева князю А. П. Голицыну.

Хотя первоначально предполагалось поместить все материалы архива Волконской в один том, но в процессе работы стало очевидным, что лучше было бы собрать в один сборник наиболее интересные письма. Вследствие большого разнообразия корреспондентов, событий и мест, где эти события происходили, я разделила все письма на группы и снабдила каждую детальным комментарием. Менее известные личности, о которых идёт речь в некоторых письмах, потребовали более подробного рассмотрения, чем персонажи, хорошо известные читателю.

Все письма представлены в их оригинальной форме, без каких-либо редакторских изменений. Я не предпринимала никаких попыток привести язык рукописей к стандартному языку той эпохи или к современному литературному. Если в текстах встречались ошибки или противоречия, я их не исправляла. В некоторых случаях французский язык русских корреспондентов Волконской был кратко проанализирован в комментариях. Имена собственные и географические названия воспроизведены без изменений. Коррективы внесены только в тех случаях, если авторы использовали неясные аббревиатуры. Реконструкция этих либо пропущенных слов, либо писем дана в квадратных скобках.

Если письма не были подписаны, или даты и места написания не были обозначены, я опиралась на их содержание, язык, стиль и другие внетекстуальные связи для их атрибуции и восстановления другой необходимой информации. В комментариях процесс реконструкции данных описан мной детально.

Проблема датирования русских материалов осложняется тем, что в России до 1918 года использовался Юлианский календарь, или так называемый «старый стиль». В XVIII веке этот календарь отставал от принятого на Западе Григорианского календаря на 11 дней; в XIX веке эта разница составляла 12 дней.

В нашем тексте новый, или Григорианский, календарь был использован в следующих случаях:

1) в письмах западных корреспондентов и при датировании событий европейской истории;

2) если это относилось к русским персонажам во время их пребывания на Западе или к их заграничной корреспонденции.

«Старый стиль», или Юлианский календарь, использовался, когда речь шла о русских авторах или о событиях в России. Так, дата рождения Пушкина — 26 мая 1799 года и дата его смерти — 29 января 1837 года («старый стиль» всё ещё используется в русских источниках); «битва народов» под Лейпцигом, описанная и датированная Александром I в одном из его писем, продолжалась с 4 по 7 октября 1813 года, но не с 16 по 19 октября, согласно западным документам.

Поскольку мы имеем дело с письмами, даты, указанные в них, сохранялись. Таким образом, в публикуемом тексте использовались оба календаря — Юлианский и Григорианский, особенно если это помогало установить время и место написания, а также авторство какого-то текста. Отдавая себе отчёт в неудобстве двойного летоисчисления, мы вынуждены им пользоваться. В некоторых случаях авторы, жившие за границей, пользовались этими календарями не вполне последовательно; мы сохранили эти даты и обсудили их в наших примечаниях.

Баяра Арутюнова-Манусевич
1994 г., 2017 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ. Длительное путешествие из России на Запад, через весь земной шар, обратно в Россию

Интересно переплетаются судьбы людей. Иногда незнакомые друг другу люди, которых разделяют тысячи километров, океаны, разные поколения, разные взгляды, вдруг оказываются близки по духу, по интересам.

Художественные произведения, книги, изобретения людей, словно электрические проводники влияют на других людей, подвигая их на создание собственных трудов. С книгой Баяры Артемьевны Арутюновой я познакомилась ещё в 2006 году, и она оказалась в моей судьбе именно таким проводником. Во многом благодаря книге «Жизнь в письмах» я нашла сохранившиеся музыкальные произведения интересного для меня композитора — Зинаиды Александровны Волконской.

Редко, но случается, чтобы человек проявлял незаурядные способности в далёких друг от друга областях творчества. Княгиня Зинаида Волконская была певицей, музыкально-общественным деятелем, композитором, литератором; её имя можно вписать и в музыкальную историю России, и в историю литературы, и в историю салона. Учитывая, что жизнь княгини была связана не только с Россией, но и с Италией и Францией, важно отметить взаимовлияние культурных традиций этих стран в творчестве и музыкальной деятельности Волконской. На её римской вилле частыми гостями были русские художники (Ф. А. Бруни, К.П. и А. П. Брюлловы, К. Тон), русские писатели (Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский), русские композиторы (М. И. Глинка) — её римский салон стал неким островком русской культуры в Италии. А в московском салоне Волконская принимала польскую пианистку М. Шимановскую, польского поэта А. Мицкевича, итальянских музыкантов Ф. Паини и Дж.-Б. Перуккини. Известен факт общения русских писателей с Гёте в Веймаре, куда они были приглашены по инициативе З. А. Волконской. Благодаря помощи княгини русские художники получали заказы на портреты итальянской аристократии в Риме.

Стараниями княгини-певицы была поставлена опера Дж. Россини «Итальянка в Алжире» на сцене частного парижского театра, что положило начало популярности итальянского маэстро в Париже. Именно княгиня Волконская попросила главного дирижёра итальянской оперы в Париже Фердинандо Паера не препятствовать появлению опер Россини на парижских театральных сценах. А русские темы, появившиеся в финале

первого акта оперы «Севильский цирюльник», были напеты опять-таки княгиней Волконской.

З. А. Волконскую можно назвать «проводником» русской культуры в европейской среде, и одной из тех, кто, принимая всё лучшее от европейских традиций, привносили это на русскую почву. Продвигая русское искусство на Запад, она олицетворяла некое культурное единение с Европой. Творческие увлечения княгини весьма разносторонни: в юные годы она увлекалась живописью и сочинительством стихов на французском языке; молодые годы были посвящены карьере певицы — среди спетых ею ролей особенно выделяются партии Мельничихи из оперы Дж. Паизиелло «Прекрасная Мельничиха» и Танкреда из одноимённой оперы Дж. Россини. В это же время она и сама пишет оперу «Жанна д'Арк». 1824–1829 годы княгиня отдаёт изучению родного языка и истории России, пишет стихи и прозу на русском языке.

Одним из постоянных видов деятельности княгини Волконской были салонные собрания, которые она проводила сначала в Одессе, затем в Риме, Париже, Москве и снова в Риме. Все пять периодов существования салона Волконской отличались по наполнению, смыслу, который вкладывала в них княгиня. Салонные собрания — как вид культурно-общественной деятельности — красной нитью проходят через большую часть жизни княгини Волконской.

Музыкальные произведения З. А. Волконской интересны в первую очередь именно тем, что они вплетаются в контекст эпохи начала XIX века. Романсы княгини — тот музыкальный материал, который звучал на сценах салонов. Вообще дилетантское сочинительство среди дворянства на рубеже XVIII–XIX веков стало чрезвычайно популярным. Н. А. Мельгунов, И. И. Геништа, граф М. Ю. Виельгорский, графиня В. Н. Головина, княгиня Н. И. Куракина — все они отдали дань сочинительству модных французских, а затем русских романсов. Из произведений Волконской наибольшей популярностью пользовался романс «Дубрава шумит...» и кантата «Памяти Александра Первого», т. е. произведение крупного ораториального вокального жанра. Она и сама была хорошей певицей, чьим «бархатным» контральто восхищались современники. Среди них были и такие известные меломаны, как А. Стендаль и П. Вяземский.

Безусловно, композитор Волконская принадлежит к числу дилетантов, занимавшихся сочинительством ради реализации своих творческих способностей, так сказать, для себя. Но каковы бы ни были причины, побудившие княгиню Волконскую сочинять не только вокальные миниатюры, но и целую оперу, важно то, что, находясь в рамках европейско-русских тенденций композиторского творчества, её произведения вошли в целый культурный пласт эпохи, завершившийся творчеством М. И. Глинки.

Имя Зинаиды Александровны Волконской связало много судеб своего времени: писатели, музыканты, поэты, скульпторы, художники, политики, священники — сколько имён вплетено в судьбу этой женщины! Но и в наше время причудливо складывается история исследований о русской княгине.

Сложна история архива З. А. Волконской. Единственная сохранившаяся часть архивного наследия волею судеб находится в Гарвардском университете, Houghton Library. Римская вилла княгини теперь является резиденцией Британского посольства в Италии. Крупицы воспоминаний о Волконской, словно драгоценные камни, разбросаны по самым разным землям, городам. Исследование творчества З. А. Волконской напоминает детективное расследование.

Судьба архива З. А. Волконской странным образом перекликается с судьбой самой княгини: коллекция русской аристократки хранится в многочисленных частных собраниях, в различных библиотеках мира, но нигде она не собрана в единое целое, чтобы дать полное представление исследователю о своей знаменитой хозяйке. Именно с этим странным, почти мистическим свойством коллекции Волконской приходится сталкиваться чаще всего. Проверить подлинность некоторых данных иногда оказывается невозможным. А отсутствие точной информации ведёт к возникновению легендарных историй. Впрочем, легенды о Волконской появлялись ещё при её жизни.

Сложилось так, что имя княгини традиционно связывалось со всевозможными пересудами, легендами и сплетнями. Соответственно и в тех сведениях, которые удавалось и удаётся собрать из многочисленных источников, существует большая доля недостоверной информации. Подчас определить, что является истиной, а что искажением, практически невозможно. В некоторых случаях точная датировка пребывания княгини Волконской в том или ином месте может быть воссоздана по сохранившимся письмам современников к самой Зинаиде Александровне, а также и к другим адресатам. В данном случае книга Б. А. Арутюновой является наиболее полным, аргументированным и точным источником.

Последний период жизни Волконской мало известен российским исследователям. Работа Б. А. Арутюновой с труднодоступными источниками в Ватикане и римском Ордене Крови Христовой осветила эволюцию духовного мира княгини, её высокую гуманитарную миссию, благодаря которой Волконскую и до сих пор помнят в католическом Риме.

Книга Баяры Артемьевны Арутюновой «Жизнь в письмах. Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты» — удивительный пример работы с эпистолярным наследием. Удивителен он прежде всего тем, что письма самой З. А. Волконской не сохранились. Автору удалось без писем княгини воссоздать дух переписки, восстановить живой портрет княгини и познакомить

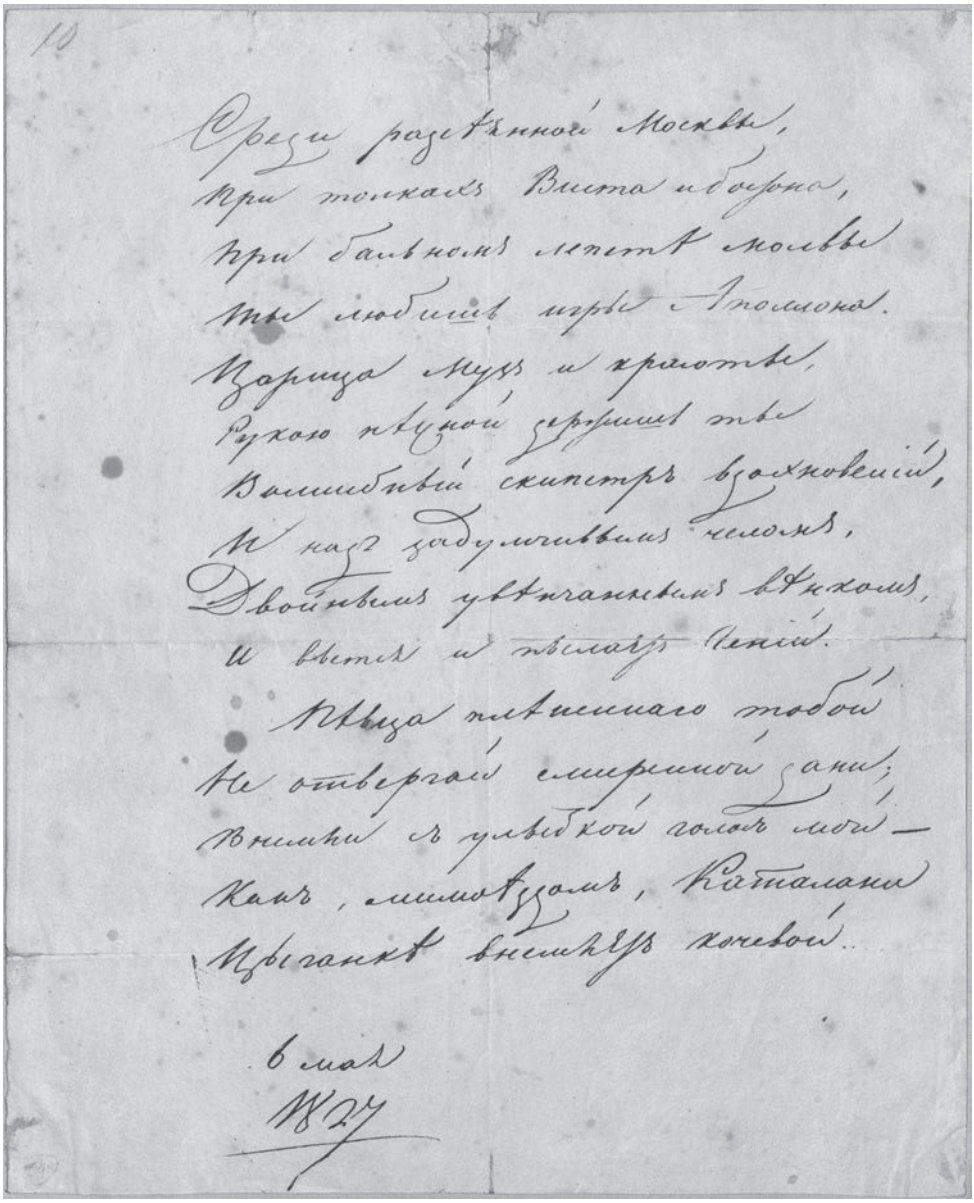
читателей с прекрасной женщиной, так что иногда даже хочется верить, будто вы сами можете написать княгине письмо — и она вам ответит...

И тем более радостно, что теперь книга Б. А. Арутюновой вышла на русском языке, замыкая круг длительного путешествия княгини Волконской из России на Запад, через весь земной шар, обратно в Россию.

Екатерина Иванова-Блинова,
композитор, кандидат
искусствоведения.
Санкт-Петербург, РФ
2017 г.

Письмо для меня — то же,
что и сказанное слово.
Мадам де Сталь, письмо Франсуа де Панжу

Я рождён для писем, нигде я так не выливаюсь, как в них.
Из письма П. А. Вяземского жене, В. Ф. Вяземской



10

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ Вита и обоpна,
При бальномъ летѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновений,
И часъ задумчивыхъ мечтъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вѣтръ и тьмаръ сѣней.

Певца нелицемѣрнаго тобой
Не отвергай смиренной дани;
Внемли съ улыбкой голосъ мой —
Какъ, мимо Кузомъ, Каталаны
Цыганкѣ внемлютъ ночевой.

6 мая
1827

Автограф А. С. Пушкина «Среди рассеянной Москвы…»
Архив З. А. Волконской, 1809–1879, fMS RUSS 46.10(9).
Библиотека Хоттон, Гарвардский университет. США

I. ВВЕДЕНИЕ. Краткий очерк жизни и творчества, особенности эпистолярного жанра личной переписки З. Волконской

Царица муз и красоты.
А. С. Пушкин. Княгине
З. А. Волконской

Письма из архива княгини Зинаиды Волконской (1812–1868) охватывают полвека российской и европейской истории. Этот период отмечен бурным развитием событий в политической, общественной и культурной сферах. Письма ведут читателя сквозь волны войны и мира: они свидетельствуют о битвах во время наполеоновских войн, о победе над Наполеоном и последующих переворотах в мирное время в Европе и России, о возрастающем влиянии римского католицизма, который соперничал с Русской Православной церковью. Не будет преувеличением сказать, что страницы этих писем отразили наиболее важные события первой половины XIX века.

Личные взаимоотношения и повседневная жизнь широких кругов общества также нашли своё отражение в письмах к Волконской. Письма содержат богатую информацию о людях, событиях и культурной среде того времени. В ряде случаев они сообщают читателю новые факты. В орбиту неспокойной жизни З. Волконской были вовлечены люди разных стран, принадлежавшие к различным социальным и культурным кругам. Среди корреспондентов Волконской были такие незаурядные личности, как император Александр I, секретарь по иностранным делам Ватикана кардинал Э. Консальви, французская писательница мадам де Сталь и русские писатели, выдающиеся представители эпистолярного жанра. Разнообразие корреспондентов княгини Волконской открывает перед читателем её разносторонние интересы и широкий круг контактов, установленных ещё в России и продолженных во время длительных путешествий и изучения Европы.

Письма могут также служить путеводителем и по её жизни. Конечно, они не создают полного портрета этой сложной личности. Тем не менее они заполняют некоторые пробелы и показывают З. Волконскую такой, какой видели её самые близкие к ней люди.

Зинаида Александровна Волконская, урождённая Белосельская, родилась 3 декабря 1789 года в Дрездене[1], где её отец, Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752–1809), был послом для особых поручений при короле Саксонии (Указом Павла I в 1799 году князь Белосельский

получил вторую фамилию — Белозерский). Человек высокообразованный, воспитанный в лучших традициях XVIII века, князь Белосельский был страстным собирателем произведений искусства. Будучи незначительным писателем, он тем не менее произвёл сильное впечатление на Канта своим философским трактатом, после чего их научное общение продолжалось в пространных письмах[2]. Отец имел несомненное влияние на развитие юной Зинаиды, держа под контролем круг её чтения, занятия иностранными языками, а также музыкой и пением. Русский, однако, так и не стал её родным языком. Её мать, Варвара Яковлевна Татищева (1764–1792), умерла рано, оставив трёх малолетних дочерей — Марию (Магдалину) (1787–1857), Зинаиду (1789–1862) и Наталью (1788–1813), а также сына Ипполита, умершего в детстве (1790–1792). Князь женился вторично в 1795 году на Анне Григорьевне Козицкой (1767–1846), которая взяла на себя заботу о семье после его внезапной смерти в 1809 году.

В 1808 году Зинаида была представлена ко двору и стала фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Красота и артистические таланты княжны были немедленно отмечены. Когда в декабре 1808 года в Петербург прибыла королева Луиза Прусская, княжна Белосельская вошла в её свиту. Двумя годами позже мачеха Зинаиды выдала её замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского (1781–1844), человека богатого и принадлежавшего к высшим кругам российской аристократии[3]. С 1807 года он служил флигель-адъютантом императора Александра I. Как и его братья, Николай и Сергей Волконские, князь Никита сделал прекрасную военную карьеру — все трое стали генералами. На протяжении своей военной службы он участвовал в многочисленных кампаниях — как на юге России, в войнах с турками, так и в наполеоновских войнах. Отличившись в «битве народов» под Лейпцигом, он был награждён золотой шпагой «За храбрость», украшенной алмазами.

Брак четы Волконских не был заключён по любви с обеих сторон, но, к чести князя Никиты, нужно сказать, что в дальнейшей жизни он не препятствовал разнообразным занятиям и увлечениям Зинаиды.

Почти сразу после свадьбы, состоявшейся в начале февраля 1811 года, Зинаида начала страдать от депрессии, которая приняла тяжёлую форму после рождения сына Александра 11 ноября того же года.

Мы узнаём об этой депрессии из письма мадам де Сталь от 27 августа 1812 года[4]. По-видимому, она знала, что княгиня Волконская была влиятельной фигурой при дворе: император был поклонником княгини (он называл жену своего флигель-адъютанта «прекраснейшим украшением своего дворца») и крёстным отцом её сына Александра. Контакт с российским самодержцем, которому знаменитая писательница хотела передать свою ненависть к Наполеону, был очень важен для неё. Это может послужить объяснением, почему она так хотела увидеться с Волконской. Мы видим из этого письма, что мадам де Сталь знала о психологическом состоянии

княгини и о шраме на губе, оставшемся после одного из нервных припадков Волконской.

Ещё в ранней юности Зинаида Волконская начала писать стихи на французском. В то время она без колебаний послала знаменитому автору свою поэму «Возвращая Коринну мадам де Сталь». В Строгановской коллекции находятся и другие стихи Волконской, написанные в тот период[5].

В июне 1812 года наполеоновские войска вторглись в Россию. После поражений в первые три месяца войны русские войска, при содействии партизанских отрядов, начали успешное преследование врага на широком фронте. В конце ноября 1812-го Отечественная война закончилась полным разгромом французской армии, и военные действия перешли за пределы России.

В феврале 1813 года Александр I пригласил княгиню Зинаиду Волконскую, вместе с её маленьким сыном и невесткой, княгиней Софьей Волконской, сопровождать императорскую свиту, которая расположилась в старинном польском городке Калиш. 14 мая того же года император написал княгине Зинаиде первое из пятнадцати писем. Двенадцать лет, которые прошли между написанием первого и последнего из писем, были для них периодом больших личных перемен[6]. Их взаимоотношения прошли несколько отчётливых стадий, и письма Александра ясно отражают это развитие.

Новые впечатления и дружба с императором временно отвлекли Волконскую и способствовали улучшению её состояния. Александр был по-настоящему увлечён княгиней и, по-видимому, предан ей в это время. Наши комментарии к письмам рассматривают подробно некоторые детали, подтверждающие это предположение.

Первые шесть писем отражают развитие романа. В разгар военных действий, когда у царя не было времени отвечать даже на самые срочные запросы из Петербурга, он тем не менее писал длинные письма Зинаиде. В письмах из Тёплица (северная Чехия, ныне Теплиц) и Лейпцига в октябре 1813 года император обсуждает политическую ситуацию и даёт детальные описания сражений, сопровождая их статистическими данными. Всё же основным содержанием этих первых писем остаются его чувства к Зинаиде, которые он выражает в пространных и эмоциональных признаниях.

Несмотря на то что взаимоотношения императора и княгини Зинаиды представлены только голосом Александра, эти письма многое говорят и об эмоциях адресата. Мы слышим эхо её голоса: сначала довольно сдержанного, затем отзывающегося на его признания, позже даже упрекающего царя за не слишком частые визиты и в конце концов — за недостаточное внимание.

Начиная с марта 1813 года Волконская жила в польском Калише и в чешском Тёплице. В это время она посетила Веймар, где состоялась её встреча с Гёте, затем уехала в Прагу на более длительный срок. Время

от времени Зинаида виделась со своим мужем, который был в свите Александра I. Император не стеснялся передавать письма Зинаиде через князя Волконского, называя его насмешливо «ординарным курьером» («courier ordinaire»). В то время как русская армия, одерживая победу за победой, продвигалась на запад, княгиня Волконская предприняла короткое путешествие в Италию, где в октябре 1813 года получила письмо от Александра, написанное в Лейпциге. В конце декабря 1813-го она вернулась на север, в Швейцарию, сначала в Базель, затем в Шафхаузен, где получила длинное письмо от царя, седьмое в их переписке. Текст этого письма неопровержимо свидетельствует о начале новой фазы романа. Тон письма ещё не так холоден, как это стало характерно для второго периода их отношений, но показывает бóльшую сдержанность и дистанцию в сравнении с прежними письмами. Без сомнения, роман завершился. Некоторые из возможных причин их разрыва обсуждаются в наших комментариях.

Нельзя сказать, что княгиня Зинаида легко перенесла окончание отношений с Александром. Современники отнеслись с пониманием и тактом к её роману, сама же княгиня сильно изменилась после этого переживания, подтверждением чему служит её дальнейшая жизнь. В течение нескольких лет, посвящённых путешествиям по Европе после 1814 года, она не только искала развлечений и удовольствий, но и нашла для себя серьёзные занятия.

Конец войны застал Волконскую в Париже. Она с удовольствием участвовала в бесконечных торжествах по случаю победы над Наполеоном. Княгиня освежила старые дружеские отношения, завязала новые связи и стала желанной гостьей во многих салонах. Муж её тоже находился в Париже, но отношения супругов были далеко не идеальными.

1 июня 1814 года княгиня отправилась в Лондон, чтобы присоединиться к императорской свите. Во время праздничной встречи «трёх королей» русский император был в прекрасной форме. Александр I в Лондоне «...был очарователен — и очаровал англичан»[7]. Император вёл себя как молодой человек, танцуя и флиртуя с красивыми женщинами, при этом много времени проводил со своей сестрой Екатериной. Волконская видела царя на многочисленных светских раутах, но не встретила в нём прежнего интереса.

Однажды прямо у дверей дома Волконской, на мостовой, был найден маленький ребёнок. Она приютила его и дала ему имя Pavey (pavé — мостовая, фр. яз.), он стал членом семьи и товарищем игр её сына. Впоследствии Владимир Дмитриевич Павей, по воспоминаниям генерала В. В. Ильина, стал «истинным другом князю Волконскому и сделал ему много добра»[8].

29 июня 1814 года княгиня Волконская вернулась из Лондона в Париж, откуда направилась в Вену, где оказалась непосредственно перед открытием Венского Конгресса. После прибытия в Вену она родила мальчика, который получил при крещении имя Григорий, но он вскоре умер. В архиве Волконской есть короткое стихотворение «Увы! Бедная ласточка — совсем как я», в котором она горюет о смерти ребёнка, обвиняя себя в недосмотре.

Возможно, она чувствовала себя виноватой, так как туго затягивалась в корсет перед выходом на всевозможные светские приёмы. Однако мрачное настроение первой строфы завершается оптимистическим восклицанием: «Прочь от боли, вперёд к весне!»[9]

В течение Венского конгресса ни одного письма от царя Волконская не получила. Он был захвачен не только политическим делами, но и развлечениями «танцующего конгресса», как назвал его герцог де Линь: «Император России танцует почти непрерывно. Он — как магнит для женщин... всегда в состоянии очередного увлечения»[10]. Волконская принимала участие во многих светских событиях, однако дистанция между нею и императором сохранялась. Она занимала видное положение в другой сфере: посещая театры и концерты, бывая в интересных салонах, где сама иногда пела, встречаясь регулярно с наиболее выдающимися участниками Конгресса.

Из Вены Волконская с сыном Александром едет в Италию, и в апреле 1815 года — они в Риме. Уже в первые три месяца пребывания здесь она устанавливает тесные контакты с римскими артистическими кругами, посещает оперу, концерты, музеи и начинает систематическое изучение истории города, который позже занял столь важное место в её жизни[11]. Кажется вполне вероятным, что именно во время первого пребывания в Риме Волконская познакомилась с красивым молодым человеком, Микельанджело Барбиери, который занимался живописью как любитель и обладал прекрасным голосом; впоследствии он выступал с Волконской в её салоне и писал декорации к спектаклям в её постановке. Она привезла его в Россию в качестве секретаря.

Несмотря на удовольствия римской жизни, княгиню влекло в Париж, и она вернулась туда в начале лета 1815 года. После окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо (18 июня 1815 года) в Париже вновь собрались монархи и правители стран-победительниц, которые учредили так называемый Священный союз, созданный по инициативе Александра I для поддержания соглашений Венского Конгресса. Княгиня вновь была в свите русского государя, но в Россию не вернулась. Она осталась в Париже, где давала сольные концерты, пела в частных операх и помогала своему другу, почти неизвестному тогда Джоакино Россини, добиться успеха. По её инициативе была поставлена опера Россини «Итальянка в Алжире», в которой она блестяще исполнила главную роль. Её вокальное и драматическое мастерство произвели столь сильное впечатление на знаменитую актрису мадемуазель Марс, что та якобы сказала: «Как жаль, что такой талант пропадает в светской даме»[12]. В свою очередь, княгиня, которая восхищалась актрисой, посвятила ей стихотворение на французском[13].

Волконская чувствовала себя совершенно свободно в парижских салонах, где она познакомилась и подружилась с такими заметными личностями, как королева Нидерландов Гортензия, падчерица Наполеона Бонапарта,

её близкий друг мадемуазель де Кошле, военный и политик виконт Состэн де Ларошфуко. Когда французский полковник Шарль Лабедойер (1786–1815) примкнул к войскам Наполеона после его побега с Эльбы и был приговорён за это к смерти, Волконская присоединилась к французской аристократии в попытке спасти его жизнь. Спустя некоторое время она внезапно получила письмо от Александра I от 12/24 мая 1816 года, впервые за последние два с половиной года. В нём царь упрекал княгиню не столько за «дело Бедойера», сколько за её «легкомысленный» образ жизни в Париже. Он также настоятельно приглашал её вернуться в Россию. Это требование, которое следовало понимать как приказ, не заставило, однако, Волконскую изменить собственные планы.

Только в марте 1817 года княгиня возвратилась в Россию. Вначале она остановилась в Петербурге, а на лето перебралась в Ревель (ныне Таллинн)[14]. В октябре того же года она — в Москве, для участия в церемонии закладки храма Христа Спасителя, который собирались воздвигнуть в память о победе русского народа над Наполеоном. Княгиня остановилась в доме своей мачехи А. Г. Белосельской на Тверской, куда и пришло короткое письмо от царя, извещавшее о его желании навестить её в тот же вечер. Записка была очень короткой и нейтральной, что не позволяет нам делать какие-либо предположения относительно характера той встречи.

Поскольку весь двор находился в то время в Москве, поползли слухи. Новости о компаньоне Зинаиды, привлекательном синьоре Барбиери, достигли Москвы, и княгиню обвинили в том, что она компрометирует себя этим «месье компаньоном»[15].

Спустя четыре месяца, в марте 1818 года, Волконская решила переехать в Одессу, «Русскую Италию» на Чёрном море, которая славилась прекрасным климатом и обещала приятную жизнь. Кроме того, аббат Николь, который заслужил признание своей деятельностью в Петербургском лицее, основал аналогичное учебное заведение — Ришельевский лицей — в Одессе. Это было главным, что привлекало Волконскую, которая хотела доверить образование сына Александра этому известному педагогу. За год до начала занятий, в сентябре 1818 года, аббат представил княгине подробный учебный план, рассчитанный на двенадцать лет [16]. Она сама добавила ряд курсов, посвящённых России.

Однако оказалось, что Одесса — отнюдь не Италия. Хотя Волконская знала, как себя развлечь и была довольна обществом Барбиери, она вскоре разочаровалась в этом городе. Поэт К. Н. Батюшков, который после тяжёлых ранений нуждался в лечении на юге, писал: «Здесь нашёл я дождь и грязь и скуку». Однако позже он изменил свою оценку: «Одесса — приятный город», «Сию минуту иду к княгине Зенеиде. Она здесь поселилась, и все у ног ея»[17]. Дурная одесская погода послужила причиной для написания княгиней стихотворения «Одесская грязь», в котором она описала атмосферу города и характер его обитателей[18]. Именно в это время она решила покинуть

негостеприимную и хмурую Одессу, так как задумала вернуться в Италию. Нам известно, что во время пребывания в Одессе Волконская с помощью губернатора А. Ф. Ланжерона оформила паспорт для своей служанки Авдотьи Наумовой, которую послала сопровождать свой громоздкий багаж в Рим[19]. В начале лета 1819 года Волконская навсегда покинула Одессу и начала долгий путь в Петербург. По дороге она остановилась в имении Репниных в Полтаве[20]. В это же время её супруг князь Никита находился в Лондоне, имея не прибавляющее славы задание — покупку породистых лошадей для России. По замечанию А. Я. Булгакова (московский почт-директор, дипломат, сенатор), не кто иной, как Зинаида устроила это поручение, которое вынудило князя уехать так далеко[21].

В июле 1819 года Волконская прибыла в Петербург. Здесь она опубликовала своё первое произведение в прозе — «Четыре новеллы» («Quatre nouvelles»)[22]. В России, однако, княгиня долго не задержалась: она торопилась в Италию, куда уже прибыл багаж. Её первая длительная остановка, с 20 сентября 1819 года, была в Варшаве. Такой непрямой маршрут был связан, конечно, с пребыванием в Варшаве императора Александра I и его двора, что, естественно, оживило светскую жизнь в этом городе. Пением Волконской восхищались и здесь. Князь Вяземский сравнил её со знаменитой итальянской певицей Жантиль Боргондио, поклонником которой он был долгое время[23]. Что касается литературных опытов Волконской, то князь, взыскательный критик, отозвался о них со сдержанной похвалой: «В первой (из четырёх новелл) есть тонкие наблюдения и счастливые выражения»[24].

Как видно, княгиня больше не торопилась в Италию. По-видимому, она получала удовольствие от неспешного путешествия. Только четыре месяца спустя она добралась до места назначения.

В феврале 1820 года — княгиня в Милане, откуда она выехала 3 марта в Неаполь. Эту информацию мы получаем из письма Стендаля, который также заметил: «Мадам Волконская, удивительная женщина, своим контральто поёт как ангел... Она скорее некрасива, но имеет приятный облик и сочиняет прекрасную музыку»[25]. В то время Зинаиде было тридцать лет, и её продолжали описывать как одну из прекраснейших женщин того времени. Возможно, на Стендаля её красота не произвела впечатления из-за бледности лица или шрама на губе.

Волконская прибыла в Рим в мае 1820 года. В этот раз она провела в Италии три года. Она немедленно погрузилась в артистическую жизнь, установила контакты с русскими и местными художниками, вошла в музыкальные круги и вновь начала серьёзное изучение вечного города. Одновременно она начала сочинять оперу «Джованна д'Арко» по итальянскому либретто, основанному на драме Шиллера «Орлеанская дева». Она опубликовала эту композицию в 1821 году и имела успех, исполнив заглавную партию. Сохранился рисунок Фёдора Бруни, где он изобразил

Волконскую в этой роли. Княгиней восхищались также и за её актёрское дарование. В римских салонах и в её собственной резиденции она не только исполняла оперные партии, но и давала концерты художественного чтения. Драматический талант Волконской особенно ярко проявился в опере Россини «Танкред», где она исполнила партию главного героя[26].

22 января/3 февраля 1821 года Волконская получила письмо от царя, который в то время находился в Лайбахе (теперь Любляна, Словения) на Конгрессе участников Священного союза. Это письмо обозначило новую стадию их отношений. Оно написано в то время, когда романтические отношения были уже позади, и царь почувствовал духовную близость с княгиней. Он пишет об их нерушимой дружбе, подчёркивая, что думает о ней очень часто. Следующее, более короткое письмо от царя застало Волконскую в Риме почти двумя годами позже, 13/25 декабря 1822 года. Оно уже гораздо более сухое и демонстрирует высочайшее раздражение, связанное, очевидно, с многочисленными просьбами Волконской.

В октябре 1822 года княгиня отправилась в Верону, чтобы принять участие в празднествах по случаю открытия четвёртого Конгресса членов Священного союза. Она почти сразу выделилась в светском обществе благодаря своему вокальному искусству и актёрскому мастерству. Здесь она также исполняла оперные арии и декламировала французские трагедии. Самый крупный успех Волконской связан с представлением оперы Джованни Паизиелло «Прекрасная мельничиха», любимой оперы императора. Чтобы поразить Александра I, княгиня сама осуществила постановку. Сообщения об её успехе достигли Парижа. «Вы нашли себя на действительно большой сцене, но Вас ожидает успех и на более скромных подмостках», — написал ей виконт де Ларошфуко[27].

Следующая, тоже обширная корреспонденция княгини Волконской, сохранившаяся в архиве, была с кардиналом Эрколе Консальви, министром иностранных дел Ватикана. Их знакомство могло бы позднее перерасти в довольно необычную дружбу. Семь писем от кардинала Консальви важны потому, что они проливают свет на жизнь Волконской в Риме в течение трёх лет. Более того, они помогают представить себе тот внутренний конфликт, скрытый под блестящим фасадом, который впоследствии привёл её к католичеству. Переписка началась в октябре 1820 года, вскоре после приезда Волконской в Рим. Первое письмо, в котором обсуждается вопрос об освобождении багажа княгини из таможни, носит вполне деловой характер. В последующих письмах мы получаем много сведений о светской жизни в Риме. Позже письма кардинала становятся длиннее и приобретают более личный характер, его выражения восхищения и преданности Зинаиде очевидны. Эти письма освещают многие важные события в Ватикане и в конце концов сообщают о печальной кончине самого кардинала[28].

После трёх лет, проведённых в Риме, Волконская стала скучать. Теперь её снова манил Париж. Из письма Консальви мы узнаём точную дату её

отъезда: 22 июня 1823 года. 4 августа и 10 октября 1823 года кардинал написал Волконской эмоциональные письма, в которых просил её вернуться на зиму в Рим. Однако княгиня осталась в Париже, откуда она планировала позже уехать в Россию.

И снова переписка и воспоминания об этом периоде предлагают информацию о деятельности Волконской в Париже. Она продолжала вести тот же образ жизни, что и в предыдущее пребывание в Париже и в последние три года в Риме. В её салоне всё так же звучала хорошая музыка и слышалась драматическая декламация. Знаменитая мадемуазель Марс была среди частых гостей на вечерах у Волконской. Может быть, теперь больше дискутировали о политике и литературе. Письма Состэна де Ларошфуко свидетельствуют, что Волконская снова была вовлечена в политику. Но она находила время и для литературных занятий: теперь она преимущественно писала прозу по-французски. Барбиери был с нею всё это время, скромный и незаметный. Что касается князя Волконского, то он появился на сцене только один или два раза с тех пор, как княгиня уехала из России. Её возвращение на родину было уже давно просрочено, но она всё откладывала эту неизбежность.

В июне 1824 года, ровно через год после её появления в Париже, Волконская получила письмо от царя, теперь уже из России. Это было длинное и сердечное послание. Царь болел, а политическая ситуация в России становилась сложной. Тем не менее он сохранял любезный тон в ответ на её просьбу, касающуюся мужа. Между прочим, царь заметил, что рассчитывал встретить Зинаиду уже в России. Теперь ей стало ясно, что выбора нет. Однако она всё же не хотела прерывать приятную и интересную жизнь и оставалась во Франции ещё часть лета, проведя его неподалёку от Парижа, в замке Бру (Château Brou).

В конце июля 1824 года Волконская, наконец, прибыла в Россию. Письмо от Александра I уже ожидало её здесь. Князь Никита, который был в Москве в это время, ничего не знал о её перемещениях[29]. Первые четыре месяца княгиня провела в Санкт-Петербурге. Однако двор и светская жизнь перестали привлекать её — в своём развитии она ушла далеко вперёд. Спектр её интересов чрезвычайно расширился, и она поставила себе целью заполнить пробелы в своём не слишком систематическом образовании с тем, чтобы закончить некоторые серьёзные работы. Волконская продолжала писать стихи и прозу по-французски и одновременно начала занятия сначала под руководством швейцарского историка и лингвиста Андре Мериана[30], а затем русского египтолога И. А. Гульянова. Высшее общество встретило враждебно новый образ Зинаиды, подвергнув критике её независимое поведение. Один из выдающихся современников Волконской, дипломат П. Б. Козловский, заметил по этому поводу: «Насмешки этих холодных, невежественных душ не должны сбить Вас с Вашего пути. Высшее общество имеет свои ценности, но не занимается серьёзными

вопросами. Можно только пожалеть их... Сохраните для Ваших друзей тот источник, который освежает и обновляет всё, чего бы он ни коснулся»[31].

Ещё находясь в Париже, Волконская начала свой самый крупный роман «Славянская картина пятого века»[32], который был здесь опубликован в 1824 году. В работе над романом она опиралась на несколько исторических источников, однако использовала их не слишком критически, что привело к ряду неточностей. Интерес Волконской к ранней славянской истории может быть объяснён частично тем, что её отец занимался поисками корней рода Белосельских-Белозерских, которые были более древними, чем корни Романовых[33]. «Славянская картина» нашла положительный отклик во Франции. Автора хвалили за отсутствие романтических преувеличений и за элегантность стиля: «Если Мадам не француженка, она заслуживает быть ею, так как её творчество обогатило французскую литературу»[34]. Почти в то же время Волконская работала и над другим произведением исторического жанра, обратившись на этот раз к русско-скандинавскому прошлому. Историческая поэма «Ольга», однако, так и не была завершена, и в публикации существуют только отдельные фрагменты[35].

В конце ноября 1824 года княгиня Зинаида перебралась в Москву, где расположилась в доме-дворце своей мачехи А. Г. Белосельской на Тверской. Обогащённая опытом создания салонов в разных странах, она начала устраивать у себя по понедельникам вечера, каждый из которых отличался своеобразием. Её великолепная резиденция была достаточно просторной, чтобы там свободно размещалось более сотни гостей. Дворец имел частный театр со сценой, над которой висело изречение ridendo dicere verum (говори правду, смеясь), с портретами Д. Чимарозы и Ж.-Б. Мольера по обеим сторонам.

Не будет преувеличением сказать, что в последующие четыре года салон Волконской стал явлением в русской культурной жизни. Вот как описывал эти вечера П. А. Вяземский: «В Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех значительных и отборных личностей современного общества. Тут соединились представители большого света, сановники и красавицы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Всё в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нём чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла хозяйка дома. Слышавшим её нельзя было забыть впечатления, которое производила она своим полным и звучным контральто и одушевлённою игрою в роли Танкреда, опере Россини»[36]. Позже, после отъезда княгини из России, Вяземский писал А. И. Тургеневу из Петербурга: «Здесь нет такого музыкального мира, как бывало у неё в Москве. Там музыка входила всеми порами, on était saturé d'harmonie. Дом её был, как волшебный замок музыкальной феи: ногою ступишь на порог — раздаются созвучия; до чего ни дотронешься — тысяча

слов гармонически откликнется. Там стены пели, там мысли, чувства, разговоры, движения — всё было пение»[37].

Среди посетителей салона Волконской были многие замечательные люди того времени: А. Пушкин, А. Мицкевич, Е. Баратынский, П. Вяземский, В. Одоевский, Д. Веневитинов, Н. Мельгунов, С. Шевырёв, П. Чаадаев, братья Киреевские... Когда Александр Пушкин сразу после ссылки в Михайловском приехал в Москву 8 сентября 1826 года, он был представлен княгине своим другом Сергеем Соболевским. Волконская сразу покорила поэта исполнением его элегии «Погасло дневное светило», которую положил на музыку композитор Иосиф Геништа. Во время пребывания в Москве Пушкин так часто бывал у Волконской, что её дом стал объектом пристального внимания полиции[38]. В этом салоне Пушкин встретился с Мицкевичем, чью поэзию и импровизации высоко ценил: «Импровизация была блестящая и великолепная... Действие её ещё памятно... Жуковский и Пушкин, глубоко потрясённые этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге»[39]. 29 октября 1826 года княгиня написала Пушкину письмо, в котором просила его вернуться из Петербурга в Москву: «Возвращайтесь к нам. В Москве дышится легче»[40]. К этому письму она приложила либретто оперы «Жанна д'Арк», которое сама написала по-итальянски на основе драмы Ф. Шиллера «Орлеанская дева». К письму была приложена и литография карандашного портрета Волконской в роли Жанны работы Ф. Бруни. Музыку к этой опере также написала Волконская.

В конце марта 1825 года княгиня Зинаида поехала на короткое время в Петербург. В пасхальное воскресенье 2 апреля она получила сердечное письмо от царя. Это было его последнее письмо, написанное после их встречи в тот день. Двумя днями позже Александр I навсегда покинул столицу.

В Петербурге княгиня посетила слепого поэта Ивана Козлова. Позже он написал ей в Москву. Из письма мы узнаём больше об их дружбе, а также о важных литературных событиях того времени[41].

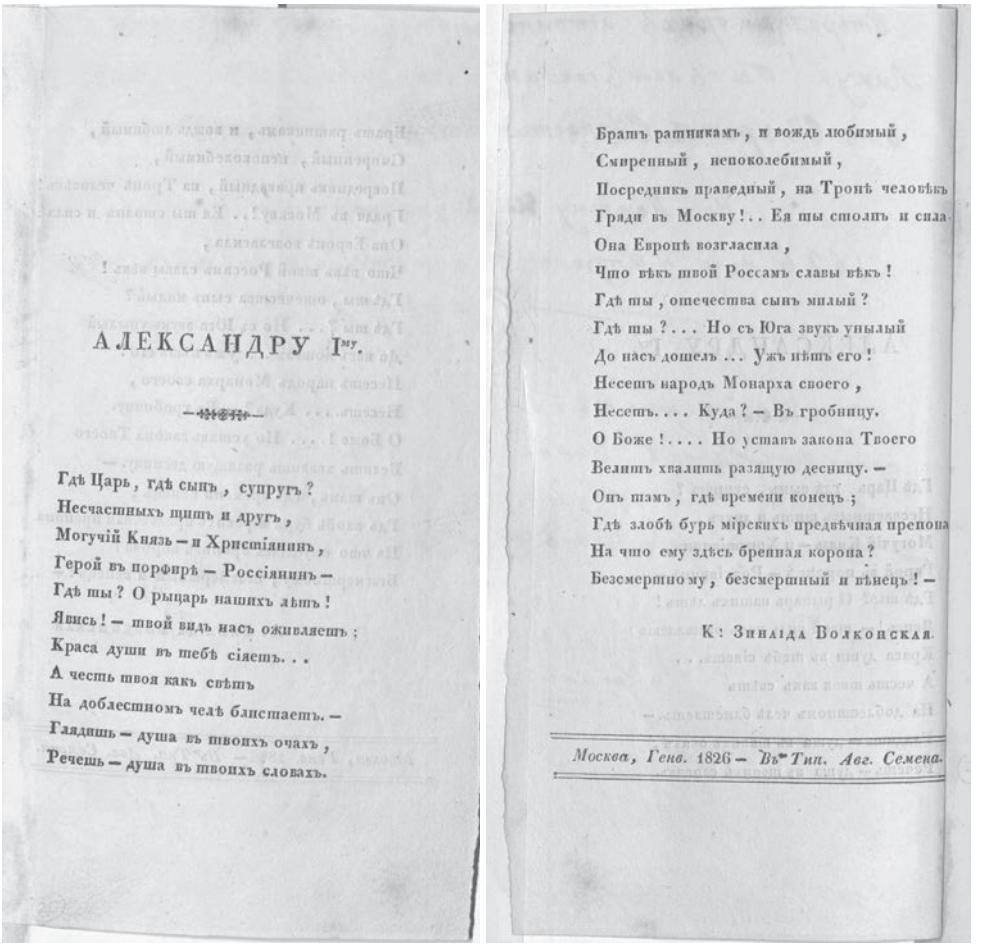
Невозможно обойти вниманием ещё одного постоянного гостя в собраниях Волконской — молодого талантливого поэта Дмитрия Веневитинова. Он был также переводчиком поэзии и философских трактатов Ф. Шеллинга, идеями которого увлекались в кружке любомудров, а его собственные философские работы удивительно глубоки для человека его возраста. В свои двадцать лет он был страстно и безнадёжно влюблён в Волконскую. Веневитинов умер, не дожив до двадцати двух лет, и был похоронен с перстнем, который ему подарила княгиня Зинаида. Этот простой бронзовый перстень был найден в начале XVIII века при раскопках Геркуланума и стал для поэта талисманом. Рассказывают, что перед смертью он очнулся и спросил: «Нас венчают?» Веневитинов посвятил Волконской несколько стихотворений, которые, даже на фоне высоких образцов эпохи расцвета русской поэзии, можно считать превосходными.

1 декабря 1825 года Александр I скончался в Таганроге. Княгиня тяжело пережила его смерть. Она оплакала его в своей первой русской поэме «Александру Первому», а также сочинила кантату для вокального исполнения. Александровская эпоха закончилась. Вскоре после смерти царя произошло восстание декабристов. Один из братьев Волконских, Сергей Григорьевич, герой наполеоновских войн и личный друг царя Александра, был среди основных участников заговора. Он был арестован, осуждён военным судом за измену и выслан в Сибирь. Его молодая жена Мария Николаевна, урождённая Раевская, решила последовать за ним. Перед тем, как отправиться в долгий путь, она остановилась в Москве в доме своей невестки, княгини Зинаиды. Та окружила Марию Волконскую вниманием, любовью и состраданием. Зная страсть Марии к музыке, накануне её отъезда княгиня устроила прощальный концерт, в котором участвовали лучшие итальянские певцы[42]. На этом вечере присутствовал и Пушкин: он знал Марию задолго до её замужества и был к ней очень расположен.

Пушкин продолжал посещать Волконскую. Перед отъездом из Москвы в 1827 году он послал княгине экземпляр своей новой большой поэмы «Цыганы», которую сопроводил известным стихотворением, посвящённым Волконской — «Царица муз и красоты...»[43]

После отъезда Марии Волконской в салоне Зинаиды возобновилась обычная жизнь. Как всегда, литературные чтения и дискуссии, сольные концерты, драматические постановки и оперы приносили княгине творческое удовлетворение и радость. Её театр и музыкальная деятельность её салона высоко ценились современниками, так же как и собственные выступления княгини. Салон Волконской привлекал самых тонких московских ценителей искусства, среди которых были, например, граф Минеато Риччи и его жена, Екатерина Петровна Риччи, урождённая Лунина[44]. Начинался новый роман, но, не в пример увлечению скромным и свободным Барбиери, новое чувство Зинаиды к графу Риччи захватило её целиком. В 1827 году певец и художник Микельанджело Барбиери уступил место поэту, переводчику и певцу-любителю Риччи, который годом позже пожелал оставить свою жену и ехать с Зинаидой в Италию. Разумеется, эта история не осталась незамеченной и широко обсуждалась в обществе.

Снова для Зинаиды настало трудное время — начался новый психологический кризис. Стыд, страх смерти и наказания за грехи побудил её обратиться за помощью к православной церкви. Своим духовным отцом она выбрала архимандрита Герасима Павского, образованного теолога[45]. Два его письма, хранящиеся в архиве Волконской, позволяют представить содержание её писем, тех мыслей и опасений, которые терзали её. Однако все рекомендации Павского были слишком примитивны для неё и не могли помочь. Беседы с кардиналом Консальви были ещё слишком свежи в её



АЛЕКСАНДРУ I^му.

Гдѣ Царь, гдѣ сынъ, супругъ?
Несчастныхъ щитъ и другъ,
Могучій Князь — и Христіянинъ,
Герой въ порфирѣ — Россіянинъ —
Гдѣ ты? О рыцарь нашихъ лѣтъ!
Явись! — твой видъ насъ оживляетъ;
Краса души въ тебѣ сіяетъ...
А честь твоя какъ свѣтъ
На доблестномъ челѣ блистаетъ. —
Глядишь — душа въ твоихъ очахъ,
Речешь — душа въ твоихъ словахъ.

Братъ ратникамъ, и вождь любимый,
Смиренный, непоколебимый,
Посредникъ праведный, на Тронѣ человѣкъ
Гряди въ Москву!.. Ея ты столпъ и сила
Она Европѣ возгласила,
Что вѣкъ твой Россамъ славы вѣкъ!
Гдѣ ты, отечества сынъ милый?
Гдѣ ты?... Но съ Юга звукъ унылый
До насъ дошелъ ... Ужъ нѣтъ его!
Несешъ народъ Монарха своего,
Несешъ.... Куда? — Въ гробницу.
О Боже!.... Но уставъ закона Твоего
Велишъ хвалишъ разящую десницу. —
Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ;
Гдѣ злобѣ бурь мірскихъ предвѣчная препона
На что ему здѣсь бренная корона?
Безсмертному, безсмертный и вѣнецъ! —

К: Зинаида Волконская.

Москва, Генв. 1826 — Въ Тип. Авг. Семена.

Две страницы из Дамского журнала. З. Волконская Александру I-му. 1826 г. № 2. С. 74–75. Архив З. А. Волконской, MS RUSS 46.4(20)

памяти. К тому же красота богослужения и сама атмосфера католической церкви притягивали Зинаиду. Она была на пути к новому вероисповеданию.

По прошествии времени, к 1829 году, Пушкин изменил своё отношение к Волконской. Её салон и «литературные обеды» начали надоедать ему — об этом свидетельствует одно из его писем к Вяземскому: «Я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай бог ей ни дна, ни покрышки, т.е. ни Италии, ни графа Риччи!»[46]) Нужно иметь в виду, что Пушкин в 1829 году часто бывал нервным и раздражительным, и его едкое замечание о Волконской нельзя рассматривать вне контекста всего письма. В предыдущем предложении он иронически восхваляет вечера петербургского высшего света: «... давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов,

ибо в них не нужно ни ума, ни весёлости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам как по ковру, извиняешься — вот уже и замена разговору».

Прежде чем закончить описание московского периода, было бы уместно снова оценить литературную деятельность княгини. За её романами на французском последовали более короткие произведения и на французском, и на русском, которые были опубликованы в литературных журналах Москвы и Петербурга. Некоторые из произведений, написанных в то время, появились только после её отъезда из России в 1829 году[47]. Более ранние работы Волконской (в первую очередь «Славянская картина пятого века») уже получили признание: в 1826 году она была избрана почётным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете. Вскоре же она стала почётным членом Общества любителей российской словесности.

Княгиня решила окончательно переехать в Италию, но она ещё не была обращена в католическую веру, как иногда полагают. В день рождения Волконской в её доме собрались близкие друзья, чтобы попрощаться с ней. Это событие, радостное и печальное одновременно, было запечатлено в мемуарах и «Куплетах на день рождения княгини Зинаиды Волконской 3 декабря 1828 года», сочинённых П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, Н. Ф. Павловым, С. П. Шевырёвым и И. В. Киреевским.

Из Москвы княгиня должна была сначала ехать в Петербург, чтобы уладить все дела и получить разрешение на отъезд за границу от Николая I. Преодолев все препятствия, Волконская навсегда покинула Россию 28 февраля 1829 года[48]. Её сопровождали сестра, Мария Власова, сын Александр, его учитель Степан Петрович Шевырёв, Владимир Павей, четверо слуг и Барбиери, который покидал и Россию, и княгиню.

Следуя своим привычкам, Волконская не торопилась ехать сразу в Рим. Проведя месяц в Берлине, она 5 мая 1829 года вторично посетила в Веймаре Гёте. Вместе с ней были С. П. Шевырёв и Н. М. Рожалин, переводчик «Страданий юного Вертера» на русский[49]. Затем последовали Дрезден и Мюнхен, а оттуда — уже Италия. Это путешествие она описала в последнем выпуске своих «Путевых записок». Волконская провела лето в Пизе и на острове Искья, вблизи Неаполя, затем наконец направилась в Рим. Сначала она обосновалась во дворце Феруччи, на Монте Брианца, 20. Хотя летом её преследовали приступы депрессии, она продолжала вести привычный образ жизни. События, происходившие в её салоне, отражены в письмах и дневниках современников. Например, С. Соболевский в письме к С. Шевырёву остроумно заметил: «Вы и летом со своей княгиней не унимаетесь, а тешитесь балами и маскарадами даже в каникулы. Напиши мне, что это у вас была за потеха и где, ибо говорят, что не в Palazzo Ferrucci. Куда же вы это переехали?»[50]. Как писал Шевырёв из Рима, итальянские голоса непрерывно звучали теперь в доме Волконской:

«У княгини Волконской пели русские песни. (Итальянцы: ты ведь знаешь, что у ней и немые глаголют[51])».

В первые годы жизни за границей Волконская живо интересовалась всем, что происходило в России. В письме Вяземскому она засыпает его вопросами о своих московских друзьях, о Пушкине и его «Литературной газете», экземпляры которой она просила прислать ей: «...это чтение драгоценно для всех и особенно в Риме, вдалеке от родины»[52]. В течение 1830–1831 годов Волконская активно участвовала в проекте, который сама и затеяла — устройстве музея изящных искусств при Московском университете. Для музея требовались репродукции работ выдающихся мастеров разных периодов и стран. Хотя проект был с энтузиазмом встречен как в России, так и за границей, осуществить его тогда не удалось из-за недостатка средств. Усилия Волконской были вознаграждены только спустя восемьдесят лет, когда Иван Владимирович Цветаев (филолог-классик, историк искусства, музейный деятель) основал музей изящных искусств при Московском университете (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина).

Виллу Волконской посещали многие русские писатели, художники, музыканты, приезжавшие в Рим. Александр Иванович Тургенев жил в Риме с 1832 года и часто виделся с Волконской. В письме к ней он обсуждал литературные проблемы, писал о её прозе и приглашал княгиню и её сестру дать материал для пушкинского выпуска альманаха «Северные цветы»[53]. Проезжавший через Рим Михаил Иванович Глинка в том же году посетил Волконскую, а позже она приглашала его музицировать в её салоне[54].

Волконская продолжала писать и в Риме, но после 1836 года прекратила всякую литературную деятельность. Написанное Волконской в Италии появилось в печати в России приблизительно в то же время[55].

Отъезд сына Александра в 1832 году на учёбу в Швейцарию, а затем в Россию вызвал у княгини тяжёлые переживания: она расставалась с ним впервые. Волконская сопровождала Александра до Женевы. В мае того же года, скорее всего на обратном пути из Женевы, она тяжело заболела и вынуждена была остановиться в Ботцене (Больцано). Её прежнее психическое расстройство на этот раз приняло форму нервного срыва. Князь Вяземский был настолько обеспокоен её болезнью, что в течение двух недель написал пять писем своей жене, в которых подробно сообщал о состоянии Волконской. Вначале полагали, что княгиня перенесла то же «временное помешательство», от которого она страдала в 1811 году. Оказалось, однако, что второй приступ был легче. Тем не менее она так же, как и двадцать лет назад, находясь в бессознательном состоянии, прокусывала язык и губы. В одном из своих писем Вяземский написал: «Зинаида послала за католическим священником, а сама уехала, чтобы найти греческого батюшку, которому она исповедовалась и от которого получила Святое Причастие, и это её успокоило». В другом письме Вяземский сообщает жене, что

18 июля ему стало известно о выздоровлении Волконской и её отъезде в Рим[56]. Склонность к мистицизму и возросшее тяготение к католичеству понемногу стали доминировать в духовных воззрениях княгини, а вскоре дух католицизма проник во все другие аспекты её жизни. Однако мы сомневаемся, что обращение княгини произошло ранее конца 1835 года. Записи в её Scritti spirituali (дневнике) не указывают точной даты принятия ею католической веры, они только описывают опыт, приведший к этому[57]. То обстоятельство, что в Больцано княгиня обратилась к православному греческому священнику, о чём пишет Вяземский, ясно указывает, что она ещё не приняла католичество до июля 1832 года.

За исключением двух коротких визитов в Россию, Волконская теперь большую часть времени проводила в Риме. После выздоровления от душевной болезни в 1832 году княгиня Зинаида возобновила привычный образ жизни. Её салон по-прежнему привлекал множество гостей, но теперь преобладали художники и писатели; политических и общественных деятелей стало меньше. Среди художников самыми близкими к Волконской были Карл Брюллов, гравёр Фёдор Иордан, исторический живописец Иосиф Габерцеттель, Орест Кипренский и Орас Верне, мастер батальной живописи. Посещавший салон итальянский поэт Джузеппе Белли посвятил Волконской поэму, написанную на римском диалекте[58]. Сэр Вальтер Скотт виделся с Зинаидой Волконской во время путешествия по Италии и тоже посвятил ей стихотворение[59].

12 декабря 1834 года князь Вяземский с семьёй прибыл в Рим в поисках более мягкого климата для больной туберкулёзом дочери. Его многолетняя дружба с Волконской живо представлена в длинном письме, которое он послал ей из маленького немецкого городка Ганау, а также во втором письме, посланном из Флоренции[60].

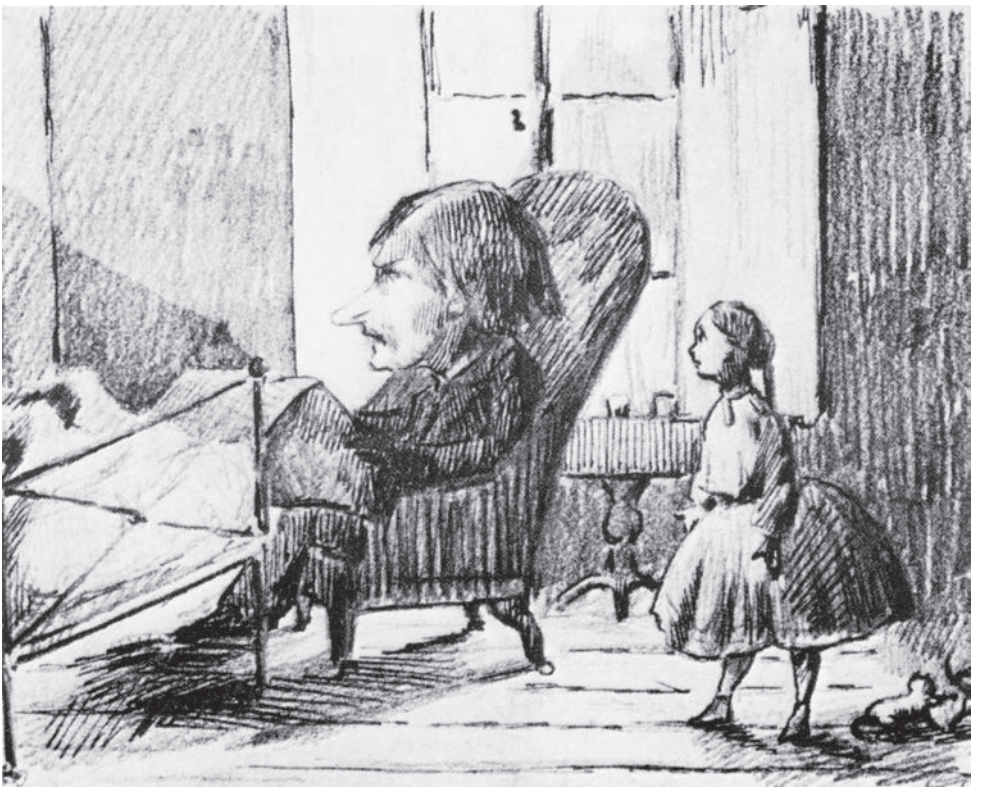
В Риме Волконская снимала этаж в Палаццо Поли в центре города и одновременно занималась устройством собственной виллы на живописном холме неподалёку от знаменитой базилики Св. Иоанна Латеранского. Эта вилла, которая и по сей день носит название «Вилла Волконской», с 1971 года является резиденцией британского посла в Италии и по-прежнему сохраняет своё значение в истории культуры Рима[61].

8 мая 1834 года Николай I постановил, что собственность русских, живущих постоянно за границей, переходит под опеку государства. Князь Никита, озабоченный финансовым положением сына, начал процесс перевода своей собственности на имя Александра. Необходимость уладить финансовые дела заставила и Волконскую приехать в Россию. Сын Александр получил отпуск из Варшавы, где он учился, и присоединился к ней на пути в Петербург. 23 июня 1836 года княгиня Волконская предстала перед царским двором. Золовка Зинаиды, Софья Григорьевна Волконская, так написала об этом: «Она была хорошо принята, но общее мнение было таково, что она сильно изменилась»[62]. Собственная реакция княгини

на это событие была противоречивой или даже негативной. Несмотря на это, Волконская продолжала музицировать и в Петербурге: 16 июля 1836 года она пела у Анны Веневитиновой, аккомпанировал ей М. И. Глинка. В сопровождении Фёдора Бруни она посетила Петергофские празднества. Из-за болезни сына она задержалась в Петербурге и смогла провести в Москве только несколько дней. Затем она вернулась в Петербург и, после устройства всех дел, 1 октября 1836 года покинула Россию[63].

Возвращаясь в Рим, княгиня остановилась на месяц в Париже. Затем, в начале ноября, она посетила старинный городок Лангр на северо-востоке Франции, имеющий давнее влияние на католический мир. Здесь она встретилась с теологами на знаменитом Большом Семинаре[64]. Несколько фактов указывают на то, что княгиня приняла католичество в конце 1835 или в начале 1836 года. После травматического опыта в Петербурге Волконская была уже подготовлена к последнему шагу на пути в католическую церковь. Далее, имя Волконской (как Zenaida Venconschi) вместе с именами её сестры Марии Власовой, Владимира Павея и четырёх слуг появляются в 1836 году в приходском регистре церкви Свв. Винченцо и Анастазио. Все они записаны как живущие на Via Poli 88. Очевидно, что они были обращены в католичество примерно в это время, так как каждый был записан как римский католик, принявший Святое Причастие[65]. То обстоятельство, что точная дата обращения Зинаиды Волконской в католическую веру осталась неизвестной, не так уж удивительно. Как свидетельствует историк и мемуарист граф М. Д. Бутурлин, «я не могу сказать определённо, когда мои мать и сестра были обращены в романский католицизм»[66]. В любом случае 1835 год (или 1836-й) нужно рассматривать как важный рубеж в жизни Волконской. Важно, что после 1835 года она постепенно сворачивала музыкальную и литературную деятельность и отдалялась от общества.

Вернувшись в Рим, Волконская возобновила привычный образ жизни, но влияние новой религии уже стало сказываться в её повседневной жизни. Приехавший в Рим в марте 1837 года Н. В. Гоголь был представлен княгине. В течение первых лет пребывания здесь, с небольшим перерывом в 1839–1840 годах, он был частым гостем в Палаццо Поли и на загородной вилле Волконской. Он сделал примечательную запись в альбом Марии Власовой, в которой говорится, что, несмотря на его желание написать что-нибудь хорошее, он ничего не может найти в своей глупой голове[67]: «Как ни глуп Индейской петух, как ни глуп Русской, выехавший заграницу и жалеющий что при нём нет крепостного человека, как ни глупы Фрак и Мундир, два глупейшия произведения XIX века; — но вряд ли они все вместе глупее моей головы. Ничего решительно не могу Вам из неё выкопать, Марья Александровна! Чепуха и дичь в ней такая, как в русском губернском городе; а бестолково как в комнате хозяина на другой день после заданной им вечеринки, которою он сам был недоволен, над которою подтрунили вдоволь гости и после которой ему остались только: битая посуда,



Н. В. Гоголь на вилле кн. З. Волконской. Рисунок приписывают Ф. Бруни. Примерно 1837–1839 гг. Из бывшей коллекции Б. Леммермана

нечистота на полу и заспанные рожи его лакеев.— Вот что должен сказать Вам, хотевший бы сказать что-нибудь хорошее, и весьма благодарный Вам за Ваше расположение. Гоголь».

Этот остроумный, изумительно структурированный короткий текст является примером того, как обычная альбомная запись может превратиться в шедевр литературы. Дружеские отношения Гоголя с Волконской несколько остыли после смерти молодого Иосифа Виельгорского: писатель не мог простить княгине попыток обратить умирающего в католическую веру[68]. Тем не менее, когда Гоголь предложил исполнить его новую пьесу «Ревизор», с тем чтобы выручка от представления пошла нуждающимся русским художникам в Риме, Волконская предоставила для этого большой зал в Палаццо Поли. Однако, несмотря на то что всё было подготовлено очень хорошо, пьеса успеха не имела[69].

В декабре 1838 года будущий царь Александр II прибыл в Рим. На своей вилле Волконская устроила пышный приём для наследника престола и его окружения. Существует письменное свидетельство, что во время этого визита

Волконская вручила цесаревичу петицию о воссоединении Православной и Католической церквей[70]. В этом путешествии будущего царя сопровождал В. А. Жуковский. В архиве Волконской есть три записки от Жуковского княгине, они проливают свет на эту стадию их дружеских отношений, которые теперь отмечены некоторым охлаждением. Дневниковые записи Жуковского, относящиеся к его первому визиту в Рим в 1832 году, показывают, что тогда он был частым гостем у Волконской и отзывался о ней теплее, чем в более поздних записках, относящихся ко второму посещению Рима[71]. По-видимому, он был неприятно удивлён религиозным рвением новообращённой княгини.

Вторая поездка Волконской в Россию оказалась последней. Непосредственной причиной этого путешествия было устройство финансовых дел семьи. Их огромное состояние пришло в беспорядок под плохим управлением, проматывалось князем Никитой, а теперь ещё ему угрожал и новый закон об экспроприации. Она покинула Рим в декабре 1839 года и прибыла в Петербург 23 февраля 1840 года, проведя почти два месяца в Варшаве в ожидании сына, который выполнял дипломатическое поручение. В этот раз приём при дворе был далеко не таким приятным. Царь был информирован о её обращении в католическую веру и деятельности в Риме и настаивал теперь на возвращении княгини и в Россию, и в лоно Православной церкви. Потерпев неудачу, царь послал к ней православного священника. Когда Зинаида увидела его, с ней случился нервный припадок, закончившийся конвульсиями. Павел Дмитриевич Дурново замечает в своём дневнике, что княгиня перенесла «очередной приступ своей старой болезни, своего рода безумие: они её мучили, и Синод хотел заключить её в монастырь»[72]. В конце апреля царь всё-таки разрешил Волконской вернуться в Италию, и 2 мая 1840 года она покинула Россию навсегда. Князь Никита Волконский, напротив, был вызван в Россию. Снова обратимся к дневнику Дурново: «Они боялись, что жена заставит его сменить религию»[73].

Вечно отсутствующий муж Зинаиды князь Волконский до сих пор был в тени. Настало время обратить на него более пристальное внимание. Что за человек он был? И семья Волконских, и высшее общество передавали легенду, что первый нервный срыв Зинаиды объяснялся тем, что князь Никита, участвовавший в войне с Наполеоном, не писал ей долгое время. В действительности всё было гораздо сложнее: брак оказался неудачным с самого начала. Прекрасная, умная и богатая Зинаида была для князя Волконского не первым выбором — до этого ему отказала княжна К. И. Лобанова-Ростовская[74]. Было бы очевидно некорректно выяснять, кто из них первый изменил. Нам известны романы Зинаиды; что касается Никиты, то он тоже, конечно, развлекал себя. Однако более важным, чем его увлечения или непродолжительные романы, является его отношение к жене и его характер. Все, кто знал Никиту, отзывались о нём как о слабовольном и инертном человеке. «Он был воплощением лености», — писал его брат Сергей Волконский[75]. Потребовались немалые усилия

Зинаиды, чтобы он смог получить чин генерала. Князь Никита не произвёл впечатления и на английское общество во время пребывания в Лондоне: «...пожалуй, самое интересное в нём был его титул»[76]. Что же касается чувств князя к жене, то Дурново сказал об этом лаконично: «Никита Волконский не любит княгиню Зинаиду»[77].

Здесь уместно вспомнить о романе Волконской с графом Минеато Риччи, который начался в 1827 году. Годом позже граф оставил свою жену и уехал в Рим, где вскоре появилась и Волконская. Риччи увлёк Зинаиду красотой, темпераментом и прекрасным голосом. К тому же он был человеком утончённым и прекрасно образованным; будучи поэтом-любителем, он переводил (с неодинаковым успехом) таких больших поэтов, как Державин, Пушкин и Жуковский. В Риме он проводил много времени с княгиней и официально считался её администратором. Все корреспонденты Волконской из России неизменно передавали ему привет. Однако в 1835 году с ним случилось несчастье, изменившее его жизнь, — серьёзная болезнь глаз. После этого роман трансформировался в нежную дружбу. Возможно, одной из причин этого был религиозный пыл, обуявший Волконскую. Во всяком случае, после 1838 года, когда он был уже серьёзно болен, Риччи продолжал быть близким другом Волконской[78].

После возвращения Волконской из России стиль её жизни коренным образом изменился. Если раньше, в тридцатые годы, её круг включал религиозных католических философов Ж. Лакордера и Ф. Ламеннэ, теолога О. Жербе и лингвиста кардинала Дж. Меццофанти, то теперь её окружало духовенство, работавшее непосредственно с людьми — миссионеры, организаторы специальных структур и школ, основатели католических обществ. Аббат Жербе продолжал руководить духовной жизнью княгини, но появились также и новые фигуры, среди них миссионер епископ Люке, Дом («титул» монахов-бенедиктинцев) Геранже и будущий архимандрит Владимир (Терлецкий)[79].

Музыка больше не звучала в её доме, привлекавшем когда-то стольких артистов. Те, кто привык бывать в её салоне, были теперь неприятно удивлены такой переменой. Андрей Николаевич Муравьёв, например, написал, что Волконская «дошла до крайних пределов фанатизма и теперь постоянно окружена духовными лицами»[80]. Когда в 1845 году царь Николай I посетил Рим, имя Волконской при описании этого визита даже не упоминалось. Её не было ни на приёмах, устроенных в честь императора послом России при Святом престоле А. П. Бутеневым, ни на представлении гала-оперы в его честь, в которой солировал один из бывших гостей её салона, певец Николай Кузьмич Иванов[81].

Князь Никита Волконский, переехавший в Рим в 1841 году, в последние четыре года своей жизни был очень привязан к жене. Перед смертью в городке Ассизи, 6 декабря 1844 года, он принял католичество; обряд был совершён аббатом Жербе. Мария Власова давно уже стала католичкой, а Владимир

Павей, под большим влиянием Волконской, был не только обращён, но даже служил при папском дворе. Что касается сына Александра, то он никогда и не помышлял о перемене религии. Его мать, однако, не теряла надежды: «Мой сын ещё не католик, хотя его жена — добрая католичка...»[82]

После смерти мужа Волконская окончательно порвала с прошлым: она оставила свою дворцовую резиденцию и переехала в более скромный дом на улице Авиньонези. Как писал архимандрит Владимир, в её доме теперь собирались «люди, известные своим благочестием, миссионеры, а также те, кто совершил важные деяния на пользу Церкви»[83].

30 апреля 1847 года духовный отец Волконской Винченцо Паллоти, представил её Марии де Маттиас, основательнице женского отделения Ордена Крови Христовой. Этот Орден был основан в 1815 году св. Гаспаром дель Буфало. Де Маттиас слышала о княгине ещё в 1845 году, когда один из католических священников, Дон Джованни Мерлини, просил её о встрече с русской обращённой. После того как они встретились в 1847 году, Мария де Маттиас стала оказывать на княгиню большое влияние, направляя и вдохновляя её деятельность на пользу церкви. Масштаб этого влияния открывается на страницах интенсивной переписки, которая продолжалась до ноября 1861 года[84]. В частности, Мария де Маттиас подала княгине мысль основать школу для девочек, которая стала для Волконской любимым детищем. В декабре 1847 года она получила разрешение от Папы Римского на открытие школы в её собственном доме на улице Авиньонези. Первый приём состоял из сорока девочек; в следующем году он удвоился. Для того чтобы разместить большее количество учениц, Волконская открыла вторую школу на улице Разелла. Следующим проектом стала школа Св. Иосифа для мальчиков, которая давала навыки ремёсел и работ в сельском хозяйстве. Все эти проекты княгиня финансировала из собственных средств. Из её переписки с Марией де Маттиас мы узнаём об её успехах и трудностях. Волконская обязалась вносить ежегодно тысячу скуди на эти проекты (скудо — денежная единица Папской области), что составляло очень существенную сумму. Её сын Александр неоднократно оказывал ей денежную помощь в этих делах.

В 1847 году Волконская снова вернулась к занимавшей её идее воссоединения церквей. Она интенсивно работала в «Восточном Обществе», основателями которого были епископ Люке и архимандрит Владимир (Терлецкий)[85]. Когда Дом Геранже прибыл в Рим, он подал Волконской идею о реформировании литургии. Кроме того, она участвовала в проекте обращения евреев. Все эти проекты она изложила подробно в письмах к Папе Римскому Пию IX, со стороны которого встретила уважение и поддержку[86].

Принесла ли Волконской эта напряжённая жизнь в лоне римского католицизма полное удовлетворение? Она отдавала всю свою духовную и физическую энергию новой вере и её реализации в практических делах,

но старая депрессия время от времени продолжала её мучить. Нам известно, что её духовный отец и исповедник последнего десятилетия, Дон Мерлини, помогал ей: «...Когда она была больна или подвержена мрачному настроению, Мерлини часто посещал её»[87]. И всё-таки княгиня дошла до крайности. Из её дневника Scritti Spirituali мы узнаём, что 7 ноября 1853 года она приняла обет бедности во францисканской общине в Неаполе. К этому решению её подготовила предыдущая поездка туда в августе 1852 года. Волконская осуществляла этот обет полностью и до конца, выполняя все свои обязательства и используя остатки когда-то огромного состояния на благотворительность.

В течение последних лет своей жизни Волконская жила почти в бедности, раздавая деньги и личные вещи. В сущности, её последнее благодеяние и послужило причиной смерти: в холодный зимний день она сняла свой тёплый плащ и отдала его встретившейся ей нищенке. В результате Волконская заболела воспалением лёгких и умерла 5 февраля 1862 года. Похоронили её рядом с мужем и сестрой в церкви Свв. Винченцо и Анастазио на площади Треви, где находится также всем известный фонтан. Церковь эта знаменита как место погребения сердец двадцати трёх римских пап.

Католическая вера помогла княгине найти своё место в жизни. В молодости она жаждала выразить себя в творчестве и жить полной жизнью артиста, но её положение в обществе было скорее препятствием, чем преимуществом. Также не помогало то, что она была женщиной: это ставило её в особое положение, но одновременно ограничивало возможности серьёзной работы. В своих «Путевых записках» она прибегает к такому образу: «Заметим сходство лучшего украшения женского с каплями слёзными. Не для того ли сотворены перлы, чтобы и в торжественных нарядах припоминать полу нашему его назначение?»[88]

В течение последней трети жизни Волконская была самоотверженной и преданной католичкой. Она отдавала всю себя Католической церкви и служила ей пылко, энергично и мудро. Волконскую помнят и почитают до сих пор в Ордене Крови Христовой в Риме, где хранятся её письма и дневники.

Было бы несправедливо считать, что Волконская вела двойную жизнь — светской дамы и преданной служительницы церкви. Ближе к правде было бы утверждение, что она прожила две жизни, следующие одна за другой. Внутренние противоречия её ранней жизни в светском обществе послужили причиной её обращения к другой религии, которой она отдалась полностью. Правда, эта безоговорочная преданность не изменила радикально её отношения к жизни. Не всё из прошлого, с которым она боролась, покинуло её, по крайней мере, в первое десятилетие после обращения. Волконская сама понимала это. В Католической церкви она нашла ту же любовь к красоте и гармонии, которая вдохновляла её и раньше: «Я всегда чувствовала красоту природы. Это восхищение теперь приняло

форму молитвы. Когда я слышу пение птиц, я думаю о св. Розе, которая сказала, что и пение птиц, и даже жужжание насекомых кажется ей гимном Творцу»[89].

Письма из архива Волконской освещают не только события пяти десятилетий XIX века и жизнь примечательных людей её круга, но и проясняют многие загадочные аспекты неординарной жизни самой княгини.

Следуя за событиями жизни княгини Волконской и расположив письма, адресованные ей, в хронологическом порядке, мы можем заметить, какими различными были её корреспонденты, какими различными были цели, побудившие их писать, и не только по тому, что́ было написано, но и по тому, ка́к это было выражено.

Практически невозможно классифицировать эти письма по основному пункту их содержания, так как они сочетают в себе разные типы сообщений. Так, очень личные письма от Александра I относятся не только к их отношениям, но и затрагивают ряд политических вопросов; письма 1813 года посвящены в значительной степени описанию подготовки и проведения военных действий. В длинном дружеском послании князь Вяземский, который всегда находил понимание и поддержку в Зинаиде, откровенно делится с ней своими проблемами. Он не сосредоточивается специально на литературном оформлении, но некоторые части его письма воспринимаются как литературный текст. Письмо от мадам де Сталь, хотя и не касается никаких литературных или политических тем, скорее всего, политически мотивировано. Письма от И. И. Козлова и А. И. Тургенева, напротив, посвящены литературным вопросам, но также касаются и их личных дел. В. А. Жуковский и М. И. Глинка в своих письмах сочетают сообщения на разные темы с обзором литературной и музыкальной жизни. Увлечённость Волконской католицизмом открывается в её переписке с кардиналом Э. Консальви. Хотя преобладающим предметом его писем являются религия и проблемы Ватикана, в них находится место оценке политических и общественных событий того времени.

Все письма, за исключением трёх записок Жуковского, написаны по-французски. Во-первых, корреспонденты княгини продолжали разговор на языке, принятом в её социальной среде. (Даже такие мастера эпистолярного жанра, как Пётр Вяземский и Александр Тургенев, писали ей по-французски.) Во-вторых, русский для Волконской был вторым языком, и ей было легче писать и читать по-французски. Даже во время войны с Наполеоном, которая побудила русских аристократов обратиться снова к родному языку, французский оставался широко распространённым. Во время битв с наполеоновскими войсками царь вёл свою частную переписку на французском: в пятнадцати письмах к Волконской он не вставил ни единого слова по-русски.

Русский и французский продолжали сосуществовать, а их использование определялось типом сообщения или социальной средой. Интересную

информацию в этом отношении можно получить из пушкинских писем за 1828–1831 годы[90].

Использование французского в эпистолярном общении в значительной степени зависело от того, кому — мужчине или женщине — предназначалось письмо. Пушкинская корреспонденция с мужчинами велась преимущественно на русском: из 149 писем только пятнадцать, посланные пяти адресатам, были написаны по-французски. В одном из этих писем, адресованных П. Я. Чаадаеву, поэт очевидно ссылается на трудности выражения абстрактных идей на русском, когда он пишет: «Друг мой, я буду говорить с Вами на языке Европы, он мне ближе, чем наш родной язык»[91]. Совершенно по-другому обстоит дело с А. Х. Бенкендорфом, которому царь поручил наблюдать за поведением А. Пушкина. Из семнадцати писем, адресованных Бенкендорфу, семь написаны по-французски. Униженный поэт использовал здесь французский язык как психологическую защиту, чтобы создать ощущение равенства позиций. Женщинам, однако, Пушкин постоянно писал по-французски. Из семидесяти писем этого периода, адресованных женщинам, только пять были написаны на русском, и все они предназначались жене. До свадьбы только одно письмо невесте было написано по-русски, и Пушкин сам объясняет причину этого: «... я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте». Но ещё раньше, когда их отношения только развивались, Пушкин начал вставлять многие русские слова и предложения в письма к невесте. Он вводил пословицы, идиоматические выражения, шутки, интимные намёки, чтобы сделать свои послания более красочными и запоминающимися. После свадьбы все письма Пушкина Наталье Николаевне написаны по-русски[92].

Русский язык постепенно стал занимать важное место в корреспонденции того времени. Теперь всё больше внимания уделялось стилю и языку — писание писем становилось вопросом стиля. Письма больших писателей отличались простым, лёгким стилем — они использовали каламбуры, эпиграммы, намёки, часто с фривольным подтекстом. Средоточием этих экспериментов сделалось слово. Борьба за точное значение слова и его семантическое расширение потребовало поисков синонимов и создания неологизмов, а также умелого использования смысла слова в различных тропах и фигурах[93].

Что касается писем, написанных княгине Волконской по-французски, то здесь ситуация совсем иная. Задача стилистики в них уходит на второй план — первостепенное значение имеет содержание. Наряду с развитым литературным языком, русские, пишущие по-французски, приобрели элегантный стиль, прекрасно приспособленный как для лёгкого разговора, так и для и серьёзных посланий. Структура этих писем также была обычно установлена. Тенденция к гиперболизации и милой галантности воплощалась в лёгком и остроумном стиле. Цитаты, сентенции, литературные

намёки и афоризмы нашли своё место в поэтике французской эпистолярной формы.

Русские корреспонденты Волконской, писавшие ей по-французски, обычно не использовали всего этого богатого арсенала. Они писали на нейтральном литературном французском, что делало их письма ясными, приятными, подчас даже элегантными, но они не рисковали пускаться в стилистические эксперименты или упражняться в остроумии с помощью фривольных каламбуров или намёков (последнее более характерно для корреспонденции между мужчинами). В тоне писем к княгине очевидно отражались как неписаные требования этикета, так и стиль персонального общения с ней. Можно заметить, что стиль и язык посланий варьируют от автора к автору. В наш комментарий мы включили краткие замечания о французском языке, использованном в письмах, показывая, что он иногда искажает идиоматические выражения, а иногда содержит грамматические ошибки.

Письма к княгине полны многочисленных литературных цитат и намёков, но их источники обычно не указаны, так как каждый из её корреспондентов был уверен, что она хорошо знакома с литературным первоисточником, на который они ссылаются. Для наших современников эти намёки не так уж понятны, и от автора этой книги потребовались определённые усилия, чтобы идентифицировать некоторые из этих отсылок, особенно если они были перефразированы (как в случае с письмом от поэта И. И. Козлова).

Мы уже отмечали, что двое из корреспондентов Волконской должны быть выделены: князь Пётр Вяземский и Александр Тургенев. Блестяще владевший французским, Вяземский писал со свободой и воображением, которые отчётливо демонстрируют его индивидуальный стиль. Наш текстуальный анализ его первого письма показывает, как изменение предмета разговора отражается в языке и стиле. Покончив с печальной частью своего послания, князь позволяет себе удовольствие переключиться на то, что он называет «наездничеством пера». Так, последняя часть этого длинного письма являет пример его мастерской игры с языком. Он щедро использует каламбуры, лёгкие намёки и цитаты, и даже выдумывает слово — и всё это для того, чтобы развлечь себя и свою корреспондентку, а также, чтобы понизить торжественный тон этого письма.

Язык и стиль, не менее чем содержание, играли важную роль в наших поисках автора неподписанного и недатированного письма, которое мы смогли определить как принадлежащее Александру Тургеневу. Важным штрихом было также обращение к Волконской: вместо «Дорогая княгиня» автор употреблял «Дорогая Коринна», что намекало на имя героини знаменитого романа мадам де Сталь («Коринна, или Италия»). Это и послужило ключом для атрибуции письма, поскольку сузило число возможных авторов до небольшого круга близких друзей княгини.

В большом количестве случаев, сталкиваясь с подобной задачей идентификации корреспондентов и фактов, упоминаемых в письмах, так же как с задачей объяснения многих других лакун, мы обращались к дневникам, мемуарам и переписке того времени. Нужную информацию часто удавалось найти в совершенно неожиданных местах, а не только в предсказуемых русских источниках.

В отличие от современников, писавших письма по-русски, те, кто использовали французский язык, не рассматривали свои письма ни как образец стилистики, ни как вклад в развитие французского литературного языка. Тем не менее они относились к писанию писем на этом языке как к серьёзной и одновременно приятной работе. Письма большинства корреспондентов Волконской напоминают свободную оживлённую беседу, реализуя тем самым принцип, провозглашённый Н. М. Карамзиным: «Пишите, как говорите...» Спонтанность и непринуждённость, которые мы видим в письмах, однако бывали и обманчивыми. Когда смотришь на черновики, понимаешь, сколько внимания было уделено выбору стиля и предмета, определяемых интересами и вкусом эпистолярных собеседников. Что касается писем, написанных по-русски, то предварительные наброски на французском часто предшествовали окончательной форме писем.

Интересно проследить, как признанные мастера эпистолярного жанра относились к писанию писем. «Я рождён для писем, — пишет князь Вяземский своей жене, — нигде так не выливаюсь, как в них. Наоборот слов Наполеона у меня: du ridicule au sublime il n'y a qu'un pas (от смешного до высокого только один шаг). Ты думаешь, это самохвальство? Нет, я только хотел сказать, что в письмах от шуток перескакиваю прямо в поэзию. Таков я и в расположении своём. В разговоре я не виден во весь рост. Замечаю часто, что недостаёт у меня иногда голоса, чтобы высказать свою мысль: перо моё полнее и свободнее. В разговоре у меня, как во сне, когда хочешь говорить, и чувствуешь, что что-то давит слово»[94]. Четырнадцатью годами позже Вяземский делает другое наблюдение над своими письмами: «Письма мои, в самом деле, чертовски умны, так что самому страшно. Уж не нечистая ли сила пишет их за меня?» — обращается он к родным 23 января 1840 года[95]. Своей эпистолярной деятельности Вяземский придаёт серьёзнейшее значение. «Если Вы сохраните моё письмо, — пишет он графине Э. К. Мусиной-Пушкиной 18 октября 1837 года, — потомство получит ключ к Вашей загадке и разглядит Вас сквозь всю шутовскую мишуру, которой я покрыл моего идола или, — если это Вам больше нравится, — мою святую»[96].

В письме другу, посланном в период, когда поэт писал больше писем, чем стихов, он открывает, насколько высоко ценит собственное эпистолярное искусство. «Нет ли во мне тайной надежды, что вы покажете моё письмо с тем, чтобы знали в Европе, как у нас в России запросто, шутя, без приготовления пописывают дружеские, семейные письма», — пишет он 19 июля 1839 года в Баден[97].

Александр Тургенев — ещё один мастер эпистолярной формы. Благодаря эрудиции, остроумию и стилю его письма были подобны «крепкому бульону», который, по замечанию Вяземского, так был необходим русской литературе. Письма Тургенева читали повсюду, копировали, публиковали. Вяземский писал о Тургеневе: «...письма его, большей частью, образцы слога, живой речи. Они занимательны по содержанию своему и по художественной отделке, о которой он не думал, но которая выражалась, изливалась сама собою под неутомимым и беззаботным пером его. Русским языком в особенности владел он, как немногим из присяжных писателей удаётся им владеть»[98]. Мы уже видели, насколько была важна в корреспонденции личность адресата: она полностью определяла и стиль, и содержание писем. Писавшие княгине знали, что их глубокие замечания и блеск красноречия будут оценены.

Хотя Зинаида Волконская и не достигла выдающихся результатов там, где развивала свои многочисленные таланты, она всё равно оставалась в центре культурной жизни своего времени. Её голос, так высоко оценённый Стендалем[99], мог бы сделать её успешной солисткой оперы, но мы помним, как разбранил её царь за несколько выступлений на сцене частной оперы в Париже. Такая же судьба постигла и её актёрское дарование. Её работа как композитора была прервана после успешного начала. Хотя и литературные произведения Волконской в прозе и поэзии не могут быть оценены как исключительные, она занимает достойное место в ряду женских литературных имён начала XIX века. Важно, что широкий спектр её интересов и впечатляющие результаты сделали Волконскую действительно замечательной фигурой. Её значение не ограничивалось только Россией — она и в самом деле обладала тем, что французы называют esprit (дух) и так высоко ценят. Мадам де Сталь также ценила это качество, как необходимое любому творцу культуры: «В наше время каждый должен обладать качеством европейского духа (esprit)».

Княгиню Волконскую до сих пор помнят в католическом Риме. Но в истории культуры России, а также и в европейской культуре, она почитается как «Царица муз и красоты», по определению воспевшего её Пушкина. Каковы бы ни были её собственные достижения или неудачи, она занимает важное место в культурной жизни первой половины XIX столетия, золотого века русской литературы.

II. ПИСЬМА, АДРЕСОВАННЫЕ КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.
Письмо мадам де Сталь

В августе 1812 года, на пути в Англию через Санкт-Петербург, мадам де Сталь написала княгине Волконской тёплое письмо, которое никогда не было опубликовано полностью[1]. Это письмо — одно из самых длинных, написанных известной писательницей во время её пребывания в России. Ещё более пространными были только эпистолы к Александру I; они были продиктованы её ненавистью к Наполеону и желанием побудить царя к решительным действиям против диктатора. Эта переписка была основной причиной её продолжительного пребывания в Санкт-Петербурге.

К концу 1811 года баронесса де Сталь осознала, что она фактически является узницей в своём собственном швейцарском имении Коппэ. Наполеон решил изолировать «эту настоящую чуму», которая постоянно и упорно отравляла его репутацию всюду в Европе. В ответ мадам де Сталь приняла решение скрыться в Англии, посетив по дороге Россию и Швецию. Она выехала из своего имения 23 мая 1812 года, как раз за месяц до наполеоновского вторжения в Россию. 14 июля она пересекла российскую границу и была поражена «бескрайностью просторов и бесконечностью времени, нужного, чтобы преодолеть их»[2]. Её знакомство с Россией базировалось не только на встречах и беседах в её салоне, но также на чтении некоторых исторических источников[3]. Хотя всего этого и не было достаточно, чтобы её наблюдения были так же интересны, как размышления о Франции, Италии и Германии, некоторые из них всё же заслуживают внимания.

Ещё до того, как мадам де Сталь достигла Москвы, она была под впечатлением «чего-то гигантского в этом народе, к которому обычные мерки не применимы»[4]. Москва же вызвала у неё образ «азиатского Рима»[5]. Губернатор Москвы граф Ф. В. Ростопчин устроил в её честь торжественный приём, где она встретила «самых просвещённых людей науки и литературы»[6]. Они же, со своей стороны, не очень заинтересовались ею. Как иронически заметил граф Ростопчин, «блистая своим остроумием и красивыми плечами, мадам де Сталь покинула Москву»[7]. По-видимому, она не утруждала себя тем, чтобы присмотреться ближе к русским писателям, которых встречала в Москве и Петербурге. Она утверждала, что в России не существует культуры тонкой беседы, и талантливых людей можно встретить только среди военных[8], что русские не способны воспринимать маломальски абстрактные идеи[9]. Критикуя тенденцию русских подражать французской литературе и вообще всему французскому, она упоминала о русской

литературе лишь мимоходом[10]. Что касается русских, то очень многие из них знали произведения мадам де Сталь и горячо приветствовали её. Вяземский сожалел, что пропустил её в Москве, а К. Н. Батюшков заметил, что «она страшна как дьявол и умна как ангел»[11]. Немногие критические голоса потонули в общем хоре шумного одобрения[12].

Когда мадам де Сталь прибыла в Петербург, новая столица, выстроенная на болоте, поразила её как «свидетельство русской силы воли, для которой нет ничего невозможного»[13]. Весь Петербург жаждал увидеть автора «Коринны», и поток приглашений хлынул в отель «Европа», где она остановилась. Граф Н. П. Румянцев и граф В. Г. Орлов, князь А. Л. Нарышкин, Кутузовы, Сухтелены, а также графиня А. Г. Лаваль, княгини Е. И. Голицына и А. Г. Белосельская были среди тех, с кем встретилась мадам де Сталь в их дворцах и летних резиденциях[14]. Однако «азиатское величие» столицы не произвело на неё впечатления, и она скорее порицала петербургское общество за его приверженность к развлечениям и избыточное внимание к богатству и чинам. Способность мадам де Сталь создавать салон повсюду, где бы ни ступала её нога, проявила себя и в России: «Мой салон: Бентинк, Уильсон, Дон де Зеа-Бермудес, Тетерборн, Стейн, (Штейн), Дорнберг, Арндт, Каскарт»[15]. Эта смешанная группа, состоящая большей частью из английских и немецких дипломатов, сформировала её близкое окружение, в котором она чувствовала себя как дома.

В конце концов она дважды встретилась с Александром I. Обычно скептическая и язвительная, мадам де Сталь излила неизрасходованный запас восхищения царю, в котором она видела антипод Наполеона. Обвиняя последнего в неправильном представлении личности царя, она описывала Александра как человека замечательного ума и образованности, «чей характер и есть конституция империи, а совесть — её гарант»[16]. Удивительно, что она почти дословно повторила оценку, данную Александру Наполеоном.

Мадам де Сталь провела в Петербурге три с половиной недели. Письмо, которое она написала Волконской, не даёт определённого представления об их личных отношениях. При этом даже неясно, виделись ли они когда-либо раньше, хотя их частые путешествия по Франции, Италии и Австрии делают это возможным. Как следует из письма, мадам де Сталь знала мужа Зинаиды, князя Никиту, который посещал её в швейцарском имении Коппэ (примеч.[iv]). Она также знала многих друзей Белосельских — князя А. К. Разумовского, С. С. Уварова, О. А. Козловского и князя П. И. Тюфякина[17]. Когда мадам де Сталь прибыла в Петербург, ей не составило труда узнать, что Зинаида имеет репутацию просвещённой женщины и что ею интересуется царь. Автор «Коринны» захотела во что бы то ни стало встретиться с «Северной Коринной», как называли Зинаиду её друзья. Но в августе 1812 года Волконская была серьёзно больна и избегала контактов с внешним миром[18]. Во время визитов к княгине Александре Лаваль мадам де Сталь имела возможность встретить её сестру, княгиню

А. Г. Белосельскую, мачеху Зинаиды, и узнать, чем была больна Зинаида. Известно, что она послала Волконской свой роман «Коринна, или Италия», который был издан на французском в 1807 году и был переведён на русский в 1809. Начитанная Зинаида, конечно, была знакома с этим романом и, возможно, имела его в своей библиотеке. Хотя точная дата подарка неизвестна, вероятнее всего, он был сделан вскоре после прибытия писательницы в Петербург. Волконская ответила стихотворением «Возвращая „Коринну“ мадам де Сталь», которое, вместе с некоторыми другими рукописями княгини, было найдено в Строгановской Академии[19]. Стихотворение Волконской автору «Коринны» проникнуто ностальгией по Италии: «Коринна! Я с тобой средь мрачных тех руин / Где яростно рычат вулканы / И кисть твоя рисует нам страданье...» Далее она обращается к собственной судьбе на земле, где «лютня не звучит, когда гармонии нет, / И если вдруг цветок расцвёл зимой, / Он тщетно ловит воздух, пытаясь уцелеть». Княгиня выражает своё состояние глубокой депрессии и отказывается от собственных поэтических устремлений: «Теперь поёте Вы, чей гений / Под свободным небом парит свободно».

Лист (12,5 × 21,6 см), сложен вдвое по вертикали. Текст письма расположен на первых трёх страницах. На четвёртой странице виден след красной печати и рукой мадам де Сталь написан адрес: À Madame / Madame la Princesse Zénèide Volkonsky / chez Madame la Princesse Beloselsky.

[Нами вставлены прописные буквы и точки, вместо которых мадам де Сталь постоянно употребляла тире. Случайно отсутствующие точки над буквами «j» и «i» также были восстановлены, как и признак множественного числа — буква «s».]

Полностью не публиковалось.

Princesse!

Votre lettre et votre présent m'ont fait une impression si vive et si profonde que je ne puis me consoler de ne pas vous voir. Tout le monde dit que vous êtes un ange mais je le sais à présent mieux que tout le monde. Ne pourriez-vous pas me recevoir pour quelques minutes? Je sais que vous êtes pâle et que votre charmant visage est un peu altéré mais songez que je vous en aimerai davantage car vous saurez tout à la fois m'attendrir et me charmer. Vous êtes malade à force d'âme — qui sait si je ne pourrais pas vous dire des paroles qui vous seraient douces! Enfin je ne veux pas être indiscrète mais ce me serait une grande faveur qu'un moment de vous. J'ai vu le Prince votre époux dans cette retraite de Coppet dont vous m'avez rendu le souvenir si présent. Il est devenu depuis le plus heureux des hommes, conservez-lui celle qu'il aime. Songez que le Dieu de bonté qui vous a donné tant de moyens d'être aimée veut que vous jouissiez en paix des dons de la vie. J'ai le pressentiment que vous serez bientôt guérie: tant d'êtres sensibles sont liés à votre existence! Tant de bonnes prières sont adressées pour vous, qu'elles seront exaucées! Mais moi, qui sais vous

connaître, ai fait tant de voeux pour vous, je voudrais bien en déposer quelques uns à vos pieds mêmes et vous dire que jamais je ne vous oublierai.

Agréez princesse et faites agréer à la Princesse Béloselsky mon tendre hommage

Necker de Staël
Holstein

[без места] четверг — 1812[i]
[Санкт-Петербург, не ранее 8/20 августа
и не позднее 15/27 августа 1812 г.]

Княгиня!

Ваше письмо и Ваш подарок произвели на меня впечатление столь живое и глубокое, что я не могу не пожалеть, что не увижу Вас. Весь свет говорит, что Вы — ангел, но я знаю это теперь лучше, чем свет[ii]. Не могли бы Вы принять меня на несколько минут? Я знаю, что Вы несколько бледны и что Ваше очаровательное лицо немного изменилось, но вообразите, что я восхищаюсь Вами заранее, так как Вы очаруете и растрогаете меня немедленно[iii]. Вы страдаете душевно — кто знает, не смогу ли я сказать Вам такие слова, которые смягчат Ваше состояние![iv] Наконец, я не хочу быть неделикатной, но повидать Вас для меня было бы милостью. Я видела князя, Вашего мужа, в моём уединении (имении Коппэ)[v], память о котором Вы вернули мне таким живым изображением. С той поры князь стал счастливейшим из людей, сохраните для него ту, кого он любит. Подумайте о том, что Бог доброты, который дал Вам так много возможностей быть любимой, хотел бы, чтобы Вы наслаждались жизнью в полной мере. Я предчувствую, что Вы скоро поправитесь: столько людей связано с Вашим существованием! Столько добрых молитв произносится за Вас, что они не могут не осуществиться! И я, узнавшая Вас, дала столько обетов за Вас, что хотела бы положить к Вашим ногам хотя бы некоторые из них и сказать, что я Вас никогда не забуду.

Примите, княгиня, и передайте княгине Белосельской моё глубокое уважение.

Некер де Сталь
Холстейн

[i] Датой прибытия мадам де Сталь в Петербург обычно считается 1/13 августа 1812 года, а датой её отъезда из города — 7/19 сентября 1812-го[20]. Существует, однако, и другая информация, противоречащая этим данным. Письмо графини М. Д. Гурьевой, датированное «июлем 1812», указывает на то, что она уже в Петербурге, в то время как другое письмо от 4/16 сентября 1812 констатирует, что «...мадам де Сталь покинула город»[21]. Если принять датировку Гурьевой, которая жила в то время в Петербурге, то можно

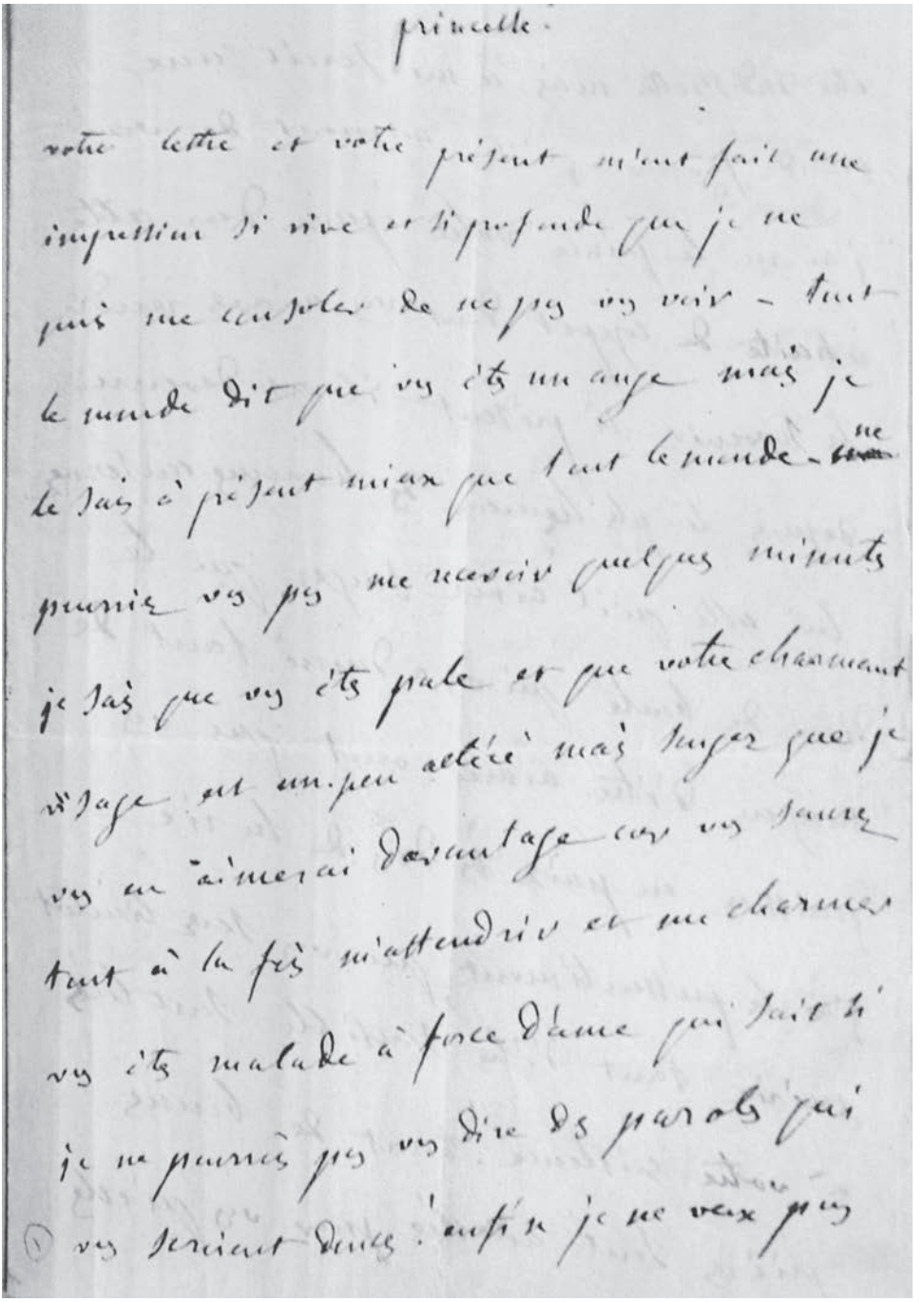
заключить, что письмо мадам де Сталь княгине Волконской написано либо в четверг 8/20 августа, либо в четверг 15/27 августа.

[ii] Это второе, если не третье письмо от мадам де Сталь княгине Волконской, так как она пишет об ответе княгини и её подарке. У нас есть основания утверждать, что этим подарком была гравюра с видом Коппэ. Ключом к такому утверждению является письмо, написанное А. Н. Волконским П. И. Бартеневу, издателю «Русского Архива» и автору статьи «О княгине З. А. Волконской», которая появилась в этом издании в 1867 году. Предоставляя Бартеневу материалы для этой статьи, Александр Никитич Волконский упомянул о письме, которое мадам де Сталь написала его матери «в ответ на подарок, который она получила, вид имения Коппэ, принадлежащего знаменитой писательнице»[22]. Известно, что княгиня Зинаида следовала примеру своего отца, знатока и коллекционера искусства, который щедро одаривал своих блестящих друзей подарками — гравюрами из своей знаменитой коллекции. Это предположение поддерживается текстом настоящего письма: «Ваш подарок <...> оживляет память об уединении в Коппэ». Мадам де Сталь обыгрывает здесь три значения слова présent: «votre présent» (ваш подарок), «á présent» (сейчас, в настоящее время) и «si présent» (такое живое [изображение]).

[iii] Здесь довольно неясная декларация мадам де Сталь, которая беспокоится о здоровье княгини. Помимо возможных объяснений мачехи Зинаиды, княгини Анны Григорьевны Белосельской, и её тётушки, графини Александры Григорьевны Лаваль, самым правдоподобным источником информации для гостьи могло стать уже упомянутое стихотворение Волконской.

[iv] «Душевная болезнь», или «душевное страдание», в действительности означала не простое недомогание или даже депрессию, но серьёзное психическое расстройство, которое повторялось позже неоднократно в течение жизни княгини Волконской. Мы узнаём из различных источников, что летом и ранней осенью 1812 года Зинаида была серьёзно больна. Прямое указание на природу этого заболевания содержится в письме В. А. Ланской, которая написала из Петербурга 12 августа 1812 года своему другу в Москву, что, если бы не её вера в Бога, она могла бы «сойти с ума, подобно Зинаиде»[23]. Намёк в письме на то, что Зинаидино «прекрасное лицо немного изменилось», подтверждает время и обстоятельства раны, от которой страдала княгиня. Граф М. Д. Бутурлин пишет в своих воспоминаниях, что в 1812 году, «будучи в припадке болезни, Зинаида прокусила верхнюю губу, что оставило шрам на всю жизнь». Из мемуаров графини де Буань мы узнаём, что когда она встретила Волконскую в Париже 12 марта 1814 года, она была поражена изменением в облике княгини. Графиня объясняет, что шрам, в то время ещё свежий, несколько изменил её лицо[24]. Письмо мадам де Сталь подтверждает, что эта первая травма могла случиться летом 1812 года.

[v] Визит князя Никиты Волконского, сделанный им мадам де Сталь в её имении Коппэ, может быть приблизительно датирован 1808 годом. Тогда он возвращался в Россию после выполнения дипломатической миссии в Байонне, связанной с подготовкой встречи Наполеона с Александром I. Раздражённый Наполеоном, от прощального подарка которого князь отказался, посчитав его слишком скромным, князь Никита, видимо, решил встретиться со злейшим врагом императора в Коппэ. Такое путешествие не слишком отклонило бы князя от его маршрута[25]. В это время Коппэ кишел французскими и иностранными посетителями, спешившими выразить своё почтение знаменитой мадам де Сталь в месте её вынужденной ссылки, «этом уединённом Коппэ», как она называла его в письме к Волконской.



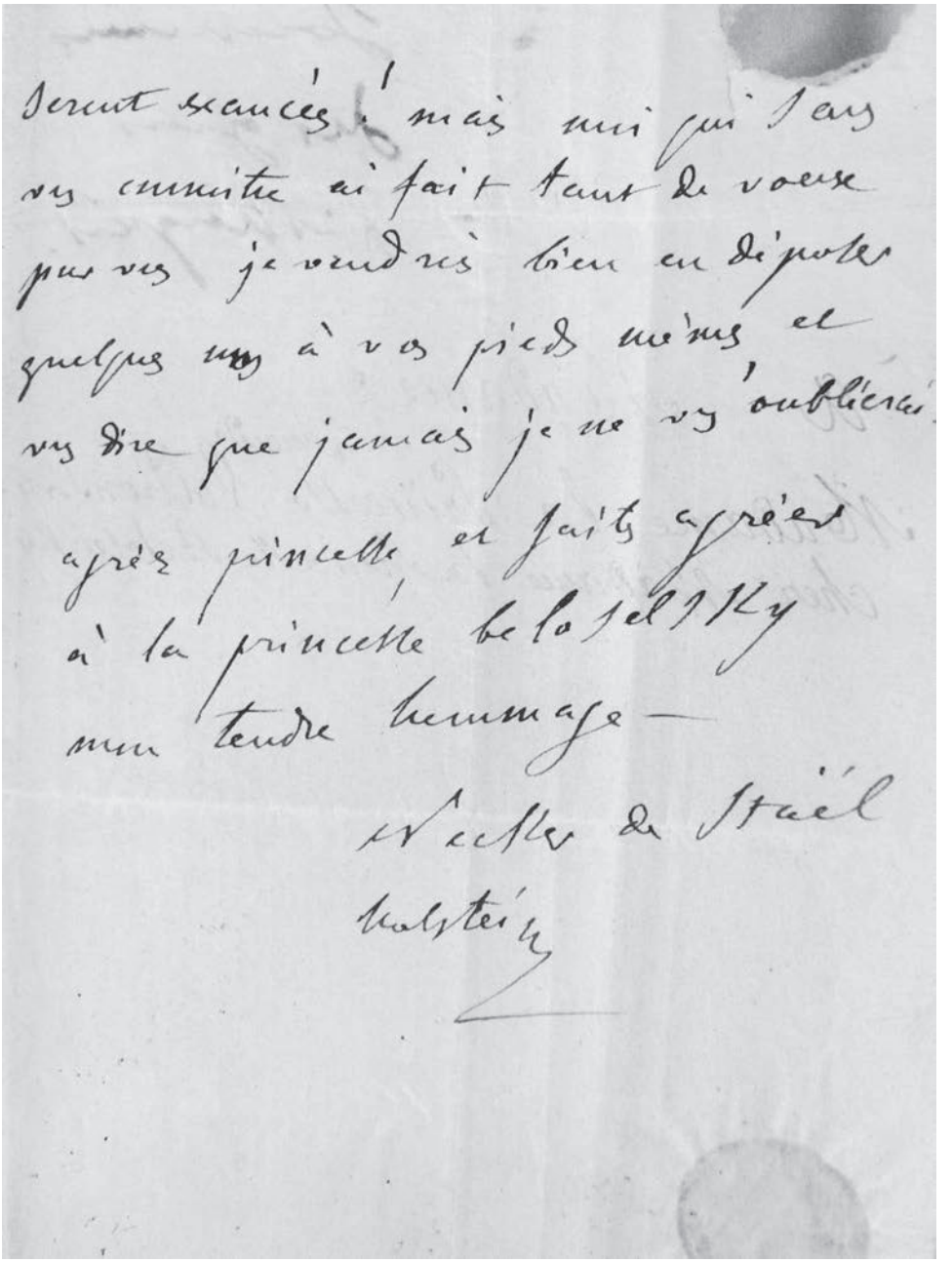
princesse.

votre lettre et votre présent m'ont fait une
impression si vive et si profonde que je ne
puis me consoler de ne pas vous voir – tout
le monde dit que vous êtes un ange mais je
le sais à présent mieux que tout le monde – ne
pourriez vous pas me recevoir quelques minutes
je sais que vous êtes pâle et que votre charmant
visage est un peu altéré mais songez que je
vous en aimerai davantage car vous savez
tout à la fois m'attendrir et me charmer
vous êtes malade à force d'âme qui fait si
je ne pourrais pas vous dire des paroles qui
vous seraient douces. enfin je ne veux pas

Письмо мадам де Сталь кн. З. Волконской. СПб., [не ранее 8/20 августа и не позднее 15/27 августа 1812 г.] Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(1)

être indiscrette mais ce me serait une
grande faveur qu'un moment de vous —
j'ai vu le prince votre époux dans cette
retraite du cloître dont vous m'avez rendu
le souvenir si présent il est devenu
depuis le plus heureux des hommes conservez
lui elle qu'il aime songez que le
dieu de bonté qui vous a donné tant de
moyens d'être aimée veut que vous
jouissiez en paix des dons de sa vie —
j'ai le pressentiment que vous serez bientôt
guérie tant d'êtres sensibles sont liés
à votre existence ! tant de bonnes
prières sont adressées pour vous qu'elles

Письмо мадам де Сталь кн. З. Волконской. С. 2



Serait sacrifié, mais moi qui l'ai
vu connaître ai fait tant de vœux
pour vous je voudrais bien en déposer
quelques uns à vos pieds mêmes et
vous dire que jamais je ne vous oublierai.

agréez princesse, et faites agréer
à la princesse Belosel'sky
mon tendre hommage —

et croyez de Staël
Holstein

Письмо мадам де Сталь кн. З. Волконской. С. 3

Письмо Е. А. Баратынского

Подписанное неопубликованное письмо от Евгения Абрамовича Баратынского княгине Зинаиде Волконской не содержит ни даты, ни места его написания. Чтобы установить эту информацию, необходимо сопоставить факты, изложенные в этом письме, и события непростой жизни Баратынского.

Нетрудно заключить, что письмо было написано в Москве.

С января 1819-го по январь 1820-го Баратынский служил рядовым в Лейб-гвардии Егерском полку в Петербурге, но с Волконской, которая большую часть этого периода провела за границей, он, по-видимому, ещё не был знаком. В Петербурге он познакомился и сблизился с А. А. Дельвигом, А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским (с Дельвигом они даже снимали вместе небольшую квартиру). Баратынский познакомился также с В. К. Кюхельбекером, Н. И. Гнедичем, П. А. Плетнёвым и другими литераторами и установил прочные творческие связи, которые возобновились во время его второго пребывания в столице с весны по осень 1825 года. В этот период он уже начал печататься, в том числе в альманахе «Полярная звезда» у А. А. Бестужева-Марлинского и К. Ф. Рылеева, и приобрёл известность как поэт-романтик. После получения офицерского звания весной 1825 года у него наконец появилась возможность посетить престарелую мать, здоровье которой было расстроено его скандальным исключением из Пажеского корпуса и продолжительной службой в Финляндии[1]. Длительный отпуск позволил ему провести в Москве некоторое время, но здесь Баратынский чувствовал себя в полной изоляции, так как его друзья и литературные контакты остались в Петербурге. В письмах своему другу Н. В. Путяте он писал, что Москва ему «наполнила ядом не только ... сердце, но и кости»[2]. Она стала для него новым местом ссылки. Депрессия не замедлила обернуться физическим недомоганием.

21 ноября 1825 года Баратынский встретил князя Вяземского, который знал его поэзию и восхищался ею. Вяземский представил Баратынского некоторым влиятельным людям, и это помогло ему войти в московские литературные круги[3].

31 января 1826 года Баратынский вышел в отставку и переехал в Москву. Он начал регулярно встречаться с И. В. Киреевским, Н. М. Языковым, А. С. Хомяковым, С. А. Соболевским, Н. Ф. Павловым, М. П. Погодиным, С. П. Шевырёвым и Н. А. Полевым. Последнему Баратынский доверил позже публикацию своих литературных работ.

В июне 1826 года Баратынский женился на Настасье Львовне Энгельгардт, и этот брак принёс ему, по его собственному признанию, счастье

и внутренний покой[4]. Хотя его по-прежнему называли «Гамлет-Баратынский», он уже не чувствовал себя чужим в Москве. Он посещал литературные собрания, проходившие в знаменитом салоне Д. Н. и Е. А. Свербеевых, а также регулярно бывал в салоне Авдотьи Петровны Елагиной, чей сын, Иван Васильевич Киреевский, стал его близким другом.

Что касается Зинаиды Волконской, то её салон занял особое место в московский период жизни Баратынского. Пока он страдал от депрессии и избегал общества, он был редким гостем во «Дворце муз», как москвичи называли дом на Тверской. Теперь же он наслаждался возможностью встречаться в этом салоне с наиболее значительными людьми своего времени, что стало для него источником вдохновения. Баратынский посещал обеды, литературные чтения и концерты. Именно здесь он установил тесный контакт с двумя великими поэтами — Александром Пушкиным и Адамом Мицкевичем, оказавшими на него столь сильное влияние. Перед отъездом Пушкина из Москвы Волконская устроила «литературный обед», на который пригласила и Баратынского, среди многих известных писателей и критиков: П.А Вяземского, С. А. Соболевского, А. С. Хомякова, Д. В. Веневитинова, М. П. Погодина, С. Е. Раича и А. Мицкевича[5]. Своё восхищение Волконской Евгений Баратынский выразил в стихотворении «Из царства виста и зимы», в котором сожалел о её отъезде в Италию в феврале 1829 года[6]. По случаю дня рождения княгини, который она отмечала в России последний раз, группа поэтов (Баратынский, Вяземский, Шевырёв, Павлов и Киреевский) посвятила ей шуточные «Куплеты»[7].

Отъезд Волконской из России не прервал дружеских отношений Баратынского с ней. В библиотеке княгини в Риме мы обнаружили два тома работ Баратынского, присланных из Москвы, с посвящениями ей, написанными рукой автора[8]. В письмах друзьям из Рима княгиня постоянно спрашивает о Баратынском. Иногда она служит посредником в контактах между поэтом и их общими друзьями. Например, письмо князя Вяземского Александру Тургеневу от 1 января 1829 года информирует последнего о том, что он вскоре получит письмо и некоторые стихотворения от Баратынского через посредство «княгини Зинаиды»[9].

Когда в конце 1843 года Баратынский с женой отправился в первое (и последнее) заграничное путешествие, он немедленно связался с Волконской, которая находилась в Риме. Так как перед отъездом из Парижа в Неаполь он чувствовал себя неважно, княгиня советовала ему обратиться к врачам в Неаполе[10].

Баратынские прибыли в Неаполь ранней весной 1844 года. Поэт был переполнен восторгом, жизнь «под небом Торквато» вызвала у него прилив вдохновения. Его последнее стихотворение «Дядьке итальянцу» содержит экстатическое прославление Италии и её красот и пожелание, чтобы «незримо слить в безмыслии златом / Сон неги сладостной с последним, вечным сном»[11]. Эта строчка оказалась пророческой: 11 июля 1844 года Евгений Абрамович Баратынский скоропостижно скончался в возрасте сорока четырёх лет.

Лист (11,7 × 20,7 см). Текст письма расположен на лицевой стороне. На обороте следы зелёного сургуча и надпись: «Madame / Madame la Princesse de Volkonsky».

Не опубликовано.

Je suis pénétré de reconnaissance, Madame, pour tout ce que vous dites d'obligeant pour ma petite nouvelle. Votre approbation serait plus que flatteuse pour moi, si je ne savais que vous êtes un critique aussi indulgent qu'éclairé. Ce n'est que ma mauvaise santé que m'a empêché de me présenter chez vous et qui me privera encore demain de ce plaisir. Vous ne pouvez douter, Madame, que dès que je me sentirai en état de sortir, je m'empresserai de vous présenter mes respects: s'il en était autrement je manquerais en même temps à mon intérêt et à mon devoir. J'ai l'honneur d'être

Madame
votre très humble et très
obéissant serviteur
Eugène Baratinsky

[без места и даты]
[Москва]
[не ранее 21 ноября 1825 — не позднее 4 июня 1826][i]

Я преисполнен признательности, Мадам, за всё, что Вы говорите любезного о моей маленькой новелле[ii]. Ваша оценка была бы для меня более чем лестной, если бы я не знал, что Вы также являетесь критиком столь же снисходительным, сколь и просвещённым[iii]. Только моё болезненное состояние препятствует мне увидеть Вас и лишит меня этого удовольствия даже ещё и завтра. Не сомневайтесь, Мадам, что, как только я почувствую себя в состоянии выходить, я поспешу засвидетельствовать Вам моё почтение — могу ли я пренебречь одновременно своей заинтересованностью и своей обязанностью?

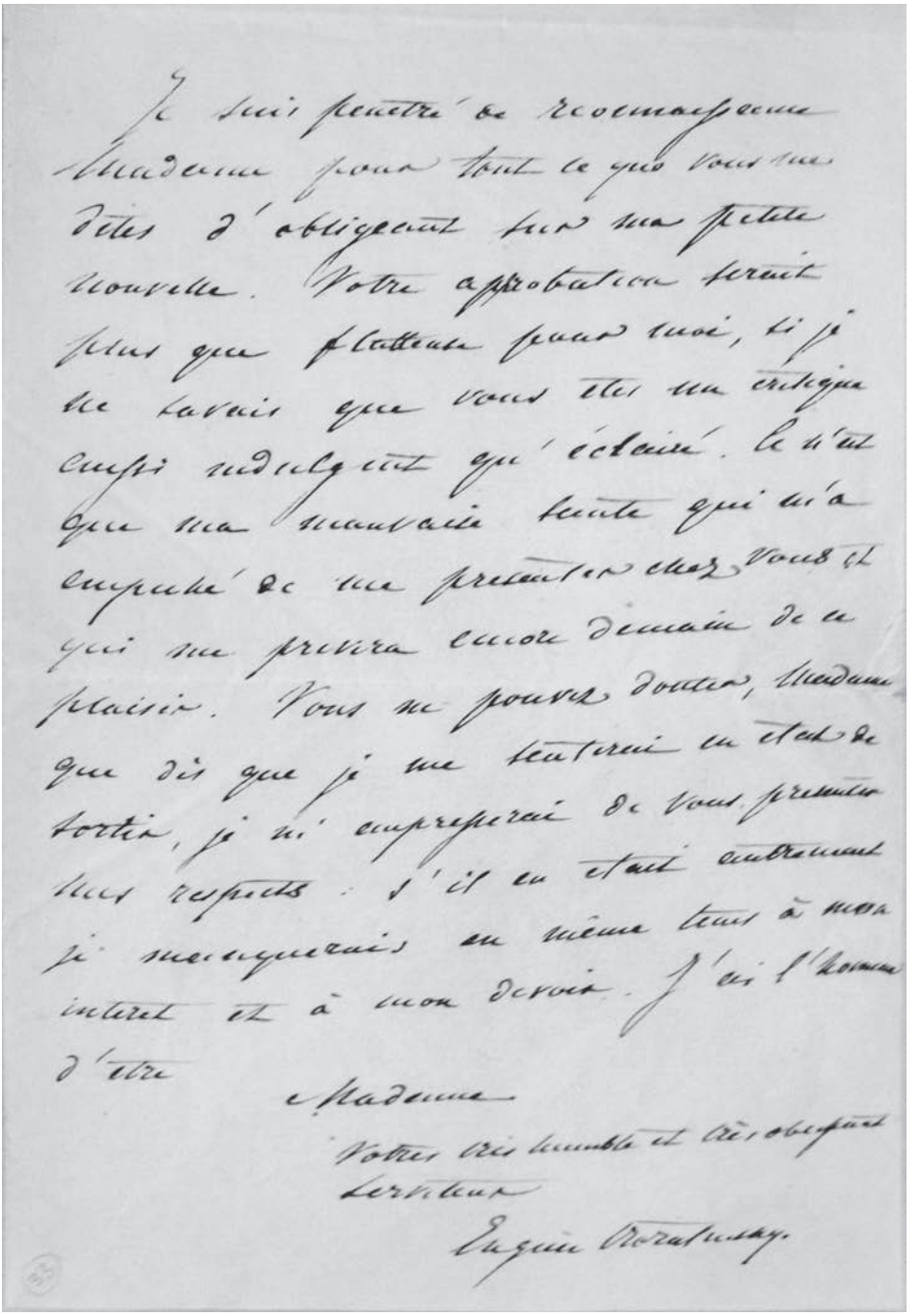
Имею честь быть Вашим,
Мадам,
покорнейшим
и послушным слугой
Евгений Баратынский.

[i] Для Баратынского характерно не датировать письма: из семидесяти его недавно опубликованных писем только два содержат точную дату — это официальные донесения, которые он составлял во время службы при штабе генерал-губернатора Финляндии А. А. Закревского[12]. Мы уже установили, что письмо, адресованное Волконской, было написано в Москве. Чтобы определить дату, необходимо принять во внимание состояние психического и физического здоровья Баратынского. Письмо, содержащее жалобы на здоровье, не могло быть написано ранее 21 ноября 1825 года — даты знакомства

с Вяземским, который позже представил его Волконской. С другой стороны, оно не могло быть написано позже 4 июня 1826 года, когда, в связи с женитьбой, он вышел из состояния депрессии и болезни. Таким образом, приблизительный период написания этого письма охватывает шесть месяцев.

[ii] Чтобы определить, что Баратынский имеет в виду под «маленькой новеллой», которую он послал Волконской, нужно просмотреть его короткие произведения, опубликованные между ноябрём 1825-го и июнем 1826-го. Хотя его поэма «Эда», которая вышла отдельным изданием в 1826 году, и имела отчётливо повествовательный характер, сомнительно, чтобы Баратынский мог назвать её новеллой. Гораздо более вероятно, что он послал Волконской короткий рассказ «История кокетства», опубликованный в альманахе «Северные цветы» в 1825 году[13]. Это произведение из девяти страниц представляет собой замысловатую притчу о богине кокетства, дочери Венеры. Повествование, опирающееся на мифологию, продолжено до времён французской революции, когда богиня вынуждена изменить только свою стратегию, но не характер: «Кокетство можно назвать политикою прекрасного пола». Это короткое остроумное эссе было вполне во вкусе княгини Волконской.

[iii] Даже учитывая изысканную манеру выражения и преувеличенные комплименты, модные в то время, оценка Баратынским княгини Зинаиды как критика «снисходительного и просвещённого» подтверждает, что у них были литературные дискуссии и что он ценил её мнение. Его отношение к литературным опытам Волконской выражено также в стихах, ей посвящённых (см.[6,7]).



Je suis pénétré de reconnaissance
Madame pour tout ce que vous me
dites d'obligeant sur ma petite
nouvelle. Votre approbation serait
plus que flatteuse pour moi, si je
ne savais que vous êtes un critique
aussi indulgent qu'éclairé. Je n'ai
que ma mauvaise santé qui m'a
empêché de me présenter chez vous et
qui me privera encore demain de ce
plaisir. Vous ne pouvez douter, Madame
que dès que je me serai mis en état de
sortir, je m'empresserai de vous présenter
mes respects : s'il en était autrement
je manquerais en même tems à mon
intérêt et à mon devoir. J'ai l'honneur
d'être

Madame

Votre très humble et très obéissant
serviteur

Eugène Baratynsky.

Письмо Е. А. Баратынского кн. З. Волконской. [Москва, не ранее 21 ноября 1825 г. — не позднее 4 июня 1826 г.] Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(33)

Письмо И. И. Козлова

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки.
А. С. Пушкин. Козлову[1]

Современный читатель вряд ли знаком с именем поэта Ивана Ивановича Козлова (1779–1840). Исчерпывающую характеристику его творчества дал В. Г. Белинский: «Самобытность замечательного таланта Козлова не подлежит ни малейшему сомнению; его талант был выражением его души, и талант его тесно связан с его жизнью. Без потери зрения Козлов прожил бы весь век, не подозревая в себе поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться с самим собою, заглянуть в таинственное святилище души своей и открыть там самородный ключ поэтического вдохновения. Таинства страдания, покорность воле Провидения, надежда на лучшую жизнь за гробом, вера в любовь, тихое уныние, кроткая грусть — вот обычное содержание и колорит его вдохновений. Присовокупите к этому прекрасный, мелодический стих, и муза Козлова охарактеризована вполне»[2].

Данное неопубликованное письмо поэта Ивана Ивановича Козлова Зинаиде Волконской представляет интерес во многих отношениях. Оно проливает свет на дружбу между слепым поэтом и княгиней, которая занимала важное место в его жизни в течение многих лет и как понимающий друг, и как источник вдохновения. В то же время письмо является ценным свидетельством современной поэту литературной жизни и его собственных работ. Из всех писем, написанных рукой Козлова или продиктованных им жене и дочери, только небольшое число было сохранено, а из них лишь некоторые представляют литературный интерес. Дневник, начатый им в 1820 году и внезапно прерванный 20 июля 1825 года, был возобновлён пятью годами позже[3]. Поэтому любая информация об Иване Козлове, относящаяся к периоду между 1825 и 1830 годами, весьма интересна для исследователей жизни и творчества поэта.

Ко времени написания письма З. Волконской (1826) И. Козлов был парализован и слеп. Он смог продолжать полноценное существование благодаря семье, друзьям и литературному творчеству. Как заметил В. Жуковский, «несчастье сделало из него поэта»[4]. Козлов никогда не чувствовал себя покинутым или находящимся в изоляции. «Несмотря на слепоту, — шутил П. Вяземский, — он знает обо всём, что происходит в городе, подобно нашему

стоногому и стоглазому Тургеневу»[5]. О том, что происходило в литературном мире, его постоянно информировали друзья: В. Жуковский, А. Грибоедов, П. Вяземский, братья Тургеневы, А. Пушкин, А. Дельвиг, Н. Гнедич и Е. Баратынский[6]. Поэт был страстным любителем музыки и получал особенное удовольствие, слушая исполнение своих друзей, включая композиторов М. Глинку и А. Даргомыжского, пианистку М. Шимановскую и певиц М. Голицыну, П. Бартеневу и З. Волконскую. Прикованного к постели поэта часто посещали прекрасные и жизнерадостные женщины, но самые близкие отношения связывали его с Александрой Протасовой и княгиней Зинаидой Волконской[7].

Хотя нам неизвестна точная дата встречи Волконской и Козлова, его стихотворение от 1825 года, обращённое к ней, подтверждает, что он живо помнит её появление: «Я только помню, что видал / Певицы образ несравненный. / О, помню я, каким огнём / Сияли очи голубые...»[8]

Знакомство поэта и княгини могло состояться либо перед отъездом Волконской за границу в 1813 году, либо во время её пребывания в Петербурге между апрелем и сентябрём 1817 года. Оно очевидно не могло иметь места после 1821 года, когда уже парализованный поэт окончательно потерял зрение.

Дружба между Козловым и Волконской охватывает два десятилетия. После её отъезда сначала в Москву, а затем за границу они не виделись годами, но их взаимный интерес никогда не исчезал.

Весной 1825 года, когда княгиня приезжала в Петербург, она встречалась с Козловым несколько раз. В его дневниковой записи от 14 апреля 1825 года отмечено, что, когда он получил от издателя первые копии своей длинной поэмы «Чернец. Киевская повесть», то первую из них он подарил жене, а вторую — княгине Зинаиде[9]. Дневник даёт также детальный отчёт о встрече поэта с Волконской в последующие дни:

«16 апреля. Я отправился к княгине Белосельской на rendez-vous с кн. Зинаидой Волконской. Эта прелестная Зинаида выказала мне трогательную нежность. Я ей сказал стихи, ей посвящённые („Мне говорят: Она поёт — И радость тихо в сердце льётся“). Она меня восхитила, спев мне арию из Pavesi и романс „Isolina“ Veluti. Она поёт чудесно: голос, молода, душа, и она пела для меня... Сердце радовалось. Я ей прочёл наизусть „Венецианскую ночь“. Она разговаривала со мною с такой грацией, эта мелодичная Зинаида, романтическая Пери! Мы вместе пили чай. Затем она отправилась к графине Лебцельтерн, а я пошёл к себе с сердцем наполненным ею. Она тоже обещала мне навсегда нежную дружбу...

18 апреля. Вечером приехала ко мне кн. Зинаида Волконская с кн. Софьей Волконской и её дочерью Алиной. Зинаида обнаружила такое трогательное ко мне участие; её дружба для меня — истинное счастье. Наша привязанность, надеюсь, продолжится всю жизнь нашу».

Уже цитированное стихотворение Козлова, посвящённое Волконской, «Мне говорят: Она поёт» передаёт впечатление поэта от пения, создавая обворожительный образ певицы, её романтический облик, её великолепный голос, её оживлённый разговор: «И то, что мило на земли, / Когда поёт она — милее, / И пламенный огонь любви, / И всё прекрасное светлее». Amitié amoureuse (дружба-любовь) Козлова и Волконской основывалась на их общей любви к поэзии и музыке: «И помню звук её речей, / Как помнят чувство дорогое; / Он слышится в душе моей, / В нём было что-то неземное»[10].

После возвращения Волконской в Москву их «нежная дружба» продолжилась. Письмо от 25 ноября 1826 года, которое мы приводим, является единственным оставшимся свидетельством их несомненно интенсивной переписки. В 1828 году Козлов послал Волконской свой перевод «Португальской песни» Байрона; на эти стихи Даргомыжский написал музыку, очевидно предназначенную для исполнения Волконской[11].

Последняя встреча Волконской со слепым поэтом произошла, вероятно, в начале 1828 года, когда Вяземский написал Козлову об интересе княгини к его поэзии и о её предстоящем приезде в Петербург: «Я недавно читал наши сонеты на академическом обеде у княгини Зинаиды, которая слушала их с большим удовольствием. Она будет говорить об этом с вами сама, так как собирается приехать в Петербург»[12]. Отъезд Зинаиды Волконской из России в 1829 году не разорвал нити их долгой дружбы. В римской библиотеке княгини имеется несколько томов произведений Козлова[13]. Известно, что в конце 1830 года он послал княгине свою романтическую поэму «Безумная». Тётка Зинаиды, графиня А. Г. Лаваль, 10 февраля 1831 года писала Козлову: «Получила письмо от Зенеиды, она читала вашу „Безумную“; описание северного сияния ей особенно понравилось; она поручила вам это сказать и благодарит за память о ней»[14]. Козлов послал в Рим ещё одно стихотворение, посвящённое Волконской, которое остаётся неопубликованным до сих пор: «Приди, приди...» («Песня соловья»). В нём поэт жалуется, что не может последовать за княгиней в Италию: «Не полететь мне за тобой <...> Куда всегда заветные мечты / И все желания стремились»[15].

За два года до смерти Козлова Волконская прислала ему из Италии стихотворение, начинающееся строками: «Ты арфа страданья, / Ты арфа терпенья — / Ты арфа любви». Она горюет о страданиях поэта и взывает к его стойкому духу, обещая ему награду в раю: «Терпи, моя арфа. / Звучишь ты надеждой, / Пророчишь ты рай»[16]. Козлов откликнулся эмоциональной вариацией на тему Волконской: «Ты арфа тревоги, ты — арфа любви...» Он заканчивает стихотворение прославлением далёкого друга, используя образ лучистой звезды: «...А ты горишь в небе прекрасной звездой, / Как ангел прекрасный, нетленный!»[17]

Так закончился поэтический диалог между Иваном Козловым и Зинаидой Волконской.

Лист (19,7 × 24,5 см), сложен вдвое по вертикали. Текст письма расположен на трёх страницах. Письмо написано рукой дочери И. И. Козлова Александры. Подписано неровным почерком самого Козлова: Jean de Kosloff.

Не опубликовано.

St Pétersbourg, le 25 Novembre 1826

Chère Princesse,

Agréez, je vous prie, mes remerciments pour l'aimable lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire; je ne puis vous exprimer l'extrême plaisir qu'elle m'a causé, votre souvenir m'est si précieux! Et rêvant toujours à ce qui est si cher à mon cœur, je trouve dans les gracieuses expressions de votre délicate amitié un charme infini. Vos lettres, Chère Princesse, sont pour moi comme ces pots de fleurs que l'on place sur la fenêtre des prisonniers. Je dois aussi vous remercier beaucoup pour l'agréable connaissance de mr Vénévitinoff: il paraît avoir beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissances et surtout une bonne et belle âme. Il m'a remis votre Jeanne d'Arc, et croyez que vous serez pour nous deux un sujet intarissable de bien doux entretiens.

Ma *Fiancée d'Abydos* a paru depuis deux jours; hier j'ai remis à la Princesse Bélosselsky un exemplaire avec une inscription de ma main, qui vous est adressée, et je vous supplie de recevoir ma jeune Turque avec votre grâce accoutumée. La Princesse Bélosselsky m'a répondu par écrit, qu'elle vous ferait tenir votre exemplaire tout de suite, et vous m'obligerez beaucoup en m'accusant le reçu. Je me suis bien promis de ne plus rien traduire; j'avais planté là ma *Fiancée* à la moitié de l'ouvrage, pour faire mon *Černec*, ensuite je l'ai achevé tout en écrivant ma *Princesse Dolgorouky*. Ce nouveau petit poème avance, je voudrais bien vous lire la scène de la jeune pèlerine chez le prêtre qui ne la reconnaît point et lui raconte sa propre aventure. J'ai beaucoup changé à la vision que vous connaissez *déjà*, je cherche à faire de mon mieux, et à moi aussi: *l'art de bien parler aux hommes me semble bien digne d'envie*; cette charmante citation d'un auteur que j'aime tant, vous dira qu'on m'a lu quelque chose qui m'a bien fait plaisir: il était impossible de choisir un plus beau sujet, ni de le commencer d'une manière plus brillante, je vous en parlerai plus amplement dans ma prochaine lettre, espérant toujours une réponse à celle-là dans laquelle vous me direz ce que vous pensez de ma Zuleica; je vous recommande son portrait dans le Ier chant, le fatal combat et sa mort, ainsi que celle de Sélim dans le II, et surtout l'épilogue. Je suis fâché de ce que la censure m'a rayé le commencement du XXème fragment du II chant.

Mon Dieu! Comme la maladie de la bonne Princesse Sophie me trouble et m'afflige; je l'ai vue assez souvent pendant ce mois d'Août, j'allais chez elle le matin et nous causions beaucoup, je me suis fort attaché à elle: elle a l'âme bien pure et bien noble! C'est la manière dont elle a pris ses chagrins qui a provoqué ce mal si douloureux pour elle, si effrayant pour ses amis: j'espère que Dieu la tirera pleinement d'affaire; elle-même et sa charmante fille le méritent

bien, espérons et beaucoup. Le billet d'hier de la chère P[rincesse] Aline est très satisfaisant, et j'en rends grâce au Ciel. Parlez-moi de vos occupations, Chère Princesse: que fait ce beau chant qui me vibre encore dans le fond de l'âme? On m'a lu des scènes de Godounoff, il y a des choses tout à fait dignes de Shakespeare, c'est un véritable génie.

Veuillez dire à Viazamsky que je lui enverrai son exemplaire par la poste prochaine. Ma femme et mes enfants se rappellent à votre souvenir, et moi, je suis de coeur et d'âme avec un respect sincère pour la vie

tout à vous
Jean de Kosloff

Санкт Петербург, 25 Ноября 1826.

Дорогая княгиня,

Примите, прошу вас, мою благодарность за любезное письмо, которое вы были так добры мне написать; не могу выразить вам исключительную радость, которую оно мне принесло, то, что вы обо мне помните, так для меня ценно! Мечтая всегда о тех, кто дорог моему сердцу, я нахожу в грациозных выражениях вашей нежной дружбы бесконечное очарование. Ваши письма, княгиня, для меня как цветы на окне узника. Я должен также поблагодарить вас за приятное знакомство с господином Веневитиновым: очевидно, он очень умён, обладает обширными знаниями, и при этом у него добрая и прекрасная душа[i]. Он передал мне вашу Жанну Д'Арк, и, поверьте, вы станете для нас обоих неиссякаемой темой интересных бесед[ii].

Моя *Абидосская невеста* вышла два дня назад; вчера я передал через княгиню Белосельскую экземпляр с моей надписью, обращённой к вам, и я умоляю вас принять мою молодую турчанку милостиво, как всегда[iii]. Княгиня Белосельская написала мне, что передаст вам ваш экземпляр немедленно, и я буду очень обязан вам, если вы подтвердите получение[iv]. Я обещал себе больше ничего не переводить; я бросил работу над *Невестой* на середине, чтобы закончить своего *Чернеца*, затем я завершил в рукописи *Княгиню Долгорукую*. Эта новая маленькая поэма начинается сценой встречи молодой странницы со священником, который её совсем не узнал, и рассказывает ей своё собственное приключение[v]. Я изменил свою точку зрения на то, что вы *уже знаете*, и стремлюсь, насколько в моих силах, применить к себе: *искусство правильного общения с людьми кажется мне завидным качеством*[vi]; эта чудесная цитата из автора, которого я так люблю, подскажет вам, что мне читают то, что доставляет мне удовольствие: невозможно выбрать лучший сюжет и начать в манере более блестящей, я вам скажу об этом подробнее в следующем письме, надеясь, как всегда, на ваш отклик; в письме вы мне скажете, что вы думаете о моей Зулейке; её портрет, её отчаянная борьба и смерть представлены в первой песне, затем

смерть Селима во второй, и особенно я рекомендую эпилог. Досадно, что цензура вычеркнула начало двадцатого фрагмента второй песни[vii].

Господи! Как меня беспокоит и удручает болезнь милой княгини Софьи; я видел её довольно часто в августе, я проводил с ней утро, и мы много говорили, я очень к ней привязался: у неё душа чистая и благородная! То, как она восприняла эти несчастья, привело её к мучительной болезни, так пугающей её друзей: я надеюсь, что Бог вызволит её; и она, и её очаровательная дочь заслуживают этого, очень надеемся. Вчерашняя записка от дорогой княжны Алины очень обнадёживает, благодарение Небесам[viii]. Расскажите мне, чем вы заняты сейчас, дорогая княгиня: что делает эта прекрасная песня, что ещё волнует меня до глубины души? Мне читали сцены из Годунова, есть места, достойные Шекспира, это настоящий гений[ix].

Пожалуйста, скажите Вяземскому, что я отправлю его экземпляр будущей почтой[x]. Моя жена и дети помнят о вашей дружбе, а я, сердечно и душевно, с искренним уважением на всю жизнь[xi]

Ваш
Иван Козлов.

[i] Дмитрий Веневитинов (1805–1827) — переводчик Д. Байрона, И. Гёте, Шиллера и Э. Т. А. Гофмана, а также философских трактатов Ф. Шеллинга и произведений классической литературы. Вместе с В. Одоевским основал тайное философское «Общество любомудрия», куда входили также В. Титов, А. Кошелев, И. Киреевский и другие. Спектр их интересов был очень широк и включал не только немецких философов — Ф. Шеллинга, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шлегеля и других, но и французских — Р. Декарта, английских — Д. Юма и Д. Локка. Дискуссии этой группы часто происходили в салоне княгини Волконской. Д. Веневитинов, безнадёжно влюблённый в княгиню Зинаиду, посвятил ей свои лучшие стихотворения. В октябре или ноябре 1826 года он поступил на службу в азиатский департамент министерства иностранных дел в Петербурге и познакомился с И. Козловым, которому его, как следует из текста письма, представила Волконская. Среди статей Веневитинова есть рецензия на перевод Козловым «Абидосской невесты» Байрона. И. Киреевский восхищался в блестящем молодом человеке «гармонией ума и сердца»[18]. В память о молодом поэте З. Волконская поставила мраморный памятник в саду своей римской виллы и посвятила ему стихотворение: «И стиль, и форма в его трудах — всё совершенно и мудро...»[19]

[ii] Волконская сначала перевела пьесу Ф. Шиллера «Орлеанская дева» с немецкого на итальянский в Риме в 1821 году; ей помогал скульптор С. Гальберг. Она использовала этот перевод как основу для либретто своей оперы Giovanna d'Arco, в которой сама исполняла главную партию. Пятью годами позже, в Москве, она вернулась к этой работе и начала переводить её на русский, но оставила свою попытку незавершённой. В октябре 1826 года она послала А. Пушкину несколько страниц своего перевода вместе

с литографией её портрета в роли Жанны д'Арк, выполненного Фёдором (Фиделио) Бруни[20]. Веневитинов принёс копию этой работы Козлову.

[iii] И. Козлов перевёл поэму Байрона «The Bride of Abydos» на французский в 1819 году, посвятив её императрице Елизавете Алексеевне, а позже сделал перевод на русский[21]. Его перевод этой «Турецкой поэмы» Байрона увидел свет в форме книги 24 ноября 1826 года. Козлов говорит именно об этом первом полном издании, которое он послал Волконской через её мачеху два дня спустя после публикации.

[iv] Княгиня Анна Григорьевна Белосельская, урождённая Козицкая (1767–1846), была второй женой князя Белосельского (с 1795 года). Несмотря на отсутствие титула, она была одной из самых завидных невест; её богатство позволило князю продолжать привычный образ жизни и серьёзно заниматься коллекционированием произведений искусства. В то время мачеха Зинаиды жила в их известном дворце на Невском проспекте и поддерживала постоянный контакт с Козловым, помогая ему всячески, даже копируя его стихи для него.

[v] «Чернец. Киевская повесть»[22] была первой большой поэмой Козлова. Несмотря на то что она была написана под влиянием «Гяура» Байрона, поэма создала ему репутацию первоклассного поэта. Отрывки поэмы появились сначала в журналах, затем, в 1825 году, она была издана в виде книги, с предисловием В. Жуковского. В то же самое время И. Козлов работал над другой большой поэмой из русской истории, которую назвал «Княгиня Наталья Долгорукая»[23]. Он начал её в 1824 году и уверял А. Дельвига, что закончит её через несколько месяцев. Но, как следует из письма, в ноябре 1826 поэма ещё не была закончена. Она была опубликована, не полностью, в 1828 году. В этом письме название поэмы на русском было вставлено другим, неровным почерком, скорее всего, почерком самого Козлова.

[vi] Обсуждая прогресс в своей работе над «Чернецом», поэт включает следующую французскую цитату, не указывая её автора: «Искусство общения с людьми кажется мне качеством, достойным зависти». Ссылка на автора, который начинает повествование «в такой блестящей манере», отсылает нас к любимым писателям поэта[24]. Мы приходим к заключению, что роман, который имеет в виду Козлов,— «Адольф» Бенжамина Констана. Слепой поэт даёт свободный перевод пассажа, поразившего его тем, как верно в нём отражена человеческая природа. Б. Констан начинает свой роман с пространной характеристики отца Адольфа и фразы в ней, что он «упражнялся в таком несчастливом влиянии на формирование характера» своего сына. Годы спустя отец начинает понимать, что причиной очевидно бессердечного поведения сына была врождённая застенчивость, неспособность общаться. Это, отмечает он, «замораживает наши слова, искажая всё, что мы пытаемся сказать, и не позволяет нам выразить себя иначе, как неопределённо или с горькой иронией»[25]. Подобная же ссылка на Б. Констана появляется в посвящении Вяземского своего перевода

«Адольфа» А. С. Пушкину: «Прими мой перевод нашего любимого романа»[26].

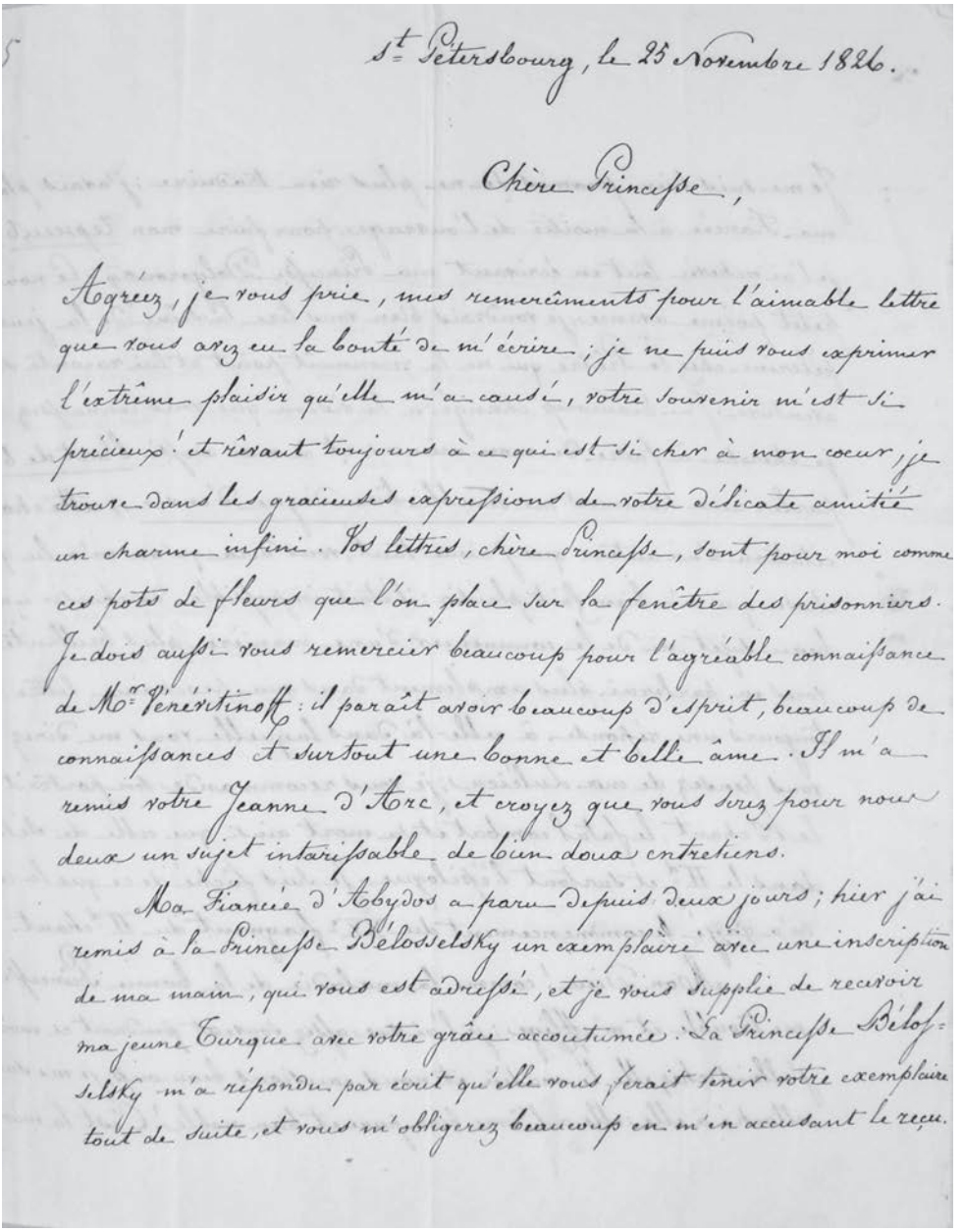
[vii] Зулейка и Селим — основные персонажи поэмы Козлова «Абидосская невеста». Строчки, вычеркнутые цензором, описывали революционный дух повстанцев. В более поздних изданиях они были воспроизведены.

[viii] Княгиня Софья Григорьевна Волконская (1785–1868) — сестра Николая, Никиты и Сергея Волконских и жена Петра Михайловича Волконского, министра Императорского двора и уделов при Николае I. Упоминая тяжёлые душевные переживания, приведшие к болезни Софьи Волконской, И. Козлов имеет в виду арест и последующую ссылку в Сибирь её брата Сергея, который участвовал в восстании декабристов 14 декабря 1825 года. Поэт был очень озабочен болезнью княгини Софьи. Когда она уехала лечиться на воды в Германию, в Эмс, а затем в Италию, он писал ей записки своим неверным почерком и просил общих друзей держать его в курсе её состояния[27]. Он также очень любил дочь Софьи Волконской, Алину, в замужестве Дурново (1804–1859). Алину любили и уважали выдающиеся писатели того времени за интеллигентность и милый характер[28].

[ix] Принято считать, что пушкинский «Борис Годунов» был прочитан И. Козлову в 1827 году. Вскоре после появления первых отрывков из пьесы князь Вяземский написал ему: «Я очень хорошо понимаю, какое удовольствие вы получили от Пушкина и компании — имею в виду Евгения Онегина и Бориса Годунова. Ваша княгиня конечно будет флиртовать с этими господами»[29]. Наше письмо, однако, утверждает, что некоторые сцены из пьесы были прочитаны ему раньше, осенью 1826 года.

[x] Князь Вяземский был тогда в Москве, и Козлов послал ему одну из первых копий своей «Абидосской невесты».

[xi] Жена Козлова, Софья Андреевна, урождённая Давыдова (?–1864), на которой он женился в 1809 году, ещё будучи блестящим офицером. У них был сын Иван (1810–1883) и дочь Александра (1812–1903), которая была для отца секретарём, чтецом и постоянным компаньоном.



5

St Petersbourg, le 25 Novembre 1826.

Chère Princesse,

Agréez, je vous prie, mes remercîments pour l'aimable lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire; je ne puis vous exprimer l'extrême plaisir qu'elle m'a causé, votre souvenir m'est si précieux! et rêvant toujours à ce qui est si cher à mon coeur, je trouve dans les gracieuses expressions de votre délicate amitié un charme infini. Vos lettres, chère Princesse, sont pour moi comme ces pots de fleurs que l'on place sur la fenêtre des prisonniers. Je dois aussi vous remercier beaucoup pour l'agréable connaissance de Mr Pénéritinoff: il paraît avoir beaucoup d'esprit, beaucoup de connaissances et surtout une bonne et belle âme. Il m'a remis votre Jeanne d'Arc, et croyez que vous serez pour nous deux un sujet intarissable de bien doux entretiens.

Ma Fiancée d'Abydos a paru depuis deux jours; hier j'ai remis à la Princesse Bélosselsky un exemplaire avec une inscription de ma main, qui vous est adressé, et je vous supplie de recevoir ma jeune Turque avec votre grâce accoutumée. La Princesse Bélosselsky m'a répondu par écrit qu'elle vous ferait tenir votre exemplaire tout de suite, et vous m'obligerez beaucoup en m'en accusant le reçu.

Письмо И. И. Козлова кн. З. Волконской. СПб., 25 ноября 1826 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(34)

Je me suis bien promis de ne plus rien traduire ; j'avais planté là ma Fiancée à la moitié de l'ouvrage, pour faire mon (Repuesto), ensuite je l'ai achevée tout en écrivant ma Princesse Dolgorouky. Ce nouveau petit poème avance, je voudrais bien vous lire la scène de la jeune pèlerine chez le Prêtre qui ne la reconnaît point et lui raconte sa propre aventure. J'ai beaucoup changé à la vision que vous connaissez déjà, je cherche à faire de mon mieux, et à moi aussi l'art de bien parler aux hommes me semble bien digne d'envie ; cette charmante citation d'un auteur que j'aime tant, vous dira qu'on m'a lu quelque chose qui m'a bien fait plaisir : il était impossible de choisir un plus beau sujet, ni de le commencer d'une manière plus brillante, je vous en parlerai plus amplement dans ma prochaine lettre, espérant toujours une réponse à celle-là dans laquelle vous me direz ce que vous pensez de ma Zuleica ; je vous recommande son portrait dans le 1er chant, le fatal combat et sa mort ainsi que celle de Sélim dans le IId, et surtout l'épilogue. Je suis fâché de ce que la censure ait gâté le commencement du XXe fragment du IId chant.

Mon Dieu ! comme la maladie de la bonne Princesse Sophie me trouble et m'afflige ; je l'ai vue assez souvent pendant ce mois d'août j'allais chez elle le matin et nous causions beaucoup, je me suis fort attaché à elle : elle a l'âme bien pure et bien noble ! C'est la manière

Письмо И. И. Козлова кн. З. Волконской. С. 2

dont elle a pris ses chagrins qui a provoqué ce mal si douloureux pour elle, si effrayant pour ses amis : j'espère que Dieu la tirera pleinement d'affaire ; elle-même et sa charmante fille le méritent bien, espérons et beaucoup. Le billet d'hier de la chère P. Aline est très satisfaisant, et j'en rends grâce au Ciel. Parlez-moi de vos occupations, chère Princesse ; que fait ce beau chant qui me vibre encore dans le fond de l'âme ? On m'a lu des scènes de Godounoff, il y a des choses tout à fait dignes de Shakespeare, c'est un véritable génie.

Veuillez dire à Viazemsky que je lui enverrai son exemplaire par la poste prochaine. Ma femme et mes enfants se rappellent à votre souvenir, et moi, je suis de cœur et d'âme avec un respect sincère pour la vie

tout à vous

Jean de Kozloff.

Письмо И.И. Козлова кн. З. Волконской. С. 3

Письмо М. И. Глинки

Письмо от Михаила Ивановича Глинки, написанное Зинаиде Волконской 23 февраля 1832 года, представляет особый интерес, так как является единственным источником, проливающим свет на их взаимоотношения[1]. Волконская сама была превосходным музыкантом и много лет занимала важное место в музыкальной жизни Европы.

До прибытия в Неаполь, откуда он написал письмо З. Волконской, М. И. Глинка путешествовал по Германии и Италии. Это было его первое заграничное путешествие, разрешение на которое он получил в связи с необходимостью лечения в тёплом климате. Но главной целью путешествия композитора было, однако, знакомство с немецкой и итальянской музыкой. Он покинул Россию 25 апреля/7 мая 1830 года в сопровождении Николая Кузьмича Иванова, молодого певца из Императорской певческой капеллы, чьи дорожные расходы были оплачены отцом Глинки.

В Италии М. Глинка и Н. Иванов остановились в Милане, где провели почти год. Это было счастливое и творчески насыщенное время, когда Глинка полностью погрузился в итальянскую музыку. Он посещал концерты и оперы в театрах «Ля Скала» и «Каркано», встречался со многими итальянскими музыкантами, сочинял и исполнял камерную музыку на темы итальянских опер и изучал вокальный стиль bel canto. Его знание языка способствовало установлению близкого контакта с итальянскими коллегами.

Мемуары Глинки дают детальный анализ музыкальных событий, на которых он присутствовал, а также характеристику творчества многих музыкантов, таких как В. Беллини, и Г. Доницетти; он высоко оценил новаторский метод исполнения пианиста Ф. Поллини[2]. Старые друзья Глинки по Петербургу Е. П. Штерич и С. А. Соболевский, навестившие его в Милане, подтрунивали над его «итальянизацией». Между тем «maestro russo» приобрёл широкую известность, и его композиции в стиле итальянского sentimento brillante (под который, по его словам, ему «стоило немалого труда подделываться») часто исполнялись в Италии[3]. К сожалению, повторяющиеся приступы невралгических болей омрачали ощущение полного благополучия, которым был отмечен первый год пребывания Глинки в Италии. Говоря о своей нервной чувствительности, Глинка называл себя «недотрогой-мимозой» «с целой кадрилью болезней» и отмечал, что его лечили «не менее двадцати четырёх докторов»[4].

24 сентября/6 октября 1831 года Глинка и Иванов выехали из Милана в Неаполь; их интересовала музыкальная жизнь этого города. В начале

октября они достигли Рима, где предшествовавшие их прибытию слухи о смерти Глинки сделали приём «воскресшего» композитора особенно тёплым. В своих мемуарах Глинка даёт лишь короткий отчёт о двухнедельном пребывании в Риме: «...В то время жила там княгиня Зинаида Волконская. В качестве наставника, при сыне её, был Шевырёв, известный теперь профессор московского университета, с которым я познакомился в 1828 году, в Москве, у Мельгунова. В продолжении пребывания моего в Риме, он был моим Cicerone и показал все достопримечательности с объяснениями»[5].

Хотя может показаться удивительным, что римский визит отмечен только этим единственным упоминанием, не следует забывать, что Глинка писал об этих событиях спустя двадцать три года после того, как они произошли. Многие факты могли поблёкнуть в памяти композитора или даже исчезнуть вовсе. «Если я правильно помню», «может быть», «я полагаю» и вопросительные знаки появляются на многих страницах. Это может объяснять отсутствие отклика на некоторые важные события. Например, он даже не упоминает о встрече с уже знаменитым композитором Г. Берлиозом, о которой последний рассказал в своей статье о Глинке. Согласно Берлиозу, они встретились на одном из вечеров у Ораса Верне (Horace Vernet), где несколько русских песен, сочинённых Глинкой, были прекрасно исполнены Ивановым. «Я был особенно поражён их чудесной мелодической фразировкой, так отличной от того, что я слышал прежде»[6].

Немецкий композитор Феликс Мендельсон также находился в Риме в это время, но у него нет никаких упоминаний о Глинке (между прочим, Мендельсон навестил Глинку ещё в Милане, но на больного тогда Глинку исполнение Мендельсоном его Rondo не произвело впечатления, см. «Записки»). Фактически музыкальная жизнь Рима не произвела на Мендельсона серьёзного впечатления. По-видимому, и Глинка остался равнодушным к римской музыкальной жизни, так как в своих кратких биографических заметках (подготовленных в 1854 году для издания Fétis Biographie universelle des musiciens) он никак не упоминает остановки в Риме, хотя значительное место отводит пребыванию в Неаполе.

Встречался ли прежде Глинка с Волконской, с которой, как свидетельствует его письмо, он был в близком контакте во время своего первого путешествия в Италию[7]? В самом деле, нет прямых указаний на их раннее знакомство в России. Когда княгиня жила в Петербурге, будущий композитор был ещё воспитанником Благородного пансиона; однако есть основания предполагать, что они встретились позже в Москве в 1826 или в 1828 году, быть может, оба раза.

Записи Глинки об этих годах снова очень скудны. В его рассказах нет даже упоминания о поездке в Москву, которая, конечно, заслуживает этого, потому что присутствие А. С. Пушкина в старой столице вызвало большое оживление в художественных кругах. И снова длительный перерыв между событиями и их записью может быть объяснением таких опущений.

Кроме того, не нужно забывать и о болезненном состоянии композитора в то время. Вспоминая об этом периоде, Михаил Погодин подробно рассказывает о чтении Пушкиным своей новой пьесы «Борис Годунов». Он описывает литературные собрания у Киреевских и Вяземских, а также неформальные встречи у Веневитиновых и Соболевских: «Глинка приехал — он был ближе, чем другие, к Мельгунову и Соболевскому — и музыка вошла в нашу жизнь»[8]. Поскольку княгиня Волконская вращалась в тех же московских кругах и использовала любую возможность, чтобы встретиться с Пушкиным, то очень вероятно, что Глинка был представлен ей во время одного из этих событий. Больше того, музыка играла столь важную роль в жизни княгини, что трудно представить, чтобы их общие друзья пропустили возможность познакомить её с молодым композитором, чей выдающийся талант был уже признан. Глинка отвёл только несколько строчек своей поездке в Москву весной 1828 года, упоминая лишь Мельгунова, у которого он остановился, и Adagio in B major, которое он закончил там[9]. Он не упомянул даже С. П. Шевырёва, которого, согласно его более поздним записям, он встретил в Москве в тот год. Княгиня, конечно, должна была знать о композициях Глинки — так много людей могли обратить на них её внимание. Первым из них был Н. А. Мельгунов, близкий друг и однокашник Глинки по Благородному пансиону при Педагогическом институте в Петербурге; он представил композитора литературной Москве. Писатель, публицист, литературовед и музыковед, автор романсов, он принадлежал узкому кругу салона Волконской и продолжал переписываться с ней после её отъезда в Италию. Трудно представить, чтобы Мельгунов, восхищавшийся Волконской как музыкантом, не разделил бы с ней своего восторга талантом Глинки. Далее, С. А. Соболевский и В. Ф. Одоевский предлагают другую возможную связь: первый был другом по пансиону, а второй недавним петербургским знакомцем Глинки. В совместном письме Соболевскому князь Одоевский и Веневитинов выражают своё восхищение Глинкой, отмечая, что он «музыкант, каких мало»[10].

Дмитрий Веневитинов, влюблённый в Волконскую, и Владимир Одоевский, один из её друзей, вполне вероятно, могли привлечь внимание княгини к этому выдающемуся новому таланту.

Существует упоминание о пении Волконской куплетов на текст поэта Н. Ф. Павлова на одном из музыкальных вечеров у графа Соймонова, известного в Москве поклонника музыки, чьи домашние концерты отличались высоким профессионализмом исполнителей[11]. Много лет спустя Павлов просил журналиста А. А. Краевского опубликовать эту композицию: «Пошлите в Утреннюю Зарю мои куплеты и романс. Последний, на музыку Глинки, был опубликован только однажды...» Письмо Павлова Краевскому после опубликования содержало примечание: «Куплеты спела кн. З.А. В-я на суаре у Соймонова, а романс был опубликован в Альманахе Владиславлева Утренняя заря в 1840 г.»[12] Остаётся неясным, кто написал

музыку к куплетам — Глинка или сама Волконская. Также неясно, исполняла ли Волконская романс Глинки, но важно отметить, что их имена были объединены в этой публикации их общими друзьями.

Среди книг и нот библиотеки Волконской мы наткнулись на сборник в кожаном переплёте, озаглавленный «Лирический Альбом» за 1829 год, выпущенный в Петербурге М. И. Глинкой и Н. И. Павлищевым. Он содержит шестнадцать вокальных и фортепианных пьес, из которых три романса и две фортепианные пьесы принадлежат Глинке. На титульном листе надпись:

Подарок моей дорогой тётушке от очень любящего её племянника.
Г. В[олконский]
Рим, 16 апреля, среда, 1830[13]

Этот альбом был подарен княгине Зинаиде Волконской её племянником Григорием Петровичем Волконским, тогда двадцатидвухлетним молодым человеком. Большой поклонник музыки и сам певец-любитель с исключительным голосом (basso profundo), он знал Глинку по Петербургу. Таким образом, этот альбом попал в руки Волконской за полтора года до приезда в Рим самого Глинки осенью 1831 года.

Как мы уже упоминали, запись Глинки об этом первом непродолжительном пребывании в Риме удивительно коротка. Мы знаем, тем не менее, что он посетил Волконскую, и, возможно, не один раз. Через десять дней после отъезда из Рима в Неаполь, в письме Шевырёву, Глинка передаёт свою признательность княгине за её тёплый приём: «Наше глубочайшее почтение княгине Зинаиде Александровне и всем остальным. Наша благодарность им за их гостеприимство»[14].

1 ноября 1831 года Глинка и Иванов покинули Рим и отправились в Неаполь. В своих мемуарах композитор восхищается красотами сельской местности вокруг Неаполя: «Я был в полном восторге и долго не мог налюбоваться необыкновенною, величественною красотою местоположения»[15]. Десятью днями позднее, однако, он написал Шевырёву: «Неаполь, несмотря на необычайную красоту, antipatico (неприятен) мне... Он напоминает мне Петербург... Я нашёл здесь мало итальянского». Он также жалуется на климат и уверяет Шевырёва, что принуждён будет покинуть Неаполь очень скоро[16].

Несмотря на то, что отношение Глинки к Неаполю не улучшилось, как свидетельствует письмо к Штеричу, он остался здесь гораздо дольше, чем планировал. В декабре он постепенно начал ценить разнообразие местной музыкальной жизни[17]. Хотя Глинка уже был избалован предыдущими итальянскими впечатлениями, постепенно он всё более и более восхищался высоким уровнем концертов, оперы и театра, которые он нашёл в Неаполе. «Записки» Глинки содержат оценку представлений в театрах Fondo, San Karlo, Nuovo, а также в его любимом маленьком театре San

Carlino, в котором давали представления на итальянском диалекте, vago dialetto napolitano[18]. В Неаполе Глинка встретился и несколько сблизился с Винченцо Беллини и один раз виделся с Гаэтано Доницетти; на темы из их опер он написал несколько композиций. Сопровождавший Глинку певец Иванов брал в Неаполе уроки пения у знаменитых педагогов Андреа Ноццари (Nozzari) и Жозефины Фодор-Мэйнвиель (Fodor-Mainvielle), в прошлом превосходных певцов, которым, пишет Глинка, и он «обязан более всех других ... познаниями в пении»[19]. Будучи блестящим пианистом, Глинка также любил петь. Он пишет, что в результате болезненного, длительного и неправильного лечения «из неопределённого и сиповатого голоса образовался у меня вдруг сильный, звонкий, высокий тенор, которым я потешал публику слишком пятнадцать лет...»[20] Из воспоминаний В. А. Соллогуба мы узнаём о впечатлении, которое производило пение Глинки ещё до его поездки в Италию: «Кто слышал Глинку, тот понял, что можно быть певцом потрясающим и величественным, не имея к тому никаких физических средств»[21].

Светская жизнь в Неаполе оказалась гораздо приятнее, чем ожидал Глинка. Он встретил там молодого русского живописца Карла Брюллова, который стал его другом на всю жизнь и позже участвовал в постановках его опер. Эта дружба также ввела композитора в местные художественные круги. Среди русских, живших тогда в Неаполе, была и золовка Зинаиды, княгиня Софья Григорьевна Волконская, мать Григория. Её гостеприимство примирило Глинку с этим «ненавистным» местом: «Иначе мы могли бы сгнить в этом огромном и враждебном городе»[22]. В результате Глинка отложил второй визит в Рим до своего возвращения в Россию.

Конечно, римский круг Волконской, в котором музыка играла столь значительную роль, интересовал Глинку — Зинаида успешно воссоздала здесь атмосферу своего московского салона. Её дом вскоре стал местом притяжения для писателей, художников и музыкантов. Русские друзья княгини, с которыми она поддерживала постоянную переписку, приезжая в Рим, чувствовали себя здесь как дома[23].

17/29 февраля 1832 года Глинка, снова больной и погружённый в депрессию, наконец, покинул Неаполь. В это время он собирался остановиться в Риме только на несколько дней, как он и объявил в своём запоздалом ответе на письмо Волконской.

Четыре года спустя Глинка встретил З. Волконскую снова, на этот раз в Петербурге, куда она приезжала осенью 1836 года. На приёме у Веневитиновых княгиня Зинаида пела, а Глинка аккомпанировал ей. «Княгиня всё ещё поёт прекрасно, несмотря на её возраст. Глинка играл чудесно», — комментировал Павел Дурново, очевидец этого события[24].

Лист (21,5 × 25,7 см), сложен по вертикали. Текст письма расположен на трёх первых страницах. Чернила выцветшие. На конверте с почтовой маркой надпись рукой М. Глинки: «Её превосходительству / княгине Зинаиде Волконской / Отель посольства России в Риме».

Опубликовано.

Naples, le 23 février 1832.

Veuillez bien me pardonner, Madame la Princesse, de n'avoir pas jusqu'à présent répondu à la lettre dont vous avez eu la bonté de m'honorer. Il m'a été impossible de prendre une résolution quelconque avant d'avoir reçu des nouvelles d'un de mes amis qui ne me sont parvenues qu'hier.

Je m'estime fort heureux de pouvoir venir vous remercier en personne de vos bontés. Je quitte Naples dans quelques jours pour aller à Milan. Ma santé a souffert du climat inconstant d'ici au point que j'ai entièrement abandonné mon clavecin et je suis en ce moment tout à fait indigne de l'honneur que vous me faites en me proposant de jouer dans la philarmonie. Néanmoins, j'espère que le désir de vous être agréable me tiendra lieu de savoir-faire si toutefois le peu de jours que je puis passer à Rome me permettent de prendre part à la bonne musique qu'on fait sous vos auspices. Ivanoff me charge de vous exprimer ses remercimens sincères pour l'attention dont vous voulez bien honorer son talent naissant. Il travaille toujours sous Nozzari et profite en même tems des conseils de la bonne madame Fodor. Je trouve la réputation qu'a ce premier d'être mauvais maître tout à fait dénuée de fondement. A mon arrivée à Rome je me farai un devoir de vous communiquer mes idées à son égard. Je prendrai la liberté en même tems de faire quelques observations sur l'opinion que M. Donizetti a énoncée au sujet d'Ivanoff. D'après l'avis de tous ses amis et des personnes qui connaissent le métier, il ne doit pas perdre de tems et commencer sa carrière aussitôt que cela se pourra.

Veuillez bien Madame la Princesse, fair nos remercimens à Madame Vlasov, au Conte Ricci, M-rs Bruni, Rogealine et tous nos amis pour s'être rappelé de nous. Je vous supplie de dire mille choses de ma parte à mademoiselle Marietta que je remercie infiniment de son aimable attention.

Agréez l'assurance du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être

Madame la Princesse
votre très humble serviteur
Michel Glinka

Неаполь, 23 февраля 1832.

Позвольте принести вам мои извинения, княгиня, за то, что я до сих пор не ответил на письмо, которым вы были так добры меня удостоить. Я не мог принять какого-либо решения до получения новостей от одного из моих друзей, которого я не видел до вчерашнего дня[i].

Я счастлив, что смогу лично поблагодарить вас за вашу доброту. Я покидаю Неаполь через несколько дней, чтобы ехать в Милан[ii]. Моё здоровье пострадало от здешнего неустойчивого климата до такой степени, что я полностью оставил фортепиано и в настоящее время совершенно недостоин чести, которую вы мне делаете, предлагая играть в филармонии. Тем не менее я надеюсь, что желание сделать вам что-то приятное заменит моё умение, если только несколько дней, которые я смогу провести в Риме, позволят мне принять участие в исполнении музыки, которая звучит под вашим покровительством[iii]. Иванов поручил мне выразить вам свою сердечную благодарность за внимание, которым вы удостоили его развивающийся талант[iv]. Он работает всё время под руководством Ноццари и в то же время получает пользу от советов доброй мадам Фодор. Я нахожу, что репутация Ноццари как плохого учителя полностью лишена основания. По прибытии в Рим я сообщу вам свои соображения на его счёт[v]. Я также возьму на себя смелость сделать несколько наблюдений относительно мнения месье Доницетти, которое он высказал по поводу Иванова[vi]. По мнению всех его друзей и тех, кто знает профессию, он не должен терять времени и должен начать свою карьеру так быстро, как это будет возможно.

Позвольте, княгиня, передать нашу благодарность мадам Власовой[vii], графу Риччи[viii], господам Бруни[ix], Рожалину[x] и всем нашим друзьям за то, что они нас помнят. Очень прошу вас передать мои наилучшие пожелания мадемуазель Мариэтте[xi], которую я бесконечно благодарю за её милое внимание.

Примите уверения в глубоком уважении, с которым я имею честь быть,

Княгиня,
Вашим покорным слугой
Мишель Глинка

[i] Глинка ожидал новостей от соученика и старого друга Н. Ф. Ремера, сотрудника Российского посольства в Неаполе, чтобы вместе отправиться из Неаполя в Рим. Они выехали в конце февраля[25].

[ii] Глинка прибыл в Рим 29 февраля 1832 года. Как он и предполагал, он остановился здесь только на несколько дней, собираясь отправиться на север через Болонью, Парму, Модену и Пьяченцу, с тем, чтобы прибыть в Милан в середине марта.

[iii] Во всё время пребывания в Италии слабое здоровье Глинки мучило его в большей или меньшей степени. Зима в Неаполе ухудшила его состояние настолько, что он был вынужден отказаться от лестного предложения Волконской выступить в Римском филармоническом обществе, членом которого она была с 1822 года. Уверяя княгиню в своём желании участвовать в музыкальном вечере в её салоне, Глинка имел в виду высокий профессиональный уровень инструментальной, вокальной и камерной музыки, которым отличались вечера в её доме[26].

[iv] Николай Кузьмич Иванов (1810–1880) — певчий хора Императорской Капеллы; его голос произвёл такое впечатление на Глинку, что композитор предложил ему совместно отправиться в Италию. Отец Глинки договорился о двухгодичном отпуске для Иванова и оплатил его расходы. Глинка чрезвычайно способствовал развитию дарования Иванова и помогал его продвижению. Их взаимоотношения, однако, никогда не были близкими: «Вообще Иванов был человек трудный, чёрствый сердцем, неповоротлив и туп умом. Достоинство его состояло в прелести голоса и некоторой инстинктивной способности подражать в пении. Мы с ним не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы расстались в Неаполе, то все между нами сношения прекратились»[27]. Иванов сделал прекрасную карьеру на Западе, но в Россию в то время он так и не вернулся, вопреки совету Глинки, что принесло композитору немало неприятностей.

[v] Андреа Ноццари (Нотсари) (1775–1832) — знаменитый тенор, для которого Д. Россини написал не менее шести партий. Глинка пишет, что Ноццари взялся учить Иванова бесплатно. Хотя он уже оставил сцену, будучи вполне обеспеченным человеком, «но ещё владел голосом и его шкала была удивительно ровна и отчётлива». Подводя итоги своего пребывания в Италии, Глинка пишет: «Ноццари и Фодор в Неаполе были для меня представителями искусства, доведённого до nec plus ultra совершенства»[28]. Жозефина Фодор-Мэйнвиель (1793–1870) — сопрано, родилась в Париже, но с 1794 года вместе с родителями (её отец был скрипачом) жила в Петербурге. Дебютировала в 1810 году в опере В. Фиораванти «Cantatrici villanelle», которую повторили 60 раз, настолько успешным было её исполнение. После замужества в 1812 году вместе с мужем, французским актёром Мэйнвиелем, вернулась во Францию. Из-за слабого здоровья она уже редко выступала в тридцатые годы и в 1833 году оставила сцену. Стендаль провозгласил её великой певицей своего времени.

[vi] Гаэтано Доницетти (1797–1848) — знаменитый итальянский оперный композитор; из его комических опер наиболее известны «Дон Паскуале» и «Дочь полка», из драматических — «Лючия ди Ламмермур», «Анна Болена», «Фаворитка» и «Фауст». Глинка познакомился с творчеством Доницетти ещё в России, а позже слушал его оперы и в Италии, и в Европе. В Неаполе Глинка познакомился с Доницетти лично. На темы из оперы Доницетти «Анна Болена» Глинка написал «Серенаду» (секстет), опубликованную в том же году в Милане. Мотивы из «Любовного напитка» вдохновили Глинку на композицию Impromtu en Galop. Музыковед и издатель музыкальной литературы Д. Пикорди оценил Глинку наравне с В. Беллини и Г. Доницетти, но заметил, что он «учёнее их в контрапункте»[29].

[vii] Мария (псевдоним Магдалина, Мадлена) Александровна Власова, урождённая Белосельская (1787–1857) — старшая сестра Зинаиды Волконской — была на неё совсем не похожа. В отличие от блестящей и изысканной Зинаиды она была проста и даже наивна. В 1805 году она вышла

замуж за камергера А. С. Власова, известного знатока искусства и библиофила. Овдовев в 1825 году, она переехала к Зинаиде[30]. Сёстры вместе уехали из России в Италию, обратились в католичество и провели остаток жизни в Риме. Мария полностью взяла на себя заботу об их сложном римском хозяйстве, и альбомы тридцатых годов показывают, что её добросердечие и гостеприимство высоко ценилось их знаменитыми гостями[31]. Мария Александровна была абсолютно предана Зинаиде, «дражайшей сестре», которой, по её словам, она была обязана «...всей своей жизнью, счастьем и спокойствием»[32].

viii Граф Минеато Риччи (1792–1860) родился во Флоренции и был известен равно в Италии и России как талантливый певец-любитель, поэт и переводчик. В Риме он встретил дочь русского генерала Петра Михайловича Лунина, Екатерину (1787–1886), которая после окончания Болонской филармонической академии осталась жить в Италии. В 1817 году она вышла замуж за красивого, но обедневшего графа Риччи, и в 1819 году они переехали в Россию. В Москве они обосновались в импозантном лунинском доме, ставшем вскоре центром столичной музыкальной жизни. После переезда Зинаиды Волконской в Москву в 1824 году она часто встречала чету Риччи на оперных спектаклях и концертах[33]. Граф Риччи не только перевёл на итальянский стихи Державина, Жуковского и Пушкина, но и сам писал стихи на итальянском. Осенью 1828 года Риччи, который к тому времени уже ушёл от жены, уехал из России обратно в Италию. Общеизвестно, что у него был серьёзный роман с Зинаидой Волконской, переехавшей в Италию полгода спустя. Они поддерживали близкие отношения в течение многих лет, и друзья княгини в своих письмах всегда справлялись о нём.

ix Фёдор (Фиделио) Антонович Бруни (1799–1875) — русский художник итальянского происхождения, представитель академического стиля. Родился в Милане в семье швейцарского итальянца, художника и реставратора Антонио Бруни, который в 1807 году приехал в Россию. Фёдор Бруни учился в Петербургской Академии художеств с 1809 по 1818 год, затем отправился в Италию для дальнейшего совершенствования. Мемуары скульптора С. И. Гальберга свидетельствуют, что Волконская пригласила Бруни в Рим и что он жил в её доме. В это время он сделал два портрета Зинаиды, один из которых изображает её в костюме Танкреда — в этой роли она тогда выступала в опере Россини. Вернувшись в очередной раз в Петербург в 1841 году, Бруни продолжал писать портреты, работал над росписями Исаакиевского собора, выполнял заказы по декорированию залов Эрмитажа и дворца барона Штиглица. С 1855 по 1871 год был ректором Петербургской Академии художеств.

x «Mr. Rogealine» — Николай Матвеевич Рожалин (1805–1834) — занимался древними языками, античным миром, философией и историей искусств. В 1824 году окончил словесное отделение Московского университета. В 1825 году он стал одним из пяти лиц, составивших известный философский кружок «Общество любомудрия». Рожалин опубликовал несколько

философских эссе, рецензий и переводов, был первым переводчиком «Страданий молодого Вертера» И. В. Гёте[34]. Его самого часто называли «московским Вертером». Рожалин находился под влиянием философии Ф. Шеллинга. Он часто посещал салон Волконской до отъезда из Москвы в 1828 году, когда с семьёй генерала Кайсарова уехал в Германию. В мае 1829 года он, вместе с Волконской и Шевырёвым, посетил Гёте в Веймаре и беседовал с ним[35]. В Карлсбаде Рожалин встретился с Адамом Мицкевичем, которого хорошо знал ещё по Москве. Когда С. П. Шевырёв получил место профессора в Московском университете, он уговорил Рожалина заменить его в качестве воспитателя юного князя Волконского. Рожалин жил с Волконскими в Риме с 1831 по 1834 год. Это время он использовал очень продуктивно, изучая греко-римское античное искусство. Всегда страдающий туберкулёзом, Рожалин всё же решил вернуться в Москву, где и умер на следующий день. Все его рукописи, подготовленные к печати, постигла печальная судьба: они сгорели в конторе дилижансов на пути в Россию.

[xi] Мадемуазель Мариэтта — наиболее вероятно, что речь идёт о Мариэтте Капальти, одной из сестёр Капальти, упоминаемых в дневнике В. А. Жуковского от 18/30 января 1839 года[36]. Она была частой гостьей салона Волконской, и русские друзья княгини запомнили и полюбили её. Глинка, передавая в письме Шевырёву приветы княгине Зинаиде и её семье, добавил: «Не забудьте также дорогую созвучницу». Глинка придумал это слово, в основе которого — «созвучие» и ныне вышедшее из употребления «созвучить», которые подразумевают одновременно гармонию и второй голос в дуэте. Это показывает, что Глинка знал и ценил её как певицу[37]. В альбоме Власовой за этот период есть две композиции в прозе, написанные сёстрами Капальти, датированные 26 марта 1832 года, то есть через месяц после визита Глинки[38]. В пятидесятые годы Мариэтта Капальти, вышедшая замуж за кого-то из семьи Риччи, жила в Риме и продолжала время от времени петь[39].

Письмо А. И. Тургенева

Это письмо, написанное по-французски, не содержит имени автора и подписано неразборчивыми и загадочными на первый взгляд инициалами. Попытка извлечь какую-либо информацию об авторе из текста даёт «первый ключ» — упоминание альманаха «Северные цветы» («Les Fleurs du Nord»). Это указывает на то, что письмо было написано человеком, который читал по-русски. Центральная часть письма, в котором автор комментирует путевые заметки Волконской, свидетельствует, что автор действительно был русским, и при этом близок к литературным кругам. Далее в письме следует просьба, чтобы княгиня опубликовала своё эссе «Тироль», а также предложение её сестре описать их знаменитую римскую виллу. Всё это заставляет предположить, что автор письма был связан с некоторыми русскими изданиями.

Следующее наше обращение было к тем выпускам альманаха «Северные цветы», которые следовали за томом № 6 (выпуск 6) 1830 года, содержащим путевые заметки Волконской, упомянутые в письме.

Альманах был основан в 1825 году А. А. Дельвигом и прекратил своё существование после его внезапной смерти 14 января 1831 года. Последний выпуск альманаха решил подготовить А. С. Пушкин, с тем чтобы передать младшим братьям покойного всю прибыль. Пушкин, сам предложивший для издания несколько своих работ, просил друзей помочь ему привлечь больше авторов[1]. В свете этих фактов мы внимательнее посмотрели на почерк неизвестного корреспондента и его замысловатую подпись. Переплетённые инициалы, второй из которых выглядит как латинское стилизованное «Р», поразительно похожи на пушкинский, временами неровный, французский почерк. Однако мы должны сразу отвергнуть авторство Пушкина, так как он никогда не покидал России, в то время как письмо говорит о личных визитах и к Волконской, которая поселилась в Риме весной 1829 года, и к Сент-Олэру, французскому послу в Риме в период с 1831 по 1833 год. Письмо упоминает также Н. М. Рожалина, который находился в Риме с 1831 до первой трети 1834 года.

Установив место написания письма (Рим) и временные границы, суженные до периода 1830–1833 годов, мы продолжили поиск автора среди русских из римского круга Волконской. Дружеское обращение «Дорогая Коринна» включает его в группу её близких друзей. Благодарность Волконской за Жуковского намекает о любезности, оказанной княгиней русскому поэту, по-видимому другу автора письма. Имея в виду наше предположение

о связи автора письма с русским литературным журналом, мы окончательно идентифицируем его как старинного друга Волконской — Александра Ивановича Тургенева.

А. И. Тургенев (1784–1845) был помощником статс-секретаря в Государственном совете, теоретиком-правоведом (старший член Совета комиссии составления законов) и историком-архивистом. Он был дружен со многими представителями науки и литературы: Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, П. А. Вяземским. С В. А. Жуковским его связывала близкая дружба со времени обучения в благородном пансионе при Московском университете. А. И. Тургенев принимал участие в трудах и судьбе К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, И. И. Козлова, Е. А. Баратынского. Его младший брат Николай Иванович (1789–1871) — также государственный деятель, видный экономист и теоретик русского либерализма, активный участник движения декабристов — с лета 1825 года жил за границей. Верховный уголовный суд приговорил его заочно к смертной казни, а император Николай I распорядился лишить его чинов и дворянства и сослать вечно в каторжную работу.

Ко времени написания этого письма А. И. Тургенев уже не слишком был связан государственной службой и много времени проводил в путешествиях по Европе. В Рим он прибыл 5 декабря 1832 года из Германии и пробыл здесь до июня 1833 года, когда отправился в Швейцарию на свадьбу брата Николая. В Риме он появился снова 14 декабря 1833 года и оставался в нём до 6 марта 1834 года, т. е. до того времени, когда он начал своё путешествие обратно в Россию[2]. Тургенев был как дома во всех европейских столицах и знал, что посмотреть в Риме и с кем там увидеться. Его друг Анри де Бейль (Стендаль) подготовил для него подробный план осмотра достопримечательностей со своими собственными комментариями и часто сам сопровождал Тургенева как гид[3]. В римском интернациональном обществе блестящий Тургенев произвёл глубокое впечатление своей эрудицией даже на Ф. Шатобриана. («Le comte Tourgeneff est un homme de toutes sortes de savoir», «Граф Тургенев —настоящий энциклопедист»). Он пользовался большим успехом, а иногда затмевал и своих более знаменитых друзей[4]. В Риме, помимо активного участия в общественной и литературной жизни, Тургенев серьёзно работал в архивах, собирая сведения по истории древней Руси. Результатом его архивной работы в заграничных поездках явилось издание археографической комиссией России в 1841–1842 годах двух объёмных томов, охватывающих период с XI по XVIII век[5].

У Тургенева была страсть к переписке. По словам И. И. Срезневского, его письма — «одна из драгоценностей нашей литературы, и по разнообразию и богатству данных, <...> и по их содержанию, по мыслям, чувствам, в них высказанным, по литературному достоинству»[6]. Вяземский также высоко ценил Тургенева за его письма, называя их «крепким бульоном», в котором так нуждается русская литература, и заметил, что, если бы они были собраны вместе, то могли бы стать сюжетами для многих романов[7].

Какое место занимала Волконская в жизни Тургенева во время его пребывания в Риме, где он был занят разнообразными делами? Его письма и дневник свидетельствуют о том, что они встречались часто в разных местах: и в светском обществе, и на её вилле (у собора Св. Иоанна Латеранского), и в студиях русских художников. Волконская показывала ему окрестности Рима, Неаполь и Помпеи[8]. Она также устраивала многие практические дела Тургенева, известного своей леностью, над которой подтрунивал Пушкин:

«Ленивец милый на Парнасе
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль».

При сравнении почерка этого письма с почерком других французских писем Тургенева стало очевидно, что за первой буквой подписи «А» следует буква «Т», а не «Р», как мы первоначально предполагали. Последующий комментарий только подтверждает наше заключение об авторстве письма.

Лист (12,5 × 19,8 см). Текст письма расположен на лицевой и оборотной страницах с протиском на обеих. Подпись в виде двух сплетённых инициалов.

Не опубликовано.

Hélas! Demain, dimanche, il m'est impossible de venir dîner avec vous. J'ai promis ailleurs et j'ai dû refuser M. St. Aulaire, mais après demain, lundi, je suis à votre service. J'ai voulu passer chez vous et vous remercier des deux petits volumes que j'ai parcourus avec le plus grand plaisir. Je connaissais déjà le portrait et j'ai reconnu le pays aux beautés agrestes au portrait que vous en avez tracé dans les *Fleurs du Nord*. L'idée de la perle, qui doit vous rappeler une larme est mieux qu'une pensée; c'est un sentiment et qui plus est: celui d'une femme. L'observation sur la manière de louer les artistes en s'extasiant sur les paysages est d'une hardiesse rare. Il y a de la vérité et de la poésie dans votre prose, chère Corinne, et si je ne craignais pas de ne pas recevoir de Madame Votre Soeur la description de votre villa, je vous aurai demandé un extrait de votre journal de voyage sur le Tyrol.

Merci pour Joukoffsky. Je lui écris à l'instant même et je lui parle de vous.

Hier on ne m'a remis que les deux almanachs, mais point de *Chronique*. Qu'est-elle devenue? J'espère vous voir avant lundi.

Rappelez à Mr. Rog[eal]ine la matinée que nous avons passée ensemble. Les 4 pag[es] ne sont point encore remplies.

Mes hommages à votre soeur.

[без места и даты][i]
[Рим, суббота, 10/22 декабря 1832]

Увы! Завтра, в воскресенье, я не могу прийти к Вам на обед. Я обещал другим и уже должен отказать месье Сент-Олэру[ii], но послезавтра, в понедельник,

я полностью в Вашем распоряжении[iii]. Мне хотелось бы придти к Вам и поблагодарить за два маленьких тома, которые я просмотрел с громадным удовольствием. Я уже узнал облик и сельские красоты страны, которую Вы изобразили в Северных Цветах[iv]. Идея сравнить жемчуг со слезой — это не просто мысль, это — чувство, и даже более того: это сама женщина. Заметьте, что манера хвалить авторов, восторгаясь их пейзажами — это редкостная смелость. В Вашей прозе, дорогая Коринна, присутствует и правда, и поэзия[v], и, если бы я не боялся не получить от Вашей сестры описание вашей виллы, я бы попросил у Вас выдержки из Вашего путевого дневника о Тироле[vi].

Спасибо за Жуковского. Я ему напишу немедленно и расскажу ему о Вас[vii].

Вчера мне передали только два альманаха, но вовсе не Хронику[viii]. Что с ней произошло? Надеюсь увидеть вас в понедельник.

Напомните месье Рожалину о matinée[ix] который провели вместе. Четыре страницы остаются ещё незаполненными[x].

Моё почтение Вашей сестре.

[i] Место написания этого письма может быть установлено как Рим (см. примеч. [ii]). Дата письма также может быть определена точно. Ссылки на отменённый визит к Волконской в воскресенье, просьба отложить его до понедельника, упоминание о Сент-Олэре и Рожалине, описание Марией Власовой виллы — всё это служит полезными подсказками. Просматривая корреспонденцию Тургенева, мы обнаружили письмо Вяземскому от 12/24 декабря 1832 года, эта дата приходилась на понедельник. В нём Тургенев описывает свой визит к Волконской и комментирует то, о чём он упоминал в своём письме к ней[9]. Есть все основания полагать, что визит, отложенный в письме к Волконской «на послезавтра», — тот же, о котором он говорит в письме к Вяземскому от 12/24 декабря 1832 года.

[ii] Луи Клэр де Бопуаль, граф де Сент Олэр (Louis Clair de Beaupoil, Comte de St. Aulaire, 1778–1854) был известным политиком, автором многих исторических исследований и членом французской Академии. После того как его не переизбрали в палату депутатов в 1829 году, он был послом Франции в Риме (1831–1833), Вене (1832–1841) и Лондоне (1841–1848). Тургенев восхищался умом и эрудицией Сент-Олэра; его прекрасная жена также не оставила Тургенева равнодушным[10]. Отложенный визит к Сент-Олэру, о котором он пишет Волконской, состоялся позже, 16/28 декабря 1832[11].

[iii] Перед обедом, который состоялся в понедельник 12/24 декабря, Тургенев провёл несколько часов с княгиней: «Я посетил с ней несколько галерей, и сегодня я обедаю на её вилле»[12].

[iv] В одном из двух томов альманаха «Северные цветы» был напечатан фрагмент эссе Волконской «Путевые заметки. Веймар — Бавария — Тироль» (1830, № 6). Описывая баварский городок Бернек и реку под названием «Жемчужная», она использует меланхолический образ: жемчуг — женские

слёзы: «Под горою течёт жемчужная речка: так её называют от жемчугов, которые в ней рождаются. Заметим сходство лучшего украшения женского с каплями слёзными. Не для того ли сотворены перлы, чтобы и в торжественных нарядах припоминать полу нашему его назначение?»[13] Слёзы как символ горя или «сладкие слёзы» любви были постоянным образом в романтической поэзии. В том же самом выпуске «Северных цветов» (№ 6), где появились «Путевые заметки» Волконской, были напечатаны стихи, в которых этот образ продолжает обыгрываться: Вяземского «Слёзы», Дельвига «Слеза любви», Деларю «Слеза любви».

[v] Тургенев часто называл Волконскую «Коринна», «Коринна Александровна» или «Коринна-Зинаида», по имени героини одноимённого романа мадам де Сталь, очень популярного в то время.

[vi] Сестра Волконской, Мария (Магдалина) Александровна Власова, урождённая княжна Белосельская (см. письмо М. И. Глинки, примеч.[vii]) переехала в Рим вместе с Зинаидой в 1829 году и оставалась здесь до конца жизни. Тургенев просил Власову дать описание виллы Волконской, недавно построенной, но уже ставшей знаменитой, благодаря антикварным предметам и памятным знакам, увековечившим воспоминания о друзьях и родственниках княгини. В письме Вяземскому от 12/24 декабря Тургенев пишет: «Зинаида заполнила пустоту своей виллы памятью о живущих и умерших. Я просил М. А. Власову скопировать все надписи для вас и описать антиквариат в их вилле. Я собираюсь использовать это в статье для пушкинского журнала»[14]. Статья, которая так и не была написана, предназначалась для мемориального, последнего выпуска альманаха «Северные цветы», для которого Пушкин просил Тургенева найти новые материалы. «Путевые заметки» Волконской, частично опубликованные в шестом выпуске альманаха за 1830 год и седьмом за 1831-й, в полном объёме так и не появились на свет. Тургенев в своём письме хвалил их так щедро потому, что надеялся получить от Волконской следующую часть этого эссе для пушкинского восьмого выпуска альманаха. Волконская приняла участие в этом номере альманаха не «Путевыми заметками», а двумя своими русскими стихотворениями: «Моей звезде» и «Надгробная песнь славянского гусляра».

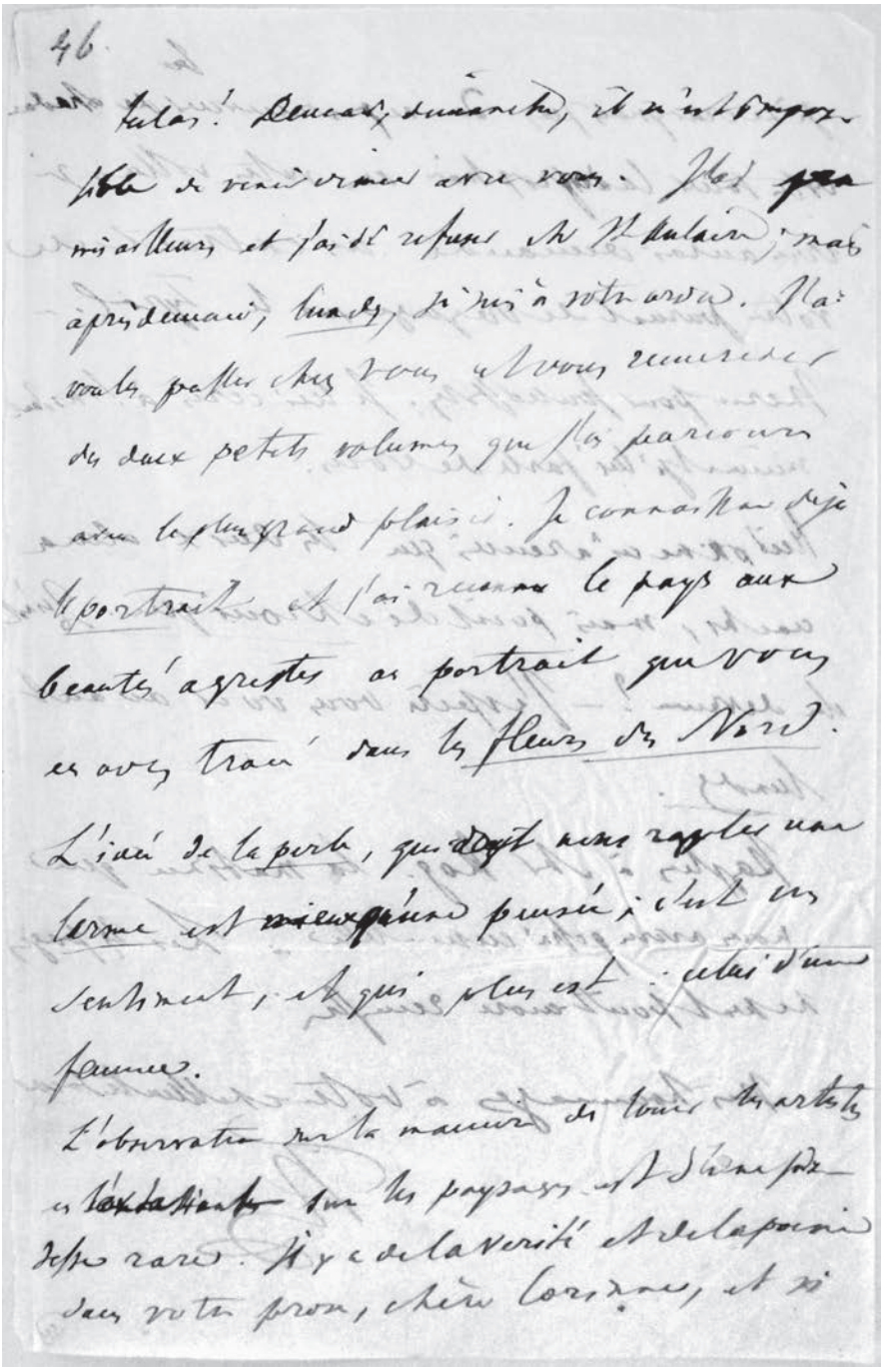
[vii] В это время Жуковский жил в Швейцарии, поправляя своё здоровье в курортном городке Вэвэ, и Тургенев уговаривал его приехать в Рим. Благодарность Тургенева относится, скорее всего, к словам Волконской, которые она добавила к его письму, настоятельно советуя Жуковскому приехать в Италию[15]. В марте 1833 года, после нескольких месяцев отлагательств, Жуковский наконец решил ехать в Италию. Он прибыл в Чивиттавеккиа 16 мая, и затем вместе с Тургеневым они направились в Неаполь и Рим[16]. Как только Жуковский прибыл в Рим после изнурительной болезни, Волконская окружила его вниманием и заботой[17].

[viii] «Хроника» — это, вероятнее всего, произведение самого Тургенева «Хроника русского», которая печаталась по частям в различных русских

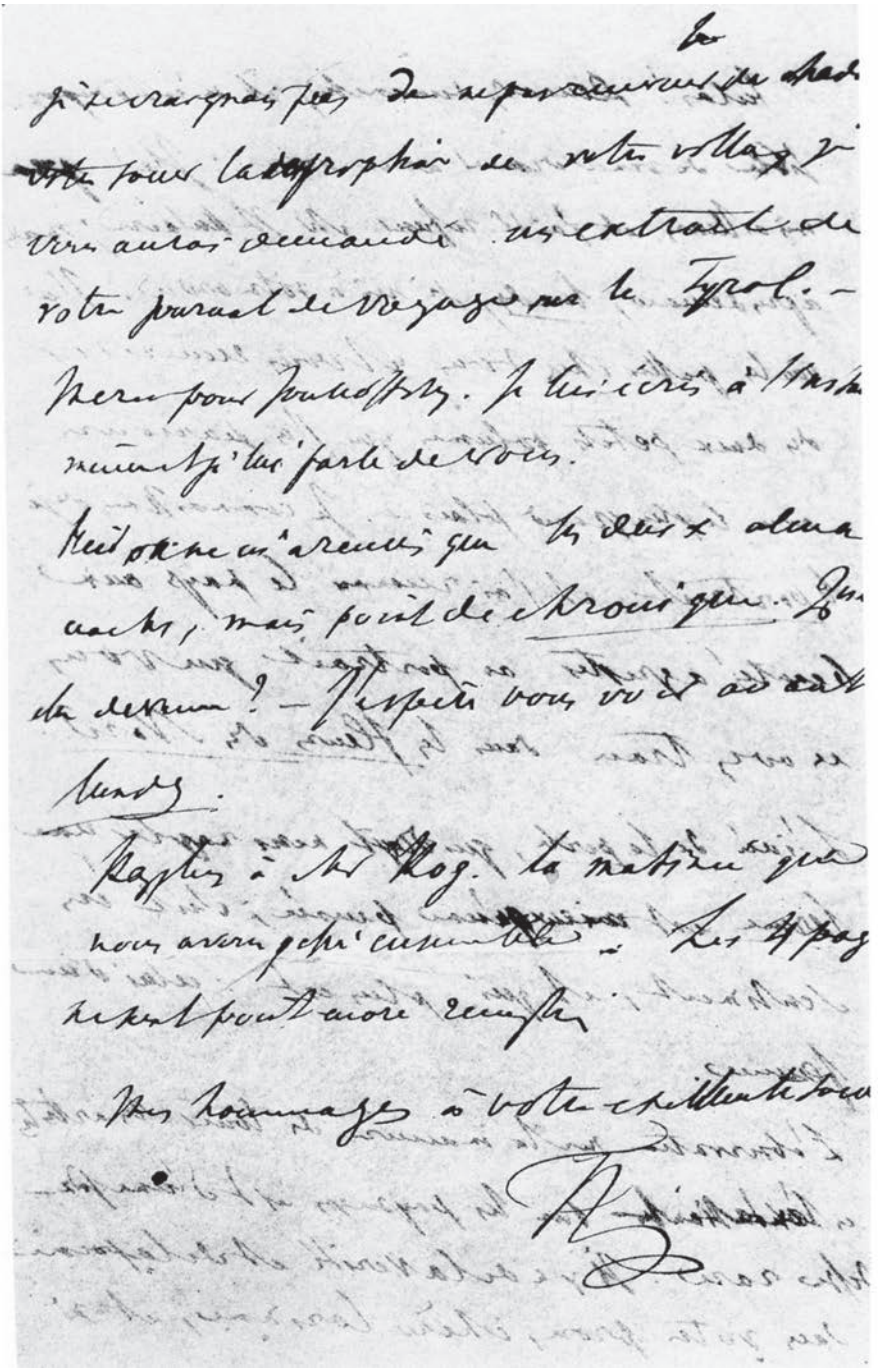
периодических изданиях начиная с 1827 года. По-видимому, здесь он имеет в виду «Письмо из Парижа», которое появилось в журнале Ивана Киреевского «Европеец» в 1832 году[18].

[ix] Matinée — утренний приём гостей в старину.

[x] «Месье Рожалин» — молодой философ, филолог-классик и переводчик Николай Матвеевич Рожалин (см.: письмо М. И. Глинки, примеч.[x]). Он находился в Риме и был учителем сына Волконской в то время, когда это письмо было написано. Тургенев был очень высокого мнения об «этом образованном и интеллигентном Рожалине», который часто был его гидом в прогулках по Риму. Тургенев находил его исключительно знающим, «не меньше, чем Анри Бейль, но его подход к старине совершенно иной». Однако Тургенев упрекал Рожалина за его излишнюю скромность и недостаток научного рвения и пытался уговорить его больше писать и публиковаться[19]. Упоминание о Рожалине в письме связано, скорее всего, с его обещанием дать четыре страницы в пушкинский том «Северных цветов» (так и не выполненным к моменту написания этого письма).



Письмо А. И. Тургенева кн. З. Волконской. Рим, 10/22 декабря 1832 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(42)



Письмо А. И. Тургенева кн. З. Волконской. С. 2.

Два письма кн. П. А. Вяземского

Князь Пётр Андреевич Вяземский (1792–1878) был одним из близких друзей Зинаиды Волконской. Установить же, когда они впервые встретились, довольно трудно. Будучи одного примерно возраста, вращаясь в одних и тех же социальных кругах, с родителями, которые были хорошо знакомы, они могли встречаться не один раз на протяжении их детства и юности. П. Вяземский хорошо знал отца Зинаиды и считал его одним из самых просвещённых и галантных людей своего времени[1].

С 1817 года князь находился в Варшаве, где был переводчиком при императорском комиссаре в Царстве Польском графе Н. Н. Новосильцеве. С Волконской он часто встречался здесь осенью 1819 года, когда она остановилась в Варшаве по пути в Италию. Возможно, именно тогда он впервые услышал пение Зинаиды и был так поражён, что сравнил её голос и стиль исполнения со знаменитой в то время Ж. Боргондио[2]. Что же касается литературных опытов Волконской, то князь остался к ним скорее равнодушным[3]. Когда Волконская переехала в Москву, Вяземский стал постоянным гостем в её салоне, украшая его своим красноречием и остроумием. Вяземский представил княгиню некоторым значительным литературным деятелям; через него она поддерживала контакт с А. Пушкиным, который, когда бы ни приезжал в Москву, всегда посещал её салон[4]. В 1827 году, когда Вяземский ещё возглавлял популярный литературный журнал «Московский телеграф», он опубликовал там несколько произведений Волконской[5].

Княгиня Зинаида была верным и великодушным другом. Она пыталась помочь Вяземскому в трудном положении после его отстранения от службы в Варшаве, причиной которого стали либеральные убеждения, открыто выражаемые им в стихах, частных письмах и беседах. Поскольку Вяземский подозревался в тесных связях с польской и русской оппозицией, заступничество Волконской перед царём Александром I было особенно значимым[6]. Спустя четыре года после отъезда княгини из России Вяземский заметил в письме, что её отсутствие до сих пор чувствуется в культурной жизни Москвы[7]. В другом месте он пишет: «В Москве дом Зинаиды Волконской был средоточием артистизма, привлекавшим всех истинно значительных людей современного общества... Всё в этом доме несёт отпечаток поклонения искусству и мысли»[8]. После того как Волконская обосновалась в Риме в 1829 году, она продолжала поддерживать связь с Вяземским. В письмах из Италии она проявляет живой интерес к русской литературной жизни и их общим друзьям. Особенно её интересовало новое издательское

начинание А. Дельвига и А. Пушкина — «Литературная газета», на которую она просила Вяземского для неё подписаться[9]. В 1833 году в письма, адресованные Волконской, Вяземский часто вкладывал послания для А. Тургенева, бывшего тогда в Риме. Одно из этих писем свидетельствует, что Вяземский способствовал тому, чтобы библиотека Волконской прошла русскую таможню и была отправлена в Рим. Это было далеко не просто, и он жаловался в письме А. Тургеневу: «Умственные аспекты таможни, т. е. цензура, нам недоступны»[10].

В июле 1834 года, когда Вяземские узнали, что их семнадцатилетняя дочь Прасковья («Пашенька») больна туберкулёзом, они стали собираться в поездку в Италию, надеясь, что тёплый климат ей поможет[11]. Уже много лет Вяземский хотел поехать за границу, сначала с А. Тургеневым, позже с А. Грибоедовым и, наконец, с А. Пушкиным, но ни один из этих планов не был реализован[12]. А теперь ожидание так долго откладываемого путешествия было омрачено Пашенькиной болезнью: «Всё для меня как бы в тумане и затемнено одной мыслью... Почему я должен был впервые ехать за границу в таком состоянии духа?»[13]

Князь Вяземский, его жена Вера Фёдоровна и три их дочери, Мария, Прасковья и Надежда, направились сначала в маленький немецкий городок Ганау, чтобы получить консультацию у известного доктора И. Г. Коппа, которого очень рекомендовал Жуковский. Но, так как Италия была главной целью их поездки, то Вяземский стал подготавливать это путешествие вскоре после прибытия в Ганау. 27 сентября он написал письмо своему другу «Княгине Зинаиде» с просьбой подсказать оптимальный маршрут до Рима и помочь им там устроиться (п. I). Она ответила сразу, но путешествие в Рим, осложнённое плохой погодой и Пашенькиной болезнью, заняло около шести недель. Князь снова постоянно ощущал равнодушие в отношении своей «поэтической мечты» (т.е. визита в Рим), которая почти осуществилась. В. Жуковский писал А. Тургеневу: «Он... как убитый, ничего не видит и ничем не может быть занят; всё думает и грустит о ней»[14].

Вяземские прибыли в Рим 12 декабря 1834 года. Всё уже было приготовлено для них Волконской: «Как заботливая сестра или добрая матушка, Зинаида устроила и приготовила для нас всё так удобно, что с первого же шага, с первой же минуты мы почувствовали себя здесь как дома»[15].

Рим в конце концов победил Вяземского. Его письма всё ещё полны печали и озабоченности, но он знал, что для Пашеньки больше ничего сделать нельзя, и позволил себе познакомиться с Римом, встретить старых друзей и найти новых. В первый же день по прибытии он устремился к Колизею, чтобы увидеть его при лунном свете. Один ли, вместе ли с друзьями, сопровождаемый ли знающим, но не совсем здоровым П. Е. Висконти, которого он шутливо называл «стеноводом», Вяземский расширял и углублял своё знакомство с Римом. Вечерами Вяземский часто посещал резиденцию русского посланника графа Н. Д. Гурьева и знаменитые римские

салоны. Он также находил время для обстоятельных разговоров с такими просвещёнными людьми и государственными деятелями, как посланники Христиан Карл фон Бунзен и Людвиг фон Лютцов. Знаменитому лингвисту кардиналу Джузеппе Меццофанти Вяземский был представлен княгиней Зинаидой; с кардиналом он также имел содержательные беседы. Он даже посетил мадам Летицию, мать Наполеона, и был так очарован пожилой дамой, что решил навестить её снова. Поражённый тем, на каком плохом французском она говорила, он саркастически заметил, что, возможно, она и не старалась его выучить, чувствуя, что он ей не пригодится надолго[16]. Вяземский часто посещал также дом французского художника Ораса Верне, «один из наиболее приятных домов в Риме». Русская художественная колония в Риме в то время была очень представительной. Там работали такие ставшие известными позже мастера, как Ф. Бруни, К. Брюллов и О. Кипренский. С русскими художниками Вяземский тоже часто общался. Будучи страстным поклонником музыки, он стал постоянным посетителем концертов и оперных спетаклей[17].

Особенно значительным для Вяземского было знакомство с французским консулом в Чивиттавеккия Анри Бейлем, более известным под именем Стендаль. Князь уже читал и восхищался его романом «Красное и чёрное», «замечательным творением нашего времени»[18]. Он был рад узнать, что «в соседнем доме живёт знаменитый Стендаль, который выглядит, как жирный торговец». «Я ещё не встретился с ним, но собираюсь отточить французский мадригал, чтобы зацепить его», — писал он 16 декабря. После их первой встречи, по-видимому 15 декабря, они продолжали видеться каждый раз, когда Бейль приезжал в Рим[19].

Несмотря на множество впечатлений, которые Вяземский получил в Риме, он чувствовал, что всё ещё не проник в душу этого города. «Я ещё не знаю этой земли», — жаловался он, перефразируя И.В. Гёте[20]. Но если он ещё не ощутил близости к Риму как городу, то чувствовал себя очень хорошо дома, в бывшем дворце, незадолго до приезда Вяземских превращённом в гостиницу, куда княгиня поместила его семью. В течение пяти месяцев, проведённых Вяземскими в Риме, когда некоторое улучшение Пашенькиного состояния сменилось безнадёжным ухудшением, Волконская постоянно о них заботилась. Она часто заходила к ним неформально; 5 марта, вместе с графиней Марией Потоцкой (урождённой княжной Салтыковой), она пришла, чтобы петь для прикованной к постели Пашеньки. Княгиня пригласила Вяземских на свою только что отстроенную виллу неподалёку от собора Св. Иоанна Латеранского. 3 января 1835 года она устроила приём в честь Вяземского, на котором он встретил двух итальянских поэтов, Джузеппе Белли и Якопо Ферретти[21]. 13 января Волконская снова пригласила Вяземских на встречу, но они решили остаться дома «из-за суеверного страха оставить Пашеньку одну в день Нового года». Будучи подавленным болезнью дочери, Вяземский всё же продолжал надеяться на положительный

исход. Последняя искра надежды приободрила его настолько, что он предпринял короткое путешествие в Неаполь, с 10 по 12 февраля; по приезде он узнал, что Пашеньке стало хуже. Последний месяц в Риме прошёл в молчании. Только однажды Вяземский преодолел свою боль и написал письмо сыну Павлу. Это письмо, которое читается как литературное эссе, содержит детальное описание римского карнавала[22].

Пашенька умерла 23 марта 1835 года и три дня спустя была похоронена в Риме. И снова Волконская проявила к семье внимание и сочувствие. Когда 7 апреля Вяземские поехали в Неаполь, их младшая дочь Надежда, тогда подросток, осталась в Риме с княгиней. В отличие от обычно подробных и остроумных дневниковых записей Вяземского, его римский дневник лаконичен: лишь строчек двадцать охватывают пять месяцев, проведённых в Риме[23]. Через восемь дней Вяземский вернулся в Рим, оставив жену и старшую дочь Марию в Неаполе. Неделей позже, 22 апреля 1835 года, он отправился в долгое обратное путешествие в Россию, чтобы вернуться к обязанностям вице-директора департамента внешней торговли Министерства финансов. Последняя запись в римском дневнике князя приоткрывает его бесконечную усталость и безысходную тоску: «Я переворачиваю свои мысли как камни, нагромождая их друг на друга — Сизифов труд»[24].

После того как княгиня Вяземская с дочерьми покинула Рим, именно Волконская взяла на себя заботу о Пашенькиной могиле. Она выразила своё соболезнование опечаленному отцу в русском стихотворении «Князю П. А. Вяземскому на смерть его дочери». «Ты едешь.., но её могила / Осталась мне не сиротой: / Так солнца заменяет силу / Луч месяца в ночи святой»[25].

Вяземский прибыл в Петербург 29 мая 1835 года. Месяцем позже, 30 июня, он пересматривал всё пережитое за прошедший год в письме А. Тургеневу: «Вот странно: в Риме я дорожил всеми впечатлениями, которые немедленно облегчали боль от моей раны, я искал их. Но теперь я боюсь их, моё сердце сторонится их, хотя я постоянно занят своим горем. Для меня вся поездка — как страшный сон, который перевернул мою душу»[26].

ПИСЬМО I

Лист (12,5 × 21,8 см), сложен вдвое. Текст письма расположен на трёх страницах. На четвёртой — почтовый штемпель «Ганау, 27 сентября 1834» и надпись: «Мадам княгине Зинаиде Волконской, урождённой мадемуазель Белосельской, поручено передать через миссию Его Величества Императора всея Руси в Риме».

Опубликовано[27].

Hanau, 15/27 Septembre 1834

Savez-vous, chère [*et bonne*] Princesse, que nous avons quitté la Russie, que nous sommes en Allemagne et que nous nous acheminons vers vous, c'est-à-dire vers Rome? C'est la mauvaise santé de ma seconde fille qui a motivé

notre voyage. Nous sommes venus tout droit à Hanau pour consulter le docteur Kopp qui nous avoit été fortement recommandé par Joukoffski et par les médecins de Pétersbourg. Dieu merci, nous avons jusqu'à présent tout lieu de nous féliciter d'avoir suivi cette indication. Comme la saison était trop avancée pour aller aux eaux (vu que nous n'avons quitté Pétersbourg que le 11/23 aôut, [*les craintes*] pour l'état de la poitrine de Pauline ne s'étant prononcées qu'en Juillet), Mr Kopp nous a retenus ici pour étudier la maladie et pour baser le traitement qu'il y aurait à suivre. Nous sommes ici depuis près de trois semaines et nos craintes pour la poitrine se sont dissipées. La santé de Pauline s'améliore lentement, mais cependant d'une manière assez satisfaisante et si Dieu le donne nous pourrons nous remettre en route dans le courant du mois prochain. C'est à Rome que l'on nous conseille de passer l'hiver et je m'y prends d'avance pour venir me placer avec tous les miens sous votre protection tutélaire. Donnez-vous, je vous prie, la peine d'éclairer mon inexpérience et de me guider dans les mesures que j'aurai à prendre. C'est à cette fin que je prends la liberté de vous poser quelques questions en vous priant de m'y faire répondre par quelqu'un des vôtres et surtout par le Comte Ricci, si il se trouvoit à Rome pour le moment. Je compte trop sur son amitié pour douter de la bonne volonté qu'il mettra à me rendre service et pour me faire scrupule de m'appeler tout franchement à son obligeance. Voici de quoi il s'agit:

Nous aurons besoin d'un appartement de quatre chambres exposées au soleil: ceci est une condition indispensable pour la santé de ma fille, et comme de raison dans le quartier le plus salubre de la ville. Comme condition de second ordre, et dans l'intérêt économique, nous désirerions être logés à bon compte, car vous savez [*bien*] que nous n'avons pas d'argent de trop et que notre voyage a dû déjà nous imposer des sacrifices assez pénibles. Pour arriver à ce double but, c'est-à-dire pour être logés confortablement et économiquement devons-nous prendre (ou [*faire*] arrêter d'avance) un appartement dans un hôtel garni, ou bien en chercher un dans une maison privée et [*par conséquent*] nous monter tant soit peu en ménage, avoir une cuisinière etc. A combien pourrait monter le mois d'une manière ou de l'autre? J'entends bien sans aucune recherche, [*ni fantaisie*], que le nécéssaire et une honnête aisance. Notre ménage est composé de ma femme, de nos trois filles et de deux femmes de chambres. Quant à moi, je ne fais que les accompagner, une fois que la santé de Pauline sera remise ou du moins en bon train, que je les aurai établies, que j'aurai salué vous et mon patron, je me presserai de retourner dans mes [*foyers*] et dans mes douanes, car je n'ai obtenu qu'un congé de quatre mois et craindrai de passer pour de le contrebande si je me présentais plus tard. Ma famille fera probablement un séjour de quatre à cinq mois à Rome, de novembre jusqu'en avril. Quelle serait la meilleure route, c'est-à-dire la plus commode et la moins coûteuse à prendre pour se rendre directement à Rome, de Francfort par exemple? Vous qui connaissez les grandes routes de l'Europe en tous [*leur*] sens, comme je connais la route de Moscou à Ostafiewo, vous avez

certainement parcouru bien des fois cette distance et par terre et par eau, et par poste et *sur des longues* (comme on dit dans notre bon Moscou *na dolgix*) ou avec un *vetturino*, et nul mieux que vous ne saurait me dire l'exacte vérité. Je me'en remets donc à vous en plaine et franche confiance et ne vous adresse pas même les formalités de rigueur, pour vous demander pardon de l'ennui que je vous cause et de la peine que je vous donne.

Je juge d'après moi et comme l'absence n'a porté aucune atteinte aux sentiments que je vous avois [*voués*] à l'époque d'heureuse mémoire de votre séjour à Moscou, j'aime à croire que la bienveillance [*que*] vous m'avez témoignée est aussi du petit nombre des choses de ce monde, que les révolutions physiques, sociales, romantiques et fantastiques de nos jours ont laissé in statu quo. Je n'ai aucune nouvelle à vous donner de la Russie et encore moins de Hanau, qui est une très bonne ville, mais hermétiquement fermée. Je viendrai respirer librement et chaudement auprès de vous et me *dégermaniser* ou me *dépomme-de-terriser* dans le pays *wo die Zitronen blühn*. Toute ma famille se joint à moi pour vous dire combien nous serons heureux de vous revoir et pour vous présenter nos hommages bien sincères et bien dévoués. J'attends avec impatience et reconnaissance préalable votre supplément bénévole au guide du voyageur, car j'ai plus de foi en vous qu'en le conseiller de guerre de S. A. le duc de Saxe-Gothe. Adressez-moi, je vous prie, vos renseignements à Hanau (près de Francfort sur le Main) *poste restante*. Mes hommages à Madame votre soeur et mes amitiés au cher Comte Ricci.

Wiazemski

Ганау, 15/27 Сентября 1834

Знаете ли Вы, дорогая [и добрая] княгиня, что мы уже покинули Россию, что мы в Германии и что мы направляемся к Вам, то есть в Рим? Наше путешествие связано с болезнью моей второй дочери. Мы прибыли прямо в Ганау, чтобы проконсультироваться с доктором Коппом, которого очень рекомендовал Жуковский и петербургские доктора. Слава Богу, до сих пор мы можем только радоваться, что последовали этому совету[i]. Поскольку осенние холода наступали слишком быстро, то, чтобы ехать морем, мы покинули Петербург 11/23 августа ([опасения] за состояние Пашенькиной груди были высказаны только в июле); месье Копп задержал нас здесь, чтобы изучить болезнь и выбрать лечение, которому надлежит следовать[ii]. Мы здесь около трёх недель, и наши страхи за Пашенькино здоровье почти исчезли. Её здоровье улучшается медленно, но в то же время достаточно удовлетворительно, и, если Бог даст, мы сможем пуститься в путь в течение следующего месяца[iii]. Нам советуют провести зиму именно в Риме, и я заранее озабочен тем, чтобы мы по приезде разместились как можно лучше, и рассчитываю на Вашу помощь. Прошу Вас признать мою неопытность и руководить мною в той мере, в какой я смогу это принять. С этой целью

я беру на себя смелость задать Вам несколько вопросов и прошу Вас разрешить мне ответить на некоторые из Ваших, и особенно на вопросы графа Риччи, если он находится в Риме в настоящее время. Я слишком полагаюсь на его дружбу, чтобы усомниться в том, что он возьмётся оказать мне услугу, и чтобы терзаться сомнениями, могу ли я обратиться к его любезности. Итак:

Нам нужно жильё из четырёх комнат, хорошо освещённое солнцем: это условие необходимо для моей дочери, так же, как выбор самого здорового квартала в городе[iv]. Следующим условием будет экономность нашего жилища, так как Вы [хорошо] знаете, что наши средства ограничены и что наше путешествие уже потребовало значительных расходов[v]. Чтобы получить этот двойной результат, то есть устроиться и удобно, и экономно, следует ли нам снять заранее квартиру в отеле или искать её в частном доме и [следовательно] самим обзаводиться хозяйством, иметь кухоньку и т. д.? И какова могла бы быть месячная плата для каждого варианта? Я полагаю без всяких предварительных поисков [или фантазии], что и самое необходимое обойдётся довольно дорого.

Наша семья состоит из моей жены, троих дочерей и двух горничных[vi]. Что касается меня, то я их только сопровождаю; в случае, если Пашенькино здоровье улучшится или по крайней мере стабилизируется, я их устрою, о чём сообщу Вам и своему начальнику, а сам обязан буду вернуться к своим [очагам] и своим таможням, так как получил отпуск только на четыре месяца и опасаюсь пропустить этот срок, если появлюсь там слишком поздно[vii]. Моя семья пробудет в Риме, вероятно, от четырёх до пяти месяцев, с ноября по апрель. Какая дорога была бы лучшей, т. е. более удобной и менее дорогостоящей, чтобы добраться до Рима, например, из Франкфурта?[viii] Вы знаете большие дороги в Европе во всех деталях, как я знаю дорогу из Москвы в Остафьево, Вы преодолевали это расстояние не раз и по земле, и по воде, и на почтовых, и на долгих, или с веттурино, поэтому никто как Вы не мог бы мне дать лучшего совета[ix]. Я полагаюсь теперь на Вас в непосредственной и искренней надежде и, оставляя строгие формальности, не прошу у Вас прощения за беспокойство, которое я Вам причиняю, и заботу, которой обременяю Вас.

Я сужу по себе и, так как Ваше отсутствие не нанесло ущерба тем чувствам, которые я питал к эпохе (теперь в счастливых воспоминаниях) Вашего пребывания в Москве, я смею верить, что такое расположение, каким Вы меня отличили, существует также со стороны небольшого количества вещей в мире, что революции наших дней, физические, социальные, романтические и фантастические, остались in status quo. У меня нет никаких новостей для Вас из России, и ещё меньше — из Ганау, который представляет собой симпатичный, но герметически закрытый городок. Я хотел бы вздохнуть свободно и горячо подле Вас и дегерманизировать (dégermaniser) или

откартофелить (dépomme-de-terriser) себя в стране, где цветут лимонные деревья (wo die Zitronen blühn)[x]. Вся моя семья присоединяется ко мне, чтобы сказать, как мы будем счастливы увидеть Вас снова, и выразить Вам нашу искреннюю преданность. Я заранее с нетерпением и признательностью ожидаю вашего благосклонного добавления к гиду путешественника, так как более уверен в вас, чем в военном советнике герцога Саксонского[xi]. Пишите мне, пожалуйста, в Ганау (недалеко от Франкфурта-на-Майне), до востребования. Моё почтение мадам Вашей сестре и дружеский привет дорогому графу Риччи.

Вяземский

[i] Доктор Копп (J. H. Корр, 1777–1858) — немецкий врач, автор нескольких книг по медицине, популярный среди тех русских, кто приезжал к нему в Ганау для лечения. Среди его пациентов были В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, Н. М. Языков, А. П. Елагина. Жуковский так верил в него, что советовал Елагиной: «Сначала восхищайтесь вашим Коппом с его прищуренными глазами, а потом уже Рейном»[28].

[ii] Покинув Петербург 23 августа 1834 года, Вяземские, после тяжёлого морского путешествия из Кронштадта в немецкий Травемюнде (теперь — пригород Любека), остановились на два дня для отдыха в Любеке, а затем направились прямо в Ганау, куда прибыли 8 сентября 1834 года.

[iii] Ранняя осень в Ганау принесла успех в лечении Пашеньки, а всей семье — новую надежду: «Доктор Копп доволен Пашенькой, следовательно, мы довольны доктором Коппом — а я доволен Ганау»[29]. Вяземский был так обнадёжен, что решился на три коротких путешествия со старшей дочерью Марией. Они посетили Франкфурт, Висбаден, Кёльн, а также осмотрели живописные берега Рейна.

[iv] Вместо скромных комнат в пансионе Волконская нашла для Вяземских просторные и богато украшенные апартаменты во дворце Конти (превращённом в гостиницу в 1832 году) на площади Минервы; они отвечали всем запросам и пожеланиям князя.

[v] Вяземский подчёркивает, что его средства ограниченны: [«Вы хорошо это знаете»]. Волконской, которая ранее ходатайствовала за него, было хорошо известно об ограниченных финансовых возможностях Вяземских. Восемь лет, проведённых в отставке после службы в Польше (1821–1829), подорвали финансовое благополучие Вяземского. В замечательном документе, с которым Вяземский обратился к Николаю I («Записка о князе Вяземском, составленная им самим»), он описывает с присущей ему глубиной анализа и исключительной честностью широкий спектр социальных и культурных событий декады 1819–1829 годов, помещая себя в этот сложный контекст. Он заканчивает эту удивительную исповедь просьбой о предоставлении ему службы, обосновывая её ссылкой на свои уже проверенные

административные способности и на необходимость содержания большой семьи[30].

[vi] Вяземские путешествовали группой из семи человек — князь Пётр Андреевич, его жена Вера Фёдоровна (1790–1886), три дочери: Мария (1813–1849), Прасковья (Пашенька) (1817–1835), Надежда (1822–1840) и две русские горничные.

[vii] Получив вначале четырёхмесячный отпуск на своей новой службе в министерстве финансов, Вяземский вскоре стал опасаться, что придётся просить о его продлении. 8 ноября 1834 года он писал из Мюнхена своим друзьям в Петербург, что путешествие в Рим займёт не менее трёх недель, а устройство семьи в Риме — ещё недели две[31]. Князь так дорожил новой позицией, что не скрывал своих опасений относительно того впечатления, которое может произвести его просьба. Он умолял своих друзей осторожно обратиться к министру финансов, графу Е. Ф. Канкрину. Продлить отпуск за границей князю опять помог Жуковский, который ходатайствовал за него перед царём.

[viii] Волконская ответила без промедления. 26 октября Вяземский уже писал в Петербург: «Согласно собранным здесь, а также и полученным от княгини Зинаиды из Рима, сведениям, наш путь в Италию будет лежать через Мюнхен, а значит, через Тироль»[32]. Плохая погода и Пашенькино состояние задержали их в Мюнхене до середины ноября. Затем они двинулись по запланированному маршруту: Тироль, Тренто (Итальянские Альпы), Верона, Болонья, Флоренция, Рим.

[ix] Начиная с этого места, Вяземский переключается на более лёгкий тон, характерный для его обычно элегантных и остроумных писем. Он сравнивает большой опыт путешествий Волконской по Европе со своим, всего в сорок одну версту (около 44 км) дороги от Москвы до родового имения Остафьево. При этом он использует разговорное выражение «на долгих», переводя его буквально в удивительное французское sur les longues. Русская идиома, обозначающая путешествие в медленном экипаже, заменяет с помощью синекдохи результат (медленное передвижение) средством этого передвижения (плохими лошадьми). Употребляя итальянское слово vetturino вместо русского кучера, Вяземский делает новый скачок, приводящий к забавной смеси трёх языков и трёх стилистических уровней.

[x] Выражая свою дружбу и приязнь к княгине, Вяземский снова играет словами, придуманными по модели французского слова déraciner (откопать). Первое, dégermaniser — это морфологическая калька от французского dé-racin-er. Второе, dé-pomme-de-terr-iser — представляет собой другой тип фантастического образования, который следует той же морфологической модели, но базируется на смежности корней растения (racines) и земли (terre), что приводит к каламбуру: dé-pomme-de-terriser (pomme de terre — картофель). Этот игривый пассаж заканчивается контрастной кодой — намёком на персонаж Гёте — Миньон. Интерес Вяземского

к романтическому образу Миньон очевидно отразился в двух стихотворениях, которые он позже написал в Италии: «Флоренция. Ты знаешь край» (1834) и «Kennst du das Land» (1835). (Песня Миньон: «Ты знаешь край лимонных рощ в цвету?», перевод Б. Л. Пастернака).

[xi] Мы полагаем, что выбор военного советника саксонского герцога (по-французски Saxe-Gotha), чьи способности Вяземский сравнивает со стратегическим гением Волконской, мотивирован просто парономастическим сходством французского слова Gotha (здесь «Gothe») с именем Гёте (Goethe), которое имелось в виду при цитировании имени его героини Миньон. Таким образом, вполне серьёзное письмо с его многочисленными просьбами, излагать которые Вяземскому было непросто, заканчивается неожиданно в положительном и даже шутливом ключе. Несмотря на всё ещё тяжёлое настроение автора, письмо свидетельствует о его склонности к словотворчеству и игре словами.

ПИСЬМО II

Лист (13 × 21,8 см), сложен по горизонтали вчетверо и скреплён в центре печаткой Вяземского. На обратной стороне надпись рукой Вяземского: «Её сиятельству Княгине Зинаиде Александровне Волконской». Наверху чистого листа запись, возможно, сделанная рукой А. Н. Волконского: «Léttres intimes» («Личные письма»).

Не опубликовано.

On vient de me remettre, Princesse, votre billet au moment où j'avois déjà fait ma toilette de voyage. Je suis très peiné de ne pouvoir me ren der à vos ordres et de n'avoir pas pris définitivement congé de vous. J'ai été toute la journée en l'air à cause de la noce de [Timiriazeff] et je ne suis rentré chez moi que pour me mettre en route. Voici la lettre pour Joukoffski que je vous prie de remettre au Comte Ricci en lui faisant agréer mes adieux et l'assurance des sentimens distingués que je lui porte. Quant au portefeuille, ayez la bonté de me le faire envoyer par la poste ou de le faire remettre à mon homme d'affaire. Je prends aussi la liberté de vous prier de dire mes regrets aux demoiselles Ocouloff; je comptais les voir encore avant mon départ, mais vraiment je n'ai pas eu la tête à moi, ni ne l'ai maintenant. Vous devez vous en apercevoir au décousu et au désordre de mon billet. Lisez-le avec indulgence et agréez avec bonté l'hommage de mes tendres respects et de mon dévouement inaltérable.

Wiazemski
ce dimanche

[без места и даты]
[Флоренция, 12/24 апреля 1835 года][i].

Вашу записку, княгиня, принесли, когда я уже оделся для отъезда. Я очень сожалею, что не смог явиться к Вам и попрощаться окончательно. Я провёл весь день на воздухе из-за свадьбы [Тимирязева] и вернулся к себе только

чтобы собраться в дорогу[ii]. Здесь Вы найдёте письмо для Жуковского, которого я прошу поместить у графа Риччи. Графа я прошу принять мои прощальные слова и уверения в том особенном расположении, которое я к нему питаю[iii]. Что касается portfeuille, будьте так любезны отправить его на почту, где его передадут моему банкиру[iv]. Я беру на себя смелость также просить Вас выразить мои сожаления девицам Окуловым[v]; я рассчитывал увидеть их ещё раз перед отъездом, но, действительно, совершенно потерял голову. Вы можете догадаться об этом по беспорядку и путанице в моей записке[vi]. Прочтите её снисходительно и примите выражения моего искреннего уважения и неизменной преданности.

Вяземский
Это воскресенье

[i] Установление даты письма основано на его содержании и на пометке внизу страницы — «Это воскресенье». Вяземский извиняется за то, что не смог прийти к княгине для формального прощания перед отъездом в Россию, ссылаясь на усталость и депрессию. Мы знаем, что Вяземский покинул Рим 22 апреля и прибыл во Флоренцию 24 апреля. Ни одна из этих дат не попадает на воскресенье. По-видимому, предельно утомлённый Вяземский изменил своей привычке двойного датирования писем и дневниковых записей и здесь автоматически использовал старый, Юлианский календарь, согласно которому пятница 24 апреля (н. с.) соответствовала воскресенью 12 апреля (с. с.) 1835 года. Таким образом, это короткое письмо Волконской было написано в пятницу, 24 апреля 1835 года, в день прибытия Вяземского во Флоренцию[33].

[ii] Как уже упоминалось во введении, через две недели после Пашенькиной смерти Вяземские поехали в Неаполь с Александром Тургеневым, которого князь в шутку называл «нашей нянькой-учителем-опекуном». После недели отдыха и осмотра достопримечательностей Вяземский и Тургенев 15 апреля вернулись в Рим, а Вера Фёдоровна и старшая дочь Мария остались в Неаполе. У Вяземского была только одна неделя для сборов в долгую обратную дорогу в Россию. В течение этих последних дней в Риме он, конечно, посещал Волконскую несколько раз, так как его младшая дочь, тринадцатилетняя Надежда, оставалась с княгиней. Вяземский мог пропустить последний визит к Волконской, потому что здоровье дочери причиняло ему боль и увеличивало и без того тяжёлую депрессию.

[iii] Вяземский знал, что его близкий друг Жуковский вскоре должен приехать в Италию. Письмо Волконской он дополнил просьбой графу Риччи, чтобы тот принял Жуковского в Риме.

[iv] По-видимому, Вяземский оставил свой бумажник или папку у Волконских. Его «банкир», Валентини, которого рекомендовал ему Тургенев, ведал финансовыми делами многих русских в Риме[34].

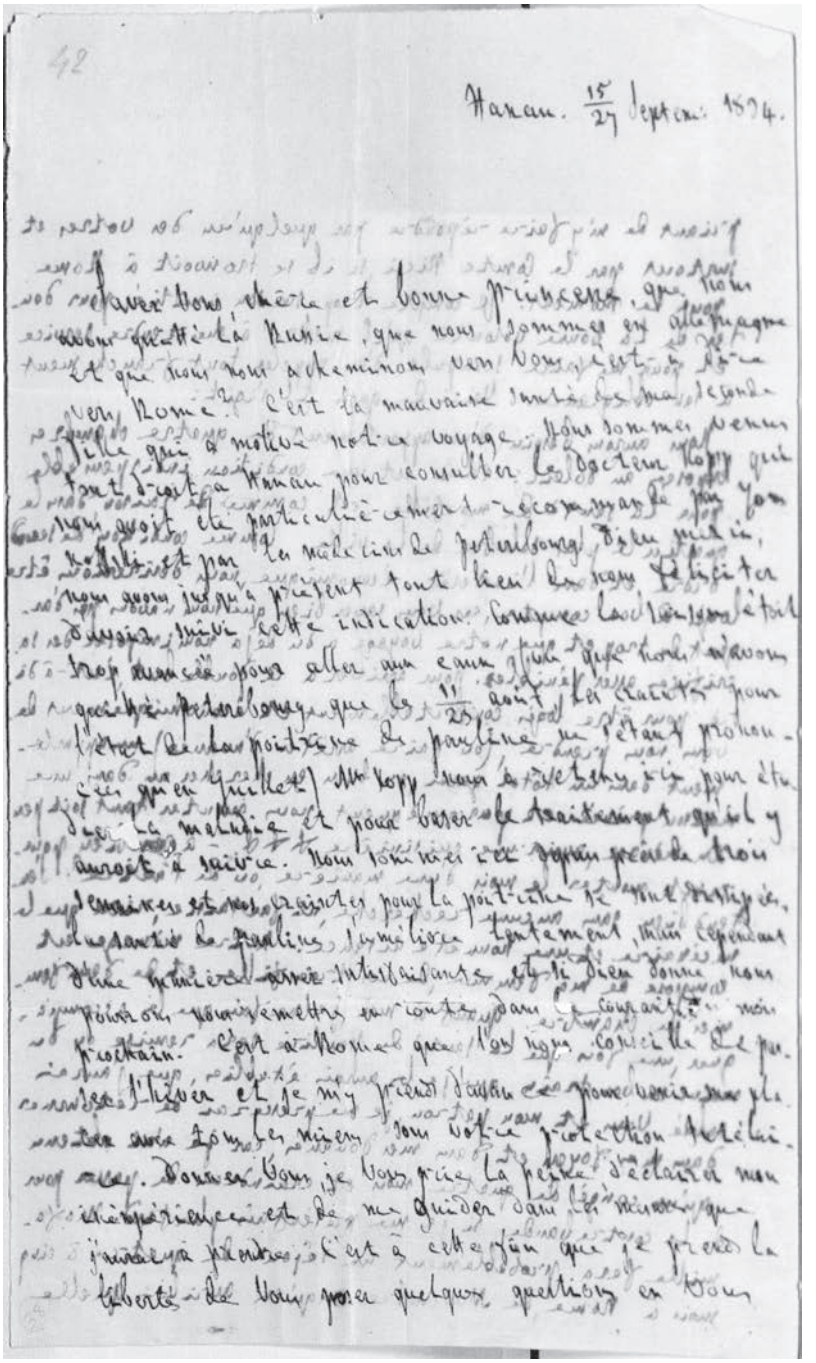
[v] В это время сёстры Окуловы, Анна (1794–1861) и Дарья (1811–1865), находились в Риме. Они были соседками Вяземского по его имению Остафьево, он знал их с детства. Анна (в замужестве Дьякова) считалась одной из лучших непрофессиональных певиц в Москве. С графом Риччи и Волконской Вяземский её познакомил в 1825 году, и вскоре она начала заниматься с ними вокалом. Дарье (в замужестве Шиповой) Вяземский посвятил одно из лучших своих стихотворений. Он также написал для сестёр текст песни для исполнения на одном из семейных праздников[35].

[vi] В письме, написанном в тот же день из Флоренции жене, Вяземский также жалуется на депрессию, признавая, что он борется с желанием «покинуть поле битвы и вернуться» в Рим. Он тревожится о здоровье младшей дочери Надежды и просит жену показать её доктору Коппу в Ганау[36].

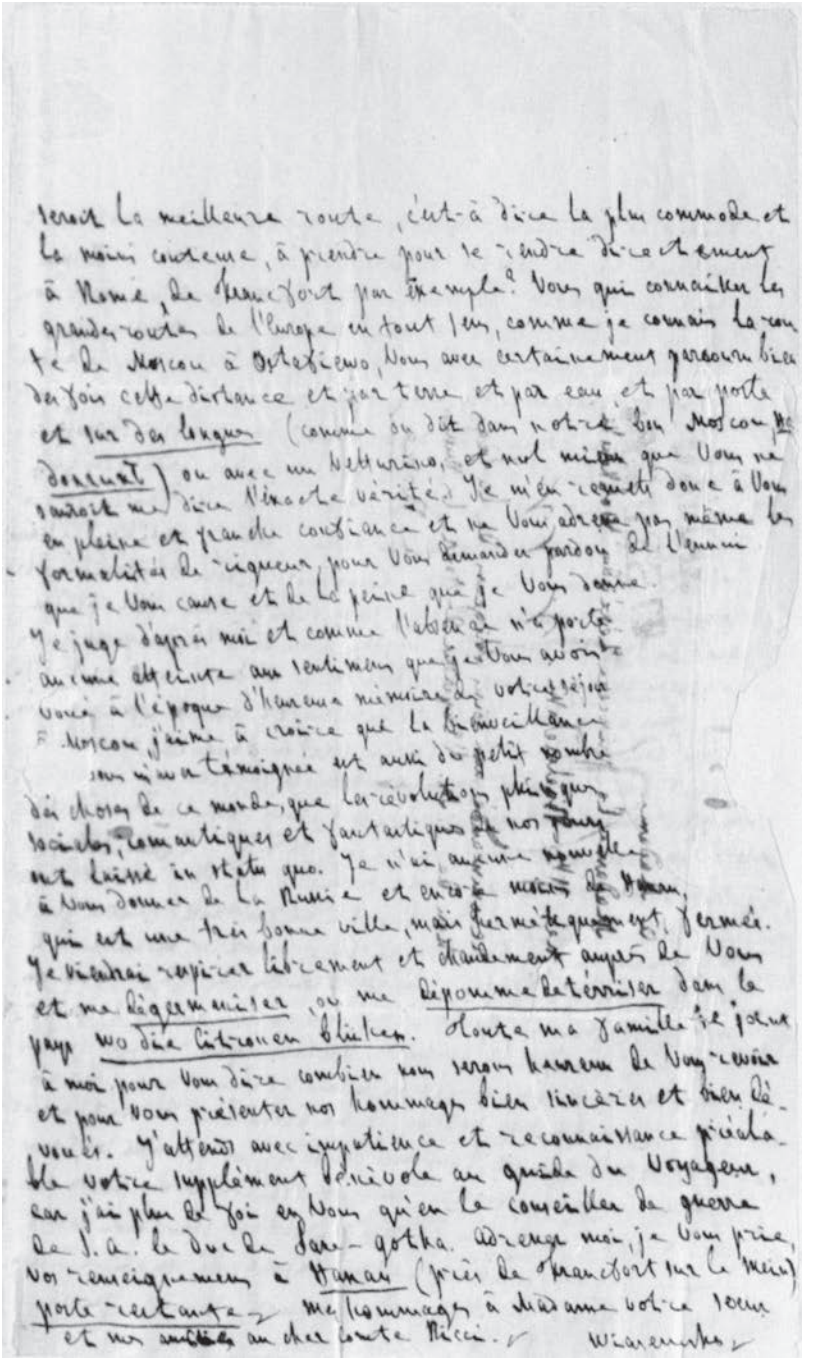
Через три месяца, суммируя опыт прошедшего года, Вяземский написал Александру Тургеневу: «Для меня всё путешествие моё — как страшный сон, который лёг на душу мою, или, лучше сказать, вся прочая жизнь была сон, а она, как свинцовая действительность, обложила душу отныне и до воскресения мёртвых»[37].

Во многих случаях нам пришлось реконструировать тексты Вяземского: в архиве Волконской они — среди наиболее трудно читаемых. Князь и сам часто извинялся за свой почерк: «Из моих ужасных каракулей, которые теперь стали ещё более небрежными, чем раньше, вы можете видеть, что я пишу с трудом, потому что и вы, наверное, читаете мои письма тоже не без усилия»[38].

Что касается французских писем Вяземского, то их язык лучше, чем можно было бы ожидать даже от образованного русского того времени. В них много идиом, и они отличаются характерным индивидуальным стилем. Некоторые из грамматических погрешностей и непоследовательностей могут быть объяснены изменениями во французской грамматике, которые происходили в это время. О них можно судить по Французскому Академическому Словарю в изданиях 1740, 1762, 1798 и 1835 годов. Такие же ошибки могли быть сделаны и любым образованным французом[39].



Письмо I. С. 1. Кн. П. А. Вяземский кн. З. Волконской. Ганау, 15/27 сентября 1834 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(38)



Письмо I. С. З. Кн. П. А. Вяземский кн. З. Волконской. Ганау, 15/27 сентября 1834 г.

On vient de me remettre, princesse, votre billet au moment où j'avois déja fait ma toilette de voyage. Je suis très peiné de ne pouvoir me rendre à vos ordres et de n'avoir pas pris définitivement congé de Vous. J'ai été toute la journée en l'air à cause de la noce de Liminiaret et je ne suis rentré chez moi que pour me mettre en route. Voici la lettre pour Yousoupoff que je Vous prie de remettre au Comte Ricci en lui faisant agréer mes adieux et l'assurance des sentimens distingués que je lui porte. Quand au portefeuille ayez la bonté de me le faire envoyer par la poste, ou de le faire remettre à mon homme d'affaires. Je prends aussi la liberté de Vous prier de dire mes regrets au demoiselle Ocoulof; je comptais la voir encore avant mon départ, mais vraiment je n'ai pas eu la tête à moi, je ne l'ai pas maintenant. Vous devez Vous en apperceuoir au décousu et au désordre de mon billet. Excusez le avec indulgence et agréez avec bonté l'hommage de mes tendres respects et de mon dévouement inaltérable. Wiazemsk.

Ce dimanche.

Письмо II. Кн. П. А. Вяземский кн. З. Волконской. [Флоренция, 12/24 апреля 1835 г.]
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(37)

Три записки В. А. Жуковского

В архиве Волконской хранятся три неопубликованные записки, подписанные знаменитым поэтом Василием Андреевичем Жуковским и адресованные княгине Зинаиде, на которых не обозначено ни время, ни место их написания. Текст, однако, содержит некоторые указания на то, что они были написаны в Риме. Наиболее очевидными являются упоминание о карнавале на виа дель Корсо и о визите к Папе Римскому. Ссылка Жуковского на встречу с Н. В. Гоголем, который впервые приехал в Рим в марте 1837 года, подтверждает, что эти строчки могли появиться только во время второго визита Жуковского в Рим, который пришёлся на период между 4/16 декабря 1838 года и 1/13 февраля 1839-го. Более внимательное рассмотрение этого восьминедельного периода, отображённого в его дневнике и в корреспонденции, позволяет точнее датировать каждую записку. Несмотря на их краткость, эти послания представляют неоспоримый интерес, так как они проливают свет на отношения Жуковского и Волконской, о которых до настоящего времени было известно немного. Кроме того, дополнительно они дают беглый взгляд на его визит в Рим в 1838–1839 годах.

После нескольких месяцев путешествия по Германии, Австрии и северной Италии Жуковский прибыл в Рим 4/16 декабря 1838 года, в свите наследника престола Александра (будущего Александра II), наставником которого он был с 1826 года. Ещё перед отъездом из России Жуковский составил для своего царственного ученика подробный план изучения истории искусств, в котором Рим и его сокровища занимали важное место[1]. Однако по прибытии в Рим Жуковский, очарованный вечным городом ещё в 1833 году, был снова захвачен им, так что многие из его образовательных планов остались нереализованными. Он погрузился в водоворот римской жизни. Его дневники и письма показывают, что он был частым гостем в дипломатических и светских кругах, известных ему по прошлому приезду[2]. Жуковского, однако, ещё больше привлекали художественные галереи и студии художников. Будучи сам прекрасным художником, он часами зарисовывал римские пейзажи. Гоголь, часто наблюдавший, как Жуковский делает наброски в саду Волконской, заметил однажды: «Он делает прекрасные скетчи по дюжине в минуту»[3]. Почти не проходило дня, чтобы Жуковский не посетил русских художников, работавших тогда в Риме, среди которых были А. А. Иванов, Ф. А. Бруни и О. А. Кипренский. Кроме того, он общался и с западными художниками, уже завоевавшими известность, — Ж. Энгром, О. Верне, В. Камуччини и В. Хантом. Оригинальные

Два рисунка В. А. Жуковского.
Конец 1838 — начало 1839 г., Рим.
Из бывшей коллекции Б. Леммермана

оценки Жуковским творчества этих художников часто открывают его глубокое знание и понимание искусства[4].

Однако именно сам город занимал по большей части время и внимание Жуковского. Он изучал Рим серьёзно, записывая свои впечатления в дневник каждый вечер. Жуковский подпал под обаяние Гоголя, которого теперь узнал близко: «Гоголь — как вспышка молнии. Он живёт и дышит Италией; он всегда художник и часто изумительный»[5]. Они ходили и ездили по городу часами и проводили дни, обсуждая новые произведения Гоголя[6]. Жуковский дважды устраивал чтение Гоголем своих произведений перед наследником престола. Согласно дневнику поэта, в течение пребывания в Риме он видел Гоголя двадцать три раза. Когда цесаревич отправился в шестнадцатидневное путешествие в Неаполь, Жуковский предпочёл остаться в Риме и виделся с Гоголем почти каждый день. Как писал А. И. Тургенев, «Жуковский влюбился в Рим <...> и начал пренебрегать своими обязанностями»[7]. Итальянские впечатления в целом очень расширили горизонты его сознания. Покинув Италию, он вскоре написал поэту И. И. Козлову: «Я здоров телом, но болен тоской по Италии, которую мы оставили; так влюблённый расстаётся со страстно любимой невестой, с которой судьба разлучила его преждевременно»[8].

Какое место занимала княгиня Волконская в «римских каникулах» Жуковского? В России они были знакомы, и только. В 1825 году поэт жаловался А. И. Тургеневу, что он ещё не слышал пения Волконской[9]. Дружеские отношения установились между ними в 1833 году, во время первого пребывания Жуковского в Италии, когда он и Тургенев встречались с княгиней почти каждый день либо в Неаполе, либо в Риме[10]. Согласно дневнику Жуковского, в 1838 году он навещал Волконскую сначала довольно часто. Затем их отношения как будто охладели, и его визиты в гостеприимную виллу у церкви Св. Иоанна Латеранского стали менее частыми[11]. Упоминания о Волконской в дневнике Жуковского становятся теперь короткими и холодными. Он не комментирует её новый облик преданной католички и не упоминает о людях и разговорах в её доме. Все его ссылки на неё состоят из коротких фактических сообщений: «Визит к Волконской... обедал... ужинал на вилле...» В одном случае краткая запись «завтрак на вилле» сопровождается замечанием: «Её прекрасные стихи для меня»[12].

Такова скудная информация относительно взаимоотношений З. А. Волконской и В. А. Жуковского, что делает его короткие письма к ней достойными более внимательного прочтения.

ЗАПИСКА I

Лист (19,2 × 24,2 см). Текст записки расположен на лицевой стороне. На оборотной стороне адрес: «à Madame la Princesse Volkonsky Z».

Опубликовано[13].

[без места и даты][i]
[Рим, среда, 18/30 января 1839]

Гнев имеет причину, но дружба может и повиниться. Против дружбы к Вам я ничем не провинился. А данного слова быть у Вас третьего дня не сдержал без собственного ведома: проспал час[ii]. Мне самому и досадно и смешно. В час постараюсь быть к Вам вместе с Гоголем[iii]. До свидания.

Жуковский.

[i] Дата этой записки может быть установлена при изучении дневниковых записей Жуковского, фиксирующих перечень событий. Из них можно увидеть, что в течение первых двух недель он навещал Волконскую довольно часто (7/19, 9/21, 10/22 и 11/23 декабря). Позже, однако, его визиты становятся гораздо менее регулярными, с пропусками из восьми, девяти и даже четырнадцати дней. После того, как он не видел княгиню почти две недели, Жуковский пропустил обещанный «третьего дня» визит. В этой недатированной записке, которая была написана в ответ на письмо, по-видимому, удивлённой Волконской, он предлагает объяснение и уведомляет, что навестит её в тот же день вместе с Гоголем. В дневнике Жуковского есть запись от 18/30 января, подтверждающая этот визит[14]. Таким образом, дату этой записки можно считать установленной — 18/30 января 1839 года. Дальнейшее рассмотрение подтверждает этот вывод.

[ii] У Жуковского была привычка вздремнуть днём. Его дневник за 16/28 января свидетельствует, что, несмотря на холодную погоду, он посетил студии четырёх художников и провёл послеполуденное время в музее Ватикана и соборе Св. Петра[15]. Это делает его объяснение в письме вполне правдоподобным: утомлённый и продрогший, он, возможно, заснул и пропустил вечер у Волконской.

[iii] Жуковский действительно посетил Волконскую вместе с Гоголем, как он и обещал в записке. Как и предполагалось, они пришли на обед, который, согласно итальянскому обычаю, подавался около часа дня. В дневнике Жуковский отметил: «День рождения Гоголя... у Волконской. Музыка. Псалмы Марчелло. Пели Риччи, Корсини, Капальти»[16]. Нужно заметить, однако, что дата дня рождения Гоголя в дневнике Жуковского не совпадает с общепринятой датой: 20 марта/1 апреля. Поскольку Жуковский уехал из Рима почти за два месяца до настоящего дня рождения Гоголя, собрание у Волконской могло отметить день его именин, т. е. день св. Николая (23 января/4 февраля), и то на несколько дней раньше.

В римской библиотеке Волконской есть экземпляр поэмы Жуковского «Ундина». Посвящение, написанное рукой автора, гласит: *«Княгине Зинаиде Александровне Волконской в память нашей дружбы. 18/30 января 1839 года. Рим. В. Жуковский»*[17].

Очевидно, Жуковский подарил эту книгу Волконской в тот же день, когда он отправил записку, извещавшую о его визите.

ЗАПИСКА II

Лист (19,2 × 11,9 см), оторван по горизонтали от большей его части. Текст записки расположен на лицевой стороне.

Опубликовано.

[без места и даты][i]
[четверг, 26 января/7 февраля 1839]

Мы остаёмся здесь ещё до будущей среды[ii]. Нынче не могу с вами ехать по той причине, что теперь еду к Папе, а в три часа на Корсо[iii]. Нельзя ли устроить, чтобы у вас отобедать в Воскресенье? или в Субботу? Уведомьте когда[iv]. В Воскресенье удобнее, ибо после Корсо[v].

Ж.

[i] Дневниковые записи Жуковского показывают, что Папа Римский принимал его и цесаревича 26 января/7 февраля 1839 года и что немедленно после этого они пошли на одну из центральных улиц, виа дель Корсо. Эта информация позволяет установить, что вторая записка к Волконской была написана в тот же день, 26 января/7 февраля 1839 года[18].

[ii] Визит в Рим наследника и его свиты был сокращён по приказу царя Николая I. Жуковский комментирует это изменение плана в дневнике за 24 декабря/5 января: «Италия для нас лопнула». Месяцем позже, 25 января/6 февраля, было принято решение продлить их пребывание в Риме до конца карнавала, и Жуковский уведомил Волконскую о задержке их отъезда на следующий же день[19].

[iii] Путешествие в Палакордо вместе с Волконской, которое Жуковский был вынужден отложить, состоялось в конце концов в воскресенье, 29 января/10 февраля 1839 года[20].

[vi] Жуковский поехал на виллу Волконской в субботу, 28 января/9 февраля 1839 года, опять вместе с Гоголем. Княгиня читала Жуковскому своё стихотворение, которое он похвалил: «прекрасные стихи»[21].

[v] И Жуковский, и всё окружение наследника престола были в восторге от римского карнавала на виа дель Корсо, который они наблюдали в течение шести дней (из тех восьми, что длился этот праздник). Живое описание последнего дня фестиваля в дневнике Жуковского удивительно похоже на карнавальные сцены, которые мы находим у Гоголя и Вяземского[22].

ЗАПИСКА III

Четверть листа (9,2 × 12,3 см). Текст записки расположен на лицевой стороне.

Опубликовано.

[без места и даты][i]
[Рим, понедельник, 30 января/11 февраля 1839 года]

Ваша поправка прекрасная. Посылаю вам список (так же с некоторыми поправками) ваших Ангелов, они стоят своего имени[ii]. Марко Висконти

я купил, и так не присылайте[iii]. До свидания, надеюсь здесь ещё, а не в стороне ангелов[iv].

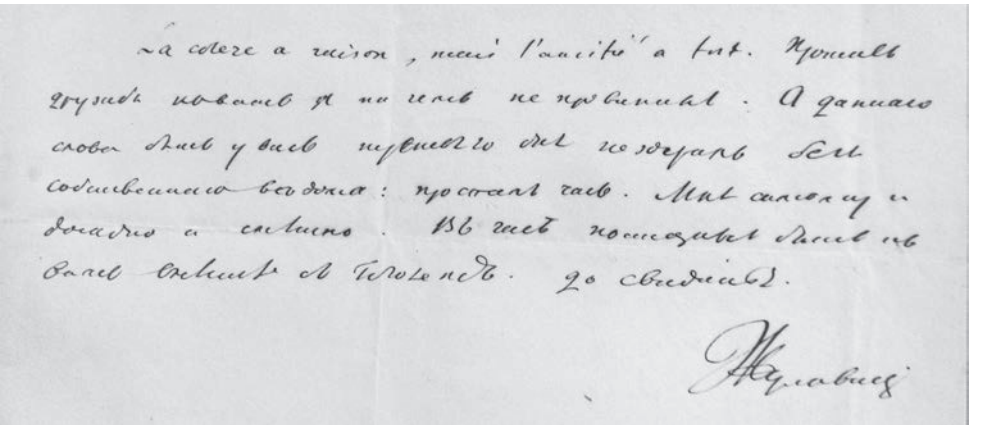
Жуковский.

[i] Эта записка была отправлена, вероятнее всего, 30 января/11 февраля 1839 года, на следующий день после поездки Жуковского и Волконской в Палакордо, вероятно, живописное местечко в окрестностях Рима. Возможно, он написал её в доме своего близкого друга графа Риччи, которого посетил за два дня до отъезда из Рима[23]. Это может объяснить, почему он использовал бумагу другого типа, чем обычно. Упоминание о предложении Волконской послать ему роман Томазо Гросси «Марко Висконти» также подтверждает нашу датировку: она могла успеть это сделать 31 января/12 февраля — в последний день пребывания Жуковского в Риме.

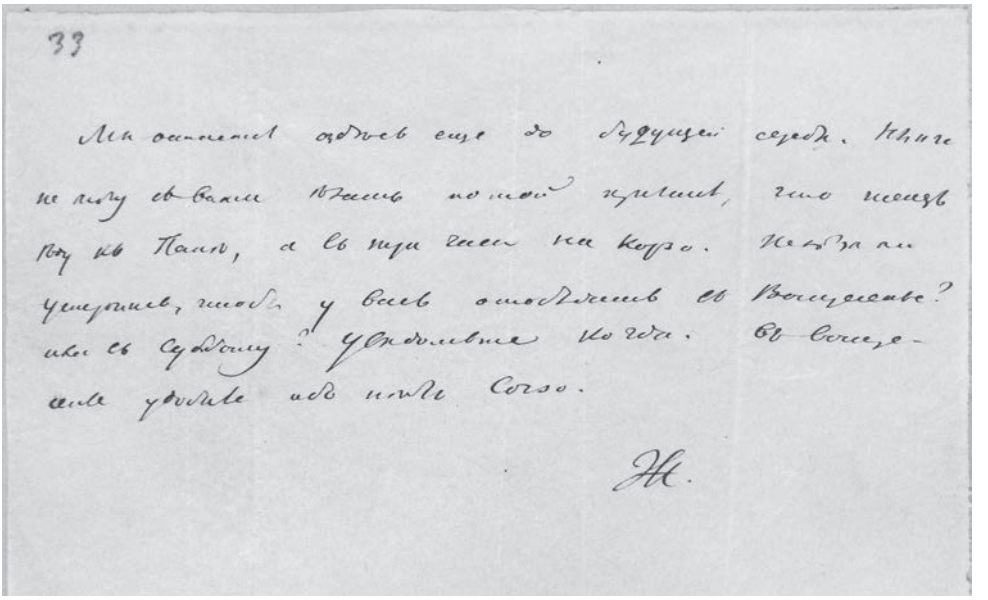
[ii] Здесь Жуковский говорит о стихотворении Волконской «Четыре ангела», которое он вернул ей со своими замечаниями и комплиментами. Стихотворение было опубликовано в 1836 году в «Московском наблюдателе»[24].

[iii] В октябре 1838 года Жуковский купил роман Т. Гросси «Марко Висконти», опубликованный в 1834 году, и прочёл его с большим интересом во время итальянского путешествия. Любуясь пейзажами Ломбардии, он сравнивал их с описаниями в романе Гросси[25].

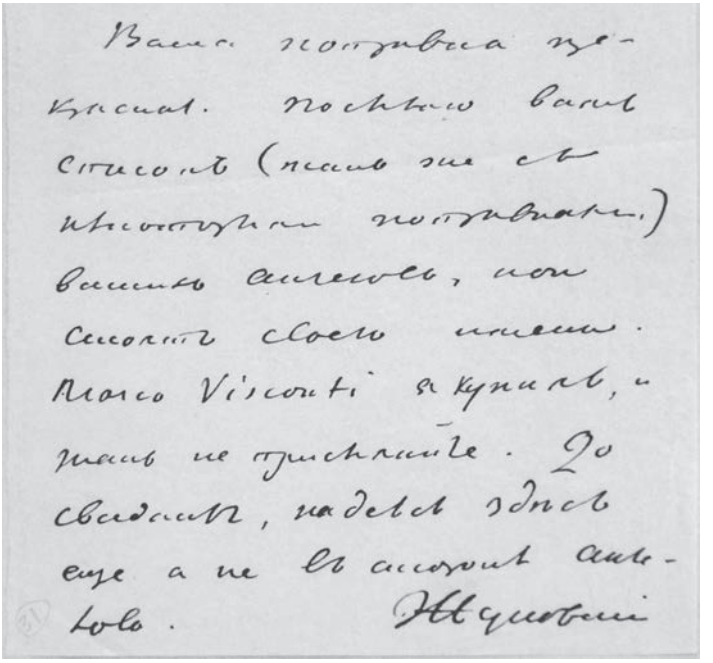
[iv] Эта формула прощания типична для романтических мотивов Жуковского с их противопоставлением двух миров: «этого света» — «тому». Тот же мотив появляется в письме Александру Тургеневу, в котором он жалуется, что до сих пор не слышал пения Волконской: «Кажется, я умру раньше, чем услышу пение Зинаиды здесь; может быть, там, в чистилище, я услышу её пение перед престолом Всевышнего»[26].



Записка I. В. А. Жуковский кн. З. Волконской. Рим, 18/30 января 1839 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(30)



Записка II. В. А. Жуковский кн. З. Волконской. Рим, 26 января/7 февраля 1839 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(31)



Записка III. В. А. Жуковский кн. З. Волконской. Рим, 30 января/11 февраля 1839 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(32)

Пятнадцать писем царя Александра I

В архиве княгини Волконской имеется пятнадцать писем, написанных ей императором Александром I. Эти письма, охватывающие тринадцатилетний период с 1813 по 1825 год, фиксируют различные стадии их отношений, загадочные во многих аспектах до сих пор. Шесть из этих писем были опубликованы сыном княгини, А. Н. Волконским, в 1868 году. Однако его строгая цензура, охранявшая честь недавно умершей матери, привела к существенным купюрам, которые исказили действительную природу её отношения к царю[1]. Оставшиеся девять писем, причём некоторые из них наиболее пространные и значительные по содержанию, не были опубликованы до сих пор.

Следует отдавать себе отчёт, что отношения любовной дружбы (amitié amoureuse), характерные для того времени, выражают себя в аффектированном стиле, полном намёков и преувеличений, которые необязательно указывают на действительно любовные отношения. Но письма царя, адресованные Волконской, однако, свидетельствуют о близких и сложных взаимоотношениях, выходящих далеко за пределы обычного придворного флирта.

В отличие от других многочисленных романов Александра I, его предполагаемая интимная связь с княгиней Волконской не была предметом открытого обсуждения современниками. Время от времени делались наблюдения, что «Царь находил удовольствие в беседах с княгиней Волконской» и что он «любил отдыхать от своих военных и политических обязанностей в её обществе»[2]. Порой встречались также отзвуки умолкнувших слухов. Однако в целом их отношения трактовались современниками с особенной осмотрительностью. Необходимо заметить, что доступная нам официальная документация за этот период скудна. Большая часть личных бумаг Александра в императорском архиве была уничтожена. Материалы из личной жизни царя, не находящиеся в частных архивах, если и не уничтожены или потеряны, то явно недостаточны и не могут помочь[3].

Много позже, в исследованиях о Волконской, её отношения с Александром вновь становятся объектом повышенного внимания и новых предположений[4]. Однако все эти материалы основаны на догадках и не являются надёжными историческими источниками. Поэтому мы должны заключить, что единственным достоверным источником, который может прояснить эту неопределённость, являются письма царя к ней, хранящиеся в гарвардском архиве. Информативные сами по себе, эти письма, однако, дают лишь фрагментарное представление о характере близких отношений императора

и княгини. Чтобы сделать картину этих ускользающих отношений более определённой, мы должны рассмотреть их в широком контексте событий того времени.

Непросто установить, когда именно император начал выделять юную Зинаиду среди других красавиц своего окружения. Известно, что восемнадцатилетняя княжна Зинаида Белосельская была представлена ко двору и назначена младшей фрейлиной при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. В декабре 1808 года, уже в качестве фрейлины королевы Луизы Прусской, она принимала участие в вихре празднеств, данных в честь прусской королевской пары. В январе 1809 года состоялись новые торжества, отмечавшие помолвку и свадьбу великой княгини Екатерины Павловны. Княжна Зинаида имела много возможностей видеть «неотразимого» царя и дышать атмосферой всеобщего поклонения, которая его окружала. Очень вероятно, что именно в этот период он и заметил прекрасную, живую и талантливую Зинаиду.

Стоит обратить более пристальное внимание на отношения царя Александра с женщинами. Около 1811–1812 годов он был готов к новому роману. Его многолетняя горячая привязанность к Марии Антоновне Нарышкиной, начавшаяся в 1804 году, была близка к завершению. Он был уязвлён её плохо скрываемой неверностью, однако к нелюбимой жене, императрице Елизавете, на которой его женили в шестнадцать лет, не вернулся. Теперь он утешал себя серией коротких романов[5]. Дворцовые сплетни выделяют нескольких женщин, которые привлекали внимание царя. При этом самые близкие и душевные отношения сохранялись у него с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной, которая имела на него большое влияние, и он ей всецело доверял. Публикация писем царя к ней великим князем Николаем Михайловичем в 1910 году пролила новый свет на их взаимную привязанность и тесную дружбу, которая поддерживала Александра в трудный период борьбы с Наполеоном[6].

Александр любил женщин и знал, как их пленить. Оставаясь внутренне равнодушным, он каждую заставлял поверить, что в данный момент только она важна для него[7]. Трудно оценить глубину и продолжительность этих связей; также неясно, какие из них были просто платоническими. По-видимому, некоторые из них были таковыми, поскольку многие современники отзывались о царе как о «Дон Жуане Платоническом»[8].

22 февраля 1811 года Зинаида Белосельская вышла замуж за князя Никиту Волконского. 18 ноября того же года родился их сын Александр. Царь предложил Волконским стать крёстным отцом их ребёнка и 25 ноября присутствовал на церемонии крещения в часовне церкви Зимнего дворца[9].

Этот брак не принёс счастья Зинаиде. В начале 1812 года, вскоре после рождения сына, она заболела тяжёлой формой депрессии, которую её современники назвали «временным помешательством». Поправлялась она медленно. Только к сентябрю 1812 года она начала приходить в себя[10].

В это время война с Наполеоном была в фокусе всеобщего внимания. 26 августа / 7 сентября 1812 года состоялось кровопролитное Бородинское сражение, в котором не было победителей и которое привело к оккупации Наполеоном Москвы без боя 2/14 сентября. Однако спустя месяц, 9/21 октября, наполеоновская армия начала отступление, закончившееся её полным разгромом в конце ноября 1812 года. Вся страна была охвачена всеобщим порывом патриотизма. Для княгини Зинаиды это было наилучшей терапией, она открыла для себя другое мироощущение и возможность принимать жизнь по-новому.

С начала 1813 года Александр I также сильно изменился. Он оставил неуверенность и не колебался больше в своих решениях. Желая добиться полного разгрома французской армии, он отказывался от любых уступок Наполеону: «Он или я, я или он, вместе мы не можем царствовать; я научился понимать его, он более не обманет меня»[11]. Это были звёздные часы царя. Он подтвердил, что Наполеон не был неправ, оценивая его как более умного человека, чем это было принято считать, и более талантливого, чем все его министры[12].

Первому из писем царя Александра Зинаиде Волконской предшествовала их личная встреча. Внимательное чтение этих первых писем делает очевидным тот факт, что Александр в этот период был увлечён княгиней.

В январе 1813 года, когда военная ситуация стабилизировалась, царь внезапно решил пригласить жён трёх своих генералов присоединиться к его военной свите. Александр не хотел присутствия императрицы Елизаветы, но радовался своему «малому женскому двору». Первыми прибыли княгиня Зинаида с маленьким сыном и её золовка Софья Григорьевна Волконская. За ними последовала третья дама, имя которой остается неизвестным[13]. В письме фельдмаршала М. И. Кутузова есть свидетельство того, что 28 февраля 1813 года княгиня Зинаида уже была в Калише: «Зинаида Волконская, чья внешность мне очень нравится, здесь»[14]. Через четыре недели немецкий генерал фон Бойен, описывая обед у Кутузова, заметил, что княгиня Волконская сидела рядом с хозяином[15].

В неформальной атмосфере военной свиты сближение царя и княгини Зинаиды, видимо, развивалось быстро. Его частые визиты были замечены и зафиксированы[16]. Первое письмо царя к Волконской свидетельствует, что его чувства к ней были более серьёзными, чем к другим дамам, за которыми он ухаживал.

В целом письма сами по себе дают много ключей к разгадке действительной природы этих необычных отношений. Но вначале все же необходимо отсеять многочисленные галантности, на которые Александр был большой мастер. Когда он говорит об «ангельской доброте» Зинаиды или о том, что он готов броситься к её ногам, или уверяет её в своей «преданности на всю жизнь», он, возможно, отдаёт дань стилю эпохи. Но за этими пышными фразами можно услышать реальный голос Александра.

Письма подтверждают, что царь и княгиня встречались часто. О некоторых из своих визитов он сообщал в письмах и записках, написанных за несколько часов до его прибытия (п.п. III, VII, IX, XIII, XIV, XV). Хотя Волконская нередко жила со своей золовкой, можно предположить, что она встречала царя одна. В письмах мы находим упоминания об этих визитах, которые Александр ожидал с большим нетерпением (п.п. I, V, XII). Много раз он благодарил Зинаиду за её мягкость и заботливость, уверяя её, что «эти моменты» никогда не изгладятся из его памяти (п. V). Письмо от 14 мая 1813 года (п. I) инициировало диалог о вознаграждении («une récompense»), которое Александр ожидал получить от Волконской. Этот намёк продолжал обсуждаться в некоторых из последующих писем; ответ княгини содержится в письмах II и VI. В неопубликованном шестистраничном послании, написанном Зинаиде из Петерсвалдау 28 мая 1813 года (п. II), царь пространно пишет о чувствах, переполнявших его с первого же момента, когда он увидел её, и даже усилившихся после того, как она позволила ему узнать её ближе. Но дата и степень этого приближения остаются неясными. Интимность этих отношений только просвечивает между строк благодаря тонким намёкам.

Время от времени Александр упоминает мужа Зинаиды, князя Никиту Волконского, который в то время был его адъютантом. Хотя царь заявлял о дружеском отношении к нему, очевидно, что он не любил князя. Часто в письмах Зинаиде Александр иронически называл его «Ваш мужчина» (п.п. II, VI). Нередко царь использовал его в качестве посыльного, и князь Никита был вынужден передавать любовные послания царя собственной жене. Иногда проявляется и ревность: в письме № V Александр объясняет своё отсутствие нежеланием видеть князя во время короткого визита Волконского к Зинаиде. В другом месте он саркастически замечает, что князь Никита «держится за её юбки» (п. VII). Царь сознаёт, что не может полностью игнорировать мужа Зинаиды. В то же время он заявляет, что, не колеблясь, признался бы в своих чувствах к Зинаиде «перед всем миром», включая её мужа (п. II).

Княгиня увлекалась Александром всё более по мере развития переписки. Из писем царя видно, что иногда она жаловалась на недостаток внимания. На раннем этапе их романа Александр пылко отвергал эти обвинения (п. VI).

Обстоятельства, при которых царь находил время писать эти письма (причём всегда собственноручно и часто большого объёма), возможно, ещё более важны, чем собственно их текст. Период с мая по октябрь 1813 года был решающим как на полях сражений, так и на дипломатическом поприще. Царь присутствовал на полях боевых действий и лично участвовал в разработке военной и дипломатической стратегии. В эти горячие дни царь не находил времени читать депеши даже от своего канцлера, Н. П. Румянцева, и неделями мог не отвечать на его самые срочные запросы. 12 июня 1813 года он

наконец ответил Румянцеву из Петерсвалдау: «Я могу сказать, что поистине не имел в своём распоряжении не только дня, но даже и ночи. Добавьте к этому, что только однажды я провёл два дня подряд на одном месте, и теперь мы постоянно в движении»[17]. Даже великая княгиня Екатерина Павловна вынуждена была принять тот факт, что у Александра не было времени на переписку. 17 мая 1813 года она благодарила его за то, что он не забыл о её дне рождения в то время, «когда судьба всего мира» была в его руках [18]. Обременённый заботами и изнурённый походом, царь тем не менее умудрялся писать длинные письма княгине Волконской и навещать её при первой возможности. В письмах он даёт детальное описание сражений, сопровождая его точными цифрами приобретений и потерь участвующих армий. В некоторых случаях он рыцарски посвящает победы княгине и радуется тому, что они дают возможность увидеть её после этого (п.п. I, II, IV).

Первый, романтический период отношений между Зинаидой Волконской и царём Александром внезапно получил завершение с его письмом, написанным из Шафхаузена в декабре 1813 года (п. VII). Это был очевидный конец: между этим письмом и следующим, уже из Петербурга (12/24 мая 1816), прошло три с половиной года. Трудно сказать, что послужило причиной разрыва между ними. Имея в своём распоряжении лишь ограниченную информацию, мы можем делать только какие-то предположения. Из писем царя можно заключить, что с Зинаидой не всегда было легко. Хотя её часть диалога остаётся нам неизвестной, можно полагать, что она нуждалась в постоянном декларировании преданности и уважения. Кроме того, муж Зинаиды был вовсе не таким покладистым, каким был муж М.А. Нарышкиной, многолетней любовницы Александра[19]. Мы уже видели из многочисленных ссылок на мужа Зинаиды, а также на её деверя, князя П.М. Волконского, что их отношение (к роману) могло раздражать царя. Нужно заметить также, что Волконская, в отличие от Нарышкиной, часто просила Александра об одолжениях. Из его писем ясно, что княгиня не только ходатайствовала за мужа, родственников и друзей, но и пыталась влиять на царя в его политических решениях (п.п. II, VII, VIII, X, XI, XII, XV)[20]. Отношение Александра к этому было предсказуемым: невмешательство в государственные дела было условием многолетней связи с Нарышкиной — «иначе всё будет кончено»[21]. К концу 1813 года отношения с Волконской могли стать уже обременительными для Александра, тем более что в это время он начинал обретать славу «спасителя Европы».

Другим фактором, приведшим к его охлаждению, могло быть влияние на царя его сестры, Екатерины Павловны. Недавно овдовевшая, теперь она льнула к брату, который имел новый, величественный статус «освободителя Европы». После более чем годовой разлуки они провели много времени вместе в Праге ранней осенью 1813 года. Прохладное письмо Александра княгине Зинаиде из Шафхаузена (п. VII) было написано через два дня после его встречи с сестрой, которая, по-видимому,

знала об этих тревожащих её отношениях и приложила усилия, чтобы положить им конец (в своё время она сыграла немаловажную роль в смещении М.М. Сперанского). Шесть месяцев спустя великая княгиня попыталась заманить его в Лондон, обещая возродить счастливые дни, проведённые в Шафхаузене: «Приезжай! У нас будет второй Шафхауз!» Итак, каковы бы ни были причины, это был конец романа царя Александра и княгини Зинаиды Волконской[22].

Второй период их отношений представлен двумя письмами: одно написано в Петербурге 12/24 мая 1816 года, а второе — короткая записка — 8/20 октября 1817 года. К этому времени княгиня почти полностью исчезла из жизни Александра. Это были бурные годы, и поведение царя в этот период соответствует оценке Ф. Шатобриана: «Император России имеет сильный дух и слабый характер»[23]. Такая раздвоенность постоянно проявлялась в поведении Александра в это время. В Париже, где его с энтузиазмом приветствовал народ, поведение царя по отношению к новому королю Людовику XVIII, а также к женщинам наполеоновского клана было безупречным, иногда даже в ущерб российским национальным интересам. Он получил признание как «король сердец парижских салонов». Что касается государственный мужей, собравшихся в Вене, то они предпочли видеть в русском царе поверхностного человека, которого Дж. Байрон насмешливо назвал «самодержцем вальсов и войны»[24].

Волконская в числе других придворных присутствовала и в Париже, и в Лондоне, и в Вене, но её имя больше не связывалось с именем царя: она уже не принадлежала его близкому кругу. В декабре 1814 года, на пике празднеств, сопровождавших Венский конгресс, Зинаида родила сына, умершего вскоре после рождения[25]. Эта потеря, а также опыт войны и её отношений с Александром изменили княгиню. Пережив обиду и потерю иллюзий, она отправляется в путешествия из одной европейской столицы в другую (1814–1819). Это дало ей гораздо больше, чем просто удовольствие: она была полна желания прибрести новый опыт, новые знания и чрезвычайно продвинулась в своём развитии. Новый образ жизни Зинаиды и её новый облик послужили причиной порицания в письме царя в мае 1816 года, которое она получила в Париже (п. VIII). Следующее, более короткое письмо в октябре 1817 года было довольно нейтральным; оно не даёт определённой информации о состоянии их отношений (п. IX).

Последний период общения Александра с княгиней Волконской открывается письмом от 3 февраля 1821 года из Лайбаха. В течение последующих пяти лет, оказавшихся самыми тяжёлыми в жизни Александра, им было написано шесть писем княгине. Всё складывалось неудачно для него. После недавних победоносных войн, он, «Благословенный», «Агамемнон нашего времени», внезапно ощутил себя побеждённым. Идея Священного союза, задуманного им, чтобы «защищать религию, мораль и справедливость»,

со временем вошла в противоречие с объективными историческими процессами в Европе. Конгрессы Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне (1820–1822) проходили, по свидетельству Меттерниха, под контролем австрийцев — налицо было падение влияния на европейскую политику российской дипломатии[26]. Дремавшая в нём подозрительность, питаемая изменой и обманом, теперь стала навязчивым состоянием. Восстания в Испании, северной Италии, Неаполе и Греции убедили его в том, что революционный дух присущ не одной только Франции. Потом случился бунт в его любимом Семёновском полку. Неспособный ни принять, ни сокрушить дух либерализма[27], который он сам поддерживал в молодости, царь позволил Аракчееву активно вмешиваться в государственные дела. Он удалил от себя своих ближайших друзей, среди которых были П.М. Волконский и А.Н. Голицын, заменив их людьми аракчеевского типа[28]. Длительная болезнь самого Александра в 1824 году и внезапная смерть его любимой незаконной дочери Софьи Нарышкиной способствовали росту мистицизма и формированию у него отстранённого, неадекватного сознания в последние два года его жизни.

Шесть писем, написанных княгине Волконской в этот период, не имеют ничего общего с сухим, отчуждённым тоном, который очевиден в более раннем письме-выговоре ей. Здесь снова появляются уверения в сердечной дружбе и выражения благодарности за постоянную преданность Зинаиды (п.п. X, XI, XII, XV). Теперь он готов помочь Волконской уладить её собственные затруднения и даже принять её ходатайства за других (п.п. X, XII, XV). Александр начал также жаловаться на груз своих обязанностей (п. XV). Преобладающий тон этих последних писем — тон дружбы и сердечной привязанности, «которые никогда не исчезнут».

В этом Александр был прав: несмотря на превратности их взаимоотношений, преданность Волконской царю никогда не была поколеблена, и его смерть стала тяжёлой личной потерей для неё.

Заключительное в переписке письмо царя датировано 2 апреля 1825 года. Спустя семь месяцев он неожиданно умер в Таганроге. Княгиня оплакала его смерть в своём первом русском стихотворении «Александру I» и написала большую статью о его последних днях[29].

Итак, переписка и отношения между Александром I и Зинаидой Волконской начались в период наивысших достижений царя и закончились на закате его царствования.

ПИСЬМО I

Лист (22,2 x 18,1 см), сложен по горизонтали сгибом влево. Водяные знаки в виде светлых полос. Текст письма расположен на трёх страницах. Конверт (10 x 12 см) с надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта дата, написанная рукой Волконской: «14 Мая 1813».

Опубликовано, с некоторыми неточностями, А.Н. Волконским.

Jauer. le 14 mai.

Si une bonne intention devait jamais mériter une récompense, certainement j'ai obtenu celle qui pouvait me faire le plus de plaisir dans l'éloignement où je me trouve de vous Princesse, par la charmante lettre que cela m'a value de votre part. Je ne puis assez vous exprimer combien j'ai été touché de tout ce que vous avez bien voulu me dire. Croyez que j'en sais sentir le prix. Le porteur de celle-ci vous rendra compte de la manière dont nos troupes se sont encore illustrées et si l'entier succès n'est pas tel que nous aunons pu le désirer, les événemens qui si sont passés n'en sont pas moins glorieux pour notre brave armée. Ce n'est qu'avec la persévérance qu'on vient à bout des choses difficiles. Espérons que la Providence Divine bénira nos efforts. Nous sommes tous dans les meilleures dispositions possibles. — A tous les vœux que je forme pour le succès de nos armes s'y joint aussi celui bien sincère qu'ils puissent me valoir le bonheur de vous revoir au plus tôt. — Veuillez en attendant me conserver une place dans votre souvenir au quel je tiens tant, et rappelez moi je vous prie à celui de la Princesse Sophie. Agréez aussi l'homage d'un attachement aussi respectueux que sincère.

A.

Яуэр. 14 Мая.

Если доброе намерение и должно когда-нибудь заслужить награду, то, конечно, я получил её, несмотря на расстояние, разделяющее нас, княгиня, благодаря вашему очаровательному письму, которое доставило мне самое большое удовольствие. Я не могу выразить, насколько я тронут всем, что вы соблаговолили мне сказать. Поверьте, я в состоянии оценить это[i]. Тот, кто принесёт вам это письмо, даст отчёт о том, как действуют наши войска, и хотя в целом успехи не таковы, как мы бы этого желали, прошедшие события были тем не менее славными для нашей храброй армии. Только настойчивостью можно преодолеть трудности[ii]. Будем надеяться, что Божественное Провидение благословит наши усилия. Сейчас мы находимся в наилучшей возможной позиции[iii]. Пожелание успеха нашим армиям совпадает с моим личным искренним желанием, чтобы этот успех позволил мне увидеться с вами как можно раньше.

Благоволите в ожидании сохранить для меня в вашей памяти место, которым я так дорожу, и напомните, прошу вас, об этом же княгине Софье[iv]. Примите также выражение преданности, столько же уважительной, сколь и искренней.

[характерный росчерк Александра I]

[i] Это письмо является, по-видимому, ответом на предшествующее письмо от княгини. Мы знаем, что 20 мая она уехала в Тёплиц на придворный приём,

а 12 мая посетила И. В. Гёте в его резиденции[30]. Таким образом, это письмо было послано в Тёплиц, который находился дальше от фронта, чем Яуэр. Похоже, что княгиня уже приняла дружеский и даже сердечный тон по отношению к царю, и это заметно из письма Александра к ней.

[ii] Ситуация на фронтах, о которой упоминает царь, была в это время довольно сложной. После того как 26 апреля/8 мая Наполеон занял Дрезден, армии коалиции были вынуждены отступить, готовясь к решающему сражению под Баутценом. Наполеоновские войска в Дрездене почти наполовину превосходили силы коалиции. Битва под Баутценом состоялась 8/20 мая и продолжалась тридцать шесть часов. И Александр, и Наполеон присутствовали на поле битвы. Когда ситуация стала критической, царь отдал приказ об организованном отступлении в сторону Рейхенбаха и Гёрлица. Будущее подтвердило, что это было мудрым решением. Но Александр не хотел быть свидетелем отхода своих войск и заранее покинул поле сражения[31]. Войска коалиции потеряли не менее 12 000 человек. Тем не менее это не было поражением для них, так как французы, несмотря на победу, остались в очень опасном положении. Это хорошо понимал Наполеон: «Перемирие спасло нас, но дни Йены и Аустерлица прошли»[32]. Когда Александр писал письмо Волконской, он уже знал, что на следующий день, 15/27 мая, Австрия должна выставить ультиматум Наполеону, угрожая объявлением войны[33]. Всё это подтверждает, что Александр имел основания для оптимизма, заявляя: «Мы теперь в наилучшей возможной позиции».

[iii] Ссылка на Божественное провидение в этом письме не случайна: Александр считал, что именно оно направляет его. Это высказывание повторяется почти во всех письмах княгине. В это время религия становилась всё более важной для Александра, и даже в самые трудные дни он находил время, чтобы читать Священное Писание. Через два дня после написания этого письма он сообщил своему другу князю А. Н. Голицыну, что это чтение стало для него исключительно важным[34].

[iv] Княгиня Софья Григорьевна Волконская (см. примеч.[viii] к письму И. И. Козлова). Её муж, князь Пётр Михайлович Волконский (1776–1852), был одной из центральных фигур эпохи Александра I и ближайшим другом самого царя. Когда Александр Павлович был ещё великим князем, Волконский находился при нём в качестве его адъютанта. В кампанию 1813–1814 годов князь Волконский занимал должность начальника Главного Штаба. За участие в сражениях был удостоен множества военных наград. В связи с конфликтом с А. А. Аракчеевым отстранён от должности начальника Главного Штаба, но сохранил верность царю до его кончины. В 1826 году Николай I назначил П. М. Волконского министром Императорского двора и уделов, а в 1834 году князю был пожалован титул Его Светлости.

ПИСЬМО II

Два листа (22,4 x 18,7 см), сложены по горизонтали сгибом влево. Бумага (до 1794 г.) с английским геральдическим знаком «Рог-на-Щите», увенчанный короной. Текст письма расположен на четырёх страницах первого листа и на одной — второго листа. Конверт (13,6 x 11,4 см) с печатью и надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской, урождённой Белосельской». На обороте конверта надпись рукой Волконской: «Петерсвалдау 28 Мая 1813».

Не опубликовано.

Peterswaldau. le 28 May.

Vous avez paru être etonée Princesse, de ce que je me suis servi du mot de *récompense* en parlant de votre avant dernière lettre. Mais coment dois-je rendre la sensation qu'elles ont produit sur moi, et surtout la dernière? En la comparant à l'effet que cause une récompense me paroit encore l'exprimer bien faiblement. — En effet que pouvais-je lire en même tems de plus aimable, de plus spirituel, comme aussi de plus flatteur pour moi? — Vous n'avez pas pu ne pas vous convaincre, combien depuis le moment que je vous ai connu, j'ai mis toujours de prix à tout ce qui venait de vous. — Ce prix n'a pu qu'augmenter encore depuis que vous m'avez permis de vous approcher. Je n'ai ambitionné qu'un peu de bienveillance de votre part, et sous ce rapport votre délicieuse lettre comble tous mes vœux.

Vous le dirai-je plus d'une fois, j'ai craint que vous ne vous effarouchiez du sentiment que je vous ai voué, et si la pureté de ce sentiment me rassuroit au fond de mon cœur, je tenais beaucoup à l'être par vous même et à voir la preuve que vous ne le méconaissiez pas. — Sous ce rapport encore, votre lettre en calmant mes inquiétudes m'a causé la plus douce jouissance. — L'affabilité avec la quelle vous me traitez, a rempli l'unique désir, que je me suis cru en droit de former. — Vous me dites que ma lettre s'adressait à votre cœur et qu'elle y a été reçue... Permetez-moi de mettre celle-ci à la même adresse. Elle m'est si chère. C'est le mien qui me la dicte et qui en avouant l'intérêt le plus vif, l'affection la plus sincère pour vous, croit n'avoir rien à se reprocher: bien loin de là, [je] confesse hautement ces sentiments devant l'univers entier comme devant votre mari même. — C'est votre *homme* (sic) qui sera le porteur de ces lignes et je n'ai pas le moindre scrupule qu'elles passa — cent à sa censure s'il le faut.

Maintenent pardonez-moi cet élan qui s'est placé sous ma plume involontairement. J'avais besoin de vous exprimer ma manière de sentir. Je ne la crois pas indigne de vous être offerte.

Que de grâces j'ai à vous rendre pour l'intérêt si chaud que vous témoignez à nos armes. — Vous savez déjà que la *promise* aux *cent mille bayonettes* achève de préparer sa dot; il est sûr qu'elle est d'une lenteur assomante. Elle nous à engagé d'attendre quelques semaines encore et de conduire une suspension d'armes à cet effet. Voilà pourquoi nous nous reposons, tout en nous préparant à revenir encore plus vigoureusement au combat.

Vous ordres ont été exactement remplis et le *Courier fiévreux* a avalé tout ce qu'on lui a prescrit; le voilà en état de venir vous rejoindre, sa fièvre l'ayant quitté depuis plusieurs jours. Quand à *l'amoureux* c'est grâce à la négligeance impardonable du C. Tolstoy qu'il est resté sans réponse ayant dit de lui écrire, que je le recevais très volontiers à mon service où il peut devenir *Courtisan diplomate* si cela lui convient avec les émolumens habituels de ces places. Si vous le jugez à propos Princesse, Vous pouvez lui répéter la même chose. Je vais soigner aussi l'affaire du petit Gérambe dès que j'aurai la note que votre mari ne m'a pas encore remise.

Veuillez présenter mes respectueux homages à la Princesse Sophie, en la remerciant pour son aimable souvenir.

Il faudrait enfin, que du moins pour la forme, je vous fasse des excuses sur la longueur de cet épître, mais j'aime mieux m'en remettre à votre angélique bonté et indulgence et vous supplie de croire que le moment de vous revoir est attendu avec la plus vive impatiance sans cependant malheureusement pouvoir me dire quand je puis en avoir l'espoir.

Veuillez en attendand ne pas m'effacer entièrement de votre souvenir et me croire à tout jamais tout à vous de cœur et d'âme.

A.

Петерсвалдау. 28 Мая.

Вы показались очень удивлённой, княгиня, тем, что я употребил слово *вознаграждение*, говоря о вашем последнем письме. Но как бы я мог иначе выразить ощущение, которое ваши письма произвели на меня, и в особенности последнее? В сравнении с эффектом, пробудившим мысль о вознаграждении, объяснение этого эффекта покажется довольно слабым. В самом деле, как бы я мог читать слова, одновременно самые приятные, самые возвышенные и в то же время самые лестные для меня? Вы не могли не убедиться, насколько, с тех пор как я вас узнал, я ценю всё то, что исходит от вас. И это ощущение только усиливалось по мере того, как вы разрешали мне приблизиться к вам. Я претендовал только на малую толику вашей благосклонности, и в этом отношении ваше очаровательное письмо превзошло мои ожидания[i].

Не говорил ли я вам не раз, что боюсь, как бы вы не вспугнули чувство, на которое я вас обрекаю, но чистота этого чувства успокаивает меня в глубине сердца, я стремлюсь к тому, чтобы жить вами одной и видеть доказательства, что вы не отрекаетесь от этого. — И снова ваше письмо, умеряя моё беспокойство, послужило причиной самого тонкого наслаждения. Приветливость, с которой вы обращаетесь со мной, оправдывает единственное желание, которое, я полагаю, вправе выразить. — Вы говорите, что моё письмо обращается к вашему сердцу и что оно достигло адресата. Позвольте мне и это письмо направить по тому же адресу. Он мне так дорог.

Это моё сердце диктует письмо и сознаётся в самом живом интересе и самом искреннем чувстве к вам, надеясь, что ни в чём не может себя упрекнуть; более того, оно гордо признаёт эти чувства перед всем миром, даже перед вашим мужем. Именно ваш *мужчина* передаст вам мои строчки, и я нисколько не сомневаюсь, что они пройдут его цензуру, если он этого захочет[ii].

А теперь простите мне это излияние, которое возникло под пером ненамеренно. Мне было необходимо объяснить вам, что́ я чувствую. Я не считаю этот порыв недостойным вас.

Как мило, что я нахожу в вас столь горячий интерес к нашему вооружению. Вы уже знаете, что обещание в семь тысяч байонетов приближается к исполнению; но это происходит с ужасающей медлительностью. Это заставило нас ждать ещё несколько недель и привело к остановке движения армий. Мы пользуемся этой передышкой, готовясь встретить новые битвы достаточно отдохнувшими[iii].

Ваши просьбы были в точности исполнены, и *курьер в лихорадке* проглотил всё, что ему было прописано; в этом состоянии он присоединится к вам, лихорадка не оставит его ещё много дней. Что касается *влюблённого*, то из-за непростительной небрежности гр. Толстого этот последний остался без ответа, в котором говорится, что я охотно взял его на службу, где он может стать придворным дипломатом, если это ему подходит, со всеми полагающимися привилегиями[iv]. Если вы будете оценивать это предложение, вы можете повторить ему (мужу.— *Примеч. переводчика*) то же самое. Я также позабочусь о деле молодого Жерамба, как только получу ноту, которую ваш муж ещё мне не доставил[v].

Благоволите передать моё почтение княгине Софье и поблагодарите её за приятный сувенир.

Следовало бы, наконец, по крайней мере формально, извиниться за длину этой эпистолы, но я предпочитаю отдать себя на милость вашей ангельской доброте и милосердию и заверить вас, что момента, когда я вас увижу, я ожидаю с живым нетерпением, к сожалению не зная точно, когда я смогу иметь на это надежду[vi].

Благоволите в ожидании не стереть меня полностью из вашей памяти и верьте мне, что я навсегда ваш сердцем и душой.

[характерный росчерк Александра I]

[i] Идея «вознаграждения» («récompence»), появившаяся в начале первого письма Александра (от 14 мая 1813 года), повторяется трижды в течение их переписки, что указывает на то особое значение, которое он этому придавал. Из текста второго письма царя можно предположить, как на это отреагировала княгиня. По-видимому, она почувствовала некоторую неловкость и проявила сдержанность, когда впервые встретилась с этим

намёком, но в то же время она призналась, что его письмо «достигло (её) сердца». В настоящем письме мы находим одно из наиболее открытых выражений чувств Александра к Волконской — он безоговорочно утверждает важность их отношений для него. Эта открытость в выражении эмоций и довольно пренебрежительное упоминание о муже Зинаиды могут объяснить, почему её сын Александр оставил это письмо неопубликованным.

[ii] «Ваш мужчина» («Votre homme») — так царь часто называет мужа Зинаиды, князя Никиту Волконского, которому он даёт неприятное поручение доставить любовную записку собственной жене.

[iii] После неудачного сражения под Баутценом (8–9/20–21 мая) коалиционные армии стали отступать на восток и перестраиваться. 13/25 мая переговоры о перемирии продолжились по инициативе французской стороны, и 23 мая/4 июня 1813 года был подписан договор о перемирии до 20 июля (н.с.). Позднее Наполеон сам назвал это перемирие одной из величайших ошибок в своей жизни: в результате армии Шестой коалиции значительно усилились, и перевес в силах перешёл на сторону противников Наполеона[35]. В течение нескольких недель царь находился в замке Петерсвалдау, недалеко от Рейхенбаха. Этот замок принадлежал брату известного поэта, графа Фредерика Л. Штольберга. Именно здесь царь убедил австрийского императора объявить войну Наполеону и заключил с Англией важное соглашение о субсидиях России и Пруссии на продолжение войны. Эти важные события были критическими в дальнейшем ходе кампании против Наполеона и объясняют удовлетворение ими Александра в этот период отдыха в Петерсвалдау, где это письмо и было написано[36].

[iv] Александр иронически называл мужа Зинаиды «курьером в лихорадке»[37]. Волконская просила царя дать её мужу продвижение по службе, на этот раз в виде подходящего поста в дипломатическом секторе. Эта просьба обсуждалась дальше в письмах V, VIII и IX.

[v] Eduard de Gérambe (1795–1847) был старшим сыном Фердинанда де Жерамба (1772–1848), влиятельного деятеля своего времени: он, будучи австрийским генералом, записался в испанскую армию, чтобы воевать против Наполеона. После заключения Тильзитского мирного договора он был послан в Англию для организации иностранного легиона. В феврале 1813 года его арестовали люди Наполеона и вернули во Францию. В 1817 году он стал монахом-траппистом. Волконская, по-видимому, напоминала царю о находящемся в заключении генерале Жерамбе и просила помочь его сыну. Её ходатайство имело успех, и «молодой Жерамб» был принят в русскую армию, где прослужил тридцать четыре года. Был убит на Кавказе в 1847 году.

[vi] В тот же день, когда Александр написал это длинное послание Волконской, он написал также короткую записку великой княгине Екатерине Павловне. Это было одно из самых сдержанных и безликих писем ей — он оставил здесь свой обычный интимный тон и обращался «к моим дорогим

друзьям», включая сюда и младшую сестру, Марию Павловну[38]. Похоже, что увлечение Александра княгиней Волконской затмило все другие отношения. В своём письме он обещает встретить сестёр в Нейштадте. Мы знаем, что 4/16 июня 1813 года царь покинул Петерсвалдау. Возможно, он остановился в Тёплице, где в то время жила Волконская[30].

ПИСЬМО III

Лист (22,4 x18,7 см), сложен пополам по горизонтали сгибом влево. Текст письма расположен на одной стороне. Конверт (10,4 x 12 см) с надписью рукой Александра: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта надпись рукой Волконской: «1813».

Опубликовано.

Je suis impatient Princesse, de pouvoir me mettre à vos pieds; hier déjà j'ai aspiré à ce bonheur, mais le ciel, ou plus tôt le Prince Schwarzenberg avec le general Radetzky en ont voulu autrement en restant jusqu'à 11 heures chez moi. Puis-je me présenter chez Vous entre 7 et 8 heures? — En attendant veuillez recevoir mes homages respectueux.

A.

[без места и даты][i]
[не ранее 4/16 июня и не позднее начала августа 1813]

Я в нетерпении, княгиня, броситься к вашим ногам; уже вчера я стремился к этому, но небо, или, скорее, князь Шварценберг и генерал Радецкий[ii] пожелали другого, оставаясь со мной до 11 часов. Могу ли я появиться у вас между 7 и 8 часами? В ожидании примите уверения в моём совершенном почтении.

[характерный росчерк Александра I]

[i] Хотя это короткое письмо было помещено А. Н. Волконским как первое из шести писем, которые он опубликовал в 1868 году, мы полагаем, что оно было написано после письма от 28 мая/9 июня 1813 года (п. II) и до написания письма от 21 августа 1813 (п. IV). Наше предположение опирается на несколько фактов. После перемирия 23 мая/4 июня 1813 года царь начал тесное сотрудничество с австрийскими фельдмаршалами Шварценбергом и Радецким. Можно попытаться сузить границы датирования данного письма. 4/16 июня, после того как он покинул Петерсвалдау, Александр написал нежное письмо великой княгине Екатерине Павловне, в котором просил встретиться с ним в Нейштадте, маленьком городке поблизости от Тёплица[39]. Мы думаем, что эта записка Волконской была написана в течение следующих восьми недель, которые царь провёл в Тёплице и его окрестностях. Волконская тоже была здесь в это время, до своего отъезда в Прагу. Следующее письмо Волконской, уже в Прагу, царь написал,

вспоминая счастливые часы, проведённые с ней, возможно имея в виду встречу, о которой договаривался в рассматриваемой записке.

[ii] Князь Карл Р. фон Шварценберг (1771–1820) — фельдмаршал, командующий австрийской армией после вступления Австрии в войну против Наполеона. Сыграл важную роль в победах под Дрезденом и Лейпцигом. Известно, однако, что вначале он был против плана Александра I атаковать французов под Лейпцигом объединёнными силами альянса,— плана, оказавшегося столь успешным. Граф Йозеф Венцель Радецкий (1766–1858) — австрийский генерал, позже фельдмаршал. Принимал активное участие в военных действиях после объявления Австрией войны Наполеону. Русский император часто обсуждал стратегические вопросы с этими военными деятелями.

ПИСЬМО IV

Лист (18,5 x 22 см), сложен по горизонтали пополам сгибом влево. Водяные знаки в виде тонких линий. Текст письма расположен на всех четырёх страницах. Конверт (10,5 x 12,2 см) с надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта надпись рукой Волконской: «Тёплиц 21 августа 1813».

Опубликовано.

Toeplitz 21 août.

Il m'est impossible Princesse, d'attendre le départ de *Courrier ordinaire* pour vous exprimer toute ma gratitude pour votre charmante lettre et pour tout ce que vous voulez bien dire de si aimable. Je ne désire qu'une chose: c'est de ressembler, ne fusse que de loin à l'être que vous avez décrit et que vous avez bien voulu nommer de mon nom, et dont cependant je suis encore très loin. — C'est à vous seule qu'appartient ce rare talent de rendre aimables ceux, avec qui vous vous trouvez, étant douée vous même de cette amabilité naturelle et indulgente envers les autres, qui met chaqu'un à l'aise devant vous. — Aussi passer des heures près de vous est une jouissance véritable.

Vos vœux été exaucés et les journées du 17/29 et du 18/30 ont couvert notre Armée, et surtout la Garde, d'une gloire immortelle. — Tout le Corp de Vandamme a été détruit, les Généraux, l'État Major, 12,000 prisoniers, 81 canons et tous les bagages ont été pris. En même tems l'armée de Silésie a fait des prodiges de valeur et a enlevé à l'ennemi déjà 103 pièces d'artillerie et plus de 18,000 prisoniers. Le Prince Royal de Suède a eu pour sa part 42 canons et 6,000 à 7,000 prisoniers. — Comme vous voyez, grâce au Tout-Puissant, les choses ne vont pas mal. — Continuez, je vous supplie, à vous intéresser un peu à nous autres guerriers et soyez sûre d'avance du tribut de reconnaissance, que nous vous en portons. — A la première occasion possible, j'expédierai *le Courrier Ordinaire* pour Vienne et il passera par conséquent par Prague en allant et en revenant. — Veuillez recevoir je vous prie mes remerciemens

pour le thé. Comme il me vient de vous, je ne puis me résoudre à l'envoyer en Cadeau et j'aime infiniment mieux le garder pour moi.

Croyez Princesse à l'attachement bien vray que je vous ai voué pour la vie. Mille homages à la Princesse Sophie.

A.

Тёплиц 21 Августа.

Я не мог дождаться, княгиня, отъезда обычного курьера[i], чтобы выразить вам всю мою благодарность за ваше очаровательное письмо и за всё приятное, что вы пожелали мне сказать. Я желаю только одного: быть похожим на тот образ, который вы описали и которому пожелали дать моё имя, образ, от которого, однако, я всё ещё далёк. Это вам одной принадлежит редкий талант делать приятными всех, кого вы встречаете, наделяя их вашей собственной приветливостью и терпимостью. Поэтому провести часы подле вас — это истинное удовольствие[ii].

Ваши чаяния осуществились — походы 17/29 и 18/30 покрыли нашу армию, и особенно гвардию, бессмертной славой. Весь корпус Вандама погиб, генералы, главный штаб, 12 тысяч пленных, 81 пушка и все обозы были захвачены. В то же время армия Силезии показала чудеса храбрости и захватила в боях с врагом 103 единицы артиллерии и 18 тысяч пленных. Кронпринц Швеции, со своей стороны, захватил 42 пушки и от 6 до 7 тысяч пленных. Как видите, Слава Всевышнему, дела идут не так плохо[iii]. Умоляю вас сохранить интерес к другим нашим походам, и будьте заранее уверены в той признательности, которую мы вам принесём. При первом удобном случае я пошлю обычного курьера в Вену, и он, следовательно, проедет через Прагу на прямом и обратном пути. Благоволите, прошу вас, принять мою благодарность за чай. Так как он исходит от вас, я не могу решиться послать его в подарок и предпочитаю сохранить его для себя[iv].

Верьте, княгиня, в мою искреннюю преданность, которую я вам обещал на всю жизнь. Моё почтение княгине Софье.

[характерный росчерк Александра I]

[i] Как пишет Александр, он послал это письмо в Прагу, где Волконская была в это время, не с помощью обычного курьера (courrier ordinaire), но воспользовался официальным курьером. Мы уже отметили, что вопрос доставки писем царя княгине с помощью её мужа (обычного курьера) возникает в нескольких письмах Александра (п.п. II, VI). Насмешливое обозначение князя Никиты «обычным курьером» подтверждается примечанием А. Н. Волконского при публикации шести писем царя его матери[40].

[ii] Этот пассаж, в котором Александр описывает очарование княгини, интересен главным образом упоминанием продолжительного свидания с ней: «Часы, проведённые с вами, были для меня истинным счастьем».

[iii] По истечении перемирия войска коалиции были готовы к новым битвам с французами. Наполеон, однако, был гораздо менее уверен в победе, чем раньше, поскольку Австрия вступила в войну на стороне России и два его выдающихся генерала, Жомини и Моро, перешли на сторону противника. 11/23 августа армии коалиции начали движение в сторону Дрездена. Царь настаивал на немедленной атаке, но встретил противодействие со стороны Шварценберга и Моро. Дальнейшее подтвердило, что отсрочка наступления была ошибкой: Наполеон выиграл время, бросил свои главные силы против Богемской армии Шварценберга и, при поддержке присоединившегося корпуса Вандама, нанёс ей поражение в Дрезденском сражении 14–15 августа 1813 года[41]. Но, как заметил А. Коленкур, «победа под Дрезденом была последним лучом звезды, которая охраняла удачу Наполеона». Французские войска пытались преследовать, но русский арьергард 17–18/29–30 августа в сражении под Кульмом отбросил их. Силезская армия нанесла поражение войскам Ж. Макдональда, а Северная армия — войскам Н. Удино. Перечень потерь, перечисленных в этом письме Волконской, соответствует официальным статистическим данным, приводимым и позже. Поведение царя на поле битвы отмечено во многих источниках: Александр провёл сорок восемь часов в самых горячих местах, без всякого отдыха, под проливным дождём[42]. Победа под Кульмом была поворотным пунктом в войне Шестой коалиции против Наполеона. Оптимизм, выраженный в письме Волконской спустя три дня после этой победы, был абсолютно оправдан. Важно заметить, что Александр представляет эту победу как дань патриотизму княгини: «Все ваши желания были исполнены».

[iv] Сентиментальная нота звучит даже в благодарности Александра за чай, который княгиня послала ему, предполагая, по-видимому, что он перешлёт его своей семье в Россию (в то время чай был предметом роскоши).

ПИСЬМО V

Лист (18,7 x 22,4 см), сложен пополам по горизонтали сгибом влево. От второго листа отрезана часть (11,2 x12,6 см), так что из письма удалена подпись царя и возможный постскриптум. Конверт (11 x 18,5 см) с надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта след красного сургуча и надпись рукой Волконской: «1813».

Не опубликовано.

Le billet que je viens de recevoir de votre part Princesse, m'a bien vivement touché: la discrétion seule m'a empêché de venir prendre congé de vous hier soir et troubler le peu de moments que vous aviez à passer encore avec votre mari. Mais c'est avec empressement que je profite de ce moyen de vous exprimer combien je suis reconnaissant pour toute l'indulgence avec la quelle j'ai été reçu chez vous.

Ces moments ne s'effaceront jamais de mon souvenir. Puissent vos vœux, Princesse, s'accomplir: rendre une paix stable à l'univers est mon unique ambition.

Tous vos ordres seront exactement accomplis. Quand à votre mari, l'amitié que je lui porte se joint encore à tout le soin que je mettrais à exécuter vos désirs.

Veuillez être l'interprète de mes sentimens auprès de la Princesse Sophie. Avec quelle impatience j'attendrai le moment qui me procurera de nouveau le bonheur de vous revoir et de vous exprimer de bouche ce que ma plume rend si imparfaitement. Conservez-moi toujours un peu d'intérêt et croyez à l'assurance du dévouement respectueux que je vous porte à tout jamais.

[без места и даты][i]
[между концом сентября и 4 октября 1813 года]

Записка, которую я только что получил от вас, княгиня, меня живо тронула: только скромность помешала мне явиться к вам вчера вечером, чтобы откланяться, так как я не хотел препятствовать вашей встрече с мужем. Но я спешу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить вам, насколько я благодарен вам за понимание, с которым я был принят вами.

Эти моменты никогда не изгладятся из моей памяти[ii]. Только бы ваши чаяния, княгиня, исполнились: добиться стабильного мира во всё мире — моё единственное помышление. Все ваши приказания будут исполнены в точности[iii]. Что касается вашего мужа, то дружба, которую я ему дарю, соединяется теперь и с заботой, с которой я берусь исполнить все ваши желания[iv].

Будьте любезны передать мои лучшие чувства княгине Софье. С каким нетерпением я буду ожидать момента, который принесёт мне новое счастье видеть вас и выразить словами то, что моё перо передаёт так несовершенно. Сохраните немного интереса ко мне и верьте в почтительную преданность, которую я приношу вам навсегда.

[без подписи]

[i] Это недатированное письмо Александр упоминал в длинной эпистоле из Лейпцига 10 октября 1813 года (п. VI). В нём царь пишет, что предыдущее письмо не было отправлено, так как он потерял курьера (снова «вашего человека», имея в виду мужа Зинаиды, который уехал в Прагу раньше, чем ожидалось). Вначале он не хотел присоединять это письмо к письму из Лейпцига, поскольку его интонация была слишком унылой. Тем не менее он это сделал, поскольку оно содержало ответ на просьбу княгини. Это позволяет нам установить дату письма № V как конец сентября или начало октября, — разумеется, не позже чем 4 октября (начало сражения под Лейпцигом). Вероятнее всего, что оно было написано ещё раньше — в Тёплице — и предполагалось быть отправленным княгине Волконской в Прагу[43].

[ii] По-видимому, роман между царём и княгиней Зинаидой был ещё в зените, и их новая встреча, после недель разлуки, принесла Александру полное удовлетворение: «Эти моменты никогда не сотрутся из моей памяти».

[iii] Царь снова касается темы, часто упоминаемой в его письмах Волконской — её живого интереса к развитию военных событий. Здесь Александр

говорит о своей решимости добиться полного разгрома Наполеона. Это решение не было, однако, единогласно поддержано всеми русскими деятелями[44]. Поскольку сама Россия уже освободилась от захватчиков, многие полагали, что продолжение войны в Европе не в интересах русского народа.

[iv] Никита Волконский упомянут дважды в этом письме: первый раз как препятствие видеть княгиню так часто, как хотелось бы царю, а второй раз в связи с просьбой княгини, касающейся, по-видимому, продвижения по службе её мужа. Князь Никита Волконский был произведён в генерал-майоры с зачислением в Свиту императора 15 сентября 1813 года. По окончании войны он выполнял некоторые дипломатические задания, не очень значительные и не слишком льстившие его самолюбию.

ПИСЬМО VI

Два листа (22,2 x 18,5 см), сложены вдвое. Текст письма расположен на пяти страницах. На лицевой стороне первого листа имеется цифра 1, на лицевой стороне второго листа — цифра 2. Конверт (10 x 11,7 см) с надписью: «Мадам княгине Зинаиде Волконской, урождённой Белосельской, в Рим». Конверт слегка разорван. На обороте конверта печать красного сургуча и надпись рукой Волконской: «Лейпциг 10 Октября 1813».

Опубликовано с существенными купюрами.

Leipzig, le 10 Oct[obre] 1813

C'est au milieu de nos grands mouvemens stratégiques que j'ai reçu Princesse, votre délicieuse lettre sans datte, que votre homme m'a apporté de Prague, mais qui ayant été remise au beau frère, selon sa noble habitude, a trainé, au moins deux jours, dans les poches de sa nombreuse garderobe, avant que j'aye pu l'obtenir prétextant chaque fois que c'est dans un troisième habit qu'il l'avait fourrée, quoiqu'il en avait déjà deux sur le corp à la fois.

Avant d'aller plus loin, permetez-moi de vous faire homage d'un récit abrégé des résultats immenses que la Providence Divine nous a fait obtenir dans les mémorables journées de 4, 5, 6, et 7 où Napoléon en personne après avoir réuni toutes ses forces a été complètement battu devant Leipzig. 300 canons, 23 généraux et 37,000 prisoniers sont les fruits des exploits immortels de nos braves Armées. C'est l'Etre Suprême *seul* qui a tout guidé et au quel nous devons ces succès éclatans. Je ne doute pas de la part que vous y prendrez, Princesse, et je m'empresse de vous envoyer le courier ordinaire pour Vous rassurer sur sa bonne santé et pour lui faire obtenir sa *récompense*, car j'en ai été très content.

Venons à votre chère lettre — Elle serait complètement délicieuse comme je vous l'ai déjà dit, si elle n'avoit fini par un blasphème: *«M'avez vous oublié»* dittes vous! — Une idée pareille peut-elle seulement se présenter à votre pensée, et n'est-ce pas une injustice de votre part dont j'avais quelque droit d'être à l'abrit? Mais je conviens au reste avoir eu une apparence de tort vis à vis de vous, et voici le fait. — Quand l'autre fois j'ai envoyé ma lettre à votre homme, il étoit déjà parti pour aller l'équiper à Prague, de manière qu'elle m'est

restée. La trouvant maussade pour son contenu, je n'ai pas été empressé à vous l'envoyer et je l'aurais détruite si elle ne contenait une réponse à ce que vous m'aviez demandé; je la joins ici.

Recevez toute ma gratitude pour tout ce que l'ordre de la Jaretière m'a valu de si aimable, de si enchanteur de votre part. Sans m'en croire complètement digne, je partage absolument votre manière de penser sur la chevalerie et j'ai toujours préféré ces principes; si sentir avec feu tout ce qui vient de la part d'une femme belle et aimable est un des titres à cet ordre, j'ose prétendre avoir du moin celui-là. Plus que jamais veuillez me croire pour la vie tout à vous de cœur et d'âme et je dirais aussi: *Hony soit qui mal y pense*. Mille respects à la Princesse Sophie.

A.

Лейпциг, 10 Октября 1813

Только в середине наших стратегических передвижений я получил, княгиня, ваше восхитительное письмо без даты, которое ваш мужчина привёз мне из Праги, но которое, будучи переданным мужу вашей золовки, задержалось, по крайней мере на два дня, в карманах его разнообразного гардероба, прежде чем я смог его получить, причём он отговаривался всякий раз, что засунул его в третье платье, хотя до сих пор у него было только два[i].

Прежде чем двигаться дальше, позвольте мне преподнести вам краткий рассказ о знаменательных результатах, которые Божественное Провидение позволило нам получить в памятных сражениях 4-го, 5, 6 и 7, когда Наполеон, собравший все свои силы, был полностью разбит под Лейпцигом. 300 пушек, 23 генерала и 37 тысяч пленных — вот трофеи бессмертных подвигов наших храбрых армий[ii]. Не иначе как Высшая Сила вела нас, и именно ей мы обязаны этим блестящим успехом[iii]. Не сомневаюсь, княгиня, что вы это оцените, и спешу послать к вам обычного курьера, чтобы вы убедились в его добром здравии и чтобы он получил своё вознаграждение, поскольку я остался им очень доволен[iv].

Вернёмся к вашему дорогому письму. Оно было бы совершенно очаровательным, как я уже сказал, если бы не заканчивалось богохульством: «Вы меня забыли»,— говорите вы!— Как только подобная идея могла появиться в ваших мыслях и справедливо ли, с вашей стороны, считать, что я имел право находиться в укрытии?[v] Но, впрочем, я убеждён, что имею некоторую вину перед вами, и вот в чём. Когда в прошлый раз я хотел послать письмо через вашего мужчину, оказалось, что он уже уехал в Прагу, так что письмо осталось у меня. Найдя его содержание слишком унылым, я не торопился посылать его вам, поскольку оно не содержало ответа на все ваши запросы; я отвечаю на них здесь[vi].

Примите мою благодарность за то, что вы цените во мне (приятного и любезного) и что также получило оценку в виде Ордена Подвязки[vii]. Не думая,

что вполне его достоин, я полностью разделяю ваши взгляды на рыцарство и всегда предпочитал эти принципы; чувствовать с таким пылом всё, что исходит от прекрасной и любимой женщины,— и есть один из девизов этого ордена, и я осмеливаюсь претендовать только на это. Больше чем когда-либо благоволите верить, что я на всю жизнь ваш сердцем и душой, и я сказал бы также: *Позор тому, кто дурно об этом подумает*. Тысяча приветов княгине Софье.

[характерный росчерк Александра I]

[i] Это письмо начинается обсуждением пути доставки предыдущего письма княгини. Привезённое из Праги мужем княгини («вашим мужчиной»), князем Н. Г. Волконским, оно было передано мужу его сестры Софьи, П. М. Волконскому, который находился при государе и был начальником Главного Штаба. Но двухдневная отсрочка раздражила Александра и была причиной его длинной тирады о забывчивости генерала Волконского. Вся первая страница письма, до слов «позвольте мне преподнести вам», была полностью изъята в издании сына княгини, А. Н. Волконского. Причина этого не требует комментария.

[ii] После поражения под Кульмом Наполеон стал подозревать, что изменить ход событий уже не в его силах: «Нет ни одной научной комбинации, которая могла бы сейчас компенсировать потери в наших рядах... 125 тысяч против 350 тысяч!» Он был справедливо убеждён, что судьба Франции могла бы решиться в битве под Лейпцигом. Что касается коалиции, то несогласие в стратегии продолжалось и там, но на этот раз Александр настоял на объединении всех сил в общей атаке. Он сам был во главе армии на поле битвы и держал под контролем самые опасные позиции. Кровопролитное сражение продолжалось четыре дня, с 4-го по 7 октября 1813 года, и стоило обеим сторонам огромных жертв. Цифры, приведённые в этом письме царя княгине, не были преувеличены. Статистика К. Меттерниха указывает на ещё большие потери. Знаменитая «Битва народов» под Лейпцигом завершила разгром французской армии. Наполеон начал отступление во Францию вдоль Рейна[45].

[iii] Данное письмо, как и другие сообщения Александра этого периода, демонстрирует его глубокую веру в Божественное Провидение. Уже в 1812 году Александр говорил о себе как о «счастливой случайности» и инструменте в руках Высшей Силы. Теперь, обсуждая такое важное событие, как переход на его сторону наполеоновского генерала Моро, он сказал, что «только Бог мог привести нас к счастливому исходу, а не все Моро на земле»[46].

[iv] Здесь появляется другая вариация на тему «вознаграждения» (п. II), на этот раз в применении к мужу княгини, «обычному курьеру». Настойчивость, с которой царь упоминает мужа Зинаиды, может служить признаком

ревности Александра. Понятно, что эта часть также была изъята из публикации А. Н. Волконского.

[v] Этот эмоциональный пассаж также был изъят А. Н. Волконским.

[vi] Царь снова упоминает предыдущее письмо, которое было написано действительно в мрачном настроении (п. V). Здесь опять видны следы досады на Н. Г. Волконского, присутствия которого не удаётся избежать; тем не менее его продвижение по службе царь только что одобрил (п. V). Эта часть также была исключена из публикации 1868 года.

[vii] 27 июля 1813 года Александр I был удостоен высшего рыцарского ордена Великобритании — Ордена Подвязки и стал первым русским кавалером этого старинного ордена с его девизом: Honi soit qui mal y pense — «Стыд подумавшему об этом плохо» (переводы девиза слегка варьируют). Традиционная церемония состоялась в середине сентября в Тёплице, где посланец английского монарха, сэр Томас Тирвитт, смог наконец «поймать» русского императора. Это объясняет, почему Александр упоминает об этом Ордене, его принципах и его девизе, который стал поговоркой и был вполне применим к сложившейся ситуации[47].

ПИСЬМО VII

Два листа (18,7 x 22,4 см), сложены вдвое. Текст письма расположен на шести страницах. Листы пронумерованы цифрами «1» и «2». На конверте надпись рукой Александра: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта надпись рукой Волконской: «Schafhouse, 1813».

Не опубликовано.

Depuis quelque tems Princesse, la fatalité me poursuit pour les moments où je reçois vos lettres. Cette fois-ci encore ne faut-it pas que la dernière m'arrive l'avant-veille de mon départ quand je me trouvais plus surchargé d'occupations que de coutume et où véritablement je ne pouvais disposer d'une minute.

Quoique j'espère pouvoir vous présenter mes homages en personne aujourd'hui, je ne veux pas me priver cependand du plaisir de vous exprimer ma reconnaissance par ces lignes, pour votre lettre et pour les félicitations qu'elle contient. Agréez de même je vous prie, tous les vœux bien sincères que je forme pour votre constant bonheur, je pourais ajouter, que *je ne cesse de former*, car persuadez-vous, que je n'attends pas le renouvellement des années pour vous souhaiter toutes les prospérités possibles. J'espère que vous connaissez de longue date l'attachement vray et respectueux que je vous ai voué.

Je suis bien enchanté d'avoir empêché que dans la chute du Rhin il ne s'en fasse deux nouvelles: celles des deux Princesses Wolkonsky que menaçoient de s'y jetter à ce que vous me dittes si leurs maris n'arriveroient. L'un est déjà là pour vous retenir par votre robe, et l'autre doutant aparement que la résolution de la Sienne soit aussi précipitée, tardera peut-être encore un jour d'arriver.

Veuillez recevoir tous mes remerciemens pour la belle estampe que vous m'avez envoyée, je la conserverais comme un souvenir de vos bontés pour

moi. — J'ai admiré la beauté de la gravure moins que celle du dessin et j'ai trouvé votre réflexion sur le Diable très juste. Mais je vous avouerais que j'ai été choqué du *flegme* du Père Adam dans un moment comme celui que représente le tableau. — Si au réel les choses se sont passées d'une manière aussi calme, convenez que le Papa Adam est encore plus inexcusable d'avoir enfreint la défense qui lui a été imposée.

C'est à Dieu que vous avez demandé pardon de votre réflexion Princesse et c'est à vous que je demande grâce pour la mienne. — Vous me citez d'une manière charmante une fable de la Fontaine, mais en même tems vous m'avez donné la peur que mes promesses ne soyent rangées au nombre de fables. Aussi vais-je faire mon possible pour vous prouver qu'elles sont des réalités et je comencerais par faire une mercuriale à Galitzin et Gourief, car c'étoit à eux à soigner l'expédition de l'oukase pour Spada. Tous s'écrivent à Pétersbourg et s'envoyent chez moi pour être signé, car ici on n'a ni le tems, ne les employés nécessaires pour les écrire.

Quand à Madame Aufresne, je vais réécrire au Duc sur son compte; il faut que les premiers ordres ayent été perdus en chemin ou noyés dans le vinaigre des purifications du Prince Kourakin pour la Peste. Le compte Tolstoy a reçu et expédié les ordres pour Kimmel et pour Kamensky, dès que j'aurais reçu les éclaircissements que j'ai demandé sur sa manière de servir, si ils sont favorables, je ne tarderais pas un moment à le nommer.

Me permetrez-vous à 6 heures après dîner de me présenter chez vous? J'attendrai avec impatience ce moment et vous présente mes homages respectueux.

A.
Schafhouse Le Dimanche
matin.

[без даты]
[30 декабря 1813/11 января 1814]
[Шафхауз]

С некоторого времени, княгиня, рок преследует меня в те моменты, когда я получаю ваши письма. И в этот раз надо же было случиться, чтобы последнее письмо застало меня накануне отъезда, когда я был перегружен обязанностями по обыкновению и поистине не мог располагать ни минутой[i].

Хотя я надеюсь лично засвидетельствовать вам своё почтение сегодня, я не хочу тем не менее лишать себя удовольствия выразить вам в этих строчках благодарность за ваше письмо и поздравления, которые оно содержит. Примите же, прошу вас, все самые искренние пожелания постоянного счастья, и я мог бы добавить, что я не перестаю желать вам, не ожидая Нового года, всяческого благополучия[ii].

Я счастлив, что задержался здесь, чтобы у Рейнского водопада не услышать новостей от обеих княгинь Волконских, которые угрожали броситься

туда, если бы их мужья не появились. Один из них уже с вами, чтобы держаться за вашу юбку, а другой, сомневаясь, по-видимому, в том, что решение из Сиены уже доставлено, задержится, может быть, на один день, прежде чем прибыть[iii].

Благоволите принять мою благодарность за прекрасный эстамп, который вы мне послали, я сохраню его как память о вашей доброте ко мне. Я восхищён красотой гравюры меньше, чем красотой рисунка, и нахожу, что ваше размышление о дьяволе вполне справедливо. Но, сознаюсь, я был шокирован безразличием прародителя Адама в тот момент, когда ему показывали картину. Если в реальности события происходили столь спокойно, согласитесь, что папаша Адам ещё более виноват в нарушении запрета, которому он обещал подчиняться[iv].

Вы просите прощения у Бога за своё размышление о дьяволе, княгиня, а я прошу у вас прощение за моё. Вы очаровательно цитируете басню Лафонтена, но в то же время вы заронили во мне страх, что, по количеству, мои обещания не могут сравниться с баснями[v]. Я делаю всё возможное, чтобы убедить вас, что мои обещания вполне реальны, и собираюсь начать с выговора Голицыну и Гурьеву, которым было поручено проследить за отправкой указа относительно Спады. Всё пишется в Петербурге и переправляется ко мне для подписи, так как здесь нет ни времени, ни служащих, чтобы писать указы[vi].

Что касается мадам Офресн[vii], то я хочу снова написать Герцогу по этому поводу; надо же, чтобы первые приказы были потеряны на дороге, залитой князем Куракиным очищающим уксусом для защиты от чумы[viii]. Граф Толстой получил и отправил приказы на Киммеля и Каменского, как только я получу разъяснение, которое я запросил, об их прошлой службе, и если они достойны, я не задержусь ни на минуту, чтобы их назначить[ix].

Позволите ли вы мне посетить вас в 6 часов вечера? Ожидаю с нетерпением этого момента и свидетельствую вам своё почтение.[x]

[характерный росчерк Александра I]
Шафхауз, Воскресенье утром[xi]

[i] Начальные фразы этого письма звучат в совершенно новом тоне, не характерном для предыдущей переписки Александра и княгини Волконской: он вежливо пытается оправдать себя за то, что не ответил на её письмо, ссылаясь на многочисленные обязательства, которые отняли всё его время. Это новое поведение царя являет собой очевидный контраст с его поведением в труднейшие походные дни, когда царь находил время, несмотря ни на что, писать длинные письма княгине из Дрездена и Лейпцига (п.п. II, III, IV, VI).

[ii] Последнее из писем княгини содержало, по-видимому, её поздравления с приближающимся Новым годом. Отвечая на них, Александр уверяет её в искренней и уважительной (!) привязанности и добавляет, что желает её

продолжительного счастья, что он не прекращает желать его ей. Несмотря на лестную тональность и некоторое преувеличение, этот пассаж открывает изменение его отношения к княгине. Мы уже отмечали, что это письмо занимает промежуточное место в их переписке: оно завершает её первую часть и может рассматриваться как печальная кода романтической фазы их отношений. Это, однако, требует дальнейшего уточнения.

Частые встречи Александра с великой княгиней Екатериной Павловной в Праге, по-видимому, оживили все аспекты их близости. Прибытию царя в Шафхаузен предшествовали его письма к сестре, в которых он выражает своё нетерпение в ожидании встречи с ней. Хотя это свидание длилось всего четыре дня, оно, очевидно, принесло глубокое удовлетворение обоим, так что спустя несколько месяцев великая княгиня использовала память о Шафхаузене, чтобы уговорить царя приехать в Лондон: «Приезжай! Мой дом ожидает тебя! У нас будет здесь второй Шафхауз (!). Ты найдёшь здесь много счастья»[48]. Таким образом, Александр вполне наслаждался в Шафхаузене, где он снова подпал под влияние сестры, добившейся успеха в том, чтобы положить конец его роману с Волконской.

[iii] Это письмо выглядит безличным и пустым по сравнению с предыдущими, хотя и содержит ряд шутливых замечаний, но они только прикрывают неловкость царя от невысказанного решения закончить отношения с Волконской. Александр очевидно был недоволен сопротивлением со стороны фельдмаршала Шварценберга и австрийского императора его плану скорейшего вторжения во Францию, что не дало бы отдохнуть измученным войскам Наполеона. Это нашло отражение в злой иронии, которая направлена теперь не только на мужа Зинаиды, как обычно, но и на генерала П. М. Волконского. Войска главной армии Шварценберга форсировали Рейн в нескольких пунктах (в районе Базеля, Кренцха, Лауфенбурга и Шафхаузена) с 20 декабря по 3 января 1814 года, после чего медленно продвигались к позиции, которую заняли на 20 дней позже, чем предполагалось. Переход верхнего Рейна и вступление австрийских войск на территорию нейтральной Швейцарии возмутили царя, так как означали также нарушение соглашения, подписанного во Франкфурте[49].

[iv] Отец Зинаиды, А. М. Белосельский-Белозерский, был знатоком искусства и коллекционером, любовь к собиранию предметов искусства унаследовала и дочь. Она собрала обширную коллекцию оригинальных гравюр и время от времени щедро дарила их своим друзьям (среди прочих — мадам де Сталь). Посланная Александру по случаю Нового года гравюра была выполнена художником из Лейпцига М. Шрейером. Она изображала изгнание Адама из рая и вызвала длинный и довольно банальный комментарий царя.

[v] Басня Лафонтена, цитируемая княгиней, послужила намёком, который царь понял правильно: дело касалось отлагательства в выполнении её просьб. Этой басней могла быть «Ворона и лисица».

[vi] Одна из просьб княгини касалась Антуана Спады (1779–1843), французского эмигранта португальского происхождения, бывшего капуцинского монаха, который покинул орден после Французской революции. Несколько лет Спада служил у отца Зинаиды, князя Белосельского, в качестве учителя, секретаря и библиотекаря. В 1812 году, уже будучи российским подданным, он был назначен почётным библиотекарем в Петербургскую Публичную библиотеку. В 1819 году Спада переехал в Одессу, где вначале преподавал французский в Лицее, затем работал в местной библиотеке и, наконец, стал директором Одесского музея древностей. Среди литературных произведений Спады, в основном малозначительных, было историческое исследование в четырёх томах, посвящённое Александру I. В России Спаду не любили, но княгиня Зинаида, знавшая его с детства, была к нему привязана[50]. Она просила царя предоставить Спаде место цензора, которое он и получил в 1814 году. Тем не менее ответ Александра на эту просьбу демонстрирует раздражение — новую нотку в их отношениях.

[vii] Мадам Офресн — вдова знаменитого швейцарско-французского актёра, чьё сценическое имя было Жан Риваль (1720–1806). Хотя его приветствовали Вольтер («Он придаёт моим пьесам больше смысла, чем я когда-либо вкладывал в них») и Гёте («Он объявляет войну всему неестественному»), Офресн не был по достоинству оценён в Комеди Франсэз и в 1785 году принял приглашение Екатерины II работать в России. В юности княгиня Зинаида могла видеть его на сцене и даже брать уроки актёрского мастерства у него или его дочери. Современники не раз отмечали артистическое дарование княгини. В этом письме царю княгиня Зинаида поддерживает просьбу вдовы господина Офресна продвинуть по службе её сына, который уже занимал государственную должность.

[viii] Князь Александр Борисович Куракин (1752–1818) — вице-канцлер империи. Перед вступлением в эту должность он выполнял важные дипломатические задания по установлению контактов с Наполеоном. Хотя царь доверял Куракину ответственные поручения, он часто демонстрировал иронический тон по отношению к князю. Здесь он высмеивает предосторожности, которые Куракин предпринимал, защищаясь от чумы («очищающий уксус»).

[ix] Граф Николай Александрович Толстой (1761–1816) — генерал, обер-гофмаршал. Ещё в 1802 году он сопровождал молодого царя в Мемель для встречи с прусской королевской четой; в дальнейшем был его спутником во всех путешествиях. Во время кампании 1812 и 1813 годов он также был рядом с Александром. В конце 1813 года Толстой из-за болезни был вынужден вернуться в Петербург, откуда он продолжал исполнять свои официальные обязанности.

[x] Покинув Шафхаузен утром 30 декабря 1813 / 11 января 1814 года, Александр, по-видимому, навестил Волконскую в тот же вечер, как и планировал. Он оставался в Базеле в течение четырёх дней, до 4/16 января 1814,

когда перешёл по каменному мосту на территорию Франции. Нам неизвестно, была ли эта встреча последней перед расставанием, но их романтические отношения уже никогда не возобновились.

[xi] Это неопубликованное письмо, помеченное только «Шафхауз. Воскресенье утром», было написано в воскресенье 30 декабря 1813/11 января 1814 года, в Шафхаузене, куда царь прибыл из Фрейбурга 26 декабря 1813 / 7 января 1814 года.

ПИСЬМО VIII

Лист (22,4 x 18,7 см), сложен вдвое. Имеется водяной знак «1815». Текст письма расположен на всех четырёх страницах. Конверт (10 x 11,5 см) с надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта та же дата.

Опубликовано с купюрами.[i]

Pétersbourg. le 12/24 mai 1816.

Vous êtes bien dans l'erreur de croire Princesse, que jamais je vous en aye voulu pour votre intérêt dans l'affaire de Labédoyère. — Si vous aviez peut-être tort d'y mettre cette insistance, je n'ai certainement jamais méconu le motif, et j'ai sais très bien y reconaitre la sensibilité de ce cœur angélique, qui vous distingue. — Aussi la manière dont je vous en ai parlé chez la Duchesse de Courlande, aurait dû vous dissuader complettement de l'idée, que je voulais vous *gronder*, comme vous l'appelez dans votre lettre.

Le fait est, que si je vous en ai voulu, ce n'étoit sûrement pas pour Labédoyère, mais je vous l'avouerais sans déguisement, pour la prédilection que vous sembliez éprouver pour ce Paris avec toutes ces futilités et sa *dépravation*. Une âme aussi élevée, aussi supérieure que la vôtre, me paraissait peu faite pour toutes ces frivolités, et je les croyais une chétive nouriture pour elle. L'attachement sincère que je suis accoutumé à vous vouer depuis si longtems, me fesait regretter le tems que vous perdiez ces occupations trop peu dignes à mon avis de vous intéresser. Voilà l'exposé bien franc Princesse, de mes griefs.

Encore une fois, ce n'est que le sentiment d'attachement que je vous porte, qui peut les autoriser et il viendra un tems où vous sentirez, que vous aimant comme je le fais, je n'avais pas si tort peut-être, de regretter ces momens perdus pour votre bonheur réel.

Vos désirs au sujet de vos effets, seront exactement remplis et j'ai donné des ordres nécessaires à cet égard. C'est avec véritable plaisir, que je verrai arriver le moment, qui vous ramènera chez nous et me donnera la possibilité de vous réitérer de vive voix, les expressions de tous les sentimens que je vous porte. Recevez en attendant mes homages respectueux.

Alexander

Петербург. 12/24 Мая 1816.

Вы впадаете в ошибку, княгиня, думая, что я когда-либо мог сердиться на вас за ваш интерес к делу Лабедойера. Если вы и были, может быть, неправы, настаивая на этом, я, конечно, никогда не отрицал мотива и очень хорошо узнаю чувствительность вашего ангельского сердца, которое вас отличает[ii]. Точно таким же образом, как я говорил с вами об этом у герцогини Курляндской, я должен буду отговорить вас от мысли, что я хотел на вас ворчать, как вы выразились в вашем письме[iii].

Фактически, если я на вас и сердился, то, конечно, не за дело Лабедойера, но, признаюсь без притворства и будучи к вам расположенным, что вы, кажется, подвергаетесь испытанию этим Парижем со всей его пустотой и испорченностью[iv]. Душа такая возвышенная, такая необыкновенная, как ваша, кажется мне мало подходящей для всего этого легкомыслия, которое представляет столь жалкую пищу для неё. Сердечная привязанность, которую я привык выражать вам так долго, заставляет меня сожалеть о времени, которое вы теряете в этих занятиях, на мой взгляд столь мало достойных вашего внимания. Вот, княгиня, я прямо изложил вам своё неудовольствие[v].

Ещё раз, только чувство привязанности к вам позволяет мне об этом говорить, и придёт время, когда вы почувствуете, что, любя вас, я, может быть, не так и виноват, что сожалею о моментах, потерянных для вашего истинного счастья. Ваши пожелания по поводу багажа будут в точности исполнены, и я уже дал необходимые распоряжения[v]. С истинным удовольствием я буду ожидать момента, который приведёт вас к нам и даст мне возможность повторить лично выражения всех чувств, которые я к вам питаю. Примите, в ожидании, моё глубокое почтение[vi].

Александр

[i] В издании 1868 года третий и четвёртый абзацы, в которых царь, после довольно сурового выговора, говорит о своей привязанности к Волконской, а также упоминает её просьбы, опущены. Сын княгини вырезал также из второго абзаца слова «с его испорченностью» («et sa deprivation») и «я привык» («je suis accoutumé»).

[ii] Царь написал это письмо Волконской, жившей тогда в Париже, из Петербурга, куда он вернулся после трёхлетнего пребывания за границей (1813–1815). В течение двух с половиной лет, прошедших с момента написания предыдущего, седьмого письма, Александр не возобновлял отношений с княгиней, которая всё это время оставалась в Европе. Она жила по большей части в Париже, где чувствовала себя совершенно как дома и где установила тесные связи как в обществе, так и в артистических кругах[51]. В этом письме, которое сын княгини опубликовал с купюрами, Александр упоминает о мольбе княгини помочь сохранить жизнь графу Шарлю Лабедойеру (1786–1815). Французский полковник, служивший у Наполеона, он прошёл маршем со своим

полком до Гренобля, чтобы встретить императора, вернувшегося во Францию после побега с о. Эльба. В течение «Ста дней» — времени вторичного правления императора Наполеона I во Франции (20.III-22.VI.1815) — Лабедойер был произведён в чин генерала. Он был последним, кто покинул поле боя Ватерлоо. После второго отречения Наполеона Лабедойер был судим за измену и приговорён к смертной казни. И он, и его молодая жена принадлежали к французской аристократии, и многие монархисты пытались спасти его жизнь. Обе княгини Волконские апеллировали к царю, прося его спасти Лабедойера. Александр, очевидно, был раздражён как самим инцидентом, так и теми, кто пытался вмешаться: он даже обвинил С. Г. Волконского в подстрекательстве сестёр к действиям, которые царь рассматривал как вмешательство во внутренние дела Франции[52]. Но теперь, по прошествии полугода, царь выказал к этому гораздо более терпимое отношение.

[iii] Александр упоминает о разговоре с Волконской в парижской резиденции герцогини Курляндской. Их встреча произошла в салоне герцогини между 21 июля/2 августа 1815 года, когда Лабедойер был арестован, и 15/27 сентября, когда царь уехал из Парижа в Брюссель после подписания соглашения о создании Священного союза. Катерина Вильгельмина Саган, (1781–1839) была в первом браке замужем за французским принцем Луи де Роаном, затем за русским князем Василием Трубецким. Её венский салон посещали многие аристократы. У неё был бурный роман с влиятельным политиком князем Меттернихом. Во время Венского конгресса она была занята «политическими развлечениями»; говорили, что в это время она была любовницей русского императора[53].

[iv] Основная идея этого письма — неодобрение Александром того образа жизни, который вела теперь за границей княгиня Зинаида. Это не касалось социальных контактов княгини, против которых царь ничего не имел,— в круг её общения входили королева Нидерландов Гортензия, графиня де Буань, мадемуазель де Кошле и виконт Состен де Ларошфуко. Александр выговаривал Волконской за то, что было ей наиболее дорого, т.е. за общение с артистами и, особенно, за её собственные выступления на сцене частных театров[54].

[v] В течение четырёх лет заграничных путешествий Волконская приобрела много вещей, и у неё накопился обширный багаж. По-видимому, распоряжения царя касались перевозки этого багажа в Россию.

[vi] Желаемого эффекта это письмо не имело — княгиня продолжала откладывать своё возвращение в Россию. Из Парижа она уехала в Рим, потом вернулась снова в Париж, и лишь год спустя, в апреле 1817-го, приехала в Россию.

ПИСЬМО IX

Лист (22,5 x 19 см), сложен вдвое. Текст письма расположен на двух страницах, третья и четвертая страницы использованы как конверт для адреса, написанного

рукой Александра: «Мадам княгине Зинаиде Волконской». Ниже надпись рукой Волконской: «8 Октября 1817».

Не опубликовано.

Je profite du premier moment de libre que j'ai Princesse, pour vous accuser la réception de votre billet. Je serais venu tout de suite chez vous si mes occupations ne m'en eussent empêché.

Ce soir je me trouve libre, mais je crains bien, n'en ayant pu vous prévenir plus tôt, que vous n'ayez pris quelque engagement et que vous ne puissiez plus me recevoir. Si par contre rien ne vous empêche, je suis prêt à venir chez vous aussi tôt votre réponse reçue. Agréez en attendant mes homages respectueux.

A
Lundi Soir
le 8 Oct. 1817.

[без места] [Москва][i]

Пользуюсь первым свободным моментом, княгиня, чтобы подтвердить получение вашей записки. Я, вполне вероятно, приду к вам тотчас, если только мои дела этому не воспрепятствуют[ii].

Этим вечером я, кажется, свободен, но боюсь, что не смогу предупредить вас раньше, чтобы вы не приняли каких-либо приглашений, которые бы помешали вам меня принять. Если же вам ничего не помешает, я готов прийти, как только получу ваш ответ[iii]. Примите, в ожидании, выражение моего почтения.

А.
[характерный росчерк
Александра I]
В понедельник вечером
8 Окт. 1817.

[i] Это короткое письмо, не содержащее никаких указаний на место, откуда оно было послано, написано в Москве. Покинув Петербург 25 августа/6 сентября, царь прибыл сюда, после поездки в западную часть России, в начале октября. Мы знаем, что он появился в Москве до прибытия царской семьи и двора, которые присоединились к нему 10/22 октября 1817 года[55].

[ii] Дела, на которые ссылается Александр, были связаны с празднованием закладки храма Христа Спасителя, запланированным на 12/24 октября 1817 года. Храм должен был стать памятником жертвам и окончательной победе русского народа в войне 1812 года. Царь лично наблюдал за созданием проекта храма (архитектор К. Л. Витберг), а также принимал участие в планировании празднеств. По этому случаю весь двор и дипломатические представительства прибыли в Москву.

[iii] Княгиня Волконская также прибыла в Москву, чтобы принять участие в этом важном событии. Она остановилась в роскошном доме своей мачехи на Тверской, где, как мы видим из письма, она ожидала встретить царя. По-видимому, дружелюбное общение между ними после четырёхлетнего перерыва восстановилось.

ПИСЬМО X

Два листа (22,4 x 18,7 см), сложены вдвое. На бумаге водяной знак — «1815». Листы пронумерованы цифрами «1», «2». Текст письма расположен на восьми страницах. Александр вначале указал дату по Григорианскому календарю, затем по Юлианскому: «3 Февраля/22 Января». Конверт (9,8 x 11,5 см) с надписью рукой царя: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне пометка рукой княгини: «Лайбах 22 Января/3 Февраля 1821».

Не опубликовано.

Une occasion sûre se présantant pour Rome, je la saisis avec empressement Princesse, pour vous offrir mes remerciements les plus empressés pour votre lettre du 20 Décembre.

Doutter que non seulement *«quelque fois je me rappele de vous,»* mais que je pense à vous bien souvent, serait une injustice véritable de votre part. J'ose dire que vous avez eu trop de preuves de sincère attachement que je vous porte, pour n'en pas avoir la conviction. Ainsi si cette assurance là peut ajouter le moins du monde à votre contentement, j'éprouve un plaisir réel à vous le répéter.

Comme vous le dittes, nous voilà bien près, et sans cependant que je puisse me livrer à l'espoir de vous revoir. — S'il ne tenoit qu'à moi, les Conférences de Laybach seraient transportées à Rome; mais il y a tant de choses dans ce monde, qu'on ne peut pas toujours arranger comme on les voudraient!

Venons à madame d'Alopéus. — Veuillez lui présenter mille respects de ma part. Combien je suis peiné de la sçavoir souffrante. — Il faut absolument qu'elle se donne tout le tems nécessaire pour soigner sa crise dans un climat chaud, et de mon côté, vous me trouverez bien empressé comme de raison, de lui en faciliter les moyens. — Celui, le plus aisé, le plus commode à mon avis serait de lui envoyer une somme d'argent évaluée, d'après ses besoins pour deux ans, de manière à ce qu'elle puisse écrire à son mari, qu'elle n'a plus besoin de ses secours, et qu'il peut se dispenser de lui rien envoyer, parce qu'elle se trouve pourvue du nécessaire, à condition qu'il la laisse en Italie. Il me parait que c'est la manière la plus simple d'arranger la chose. — Toute autre et que exigerait des Oukases, paraîtrait extraordinaire, surtout pour une beauté comme Madame d'Alopéus. — Veuillez donc m'informer quelle est la somme dont elle aurait besoin pour ses frais pendant deux ans, et j'aurais un vray plaisir à la lui faire passer.

Pour la pension de Squance, c'est une affaire plus difficile à arranger. Les règles établies s'y opposent, car pour accorder une pension, ou pour en augmenter une qui est fixée déjà, il faut nécessairement quelques services rendus.

Or dans ce cas il n'y en a aucun à citer. — La friponerie de l'Oncle est un obstacle qui s'y joint, d'autant plus que dans les pièces de son procès, il y en a qui déposent, qu'il faisoit payer les sommes qu'il escamotait au Lombard, à ses parens en Italie.

En finissant ces lignes, laissez-moi vous répéter encore une fois que les sentimens d'attachement respectueux que je vous ai voués, ne peuvent jamais varier. Recevez-en l'assurance bien sincère.

Alexandre
Laybach.
le 3 Février / 22 Janvier 1821

Спешу воспользоваться оказией, представившейся в Рим, княгиня, чтобы выразить вам благодарность за ваше письмо от 20 декабря[i].

Сомневаться в том, что я не только «иногда вспоминаю вас», но думаю о вас довольно часто, было бы несправедливостью с вашей стороны. Осмелюсь сказать, что вы имели слишком много свидетельств моей искренней привязанности к вам, чтобы не иметь такого мнения. Так что если это уверение может прибавить хоть что-то к вашему удовлетворению, то мне доставляет истинное удовольствие это повторить. Как вы сказали, мы теперь находимся довольно близко друг от друга, и я мог бы иметь надежду увидеть вас. Если бы это зависело только от меня, конференцию в Лайбахе можно было бы перенести в Рим; но в этом мире столько препятствий, что невозможно всегда устроить всё так, как хотелось бы![ii]

Теперь о мадам Алопеус. Благоволите передать ей от меня наилучшие пожелания. Как больно мне было узнать, что она больна. Совершенно необходимо, чтобы у неё было достаточно времени для преодоления этого кризиса в тёплом климате, и со своей стороны я готов, естественно, помочь ей со средствами. С моей точки зрения, проще и удобнее всего было бы послать ей разумную сумму, чтобы покрыть её расходы за два года, таким образом, она могла бы написать своему мужу, что она больше не нуждается в его помощи, потому что обеспечена всем необходимым, с условием, что он позволит ей оставаться в Италии. Мне кажется, что это самый простой способ уладить дело. Всякий другой, который потребовал бы указов, кажется мне чрезвычайным и выходящим из ряда, особенно когда речь идёт о такой красавице, как мадам Алопеус. Будьте добры информировать меня о величине суммы, необходимой ей для жизни в течение двух лет, и я буду рад послать ей эту сумму[iii].

Что касается пенсии для Скванси, это дело устроить гораздо труднее. Существующие законы этому препятствуют, так как, чтобы заслужить её или увеличить ту, что уже существует, необходимо иметь соответствующие заслуги. А в данном случае ссылаться не на что. Плутовство Дядюшки является дополнительным препятствием, тем более что в документах этого

процесса есть свидетельство, что он скрыл в Ломбардии, в Италии, у своих родителей, те суммы, которые должен заплатить[iv].

В заключение этих строк позвольте мне повторить ещё раз, что чувство глубокой привязанности, которое я к вам испытываю, никогда не может измениться. Примите мои искренние уверения в этом.

Александр
[характерный росчерк
Александра I]
Лайбах.
3 Февраля/22 Января 1821.

[i] Волконская впервые оставалась в Италии столь долгое время: она прибыла туда в начале 1820 года и оставалась, с короткими перерывами, в течение почти трёх лет, до июля 1823 года.

[ii] Конгресс в Лайбахе (26 января — 12 мая 1821) был продолжением конгресса в Троппау, оказавшегося неспособным разрешить острые проблемы, которые угрожали европейскому альянсу. Когда царь прибыл в Лайбах, он сразу встретился с целым рядом устрашающих событий. Испания, Италия и Греция бурлили, и революционное движение продолжало распространяться по всей Европе. Царь ещё не оправился от потрясения, вызванного бунтом в его любимом Семёновском полку, и начал рассматривать восстания в Европе как проявление того же политического радикализма, которое привело к французской революции 1793 года. Все эти события глубоко тревожили Александра. Никто не понимал новую консервативную позицию царя лучше, чем Меттерних, который ловко использовал это в своих целях. «Если кто-либо изменялся когда-либо от чёрному к белому, то это он»,— писал австрийский государственный деятель. Царь «перестал доверять своей армии, министрам, знати и народу. А в таком состоянии человек не может быть правителем»[56].

Такова была ситуация, как её видел Александр, когда он говорил Волконской о невозможности его визита в Рим. Важно заметить, что у царя в это время было приглашение от Папы Римского Пия VII, которое он сначала принял, но затем отказался. Папский министр иностранных дел, кардинал Консальви, придавал этому визиту большое значение. Предположительно, на решение Александра повлияла его мать, императрица Мария Фёдоровна, которая, зная о его мистических тенденциях и симпатии к Католической церкви, умоляла его не ехать в Рим[57].

[iii] Мадам Алопеус, урождённая баронесса Жаннетта фон Венкстерн (1786–1869), была в первом браке замужем за Давидом Максимовичем Алопеусом, (1769–1831), известным российским дипломатом. Он был послом при дворе шведского короля, затем послом при вюртембергском дворе и, наконец, послом в Берлине. Его молодая жена, Анна Ивановна (Жаннетта), знаменитая красавица, имела много высокопоставленных поклонников —

от царя Александра I до его политического противника Николая Тургенева[58]. Ходили слухи, что мадам Алопеус сыграла роль в разрыве Александра с Нарышкиной[59]. Тем не менее она сохранила безупречную репутацию. Так или иначе, царь не был склонен выдать ей официальную пенсию. В 1833 году Анна Ивановна вышла замуж за князя Павла Петровича Лопухина (1788–1873).

[iv] Скванси (иногда по-русски произносится как Скасси или Сасси) — итальянец, женатый на русской. Он жил в Петербурге и служил там много лет, достигнув ранга надворного советника. Его финансовая ситуация была, однако, неустойчивой, и он был замешан в некоторых сомнительных делах, на которые и ссылается Александр. В 1818–1819 годах Скванси с семьей приехал во Флоренцию, где был принят обществом как «обрусевший итальянец». Когда он вернулся в Россию, Волконская хлопотала за него перед царём, чтобы обеспечить ему лучшую пенсию. В 1824 году, во время службы на Кавказе, Скванси был вовлечён в некую финансовую кражу, за что генерал Ермолов назвал его «итальянским шарлатаном». Эта история показала, что царь был прав в своей оценке протеже Зинаиды[60].

ПИСЬМО XI

Лист (19 x 22,5 см). Текст письма расположен на лицевой стороне. Конверт с надписью рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне след печати красного сургуча и надпись рукой Волконской: «Бриксен. 13/25 Дек. 1822».

Не опубликовано.

Vous m'avez envoyé tant de papiers avec votre dernière lettre, qu'il est juste qu'à mon tour, j'use du même droit. Voici donc une incluse, que je vous prie de remettre à Madame Narishkin en réponse à sa lettre, en lui disant mille choses de ma part.

Pour vos papiers Madame, souffrez que je vous en parle, par une autre occasion n'ayant pas une minute à moi.

Recevez l'assurance de l'attachement sincère que je vous porte. Mille respects à la Princesse Sophie et à Aline.

A.
Brixen 13/25 Décembre 1822.

Вы послали мне столько бумаг в вашем последнем письме, что я, в свою очередь, мог бы ответить вам тем же[i]. Здесь есть одно вложение, которое я прошу вас передать мадам Нарышкиной в ответ на её письмо, сказав ей всё, что принято (mille choses), с моей стороны[ii].

Что касается ваших бумаг, Мадам, смиритесь со всем, что я о них говорю, поскольку другая оказия не оставит мне ни минуты[iii].

Примите уверения в моей искренней привязанности к вам. Приветы княгине Софье и Алине.

А.
Бриксен
13/25 Декабря 1822.

[i] По-видимому, княгиня послала царю много бумаг как документальное подтверждение тех просьб, к которым она привлекала его внимание. Трудно теперь точно установить, в чём состояли эти просьбы. Однако известно много примеров ходатайства Волконской за друзей и знакомых. Один из них касался отставки её близкого друга, князя П. А. Вяземского, который был обвинён одновременно в неподобающих политических воззрениях и легкомысленном поведении[61]. Другая просьба была связана с тяжбой мачехи Зинаиды, княгини А. Г. Белосельской, касающейся её собственности, — Крестовского острова. Известно также, что Волконская просила пересмотреть несправедливое решение, вынесенное повару Силику, крымскому татарину, и вернуть его из сибирской ссылки[62].

[ii] Давний разрыв Александра с его прежней возлюбленной, М. А. Нарышкиной, был хорошо известным фактом. Поэтому он не колебался, чтобы просить Волконскую передать какие-то бумаги Нарышкиной, с которой общался время от времени в связи с устройством состояния их дочери Софии. В 1818 году Александр сказал, что теперь он может быть только посторонним «этому человеку, после всего, что она сделала» для него. Четырьмя годами позже его отношение к Нарышкиной стало таким неприязненным, что он избегал всяких личных контактов с ней[63].

[iii] Что касается княгини Волконской, то она, очевидно, привела царя в раздражение, послав ему «так много бумаг». Это видно из его формального обращения «Мадам», которое Александр использовал всегда, когда был раздосадован. То, что Александр был занят и почти не имел времени в своём распоряжении, было правдой. После конгресса в Вероне, который он позже вспоминал как «эти роковые дни в Вероне», царь был глубоко разочарован. Во-первых, на этом конгрессе ведущую роль опять играли австрийцы и англичане — К. Меттерних и А. Веллингтон. Во-вторых, в отношении национально-освободительных движений мнения участников не всегда совпадали. С общего согласия членов Священного союза революции в Италии и Испании были подавлены силой австрийского и французского оружия. Что касается войны греков за независимость от Турции, то Россия была единственной страной, которая последовательно поддерживала Грецию как дипломатическим путём, так и силой оружия. Позже Шатобриан цитировал слова Александра, оправдывающие его политику в целом и его действия в отношении Греции в особенности: «Провидение даёт мне 800 тысяч солдат не для удовлетворения моих собственных амбиций, но чтобы защитить религию, мораль и справедливость»[64].

Царь становился всё более недоверчивым к окружавшим его людям и всё более неустойчивым в поведении, позволяя себе неучтивость и проявление гнева[65]. В то же время он проводил часы на коленях, в молитве. Мы видим, что это эмоциональное состояние отображается и в коротком письме княгине Волконской из Бриксена (Северная Италия), куда он прибыл из Венеции 11/23 декабря 1822 года. Настоящее письмо написано на другой день, после празднования сорокапятилетия Александра. А еще через день, 14/26 декабря, он направился в Баварию, далее — в Россию, куда прибыл 20 января/1 февраля 1823 года. Так закончилась его последняя поездка в Западную Европу.

ПИСЬМО XII

Два листа (18,7 x 22,4 см), сложены вдвое. Бумага имеет водяные знаки. Текст письма расположен на шести страницах. Первый и второй листы пронумерованы цифрами «1» и «2». Конверта нет: письмо было помещено в сложенный лист бумаги и запечатано красным сургучом. Надпись рукой Александра I: «Мадам княгине / Зинаиде Волконской». Ниже надпись рукой Волконской: «Царское село 8 Июня 1824».

Не опубликовано.

C'est le Prince Pièrre que je charge de ces lignes pour vous, Madame. Je vous dois depuis bien longtems une réponse, et si vous m'imputez mon silence comme un tort vis à vis de vous, je viens vous demander de l'indulgence, ou plutôt mon absolution. Les circonstances sont plus coupables que moi. Votre première lettre où vous me parliez de vos désirs, pour que votre mari fût attaché à la Cour, n'a plus trouvé le Prince Pièrre ici et m'est parvenue au moment où je me mettais en route pour faire mon dernier voyage. Le tems me manquait pour vous répondre. Une seconde, m'est parvenue pendant mon voyage et la troisième pendant ma maladie qui m'a fait passer une grande partie de l'hyver couché. Plus tard, je vous croyais en route pour revenir en Russie. Enfin, voici une bonne occasion pour vous adresser quelques lignes et vous dire, que j'ai été bien sensible à tout ce que vos lettres contiennent d'amical pour moi. Croyez que je vous le rends bien par une affection sincère et qui n'a jamais varié. Ainsi, les appréhensions que vous avez paru avoir un moment, que j'avais quelque chose contre vous, sont plus qu'injustes et vous pouvez compter à tout jamais sur les sentimens que je vous ai voué. Aussi c'est avec une véritable impatiance, que j'attends le moment où je pourais vous revoir.

Quand à votre demande pour votre mari, de la manière dont vous l'entendiez, elle n'étoit pas éxécutable et se trouvoit en opposition des usages reçus ici. Nous en parlerons au reste, quand nous nous retrouverons ensemble. En attandant, veuillez me concerver Souvenir et bons sentimens et recevez l'assurance réitérée de tout l'attachement que je vous porte.

A.
Zarscoye Celo.
8 Juin 1824.

Эти строки я поручаю князю Петру для передачи вам, Мадам[i]. Я должен был ответить вам уже довольно давно, и, если вы воспринимаете моё молчание как вину перед вами, я готов просить о прощении или, скорее, об оправдании. Обстоятельства более виновны, чем я[ii]. Ваше первое письмо, где вы говорите о вашем желании, чтобы ваш муж был причислен ко Двору, пришло, когда князя Петра уже не было здесь. Меня оно застало в момент, когда я собирался в дорогу, чтобы предпринять мою последнюю поездку[iii]. У меня не было времени вам ответить. Ваше второе письмо застало меня во время поездки, а третье — в постели, где болезнь продержала меня большую часть зимы[iv]. Позже я надеялся, что вы — в дороге, на пути в Россию[v]. Наконец появилась оказия, и я могу написать вам несколько строк, чтобы сказать, что я был очень тронут всем, что было дружественного ко мне в ваших письмах. Поверьте, что я отвечаю вам с искренним чувством, которое никогда не менялось. Наконец, однажды появившиеся у вас опасения, что я имею нечто против вас, — более чем несправедливы, и вы всегда можете рассчитывать на чувства, которые я вам обещал[vi]. Момента, когда я смогу вас снова увидеть, я ожидаю с большим нетерпением.

Что касается просьбы относительно вашего мужа, то в том духе, как вы её понимаете, она невыполнима и находится в противоречии с принятым обыкновением. Мы поговорим об этом, впрочем, когда увидимся[vii]. В ожидании благоволите сохранить ко мне добрые чувства и воспоминания и примите уверения в неизменной привязанности, которую я к вам испытываю.

А.
[характерный росчерк
Александра I]
Царское село.
8 Июня 1824.

[i] Царь просил князя П. М. Волконского, мужа Софьи Волконской, передать это письмо Зинаиде, как только она вернётся в Россию. Поскольку точная дата её прибытия в Петербург неизвестна, мы полагаем, что она, вероятно, вернулась в начале июля 1824 года. Из близких ей петербургских кругов стало известно, что это письмо царя уже ожидало Волконскую здесь[66].

[ii] Обстоятельства, на которые ссылается царь, действительно были серьёзными и занимали всё его время и внимание. К началу 1824 года Александр окончательно подчинился Аракчееву. Под впечатлением «успешного», бескровного опыта создания Аракчеевым военных поселений Александр начал следовать его советам почти слепо. Вскоре это привело к коренной реорганизации правительства. Весной 1824 года князь А. Н. Голицын был вынужден уйти с поста министра народного просвещения и духовных дел, сохранив за собой только пост начальника почтового департамента. Что касается князя П. М. Волконского, то решение царя было даже ещё более неожиданным и произвольным. В результате конфликта с Аракчеевым в 1823 году он был освобождён от должности начальника Главного Штаба

и отбыл в заграничный отпуск. Трудно сказать, что больше заботило князя П. М. Волконского — несправедливость, от которой он страдал, или плачевное состояние царя, которому он служил двадцать семь лет [67]. Разрыв с ближайшими друзьями и отставки многих достойных и верных государственных деятелей имели тяжёлые последствия для Александра — он впал в глубокую депрессию.

[iii] Здесь Александр ссылается на свою последнюю поездку, которая продолжалась от 16 августа до 3 ноября 1823 года. В течение этих недель царь присутствовал на манёврах и инспектировал военные объекты российской армии от Бреста до Орла. Он также встречался с австрийским императором Францем-Иосифом и кронпринцем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом.

[iv] В самом начале 1824 года Александр опасно заболел. Сначала его ударила лошадь, и он получил травму ноги, имевшую мучительные осложнения. Затем, 6 января, он схватил простуду, которая быстро развилась в тяжёлую пневмонию. Всё это, в комбинации с депрессией и общей апатией, сделало его состояние весьма серьёзным. Прикованный к постели в течение двух месяцев, он начал поправляться только к середине марта.

[v] Княгиня продолжала откладывать своё возвращение в Россию, которую она покинула в сентябре 1819 года. В то время, когда царь написал это письмо и ожидал её скорого прибытия домой, она всё ещё оставалась в Европе.

[vi] Охлаждение, о котором Волконская говорит в своём письме, не подлежит сомнению, хотя Александр пытался убедить её в своей неизменной преданности. Постепенное восстановление дружеских отношений началось после 1819 года, когда письма царя стали более тёплыми и более личными.

[vii] Князь Никита Григорьевич Волконский, муж Зинаиды, так и не получил определённого назначения после войны. Он лишь выполнял отдельные поручения, некоторые из них не соответствовали его рангу и положению в обществе. Княгиня знала, что Александр, по разным причинам, недолюбливал её мужа, но продолжала просить для него подходящее место. Мы знаем, что царь сдержал своё обещание: спустя полтора года вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна написала своей матери в Баден, что среди тех, кто сопровождал царя в Таганрог, был и князь Никита Волконский, теперь уже «не адъютант, но генерал свиты»[68].

ПИСЬМО XIII

Лист (18,7 x 22,4 см), сложен вдвое по вертикали. Текст письма расположен на первой странице. Без конверта. Лист повторно трижды сложен по горизонтали, и на его трети сделана надпись рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». Письмо запечатано красным сургучом. Пометка рукой Волконской: «без даты».

Не опубликовано.

Me permetrez-vous de venir vous offrir Madame, mes félicitations et mes meilleurs remerciemens pour votre envoy de hier, cet après dîner à 5 heures? Recevez en attendant mes homages respectueux.

A.
Mercredi, matin.

[без места и даты][i]
[Москва, между июлем и 16 августа 1824 года]

Не позволите ли мне, Мадам, принести вам мои поздравления и горячую благодарность за вашу вчерашнюю посылку сегодня в 5 часов после обеда[ii]? Примите, в ожидании, уверения в совершенном почтении.

A.
[характерный росчерк Александра I].
Среда, утром.

[i] Эта записка, не содержащая указаний на место и дату написания, не даёт никаких ориентиров для точной датировки. Мы согласны с князем А. Н. Волконским, поместившим её после письма из Бриксена от 13/25 декабря 1822 года (п. XI). Зная, что княгиня Волконская вернулась в Россию в начале июля 1824 года (а царь не выезжал за границу после января 1823 года), можно утверждать, что эта записка была написана в России. Известно, что письмо Александра от 8 июня 1824 года было его первой коммуникацией с княгиней после того, как она вернулась в Петербург (п. XII). Это позволяет нам сузить период датировки, сведя его к интервалу между июлем и ноябрём 1824 года, когда Волконская уехала из Петербурга в Москву. В то же время царь уехал из Петербурга в длительную поездку по центральным и восточным районам России 16 августа и вернулся 24 октября. Это позволяет сузить интервал написания данного письма до шести недель: четыре недели в июле и две — в августе.

[ii] Поздравления Александра связаны, скорее всего, с публикацией этнографической работы Волконской «Славянская картина пятого века» («Tableau slave du V-me siècle»), которая появилась в Париже в 1824 году (вторым изданием). Его благодарность можно связать с получением от неё этой книги[69].

ПИСЬМО XIV

Лист (22,4 x 18,7 см). Текст письма расположен на первой и второй страницах. На конверте надпись рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне пометка рукой Волконской: «Без даты».

Не опубликовано.

Je suis à vos pieds Princesse, pour le si aimable billet que je viens de recevoir à l'instant. Le bonheur de vous revoir est trop grand pour qu'aucun autre

sentiment puisse être écouté et j'implore le permission dans le courant de la soirée de me présenter chez vous. Je m'en fais une vraye fête. Je garde le silence sur tout le reste de votre billet non que vous m'ayez convaincu, il s'en faut de beaucoup, mais pour terminer un sujet qui vous donne occasion, de me traiter beaucoup trop favorablement.

Les beaux fruits que je tiens de votre inapréciable bonté, ont été reçus avec la plus vive reconnaissance. — Recevez je vous prie l'homage de mon respectueux attachement.

[без даты][i]
[Санкт-Петербург, между июлем и 16 августа 1824 года]

Я у ваших ног, княгиня, получив только что столь любезную записку. Счастье видеть вас слишком велико, чтобы любое другое чувство могло иметь значение, и я умоляю разрешить мне в течение вечера быть у вас. Это будет для меня настоящим праздником. Относительно остального в вашей записке храню молчание, и не потому, что вы меня убедили, для этого многое нужно, но чтобы закончить сюжет, которому вы положили начало,— ваше более чем благосклонное отношение ко мне[ii].

Прекрасные фрукты, которые я получил от вас, свидетельствуют о вашей неоценимой доброте, и я принимаю их с самой живой благодарностью[iii]. Прошу вас принять уверения в моём совершенном почтении.

[без подписи]
[характерный росчерк Александра I]

[i] Это недатированное письмо следует за предшествующей запиской (п. XIII). Полагаем, что оно написано в Петербурге в тот же период, что и предыдущие два письма (п.п. XII, XIII).

[ii] Письмо написано в тёплом, даже аффектированном тоне, напоминающем о стиле писем 1813 года. К настоящему времени царь уже был достаточно изолирован от своего окружения и отдалился даже от своих ближайших друзей. Свободный от романтических привязанностей и, по-видимому, даже от желания их иметь, он теперь высоко ценил свои отношения с княгиней — в ней он видел верного друга, которому можно полностью доверять. Кроме того, можно предположить, что на царя произвело большое впечатление то, что Волконская за прошедшие десять лет превратилась в исключительно разностороннюю личность.

[iii] После длительной болезни зимой 1824 года царь продолжал следовать строгой диете, состоявшей преимущественно из фруктов. Это объясняет, почему Волконская послала ему фрукты.

ПИСЬМО XV

Лист (22,4 x 18,7 см), сложенный вдвое. Текст письма расположен на четырёх страницах. Без конверта.

Опубликовано с купюрами.

Il faut l'inépuisable indulgence que vous m'avez toujours témoignée pour me traiter comme vous avez la bonté de le faire, car vous auriez droit de me croire et ingrat et insensible; et cependant je suis ni l'un ni l'autre. L'imense besogne qui pèse sur moi et qui absorbe tous mes momens, me fait paraître tel. Mais il faut que je vous dise avant tout que la joye de vous voir si près, de vous savoir dans quelques heures est extrême. C'est entre quatre et cinq que je me présenterais à votre porte avec l'impatience la plus vive de vous exprimer combien je suis touché de la manière amicale dont vous me traitez malgré mes torts. Ayant si peu des momens à moi, je ne voulais prendre la plume que pour vous annoncer en même tems que j'ai réussi à arranger ce que vous m'aviez demandé. Cela a trainé parce qu'il y a plus d'une difficulté à vaincre pour y parvenir.

Au revoir donc et recevez en même tems l'assurance du sincère et respectueux attachement que je vous porte à tout jamais.

A.
Zarskoye Célo.
le 2 Avril 1825.

Нужно иметь неисчерпаемую снисходительность, чтобы продолжать относиться ко мне с такой добротой, в то время как вы имели право считать меня и неблагодарным, и бесчувственным; при этом я — ни тот ни другой. Бесконечный труд, который ложится на меня и поглощает всё моё время, заставляет меня казаться таковым[i]. Но я должен сказать прежде всего, что удовольствие видеть вас так близко и общаться с вами в течение нескольких часов — ни с чем не сравнимо. Между четырьмя и пятью я появлюсь у вас, торопясь объяснить, насколько я тронут вашим дружеским обращением, несмотря на мои прегрешения[ii]. За недостатком времени я не буду браться за перо, чтобы сообщить вам, что мне удалось устроить то, о чём вы меня просили. Это затянулось, потому что было немало трудностей, которые нужно было преодолеть, чтобы это состоялось[iii].

До свидания, и одновременно примите уверения в сердечной и почтительной привязанности, которую я к вам сохраню навсегда.

А.
[характерный росчерк
Александра I]
Царское село.
2 Апреля 1825.

[i] С каждым годом «непосильное бремя», на которое царь жалуется в этом письме, давило на его плечи всё более тяжко. Новый, 1825 год не принёс разрешения сложных проблем , с которыми Александр уже не был способен

справиться. Отношения с Турцией требовали решительных действий. В самой России «аракчеевщина» вызывала во всех слоях общества резкое сопротивление. Александр был осведомлён о нарастающем недовольстве в обществе, он также знал о существовании заговора, в который были вовлечены многие офицеры — участники войны с Наполеоном. Однако он ничего не сделал, чтобы парализовать это движение, имевшее целью крупные государственные преобразования[70].

Личная жизнь Александра также не удалась. Смерть его любимой незаконной дочери Софьи Нарышкиной в июле 1824 года принесла ему тяжёлые переживания. Как заметила его бывшая пассия М. А. Нарышкина, последние годы царя были отравлены мрачным настроением и подозрительностью. Он никому не доверял и даже начал опасаться за собственную безопасность. Всё это может объяснить, почему Александр начал особенно ценить несколько человек, среди которых была и княгиня Волконская, чья преданность и искренность были неоспоримы.

[ii] Это письмо было написано на Пасху. Два дня спустя Александр отбыл из Петербурга в свою последнюю поездку в Польшу. Дата написания этого письма является информативной: то, что Александр устроил визит к княгине во время сборов в дальнее путешествие,— и особенно на праздник, одинаково важный как государственный и семейный,— говорит о его отношении к Волконской. Слова «несмотря на мои прегрешения» («malgré mes torts») были изъяты сыном княгини при публикации в 1865 году.

[iii] Какую именно просьбу княгини удалось выполнить царю, остаётся догадываться. Это могло касаться Никиты Григорьевича, но документов, подтверждающих это предположение, у нас нет.

После отъезда княгини Волконской в Москву осенью 1824 года она впервые появилась в столице. Как всегда, она остановилась во дворце Белосельских на Невском проспекте. Именно здесь состоялась последняя встреча княгини с Александром 2 апреля 1825 года. Нежный тон письма царя отражает новую стадию их старой дружбы. После глубокой влюблённости и тесной связи раннего этапа их отношений царь установил теперь спокойные, доверительные, дружеские отношения. Он принимал свою часть вины в их разрыве и равнодушии в последующие годы.

Это письмо подводит итог корреспонденции между княгиней Волконской и императором Александром I. Двенадцать с лишним лет переписки представляют период исключительно важных перемен в политической, общественной и культурной жизни Европы и России. В письмах отражаются многие значительные события этих лет, упоминаются многие исторические фигуры. Участники этого диалога, в котором представлен один голос, сами являются выдающимися личностями, интерес к которым сохраняется и в наши дни.

***

Несколько строк относительно письменного французского языка Александра I. При публикации писем мы следовали нашему принципу — ничего

не редактировать в оригинальном тексте. Тем не менее письменный французский царя требует хотя бы короткого комментария. Ученик Фредерика Лагарпа, Александр не слишком строго следовал правилам французской грамматики, которая претерпела существенные изменения, представленные Академией (1740, 1762, 1798) и филологами эпохи Просвещения. Хотя Александр говорил на правильном и элегантном французском, в письменной речи он использовал как старые, так и новые правила грамматики, к примеру следующие:

— почти исчезнувшие к тому времени окончания прошедшего времени: avoit, paroit, rassuroit, etc;

— исчезновение во множественном числе согласных, которые не произносятся (принятое Академией после 1740 года, но отвергнутое реформаторами языка): tems, longtems, parens, sentimens, momens, etc;

— пропуск второй интервокальной согласной в соответствии с правилами, принятыми ранее (Duclos, Girard): comencer, coment, prisonier, homage, courier, aparement, friponerie, ets. Существуют, однако, колебания: dites/dittes, jeter/jetter, comlètement/complèttement. Некоторые слова, такие как homme, approcher, affabilité, среди других пишут с двойными согласными;

— встречается замена окончания -t на -d: cependend, attendend, quand, etc;

— тенденция употреблять -a- вместе с носовым -n-, как рекомендовал Wailly, но принятая не всеми: conférance, impatiance, etc;

— этимологически мотивированное употребление двух слов, которые позже слились в одно: aussi tôt, plus tôt, la quelle, chaque un, de hier, etc;

— некоторые принципы написания были приняты частью филологов, но оспаривались другими, что породило неизбежную путаницу, например: concerver, passacent (рекомендовано Wailly), abrit (принятый Beauzée) и устаревшие формы, такие как sçavoir, vray, j'aye, hyver;

— в некоторых случаях царь использует упрощение в комбинациях гласных наряду с полными формами, например: malheuresement — malheureusement, remerciment — remerciement.

— имеется тенденция заменять будущее время условным наклонением: verrai — verrais, j'aurai — j'aurais, commencerai — commencerais, etc;

— непоследовательное написание с заглавных букв названий месяцев и дней недели.

Несмотря на то что буквы написаны аккуратно (царь никогда не пользовался одним и тем же пером дважды), предложения не всегда удачно составлены. Здесь, правда, нужно учесть спешку, в которой Александр писал свои длинные письма.

Мы можем заключить наши наблюдения оценкой учителя Александра, Лагарпа, сделанной в 1789 году: «Великий князь Александр пишет диктанты быстро и легко. Ошибки, которые он допускает, связаны с тем, что произношение и написание французских слов не совпадает».

Как видим, это сохранилось и двадцать пять лет спустя в его письмах к Волконской.

Семь писем кардинала Э. Консальви

Именно моральный дух Европы следует принимать во внимание.

Э. Консальви[1]

Римская сирена.

Наполеон о Консальви[2]

Архив Волконской содержит семь ранее не публиковавшихся писем кардинала Эрколе Консальви, которые написаны в период между 1820 и 1823 годом. Что общего могло быть между Государственным секретарём Ватикана, имевшим такое влияние на ход событий своего времени, и княгиней Зинаидой Волконской? Что побудило его писать длинные письма, в которых он выражает своё восхищение ею и преданность? Когда и где они встретились впервые? Прежде чем обращаться к самим письмам, следует внимательнее рассмотреть обстановку, в которой развивались их отношения.

Пути кардинала Консальви и княгини Волконской не пересекались до 1814 года, когда они оба оказались в Лондоне. Консальви прибыл в Париж 2 июня, на другой день после отъезда оттуда Волконской в Лондон. Поэтому в Париже они вряд ли могли бы встретиться. Кардинал отправился в Лондон 4 июня 1814 года, где оставался в течение двадцати шести дней, способствуя продвижению интересов папского престола[3]. С первого же дня он начал добиваться аудиенции у русского императора Александра I, которому должен был вручить послание от Папы Пия VII. Однако это было непросто, поскольку все европейские лидеры, собравшиеся в это время в Лондоне, встречались и обсуждали недавнюю победу над Наполеоном. Кардинал Консальви был принят наконец Александром I почти накануне отъезда царя из Лондона. Тем временем кардинал, следуя своей обычной стратегии, окунулся в светскую жизнь Лондона, зная, что это поможет ему установить необходимые политические контакты. Впервые за двести лет католический кардинал посетил Англию, при этом Консальви удалось преодолеть традиционно враждебное отношение англичан к Ватикану. Поэтому принц-регент Великобритании имел все основания назвать его «кардиналом-соблазнителем». Лондонское общество было под впечатлением не только его ума и обаяния, но и его внешнего облика в чёрной шёлковой сутане и обуви красной кожи[4].

Несмотря на отсутствие прямых указаний, мы думаем, что Консальви впервые встретил Волконскую в Лондоне. В поисках возможностей встречи с русским императором Консальви должен был сначала установить контакт с князем Петром Михайловичем Волконским и был, вероятно, приглашён в резиденцию князя, где жила и его невестка, Зинаида Волконская. Оба они принадлежали близкому кругу царя. Другим связующим звеном между княгиней Зинаидой и кардиналом Консальви могла быть мадам де Буань, которая была дружна и с кардиналом, и с Волконскими[5]. Теперь мы почти уверены, что знакомство ватиканского дипломата и русской княгини произошло в Лондоне. Спустя три-четыре месяца они снова встретились на Венском конгрессе.

Консальви прибыл в Вену одним из первых — 2 сентября 1814 года. Ему предстояло провести подготовительную работу для восстановления папского государства, уничтоженного Наполеоном, а также для разрешения ряда других, не таких значительных, но достаточно важных проблем. Чтобы добиться успеха, он должен был вести переговоры с главами стран-победительниц — России, Австрии, Пруссии и Англии. О деталях соглашения, которое было получено в результате его усилий, он написал в длинном письме кардиналу Пакке (Расса) от 12 июня 1815 года[6]. Десять месяцев в Вене кардинал Консальви занимался установлением более тесных политических связей, следуя хорошо спланированной стратегии. Она включала широкий спектр мероприятий, — от официальных переговоров до участия в обедах, приёмах, балах, посещения концертов и театров. Кардинал старался проникнуть в круг людей, близких к русскому царю, что укрепило бы его позицию в важных переговорах. Его встречи с А. К. Разумовским, К. В. Нессельроде, Г. О. Штакельбергом и А. Я. Италинским были отслежены агентами венской секретной полиции и зафиксированы с указанием времени прихода и ухода. На официальных заседаниях конгресса, однако, кардинал не присутствовал из-за враждебного отношения Меттерниха[7].

3 ноября 1814 года кардинал Консальви был принят русским царём. Папский посланник повторил приглашение в Рим, впервые прозвучавшее в Лондоне; на этот раз оно было принято Александром. Однако существовавшие с начала XIX века проблемы взаимоотношения церквей препятствовали принятию каких-либо решений; российские требования (одиннадцать пунктов) всё ещё ожидали ответа[8].

3 сентября 1814 года Консальви был на приёме у графа Разумовского, где пела княгиня Волконская. Кардинал, и сам прекрасный музыкант-любитель, не мог остаться равнодушным к великолепному исполнению княгини. Мы находим запись об этом вечере в дневнике посланника Пьемонта, маркиза ди Сан Маццано: «Ко мне пришёл кардинал Консальви, Кастелафар обедал вместе с нами... После обеда мы пошли к Разумовскому; там пела княгиня Волконская»[9].

В этот период Консальви посещал также принца Шарля-Жозефа де Линя, фельдмаршала, дипломата, мемуариста, чей скромный дом неизменно привлекал людей высокого ума и незаурядного остроумия. Княгиня Волконская, хорошо знавшая старого друга своего отца, была частой гостьей в его доме. Мы можем утверждать, что, помимо известных встреч у Разумовского и многочисленных неотмеченных встреч на светских событиях, Зинаида могла встретить Консальви и у принца де Линя[10].

Кардинал Консальви пробыл в Вене более девяти месяцев и покинул её 18 июня 1815 года — слишком долго, чтобы поддерживать своё очарование, как заметил один австрийский дипломат, но достаточно, чтобы решить многие поставленные перед ним задачи[11]. Вернувшись в Рим, кардинал погрузился в государственные дела, среди которых Россия занимала важное место. Теперь кардинал должен был противостоять русскому царю в фундаментальной проблеме: вмешательству русского правительства в собственно церковные дела католической церкви в России, и особенно в том, кому принадлежат полномочия назначения католического духовенства. Так как сам папа «видел всё глазами Консальви»[12], то кардиналу была предназначена ключевая роль в долгом и неконструктивном диалоге между Пием VII и Александром I.

Дипломатический талант кардинала Консальви современники ставили не ниже, чем искусство К. Меттерниха и Ш.-М. Талейрана. Он установил тесные связи с русскими дипломатическими кругами и высшим обществом в Риме, не прекращая своих попыток повлиять на отношение Александра I к Ватикану. В 1822 году он почти добился успеха в подготовке визита царя в Рим: Александр принял приглашение папы, но затем внезапно отклонил его. Ходили слухи, что не кто иной, как вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, опасаясь, что её сын может быть привлечён католической церковью, настояла, чтобы он держался подальше от Рима[13]. Письмо царя к Зинаиде Волконской от 3 февраля 1821 года показывает, что и она, в свою очередь, старалась убедить царя посетить Рим.

Проблемы католических дел в Российской империи продолжали волновать Консальви до последних дней его жизни, даже после того, как новый папа сместил его с должности Государственного секретаря. Среди прочих рекомендаций, оставленных им Льву XII, было предложение продолжать твёрдую политику в отношении России, построенную на осторожности и ежеминутной осмотрительности[14].

Все семь писем кардинала Консальви княгине Волконской были написаны, когда она находилась вдали от Рима, и охватывают трёхлетний период от 10 октября 1820 года по 10 октября 1823 года. Мы уже отмечали, что интерес Консальви к Волконской, по крайней мере, вначале, был вызван важностью России и её власть предержащих для Ватикана. Биограф кардинала, Ж. Кретино-Жоли, дал комментарий, не оставляющий сомнения, что Консальви был заинтересован во влиятельных иностранцах. Кардинал встречал в своих великолепных виллах «дипломатов, писателей, иностранцев, кто

мог быть полезен папскому государству своими официальными или частными связями» с истинно королевской широтой. «Они находили в нём неутомимого гида, советника, человека, который хорошо знал, как очаровать их... Его присутствие создавало атмосферу нескончаемого празднества и оживляло любые руины и монументы...»[15]

Княгиня Волконская, с её политическими и светскими связями, включая Александра I, не могла не привлечь внимания кардинала. К тому же она была красива, талантлива и умна. Если искать иной мотив, то финансовые интересы папского государства тоже могли играть определённую роль. Современник кардинала, Массимо д'Азельо, говорит о его тактике «привлечения иностранцев, или, скорее, их денег»[16]. Хотя позже Волконская жертвовала Ватикану большие суммы, мы неохотно принимаем этот мотив как решающий фактор. Нет сомнения, что конечной целью кардинал видел переход православных русских в католичество. Хотя этот мотив никогда не возникал в его письмах к княгине, он, конечно, был важным для кардинала: влиятельная княгиня была одной из самых желанных фигур для приобщения к Римско-католической церкви. В течение предыдущих двадцати лет большое число русских перешло в католическую веру, и пятнадцать лет спустя то же сделала Волконская. Дела и идеи русских католиков обсуждались в неопубликованной корреспонденции между Консальви и русским послом в Риме А. Я. Италинским, с которым кардинал был в дружеских отношениях[17].

Интересно узнать, как другие современники кардинала оценивали его личность. Некоторые видели в нём «наполовину клерикала и наполовину светского человека». Этому мнению противостоит оценка Наполеона, заметившего: «Это человек, который не хотел бы, чтобы его воспринимали как клерикала, но который является таковым гораздо больше, чем все остальные»[18]. Очевидно, что именно определённые особенности личности Консальви позволили ему совмещать столь разные функции, как церковное служение и государственную деятельность. Консальви был аристократом, воспитанным в лучших традициях XVIII века в Италии, что может объяснить, почему так легко он завязывал отношения с красивыми и умными женщинами, занимавшими видное положение в обществе. Ближе всех с ним была герцогиня Девонширская, которая, имея «весь Рим» в своём распоряжении, всем предпочла Консальви, преданного друга в течение многих лет [19]. Графиня Олбани, мадам де Буань и Зинаида Волконская были среди его близких друзей. Однако только отношения Консальви с русской княгиней остались неизученными. Поэтому семь писем кардинала к Волконской важны для заполнения этого пробела.

Интересно, как личность кардинала Консальви проявляется в его письмах к Волконской. Хотя он обсуждает важные события того времени, его письма не блещут ни россыпью остроумных замечаний, ни высказываниями особо глубоких идей. Нужно иметь в виду, что он писал не на родном итальянском, а на французском языке, который знал только сносно. Его французский

говорит сам за себя: встречаются грамматические ошибки, странный синтаксис и простоватый стиль. Что касается его разговорного языка, для употребления которого было много возможностей, то и он был скорее скромного качества. Одна из его частых собеседниц, Лулу фон Турхейм, заметила, что выражать идеи кардиналу мешал его несовершенный, неловкий и даже запинающийся французский[20]. Существует и противоположное мнение: мадам де Буань, например, превозносила ясность рассуждений кардинала, которым вовсе не мешал его французский[21]. Интеллигентность Консальви и его дипломатическое искусство признавали многие, хотя встречались и критические голоса. Наиболее авторитетный из них принадлежит Стендалю[22]. Уже упомянутый современник Консальви, Массимо д'Азельо, возможно, имел право сказать: «Хотя Консальви обладал большими талантами, он не был одним из тех блестящих умов, которые могут одновременно охватить прошлое и настоящее и гармонически присоединить к этому будущее»[23].

Был ли кардинал Консальви на самом деле человеком широких взглядов и оригинальных мыслей или нет, он, безусловно был одной из важнейших фигур своего времени и до сих пор вызывает восхищение тех, кто изучает католицизм.

Возникает вопрос, что же привлекло княгиню Волконскую в личности кардинала и послужило основанием для их дружбы, несмотря на большую разницу в возрасте?

Десятилетие с 1814 по 1823 годы было очень непростым в жизни княгини. Хотя её умственные и артистические способности получили заметное развитие в это время, личная жизнь у неё складывалась не очень удачно. Достаточно указать только несколько событий. В начале 1814 года завершился её роман с царём. Конец 1814-го принёс ей горе — потерю новорождённого ребёнка. В последующие годы её отчуждение от мужа только возрастало. Чтобы компенсировать недостаточность и разочарование в своих личных делах, она окунулась в светскую жизнь, путешествуя из одной европейской столицы в другую и выступая время от времени на частной сцене как певица или актриса[24]. Вернувшись в Россию в 1817 году, княгиня на некоторое время посвятила себя образованию сына Александра. В тот же период она увлеклась своим секретарём — красивым итальянцем Микельанджело Барбиери, который в 1819 году сопровождал её в путешествиях. Пока Волконская жила в Риме с 1820 по 1823 годы, она принимала живое участие в местной музыкальной жизни, участвуя в концертах Римского Филармонического Общества[25]. На первый взгляд жизнь княгини казалась вполне благополучной, но теперь, зная всю её жизнь, можно увидеть, насколько неудовлетворённой в действительности была Волконская. Это становится особенно ясным из писем архимандрита Герасима (Павского), написанных несколько позже в Москве. Его ответ на письмо Зинаиды делает очевидным состояние депрессии, которое она преодолевала только страхом смерти и наказания за грехи[26]. В русском православии Волконская не нашла ответов на вопросы,

терзавшие её. И когда мы читаем строгий и скучный выговор от русского священника, мы легко можем понять, каким сочувствием, по контрасту, веяло от католической церкви в лице кардинала Консальви, чьё понимание и любовь к искусствам и музыке было ей так близко по духу. И сама красота Римской католической церкви, объединившей музыку, живопись и архитектуру, была дополнительным притягательным фактором.

Кардинал Консальви представлял католическую церковь утешительницей, согревающей души, и сделал её близкой и понятной Волконской. Его письма показывают, насколько хорошо он владел искусством обаяния тех, кого он хотел очаровать. В августе 1823 года, занятый государственными делами и уже прикованный к постели, кардинал пишет Волконской, как тяжело ему было узнать, что она уезжает. В длинном пассаже он просит её считать его своим представителем в Риме: «Это может принести мне облегчение во время вашего отсутствия, столь болезненного для меня». Через два месяца, после смерти Папы Пия VII и избрания новым Папой Льва XII, Консальви был смещён с должности Государственного секретаря. В это время он написал княгине длинное и сердечное письмо, в котором просил считать его одним из самых верных и преданных её друзей: «Отныне я буду один. Располагайте мною как вещью, которая вам полностью принадлежит»[27].

Консальви-«обольститель» сыграл, таким образом, решающую роль в последующем переходе Волконской в католическую веру. Как и во многих других случаях, ответные письма княгини Волконской не могли оставаться в открытом архиве кардинала Эрколе Консальви[28].

ПИСЬМО I

Лист (11,6 × 18,7 см). Текст письма расположен на лицевой стороне.

Все семь писем кардинала Консальви написаны на бумаге с водяным знаком «Briglia». Конверты не сохранились. Письма подписаны и датированы после текста.

Не опубликовано.

Madame la Princesse,

Ayant attendu en vain qu'on vienne chercher de la part de Votre Excellence le billet pour la libre extraction de la douhana (sic) des effets lui appartenant, je prends le parti de la lui transmettre. Je prie Votre Excellence de croire que je m'estimerai heureux dans toutes les occasions où je pourrai m'employer à la servir et je la prie aussi d'agréer que je lui souhaite l'assurance de ma considération la plus distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être.

De Votre Excellence
Le très dévoué et très
obéissant serviteur
Card[inal] Consalvi
Rome, ce 10 Octobre 1820

Княгиня,

тщетно прождав от Вас человека, который должен был забрать письмо, освобождавшее вещи от таможенной пошлины, я решил это письмо ему передать[i]. Прошу Вашу Светлость верить, что я счастлив всегда, когда могу быть вам полезен, и посылаю Вашей Светлости уверения в моём глубоком уважении, в котором я счастлив оставаться[ii].

Вашего
Превосходительства
самый преданный
и послушный слуга
Кард[инал] Консальви
Рим, 10 октября 1820

[i] Кардинал Консальви говорит здесь о том, какие шаги он предпринял, чтобы освободить вещи Волконской от таможенного сбора. Поскольку она находилась в Италии уже более десяти месяцев, уехав из России осенью 1819 года, очень вероятно, что это касалось тяжёлого багажа, посланного ею из России. Из письма Стендаля мы знаем, что Волконская уехала из Милана в Неаполь 3 марта 1820 года[29]. Проведя около двух месяцев в Неаполе, княгиня переехала в Рим, где прожила почти три года, до июля 1823.

[ii] Заключительная формула этого первого письма от Консальви княгине Волконской, типичная для эпистолярного стиля того времени, является гораздо более формальной по сравнению с его позднейшими письмами.

ПИСЬМО II

Лист (11,6 × 18,7 см). Текст письма расположен на лицевой стороне.
Не опубликовано.

Madame la Princesse,

Je ne manquerai pas Mardi de profiter de votre gracieuse invitation pour entendre chanter et voir jouer l'incomparable [Curioni] qui devrait bien être le vainqueur pour ne pas nous priver de le voir et de l'entendre jusqu'à la dernière scène de la pièce. Je ne sais pas si Mardi l'Ambass[adeur] d'Autriche reçoit. Si cela était, il me faudrait seulement retrouver à la fin de [la soirée] une petite heure pour y paraître.

Je n'ai pas bien compris ce que vous m'avez dit de M. Gentz, mais M. le Comte Barberi me l'expliquera demain s'il vient avec M. Priest ainsi que vous me l'annonciez.

Agréez, Mad[ame] la Princesse, l'assurance des sentiments que vous connaissez au plus dévoué de vos serviteurs et admirateurs.

Le Card[inal] Consalvi
ce 19 Janvier [1821]

Княгиня,

я, конечно, не пропущу вторник и воспользуюсь Вашим любезным приглашением, чтобы послушать пение и понаблюдать игру несравненного Curioni, который обязательно должен стать победителем, чтобы не лишить нас возможности видеть и слышать его до последней сцены пьесы[i]. Я не знаю, принимает ли во вторник посол Австрии. Если принимает, то мне в конце вечера следует найти часок, чтобы там появиться[ii].

Я не очень хорошо понял, что Вы мне сказали относительно месье Гентца[iii], но месье князь Барбери[iv] объяснит мне завтра, если придёт вместе с месье Пристом[v], как Вы мне сказали.

Примите, княгиня, уверения в чувствах, о которых Вы знаете, самого преданного из Ваших служителей и почитателей.

Кард[инал] Консальви
19 января [1821][vi]

[i] Alberico Curioni (1785–1875) — знаменитый итальянский тенор, имевший к тому же репутацию прекрасного актёра. Куриони был солистом оперного театра Сан Карло в Неаполе, но пел также на всех главных оперных сценах Европы. Стендаль заметил, что Куриони был одним из самых красивых певцов на итальянской сцене, а «это никогда не лишне для певца»[30]. Опера, о которой говорит Консальви, скорее всего — «Фиделио» Бетховена, впервые поставленная в Вене в 1805 году, в своей окончательной форме — в 1814-м; в Риме в 1820 году она была поставлена как дань Австрии, доминировавшей почти на всей территории Италии. Консальви упоминает о победе Флорестана, героя оперы, спасённого от казни и исполняющего арию в последней сцене.

[ii] Военная и политическая зависимость от Австрии отчётливо ощущалась в Риме того времени. Мемуары современников отмечают частые приёмы, праздники и балы, которые устраивались в австрийском посольстве[31]. На конгрессе в Троппау (октябрь–декабрь 1820 года) три монарха: Александр I, Франц I (Австрия) и Фридрих-Вильгельм III (Пруссия) подписали протокол, который санкционировал военную оккупацию Австрией Неаполитанского королевства, охваченного восстанием против монархии Фердинанда I Бурбона с июля 1820 года. Понятно, что кардинал Консальви придавал важное значение своему появлению на приёме у австрийского посла, Антуана Родольфа графа Апоний (1782–1852).

[iii] Фридрих фон Гентц (1764–1832) — известный австрийский политический деятель и публицист[32]. Фон Гентц был «правой рукой» К. Меттерниха и активно участвовал в Венском конгрессе, где занимал должность генерального секретаря. Современники называли его «секретарём Европы», поскольку он участвовал во всех важных конгрессах того времени. В связи с неаполитанскими событиями фон Гентц появился в Риме и сыграл важную роль в подавлении восстания в Неаполе и восстановлении монархии Бурбонов. Фон Гентц хорошо знал и Консальви, и Волконскую ещё со времён Венского конгресса.

[iv] Граф Джованни Барбери (1748–1821) — выдающийся юрист, прокурор, который получил особое отличие на службе в Ватикане с 1780 года, когда Папа Пий VI назначил его главным казначеем («fiscale générale») и дал ему титул «монсиньор», что крайне необычно для мирянина. Барбери получил известность как прокурор на знаменитом суде 1790 года над графом Калиостро; этот процесс он потом описал в четырёх хорошо документированных томах. После французской революции Барбери предпочёл быть в тени, но после 1814 года вернул своё положение в Ватикане. Княгиня Волконская была хорошо знакома с семейством Барбери; они упоминаются в письмах Консальви (пп. VI и VII).

[v] Алексис Гиньяр Сент-Прист (1805–1851) — дипломат, историк, член французской Академии, пэр Франции. Родителями Алексиса были французский эмигрант граф Арман Сент-Прист (позже губернатор Одессы) и княгиня Софья Голицына. Алексис получил образование во французской школе в Одессе, которой руководил иезуит аббат Николь. Именно в Одессе княгиня Волконская познакомилась с семьёй графа Сент-Прист. Алексис Сент-Прист уехал из Одессы в Париж в начале 1821 года и по дороге остановился в Риме, где встречался с Зинаидой Волконской.

[vi] Кардинал Консальви датировал своё письмо только числом и месяцем, «19 января», не обозначив год. Чтобы установить точную дату, воспользуемся двумя подсказками. Во-первых, Волконская временно остановилась в Риме по дороге из Милана в Неаполь не раньше мая 1820 года, так что свой первый январь в Риме она не могла провести раньше 1821 года. Во-вторых, Консальви упоминает о визите графа Барбери, который умер 14 августа 1821 года[33]. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что это письмо было написано 19 января 1821 года.

ПИСЬМО III

Лист (18,5 × 24,2 см). Текст письма расположен на лицевой стороне.
Не опубликовано.

Madame la Princesse,

Une lettre du Souverain d'Albano que je reçois dans l'instant dit — Sono arrivato nel momento che i Napoletani marciano *a spron battuto* per la via Appia verso Velletri per prendere quelle posizioni.

Il me semble qu'on ne va pas *a spron battuto* pour prendre une position, lorsque l'ennemi est à 100 lieues. On peut penser donc qu'ils viennent faire un coup de main à Rome. *Je me hâte* de vous l'écrire, pour que vous ayez le tems de faire Vos préparatifs si vous voulez partir. Je suis avec la considération la plus distinguée.

Ce 13 Févr[ier] 1821 à 4 heures
Les très chauds et dévoués
sentiments.
Hercole
Card[inal] Consalvi

Княгиня,

письмо, которое я получил от губернатора Альбано[i], привожу в итальянском оригинале:

«Я информирован, что неаполитанцы маршируют *во весь опор* по Аппиевой дороге в направлении Веллетри, чтобы захватить там позиции»[ii].

Мне кажется, что захватить позиции, когда враги находятся на расстоянии в 100 лье, невозможно с ходу. Но может случиться, однако, что они ударят по Риму завтра[iii]. Тороплюсь вам написать, чтобы у вас было время приготовиться, если вы захотите уехать. Остаюсь с полным уважением.

13 Февр[аля] 1821 в 4 часа
Самые горячие
и преданные чувства
выражает вам
Эрколе
Кард[инал] Консальви

[i] Во вторник, 13 февраля 1821 года, губернатор провинции Альбано (папского государства), расположенной в двадцати километрах к югу от Рима, послал срочную депешу в Ватикан, сообщая, что войска революционного Неаполя приближаются к Риму через Веллетри. Эта информация, позже признанная ложной, вызвала панику в Риме, что очевидно из записки кардинала Консальви княгине Волконской.

[ii] В оригинале письмо от губернатора провинции Альбано выглядит так: «Sono arrivato nel momento che i Napoletani marciano *a spron battuto* per la via Appia verso Velletri per prendere quelle posizioni».

[iii] Восстание неаполитанского ополчения 1 июля 1820 года быстро переросло в широкое революционное движение под руководством генерала Гульельмо Пепе. Король Фердинанд был вынужден принять новую конституцию, но затем, на конгрессе в Лайбахе, сам просил монархов России, Пруссии и Австрии о военной помощи для подавления восстания[34]. 2 февраля 1821 года 52 000 австрийских войск перешли реку По и двинулись в сторону Неаполя. Первый ложный слух о контратаке карбонариев, которые якобы направляются к Риму, начал распространяться 7 февраля. Прусский посланник Христиан Карл Иосия фон Бунзен, живо описывая общее состояние неразберихи, заключает, что ложный слух «был создан самим Консальви»[35]. Шесть дней спустя пришло второе ложное предупреждение, причиной которого было приведённое выше послание губернатора провинции Альбано. Это привело к такой панике, что было немедленно решено перевезти Папу Пия VII из Рима в Чивитавеккия. Когда экипаж папы был готов к отъезду, пришло новое сообщение, опровергающее первоначальную тревогу. Излишне осторожное поведение Консальви во время этого кризиса может объясняться предупреждением, которое он получил от Меттерниха двумя месяцами ранее. В нём австрийский канцлер настаивал, чтобы в случае атаки революционеров папа был немедленно эвакуирован[36].

ПИСЬМО IV

Лист (14,3 × 18,7 см), сложен по вертикали. Текст письма расположен на трёх страницах.

Не опубликовано.

Madame la Princess,

Je me flatte que ma très grande estime et mon véritable dévouement, ainsi que mon vif désir de vous en donner des preuves, vous soient assez connus (et je serais au désespoir si je me trompais dans mon espoir) pour que vous deviez être persuadée que je ne ferais pour vous que ce qui m'est vraiment impossible. Il y a eu un si grand nombre de places données, il y a un si grand nombre de promesses à remplir, il y a une si grande quantité de [pétitionnaires] auxquels des motifs de stricte justice obligent à devoir songer, que la volonté la plus efficace du Monde, telle que la mienne lorsqu'il s'agit de faire quelque chose pour vous, ne peut pas parvenir à réaliser ce qu'elle désire. Dans les [conditions] actuelles, je veux mieux dire dans ces moments, il y a impossibilité, et une grande, de donner une place, particulièrement à Rome, à votre protégé Maj[or] Oloué; je pourrais vous parler de vive voix, je vous en écrirais; mais je vous épargne un long décrit sur papier. Soyez pourtant persuadée, Mad[ame] la Princesse, que j'éprouve une peine *infinie* à vous donner une réponse que l'impossibilité seule m'arrache lorsqu'il est question d'une demande de votre part. Mais avec tout ceci ne pensez pas que M. Oloué ne doit plus rien espérer. Laissez à moi le soin de sortir et trouver l'occasion où je puisse vous satisfaire à son égard. Si vous pensez que je pourrais l'oublier, vous pensez donc que je peux oublier ce qui me vient de votre part, et dans ce cas je vous dis que vous ne vous connaissez point, et vous ne me connaissez pas non plus. Mon dévouement à votre incomparable personne vous est garant que je n'oublierai pas M(ajor) Oloué. L'Ambassadeur ne dit pas la moitié de ce que je lui dis à votre égard et ce que je lui dis n'est pas une politesse ni des compliments, mais un véritable sentiment du cœur. C'est moi qui dois vous remercier de vouloir bien agréer le peu ou pour mieux dire le presque rien que je fais pour vous. Je vous prie de faire agréer mes compliments à M. le Prince et d'agréer vous-même les sentiments que vous connaissez à votre très dévoué serviteur.

Le Card[inal] Consalvi
Rome, ce 22 octobre 1821

Княгиня,

Мне льстит, что моё великое уважение и истинная преданность, так же, как моё горячее желание дать этому подтверждение, Вам достаточно известны (и я был бы в отчаянии, если бы ошибся в своей надежде), чтобы Вы были уверены, что я не сделаю для Вас только то, что для меня действительно невыполнимо. Так много мест было роздано, дано так много обещаний, которые надлежит исполнить, есть так много просителей, для которых мотив справедливости — лишь мечта, что самая сильная воля в мире, такая,

как моя, когда речь идёт о том, чтобы сделать для Вас что-нибудь, даже она не может осуществить того, что хотелось бы. В настоящих условиях, или, лучше сказать, в данный момент, дать место, особенно в Риме, Вашему протеже майору Олуэ — не представляется возможным; я мог бы сказать об этом при личной встрече, я мог бы об этом написать; но я избавлю вас от длинного объяснения на бумаге. Поверьте, княгиня, что я испытываю бесконечное огорчение оттого, что вынужден дать Вам такой ответ, и только невыполнимость вашей просьбы заставляет меня это делать[i]. Вместе с тем не думайте, что у майора Олуэ нет никакой надежды. Позвольте мне заняться этим делом, и я найду возможность удовлетворить Вашу просьбу о нём. Если вы думаете, что я мог бы об этом забыть, значит, вы думаете, что я могу забыть о том, что исходит от вас, и в этом случае я вам скажу, что вы совсем не знаете себя, а меня — и того меньше. Моя преданность Вашей необыкновенной личности является гарантией того, что я не забуду о майоре Олуэ[ii]. Посол не сказал (Вам.— *Примеч. переводчика*) и половины того, что я сказал ему о Вас, а то, что я сказал, не было ни просто вежливостью, ни комплиментами, но лишь тем, что чувствовало моё сердце[iii]. Это я должен Вас благодарить за то немногое, за ту малость, что я могу сделать для вас. Прошу Вас передать наилучшие пожелания господину князю[iv] и примите чувства, о которых вы знаете, от вашего преданного слуги.

Кард[инал] Консальви
Рим, 22 октября 1821

[i] Уверения кардинала Консальви в его непоколебимой преданности княгине и его желание быть ей полезным становятся всё более настойчивыми от письма к письму. Утверждение о тяжёлом бремени его ответственности не является преувеличенным: будучи Государственным секретарём, кардинал управлял делами ватиканского государства практически единолично, так как Папа Пий VII, уже очень больной, ему полностью доверял.

[ii] Майор Олуэ (Olloué) — французский эмигрант, который жил в России в течение многих лет и женился там на богатой наследнице, Мартьяновой. По-видимому, княгиня просила кардинала найти какое-нибудь место для майора (католика) в администрации Ватикана, поскольку он был не вполне доволен своим положением в России.

[iii] Консальви имеет в виду австрийского посла, графа А. Р. Апоний (см. примеч.[ii] к письму II). Княгиня Зинаида дружила с его женой Терезой (урождённой Ногарола, 1790–1874). Упоминая о своём разговоре с послом о княгине Волконской, Консальви снова впадает в тон безудержного восхищения и преданности.

[iv] Приветствия «господину князю» означают, что муж Зинаиды был с ней в Риме — редкий случай за несколько лет её путешествий по Европе.

ПИСЬМО V

Четверть листа (12,0 × 18,7 см). Текст[i] письма расположен на лицевой странице и обороте.

Не опубликовано.

Madame la Princesse,

Ne répondez pas à ces lignes qui vous portent dans ces derniers moments de votre présence à Rome mes vœux pour votre heureux voyage et pour votre retour, mais souvenez-vous quelque fois dans votre absence de votre plus dévoué que vous laissez ici, dans l'assurance que rien ne me sera plus à cœur que m'employer pour vous et satisfaire tant que possible les commissions que vous voudrez bien me donner. En vous voyant avec un vif regret éloignée de nous, je ne puis m'en consoler un peu qu'avec l'espoir de vous voir revenir en Novembre. Veuillez bien embrasser pour moi le petit Alexandre, et présentez mes compliments à la Princesse Sophie qui j'espère sera bientôt rétablie par vos services. Je m'en vais faire mon petit voyage solitaire du Dimanche, bien plus court que le vôtre que vous allez entreprendre dans ce jour, mais je n'ai pu monter en voiture sans vous passer mes regrets et mes vœux dans ces derniers instants.

Disposez, je vous [le] répète, de votre plaisir auprès de celui qui vous est dévoué pour la vie.

Ce 22 juin 1823
Le Card[inal] Consalvi

Княгиня,

не отвечайте на эти строки в последние минуты вашего пребывания в Риме, строки, которые несут вам пожелания счастливого путешествия и возвращения, но вспоминайте иногда о самом преданном человеке, которого вы оставляете здесь, и будьте уверены, что нет ничего более высокого для моего сердца, чем служить вам и выполнять, насколько это возможно, все поручения, которые вы захотели бы мне дать. Видя с большим огорчением, что вы удаляетесь от нас, я могу только сожалеть об этом, с некоторой надеждой, что вы вернётесь в ноябре. Обнимите, пожалуйста, за меня маленького Александра и передайте наилучшие пожелания княгине Софье[ii], которая, надеюсь, быстро поправится при вашем участии. В это воскресенье я собираюсь в маленькую поездку, гораздо более короткую, чем та, которую предпринимаете сегодня вы, но я не могу подняться в карету, не пославши вам мои сожаления и мои пожелания в эти последние мгновения.

Располагайте полностью, повторю ещё раз, тем, кто вам предан на всю жизнь.

[без места] [Рим]
22 июня 1823 года,
Кард[инал] Консальви

[i] В тексте письма указана точная дата отъезда княгини Волконской из Рима: 22 июня 1823 года. Как и в предыдущих, так и в последующих письмах кардинал выражает свою преданность княгине и желание помочь ей во всех возможных практических затруднениях.

[ii] «Маленький Александр» — сын Волконской, тогда двенадцатилетний мальчик. «Княгиня Софья» — это золовка Зинаиды, Софья Григорьевна Волконская (подробнее о ней в примечаниях к письму И. И. Козлова). «Болезнь» княгини Софьи была, возможно, только предлогом для отъезда Зинаиды, так как встречавшие Софью в Париже в это время не отмечали каких-либо нарушений в её здоровье[37].

В течение нескольких месяцев в Париже княгиня Зинаида развлекалась так же интенсивно, как в 1816 году, когда она получила мягкий выговор от царя за её выступления на сценах частных театров[38]. Ей не стоило большого труда открыть свой салон в Париже. Мы знаем, что 10 июля 1823 года княгиня пригласила гостей на чтение своего романа, который должен был вскоре выйти. Зинаида естественно вошла в парижскую светскую жизнь. Среди гостей её салона, который привлекал прекрасной музыкой и литературными чтениями, были композитор Россини, знаменитая актриса Мадемуазель Марс (которая восхищалась актёрским дарованием Зинаиды), писатели и государственные деятели, любившие беседовать на литературные и политические темы[39]. Как мы увидим из следующего письма кардинала Консальви, Волконской так понравилось жить в Париже, что она решила остаться там на всю зиму.

ПИСЬМО VI

Лист (18,7 × 24,1 см), сложен по вертикали. Текст письма расположен на всех четырёх страницах.

Не опубликовано.

Madame la Princess,

Je ne m'attendais pas au coup de foudre (tel a été vraiment pour moi votre lettre de Paris), qui annonce la résolution prise de passer l'hiver prochain dans cette ville et de la quitter ensuite en printems pour aller à Vienne et St. Pétersbourg, sans même dire positivement que l'hiver suivant vous reconduira à Rome, mais seulement vous bornant à une expression vague que vous désirez y revenir. Je m'étais flatté que notre climat en hiver l'emportant si gravement sur celui de Paris... Votre santé, ainsi que celle de Madame la Princesse Sophie, vous auroit conseillé de revenir à Rome pour y passer l'hiver, ce qui auroit retardé, et peut-être empêché un éloignement, qu'il auroit fallu ne pas vous avoir connue pour ne pas sentir assez vivement. Je vous avoue, Madame la Princesse, que je le sens dans le fond de mon cœur. L'état de ma santé ne laisse pas de me faire perdre jusqu'à l'espoir de vous revoir (sic). M. Berberi pourra

vous dire combien je suis sensible à cette absence que vous allez faire. Il ne me reste pour tempérer la peine qu'elle me fait que l'assurance de votre part (je vous le demande au nom de cette amitié que vous avez bien voulu m'accorder) d'être desiré comme votre homme d'affaires à Rome *en tout et pour tout* dont vous pourriez avoir besoin dans cette ville, soit pour vous, soit pour tous ceux auxquelles vous pourriez prendre de l'intérêt. En exécutant vos commissions, en m'employant pour vous, je me dédommagerais quelques remédes de votre douleureuse absence. Pensez-vous qu'il y ait ici personne qui l'emporte sur moi dans l'envie de vous servir et dans le zèle de le faire de son mieux? Toutes les commissions que vous m'avez laissées en quittant Rome se trouvent déjà exécutées ou bien près de l'être: toutes celles que vous me donnerez, le seront aussi avec tout l'intérêt que vous me connaissez en tout ce qui me vient de votre part. Donnez-moi donc votre parole que je serai votre agent ici et persuadez-vous bien que loin que vos commissions puissant m'être à charge, chaque fois que vous m'en donnerez, vous me ferez un plaisir qui ira droit à mon cœur. Mlle Comtesse Barberi vous peindra les ruines de notre pauvre S. Paul que vous ne verrez pas de vos yeux. Nous le rétablirons le mieux possible malgré ce qu'il en coûtera à nos pauvres finances. Nous avons caché jusqu'à présent ce grand malheur au Pape vu l'état où il se trouve, mais il faudra bien le lui dire dans peu [de temps]. Il s'approche de sa guérison: il est 30 jours aujourd'hui qu'il gît immobile dans la même position dans son lit, et l'on espère que dans une vingtaine de jours il puisse se lever et s'asseoir, et ensuite [marcher] dans un mois, restant toutesfois boiteux. Veuillez bien faire agréer mes compliments à Mad[ame] la Princesse Sophie et veuillez aussi tendrement embrasser le petit Alexandre. Remerciez encore Mme Barberi du souvenir qu'elle me conserve. Vous ne vous fâcherez pas, je l'espère, si quelquefois je vous déroberai pour quelques moments à vos occupations continuelles en vous demandant vos nouvelles qui seront toujours si chères à mon cœur. Je vous suis trop strictement dévoué pour ne pas m'en procurer, et ce sera pour moi un plaisir infini de voir que vous ne m'avez pas oublié *totalement*. Vous étiez adorée ici et tout le monde vous regrette. Ayez soin de votre santé et ne vous fatiguez vous pas beaucoup trop pour remplir tout ce que votre incomparable cœur embrasse. Mais je m'aperçois que je vous ai entretenue trop long[temps] avec cette lettre: pardonnez-le à mon attachement qui ne saurait être plus grand. Je l'achève en vous répétant que je suis ici pour vous servir *en tout* et que c'est le seul dédom[m]ag[em]ent que je vous demande de votre absence. Je vous baise la main de tout mon cœur, et je vous prie de croire que personne ne vous est plus strictement dévoué [que] moi pour la vie.

Le Card[inal] Consalvi

Княгиня,

я не ожидал такого удара грома, каким явилось для меня ваше письмо из Парижа, известившее о вашем решении провести следующую зиму в этом городе и затем весной отправиться в Вену и Санкт-Петербург, при этом вы не говорите определённо, что следующую зиму вы проведёте в Риме, но ограничиваетесь только неясным пожеланием вернуться. Я тешил себя надеждой, что наш климат зимой гораздо лучше парижского... Ваше здоровье, так же как здоровье княгини Софьи, могло бы подсказать вам, что лучше вернуться в Рим и провести здесь зиму, что могло бы отодвинуть или даже помешать нашему расставанию, о котором лучше было бы не знать, чтобы не переживать его так живо. Признаюсь вам, княгиня, что разлука потрясает меня до глубины души. Состояние моего здоровья таково, что я не могу позволить себе покинуть этот мир, пока у меня есть надежда снова вас увидеть [sic][i]. Месье Барбери может вам сказать, насколько я чувствителен к вашему отсутствию. Мне остаётся умерять эту боль только тем, что она даёт мне уверенность (я прошу вас об этом во имя дружбы, которую вы соизволили принять) в том, что я остаюсь здесь как ваш поверенный в делах, *во всём и для всего*, в чём вы могли бы нуждаться в этом городе, как для себя, так и для тех, в ком вы заинтересованы. Исполняя ваши поручения, занимая себя для вас, я получу некоторое облегчение от вашего печального отсутствия. Вы думаете, здесь есть человек, который превосходит меня в желании служить вам и в усердии делать это наилучшим образом? Все поручения, которые вы оставили мне при отъезде из Рима, уже выполнены или близки к тому; все, которые вы мне ещё дадите, также будут выполнены и с той же заинтересованностью, какая вам хорошо известна. Это касается всего, что исходит от вас. Дайте же мне слово, что я буду вашим агентом здесь, и будьте совершенно уверены, что ваши поручения принесут мне радость и удовольствие, которые будут целительны для моего сердца. Мадемуазель графиня Барбери нарисовала для вас руины нашего бедного Св. Павла, такие, что вы не поверите своим глазам. Мы восстановим его как можно скорее, несмотря на то, что это урежет наши и без того ограниченные финансы[ii]. Мы до сих пор скрывали это несчастье от Папы, видя, в каком состоянии он находится, но всё-таки придётся сказать ему через некоторое время. Он приближается к выздоровлению: сегодня уже тридцать дней, как он провёл в неподвижности, в одном и том же положении, в постели, и можно надеяться, что дней через двадцать он сможет подниматься и сидеть, а затем и ходить через месяц, оставаясь при этом хромым[iii]. Передайте мои наилучшие пожелания княгине Софье и будьте добры также нежно обнять маленького Александра. Поблагодарите ещё раз мадам Барбери за то, что она хранит обо мне память. Вы не рассердитесь, надеюсь, если иногда я буду отрывать вас от ваших постоянных занятий и спрашивать вас о новостях, которые всегда будут так дороги моему сердцу. Я слишком вам предан, чтобы меня за это судить, и для меня будет

бесконечным удовольствием видеть, что вы меня не вполне забыли. Вами здесь восхищались, и все сожалеют о вашем отсутствии. Берегите здоровье и не переутомляйтесь, чтобы выполнить всё, что желало бы ваше несравненное сердце. Но я догадываюсь, что вы потратили слишком много времени на это письмо: извините мою привязанность, которая не может быть слишком большой. Я заканчиваю и повторяю снова, что я здесь, чтобы служить вам во всём и что это единственное возмещение от ущерба, которое приносит ваше отсутствие. Целую вашу руку от всего сердца и прошу вас верить, что никто не был вам предан так, как я, на всю жизнь.

[без места и даты]
[4 августа 1823][iv]
Кард[инал] Консальви

[i] Решение Волконской ехать в Россию прямо из Парижа также не входило в её планы. Она откладывала возвращение домой, насколько это было возможно, но в этот раз настояние царя положить конец десятилетию её европейских блужданий превратилось в безоговорочный приказ. Реакция Консальви на решение Зинаиды, поразившее его как удар грома, была неудивительной, учитывая его продолжительную привязанность к ней. Даже мягкость римской зимы стала аргументом в пользу возвращения её в Рим. Письмо Консальви тем более трогательно, что сам он был в это время уже очень болен. Если раньше мы упоминали о его тактике привлечения богатых и влиятельных иностранцев, то данное письмо неопровержимо свидетельствует об искренности его отношения к Волконской. Предложение устраивать дела Зинаиды в Риме, где она прожила почти три года, побудило Консальви начать длинное и эмоциональное рассуждение. Даже с поправкой на эпистолярный стиль того времени, нельзя не заметить необычно эмоционального тона письма, написанного кардиналом в самый тяжёлый период его жизни.

[ii] «Бедный Св. Павел» — это базилика Святого Павла, грандиозное сооружение с мраморными колоннами, бронзовыми воротами, созданными греческими мастерами во времена Папы Григория VII (XI век), и драгоценной мозаикой, датируемой IX веком. В пожаре 15 июля 1823 года собор почти полностью выгорел. Кардинала Консальви это несчастье потрясло. Через две недели после пожара он объявил о решении восстановить базилику. Этот собор был особенно дорог кардиналу, так как Папа Пий VII провёл здесь много лет, ещё будучи бенедиктинским монахом.

[iii] Другим печальным событием в жизни кардинала была болезнь папы, который упал в своём кабинете и сломал ногу 6 июля 1823 года, после чего оставался практически неподвижным до своей смерти 20 августа 1823 года.

[iv] В отличие от предыдущих пяти писем, это письмо осталось не датированным. Однако его текст позволяет установить дату написания: кардинал пишет, что папа остаётся неподвижным точно тридцать дней. Таким образом, письмо было написано во вторник, 4 августа 1823 года.

ПИСЬМО VII

Лист (21,7 × 27,8 см). Текст письма расположен на лицевой и оборотной сторонах. *Не опубликовано.*

Madame la Princesse,

J'ai reçu presque contemporainement les deux lettres du 6 Août et du 6 Septembre, que vous m'avez ecrites, car M. de St. Priest ne m'a remis la première qu'à ma sortie du Conclave, c'est à dire à la fin de Septembre, et c'est à peu près à la même époque que j'ai pu recevoir la seconde avec les sentiments si propres à votre incomparable cœur. Vous m'avez écrit sur la mort du Pape Pie VII. J'ai pu faire bien peu relativement à M. de St. Priest, ayant quitté Rome 8 jours après ma sortie du Conclave pour chercher (mais je crains en vain) dans l'air de cette campagne ce remède efficace à ma maladie que je n'ai pas trouvé dans tant de remède qu'on m'a fait prendre pendant 18 mois. Je n'ai pu qu'offrir à M. de St. Priest mes maisons d'Albano et de Frascati où il avait l'intention de passer quelques jours avec Mad[ame] la Duchesse de Devonshire. A mon retour à Rome après la Toussaints je tâcherai de lui montrer le mieux que je le pourrai le prix que je mets à votre recommandation à son égard. Quant à votre seconde lettre, relative à la mort du Pape, vos regrets d'une personne que j'adorais et à laquelle j'étais si pietement attaché par le long service de 23 ans, et par tant de bienfaits, et vos expressions sur mon compte si pleines de bonté et d'amitié, si flatteuses, et s'il m'est permis de me servir de cette phrase, si affectueuses, m'ont fait verser bien des larmes. J'y ai reconnu votre cœur et toute la noblesse et l'excellence de votre beau caractère. Croyez à la reconnaissance profonde et tendre que je vous en professe et soyez persuadée qu'elles ont pénétré jusqu'au fond de mon âme. Je vous prie de faire agréer tous mes remerciments à Madame la Princesse Sophie pour l'intérêt qu'elle aussi a bien voulu prendre à moi dans cette occasion et présentez lui mes plus empressés hommages. En lisant dans votre lettre l'expression que votre souvenir ne me quitte pas, j'ai été infiniment flatté qu'une personne si estimable, si aimable, que vous êtes, m'assure de me compter toujours au nombre de ses plus fidèles et plus dévoués serviteurs et amis. Oui, je le suis, et je le serai à jamais: disposez de moi comme d'une chose qui est entièrement à vous. En lisant aussi que vous reviendrez à Rome, je vous prie de croire, que si je suis en vie, vous me retrouverez le même que vous m'avez trouvé la prèmiere fois. Ma personne et tout le peu que j'ai, seront à votre disposition. Veuillez bien remercier Mad[ame] Berberi et M. Berberi (dont cependant je n'ai pas reçu la lettre que vous m'annonciez) de l'intérêt qu'ils me conservent. Quant à ma santé, je n'ai pas lieu d'en être content dutout. Les simptômes de mon mal, qu'on ignore toujours, sont toujours les mêmes souffrances. Le repos n'y a fait aucun bien. Vous savez sans doute que je ne suis plus dans les affaires. Je crois que le mal a pris trop racine pour en guérir. Mais ce sera ce que Dieu voudra. Recevez, Madame la

Princesse, l'assurance de tous les sentiments de gratitude, de dévouement, d'amitié et de confidence les plus distingués que je vous ai voués pour la vie.

Votre plus obéissant et plus attaché ami et serv[iteur].

Le Card[inal] Consalvi
Montopoli en Sabine, le 10 Octobre 1823

Donnez-moi ou faites moi donner quelque fois vos nouvelles que me sont si chères.

Княгиня,

Я получил от вас два письма — от 6 августа и от 6 сентября — почти одновременно, потому что месье де Ст. Прист встретил меня впервые только после завершения Конклава, то есть в конце сентября. Во втором из них я нашёл выражение чувств, так свойственных вашему несравненному сердцу. Вы откликнулись на смерть Папы Пия VII[i]. Для месье де Ст. Приста я смог сделать относительно немного, так как покинул Рим через 8 дней после выхода из Конклава, чтобы искать (но боюсь, что тщетно) на свежем воздухе эффективное средство от моей болезни, которой не помогло предыдущее лекарство, принимавшееся мною в течение 18 месяцев[ii]. Я могу только предложить месье де Ст. Присту свои дома в Альбано и Фраскати, где он имел намерение провести несколько дней с мадам герцогиней Девонширской[iii]. Когда я вернусь в Рим после Дня Всех Святых, я постараюсь показать ему лучшее, что смогу, по цене, которая соответствует вашим рекомендациям на его счёт[iv]. Что касается вашего второго письма, относительно смерти Папы, то ваши сожаления о человеке, которого я так любил, к которому был так сильно привязан в течение долгих 23 лет службы, от которого видел столько благодеяний, и ваши высказывания на мой счёт, полные доброты и дружбы, столь лестные и, если можно так сказать, столь нежные, всё это вызвало у меня слёзы. Я снова узнаю ваше сердце и всё благородство и совершенство вашей прекрасной натуры. Поверьте в глубокую и нежную признательность, которую я к вам чувствую, и знайте, что ваши слова глубоко проникли в мою душу. Прошу вас передать мою благодарность и моё самое глубокое почтение княгине Софье за её сочувствие в моём горе. Читая в вашем письме, что я не исчез из вашей памяти, что вы, которую все так ценят и любят, включаете меня в число своих самых верных и преданных слуг и друзей, я был бесконечно польщён. Да, я именно ваш слуга, и останусь им навсегда: располагайте мной как вещью, которая полностью вам принадлежит[v]. Читая в вашем письме далее, что вы вернётесь в Рим, я прошу вас верить, что если только я буду жив, вы найдёте меня таким же, каким встретили в первый раз. Весь я и то немногое, что я собой представляю, будут по-прежнему в вашем распоряжении. Благоволите поблагодарить мадам и месье Бербери (однако я не получил письма, о котором вы мне сообщаете) за интерес, который они ко мне сохраняют[vi]. Что касается

моего здоровья, то у меня есть все основания быть им совершенно недовольным. Симптомы моей болезни, которыми всегда пренебрегали, остаются такими же мучительными. Никто не может дать мне вразумительного ответа. Вы, конечно, уже знаете, что я больше не у дел[vii]. Полагаю, что болезнь пустила слишком глубокие корни, чтобы можно было её победить. Но всё в воле Божьей. Примите, княгиня, уверения в моих чувствах благодарности, преданности, дружбы и признательности, с которыми я к вам относился всегда.

Ваш самый послушный и привязанный к вам друг и слуга

Кард[инал] Консальви
Монтополи в Сабине,
10 Октября 1823

Давайте мне знать или разрешите передавать мне иногда ваши новости, которые так дороги для меня.

[i] Смерть Пия VII явилась тяжёлой потерей для кардинала Консальви, который был искренне привязан к папе. В течение последних трёх дней кардинал находился у постели умирающего круглые сутки. Будучи сам больным, он дважды терял сознание в течение последней ночи этого бдения[40]. 1 сентября 1823 года имела место заупокойная служба по усопшему папе в соборе Св. Петра. На следующий день открылся конклав, который продолжался до 28 сентября.

[ii] Выборы новым папой кардинала делла Дженга привели Консальви, и без того больного и измученного, в состояние глубокой депрессии: к власти пришёл политик, явно реакционный как во внутренних делах, так и в отношениях с европейскими странами. После интронизации Папы Льва XII (5 октября) кардинал Консальви уехал из Рима в свою загородную резиденцию в Монтополи ди Сабина[41].

[iii] Герцогиня Девонширская, урождённая леди Элизабет Фостер (1759–1824) — вторая жена герцога Уильяма Девонширского (1748–1811). Исключительно красивая и интеллигентная, сохранившая красоту и в зрелые годы, она жила в Италии в течение многих лет и стала частью римской культурной и светской жизни. Её долгая дружба с кардиналом Консальви удивляла многих, особенно потому, что она была протестанткой. Многие современники критиковали Консальви, но герцогиня всегда его поддерживала и восхищалась им. В одном из своих писем лорду Байрону она написала, что «Консальви осуществляет новую политику, основанную на правде и открытости. Вся Европа уважает его за это»[42].

[iv] Месье де Сент-Прист — (см. примеч.[v] к письму II). Помимо поместий в Альбано и Фраскати, Консальви имел также резиденции в Порто д'Анцио, Тиволи и Гротта Феррата.

[v] Повторяющиеся во всех письмах Консальви уверения в преданности Зинаиде в этом, последнем письме достигли предельного выражения.

[vi] «Месье и Мадам Бербери» — это не граф и графиня Барбери. Возможно, это родственники бывшего секретаря Волконской Барбиери.

[vii] Здоровье шестидесятисемилетнего Консальви было в плохом состоянии. Вскоре после написания письма Волконской он, по совету своего врача провести некоторое время на побережье, переехал в Порто д'Анцио, где оставался до 23 декабря. Теперь кардинал был забыт большинством людей, искавших когда-то его внимания. Только кардинал Феш, да несколько друзей из римского общества оставались верны бывшему Государственному секретарю. Затем последовало неожиданное изменение: 14 января 1824 года Папа Лев XII назначил Консальви префектом (министром) департамента пропаганды веры (Propaganda Fide). К этому моменту кардинал был так слаб, что на последнюю встречу с папой его несли на носилках. Десять дней спустя, 24 января 1824 года, кардинал Консальви скончался.

Седьмое письмо кардинала княгине Волконской стало последним. Он завещал большую сумму на благотворительность, а также оставил некоторые памятные вещи герцогине Девонширской, графине Альбани (Олбани) и нескольким другим дамам из высшего общества. Однако никаких следов прощального подарка Зинаиде Волконской найдено не было[43].

Все письма кардинала Консальви княгине Волконской свидетельствуют об их духовной близости и нежной дружбе, может быть, последней в его жизни. Эти отношения, несомненно, повлияли на дальнейшую жизнь княгини Зинаиды и на её решение обратиться в католическую веру.

***

Несколько замечаний о французском языке кардинала Консальви.

Придерживаясь принципа оставлять тексты писем неотредактированными, мы публикуем письма кардинала Консальви без исправления его французского, который не был для него родным языком. Оставляя в стороне некоторые обычные грамматические ошибки, заметим, что письменная речь кардинала испытывала иногда влияние итальянского словаря и синтаксиса. Вот несколько примеров таких отклонений.

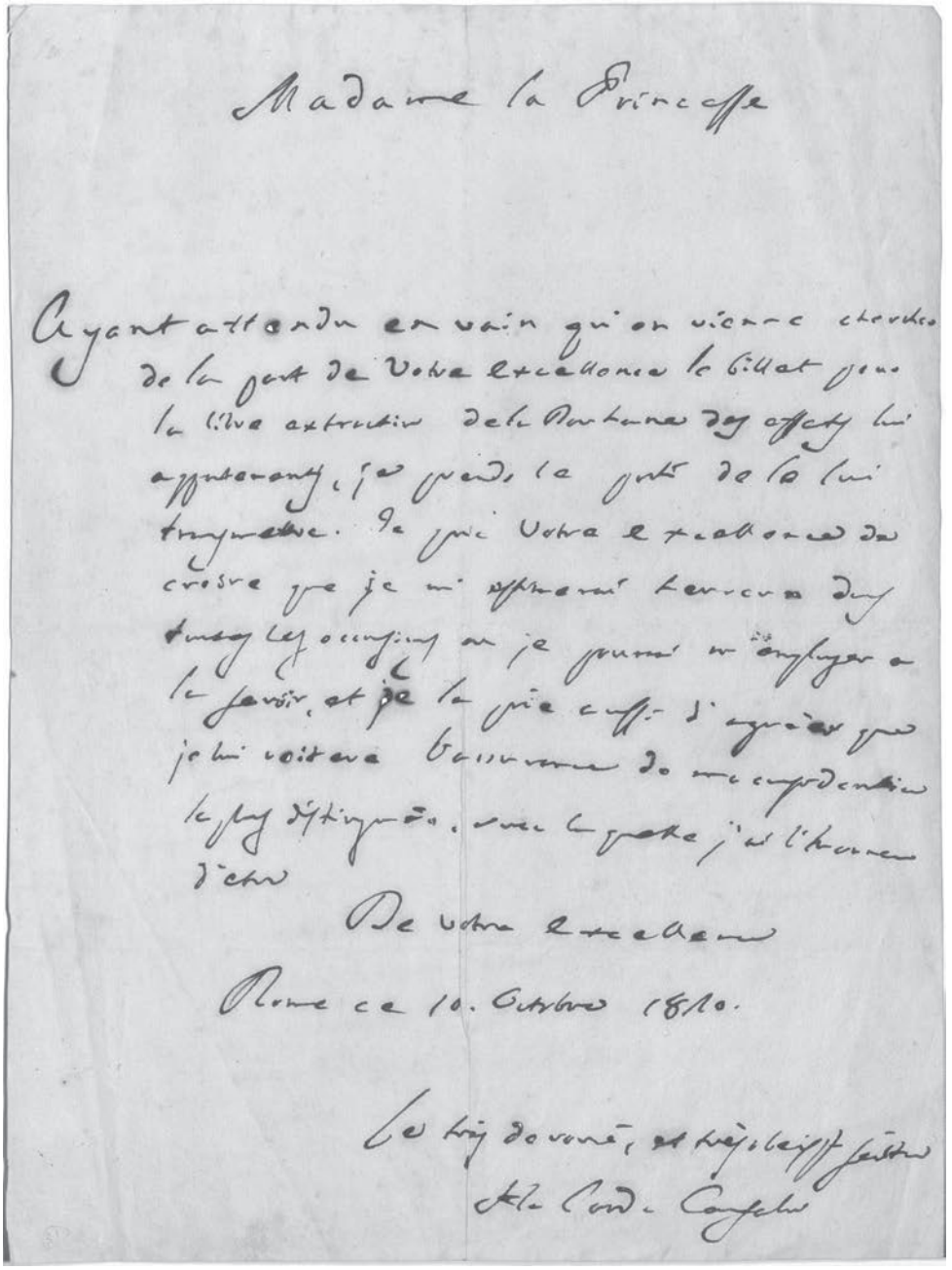
Вместо «trouver <...> une heure» он пишет retrouver, по аналогии с итальянским ritrovare; вместо symptôms — sinptôms (итальянское sintom); наречие pieusement заменено на pietement (от итальянского pieta); множественное число во французском слове Toussaint — может быть объяснено множественным числом итальянского l'Ognissanti; объясняя преимущества итальянского климата, Консальви пишет: «emportant... gravement» (итальянское gravemento); вместо «designé comme votre home d'affaire» он использует «desiré» (по аналогии с итальянским desiderare).

Часто он путает условное наклонение, будущее и настоящее времена, что в некоторых случаях также может объясняться влиянием итальянского. Отсутствие согласования в падеже, роде и числе встречается так часто, что мы даже не будем пытаться перечислять это здесь. Консальви часто конструирует сложные и тяжёлые предложения, которые не только нарушают

французский синтаксис, но и затрудняют понимание. Это особенно заметно в двух последних письмах, когда он был подавлен и серьёзно болен.

Всё ещё не установившиеся тогда правила реформируемой французской грамматики объясняют присутствие уже вышедших из употребления форм, таких, как «tems, printems, sentimens» и т. д., непоследовательное употребление прошедшего времени («paroit, auroit» и т. д.), а также встречающийся время от времени пропуск второй интервокальной согласной («verez, serons»), буквы «t» (le sentimens) и гласной «e» (remersiments) и т. д.

* Четвёртую страницу письма № VI кардинала Консальви воспроизвести невозможно из-за низкого качества изображения. (Примеч. — *А.М.*)



Madame la Princesse

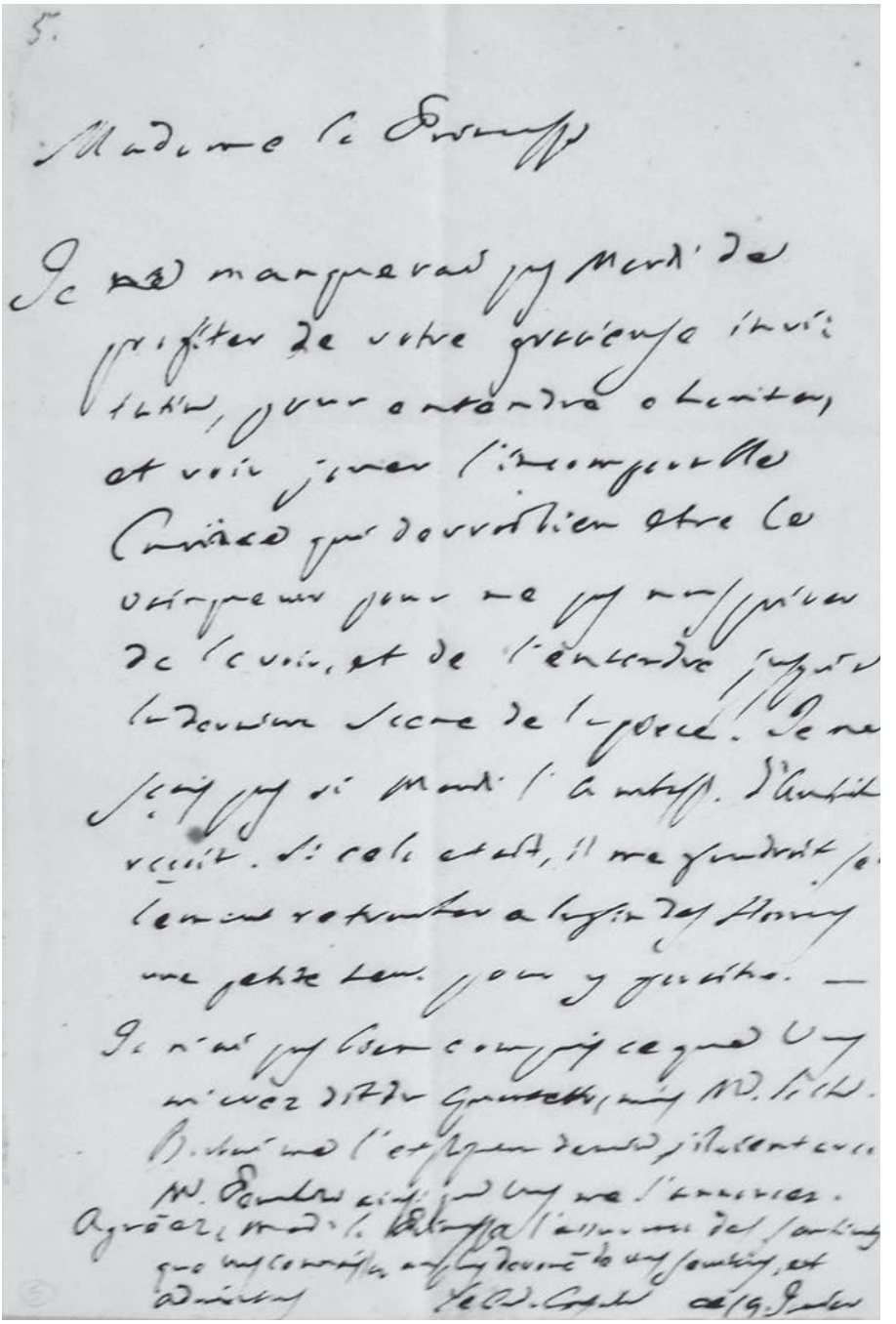
Ayant attendu en vain qu'on vienne chercher de la part de Votre Excellence le billet pour la livre extraordinaire des Portraits des affects lui appartenant, je prends la part de le lui transmettre. Je prie Votre Excellence de croire que je m'efforcerai toujours les occasions où je pourrai m'employer à le servir, et je la prie aussi d'agréer que je lui réitère l'assurance de ma considération la plus distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être

De Votre Excellence

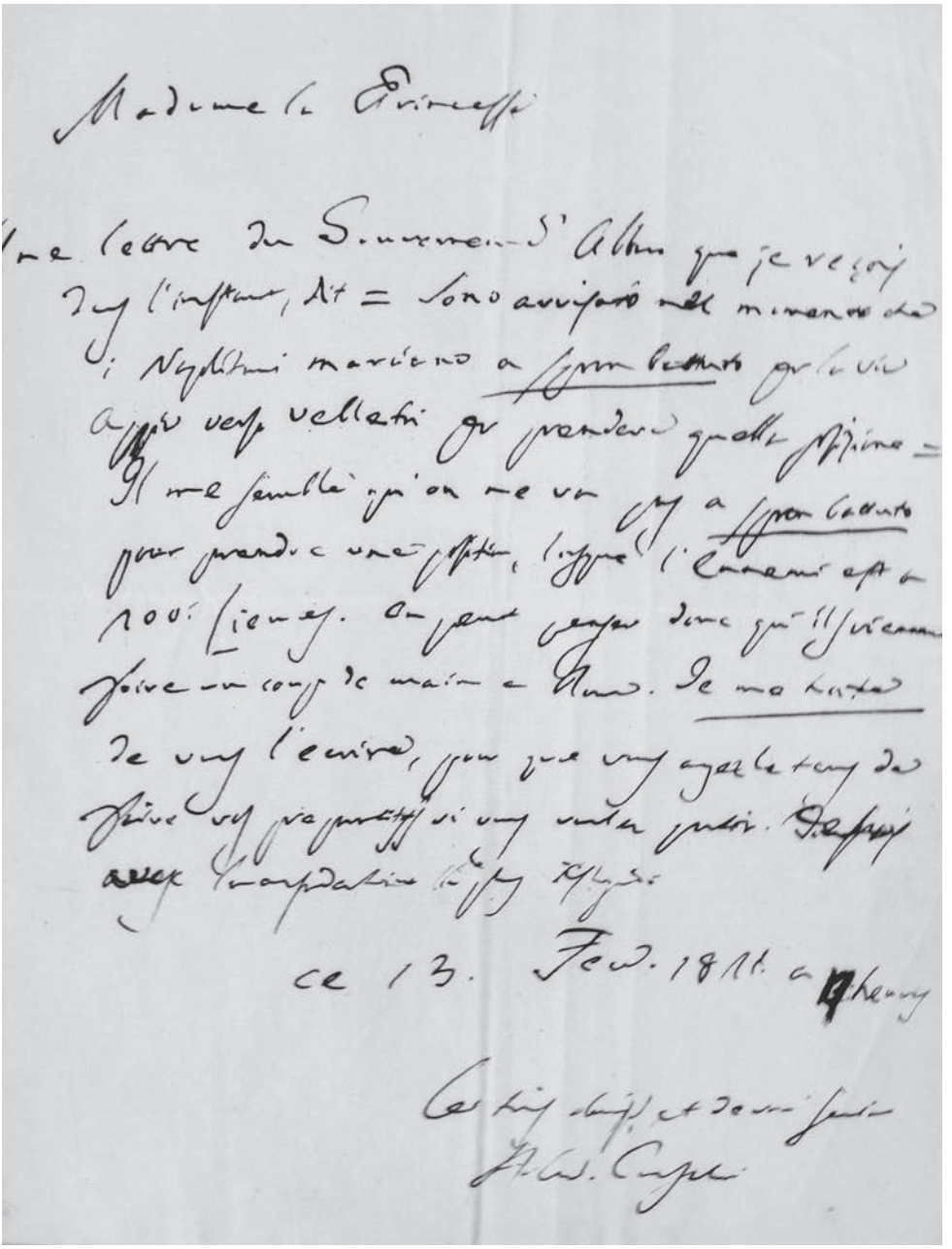
Rome ce 10. Octobre 1820.

Le très dévoué, et très obéissant serviteur
Ale Cond. Consalvi

Письмо I. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской. Рим, 10 октября 1820 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46.11(31)



Письмо II. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 19 января 1821 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(5)



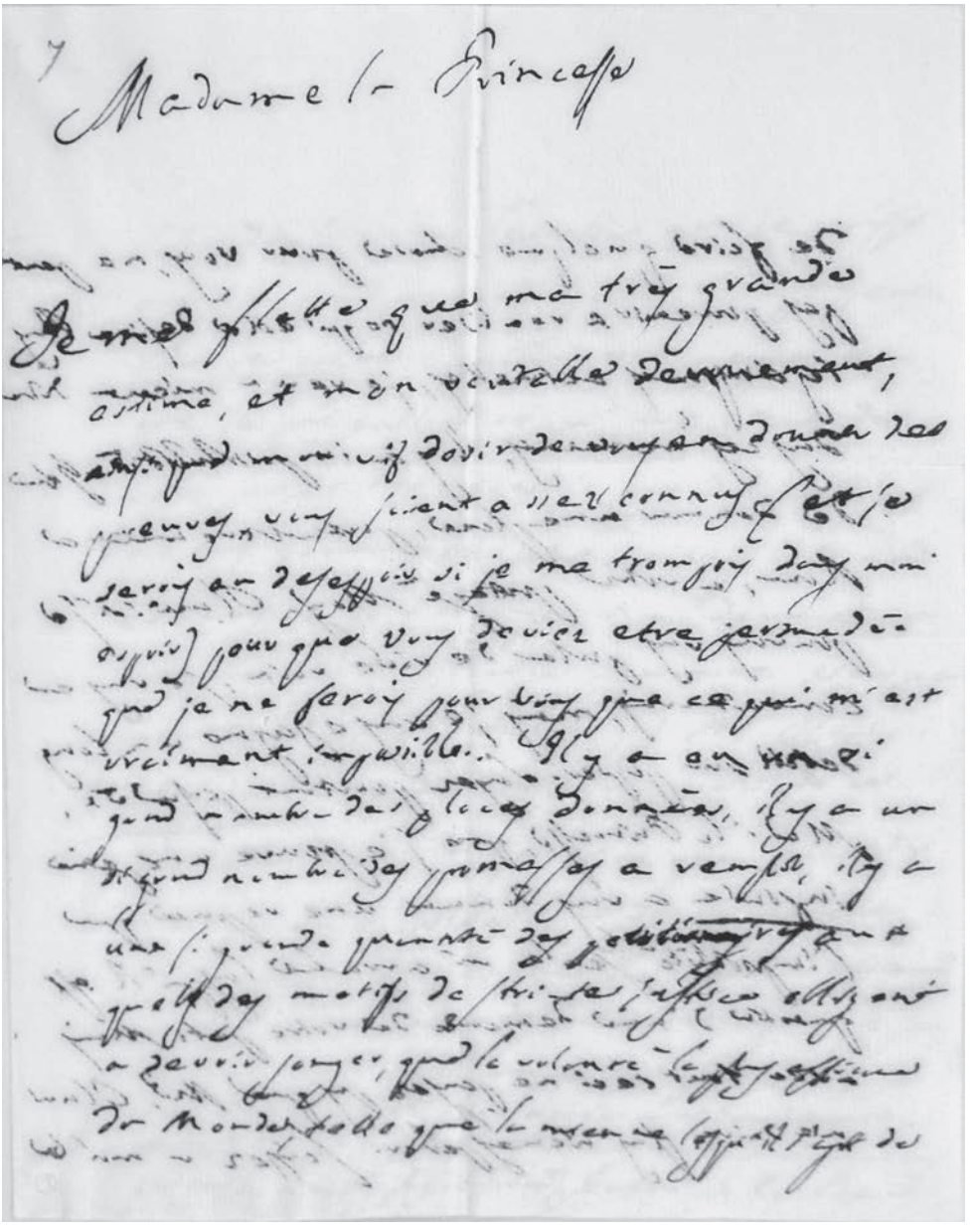
Madame la Princesse

La lettre du Souverain d'Alton que je reçois
m'y l'instant, dit = Sono arrivato nel momento che
i Napolitani marciano a San Germano per le vie
Appia verso Velletri per prendere quella posizione =
Il me semble qu'on ne va pas à San Germano
pour prendre une position, puisque l'ennemi est à
100 lieues. On peut penser donc qu'il voudra
donner un coup de main à Rome. Je me hâte
de vous l'écrire, pour que vous ayez le temps de
faire vos préparatifs si vous voulez partir. Disposez
avec confiance de votre serviteur

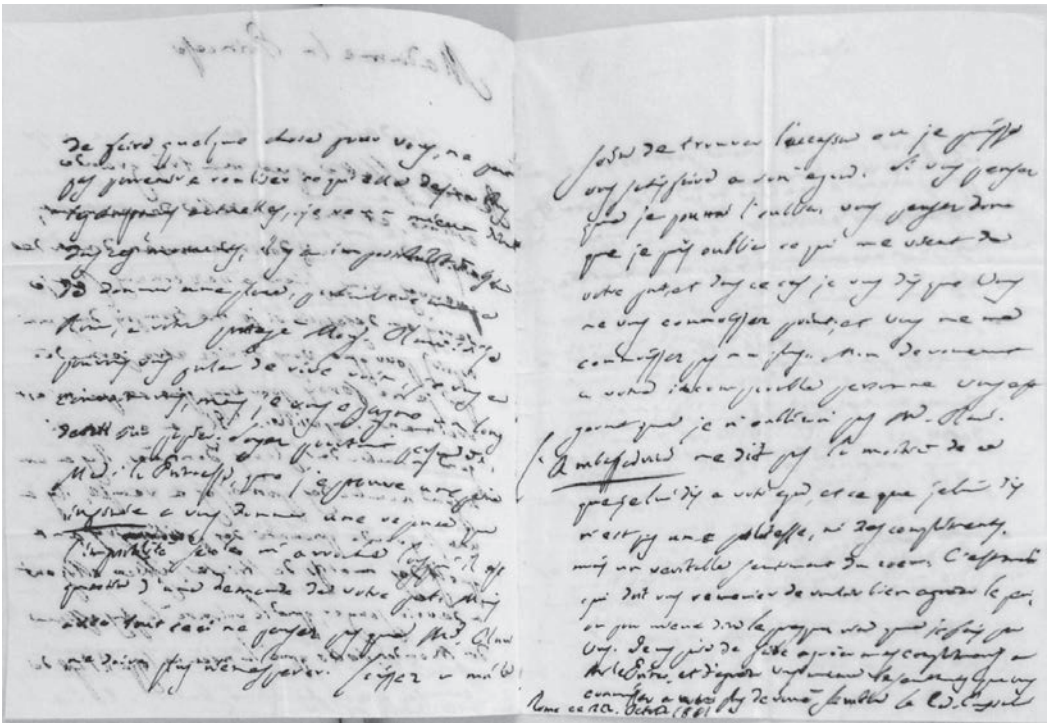
ce 13. Fev. 1821. à 4 heures

Ce 13 dès et demi soir
Ch. Consalvi

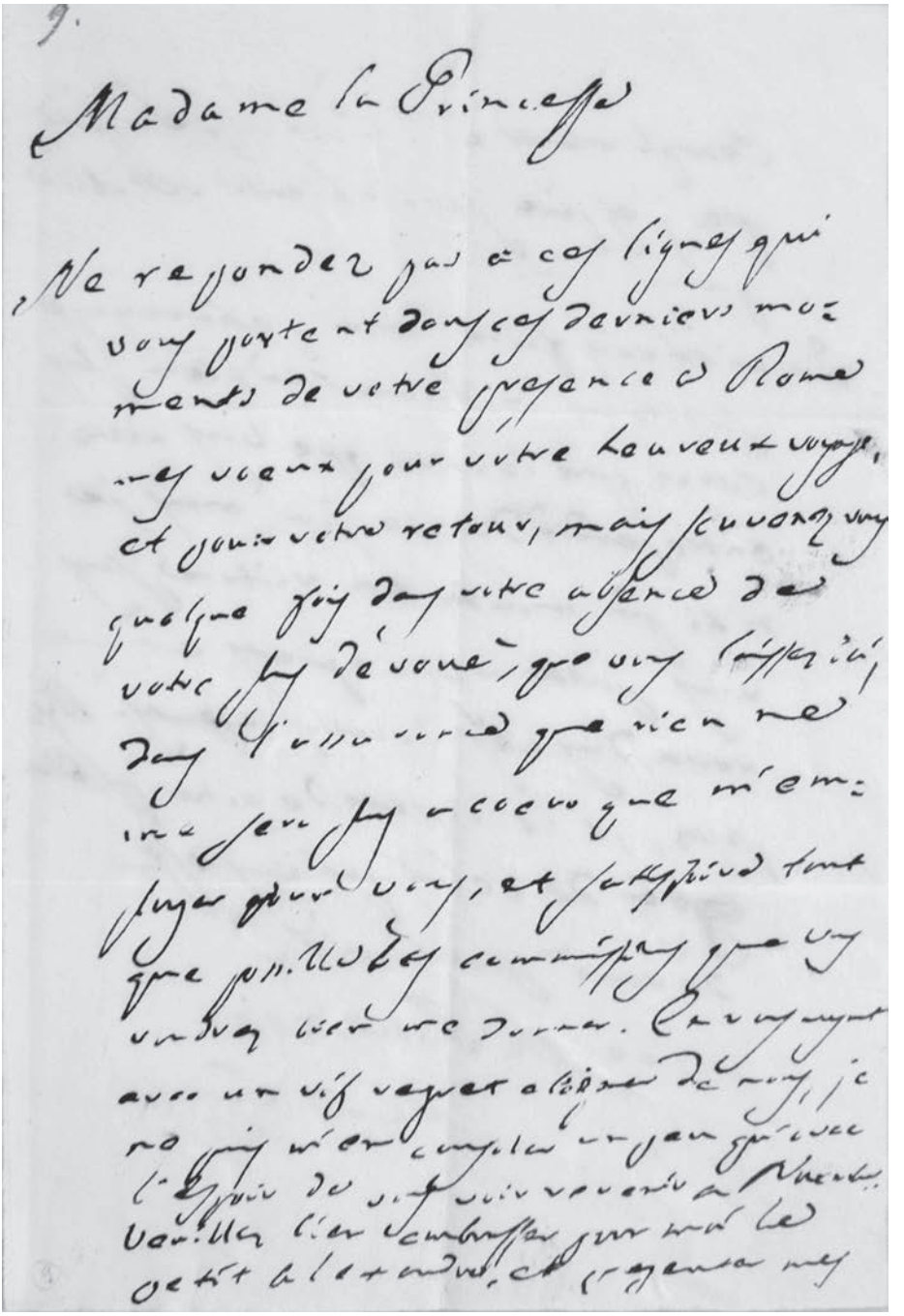
Письмо III. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 13 февраля 1821 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(4)



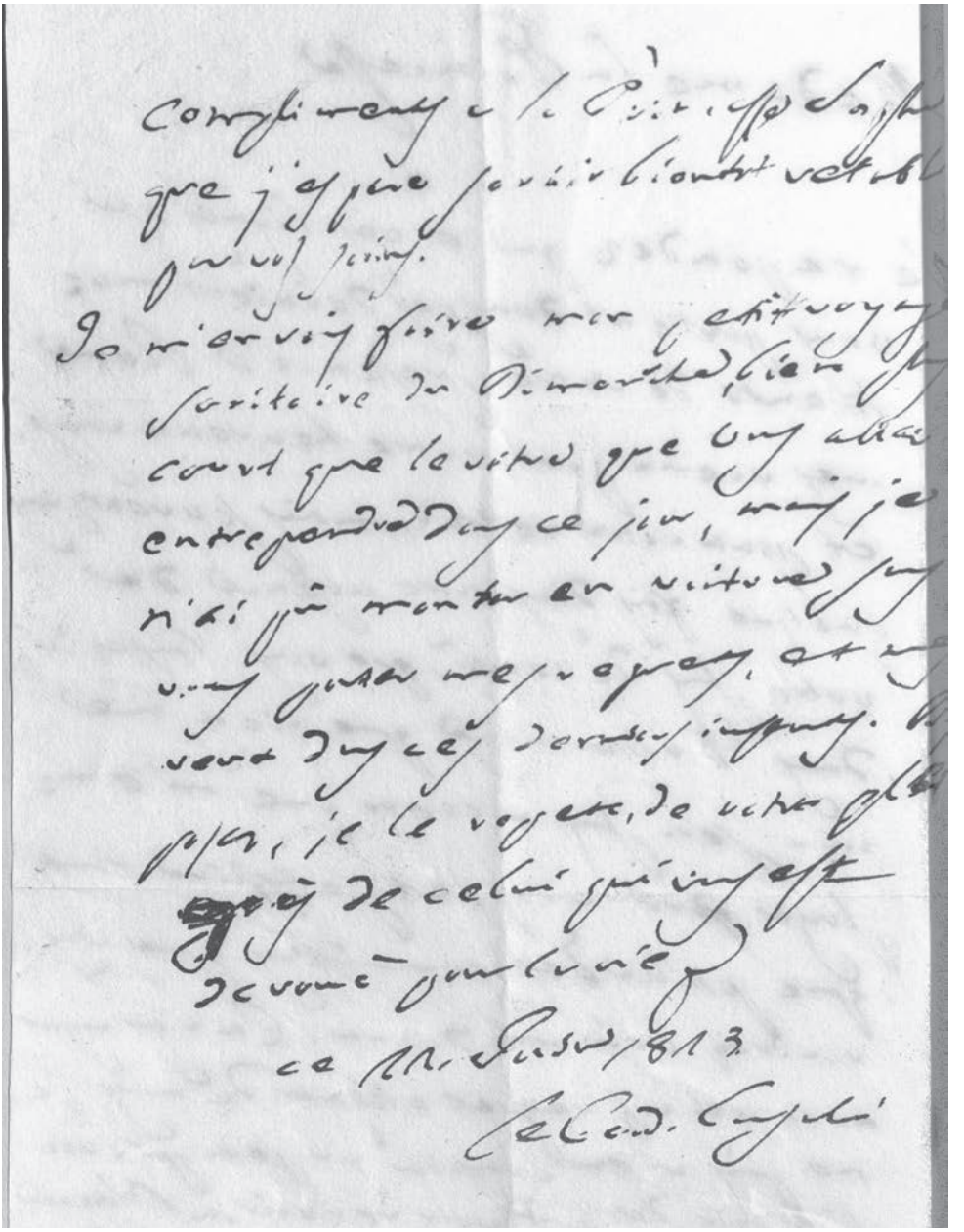
Письмо IV. С. 1. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской. Рим, 22 октября 1821 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(7)



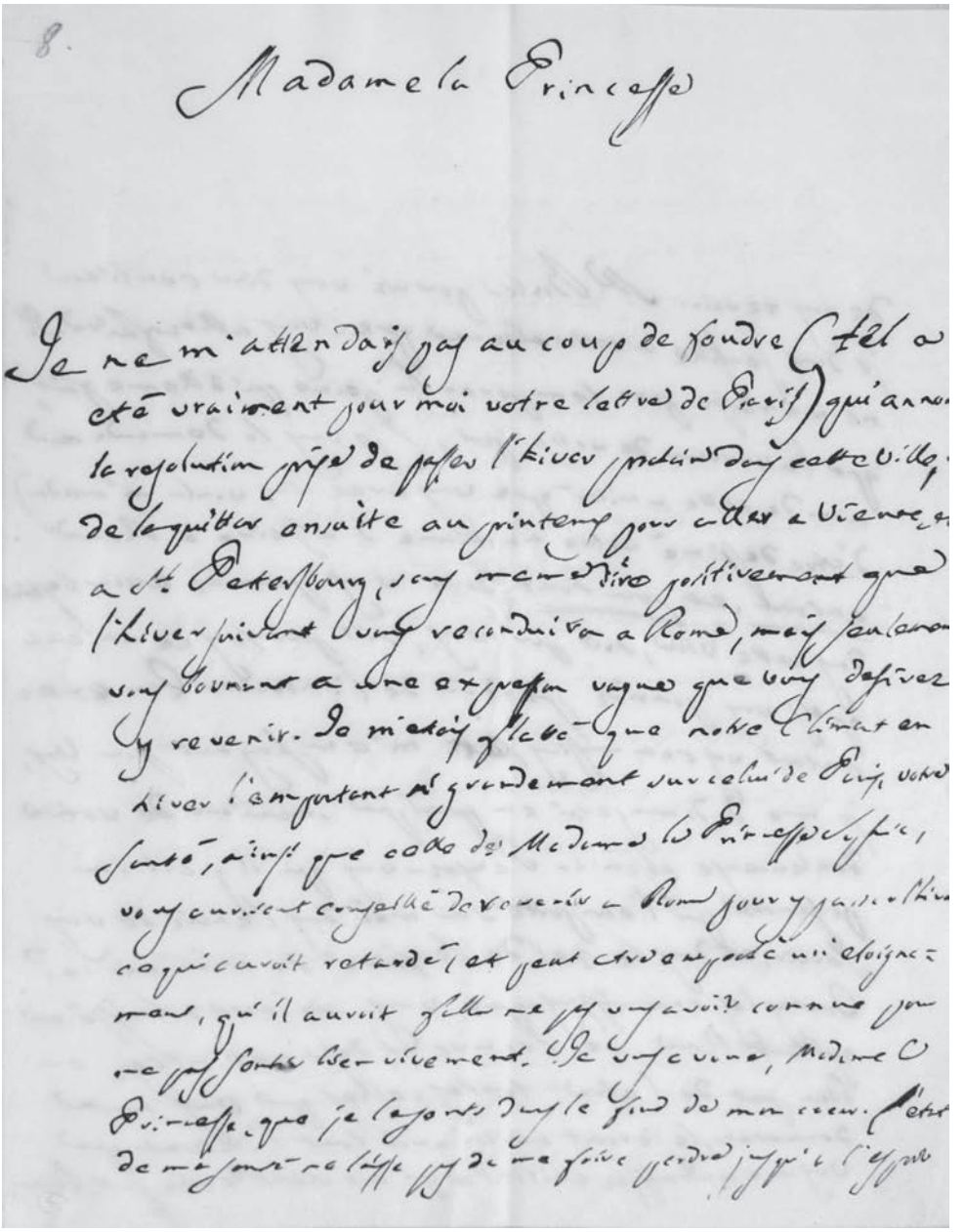
Письмо IV. С. 2–3. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской. Рим, 22 октября 1821 г.



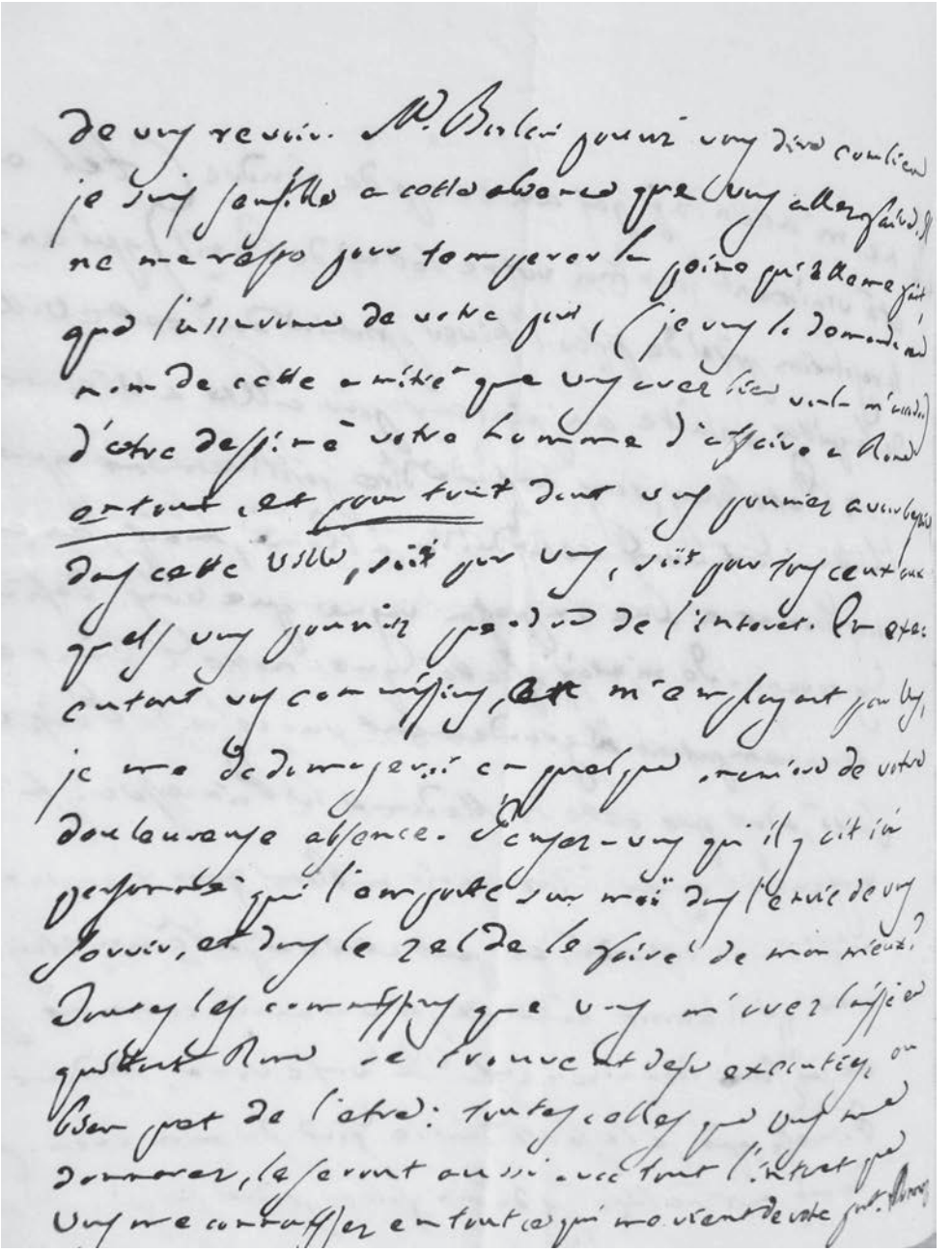
Письмо V. С. 1. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 22 июня 1823 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(9)



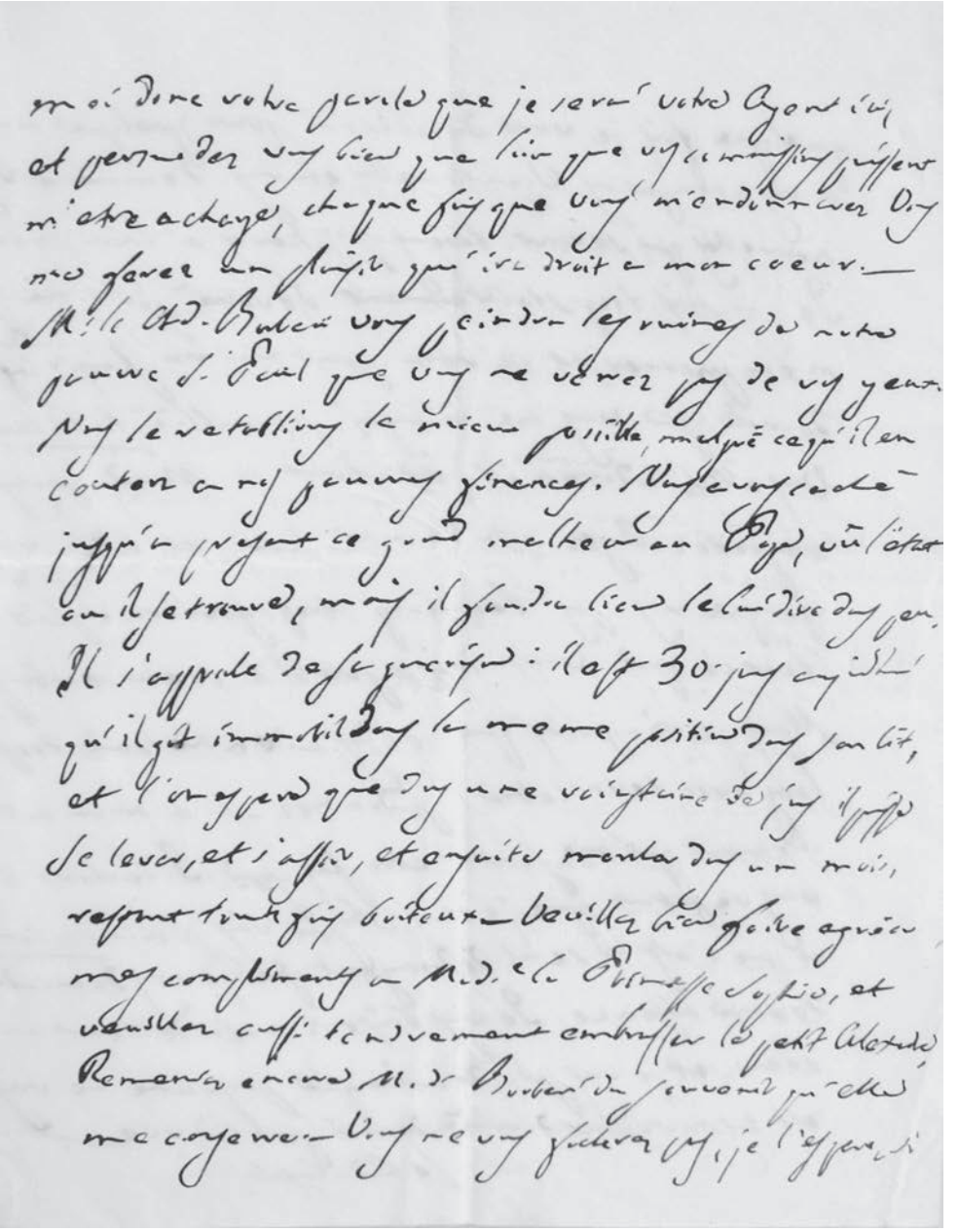
Письмо V. C. 2. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 22 июня 1823 г.



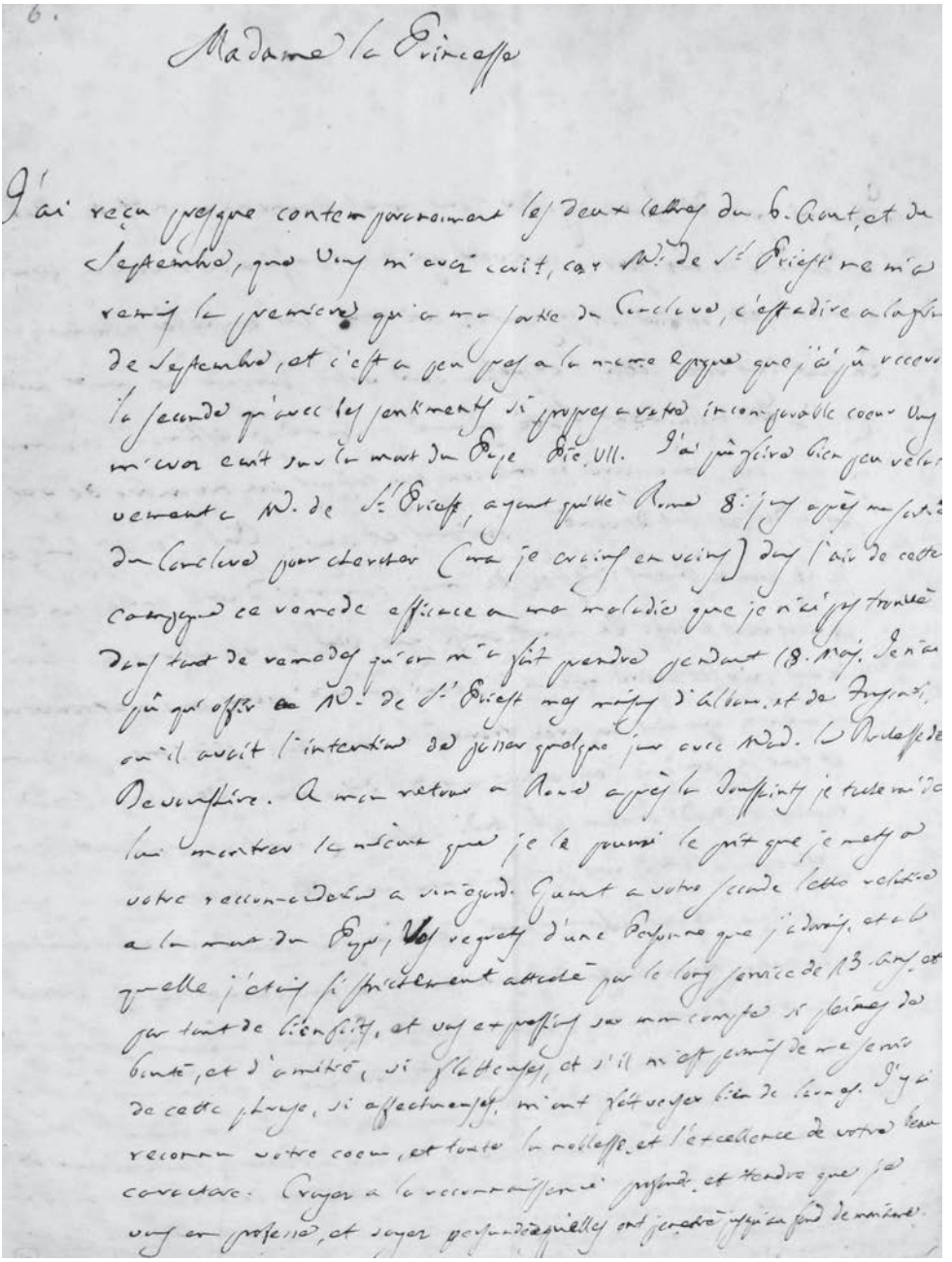
Письмо VI. С. 1. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 4 августа 1823 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(8)



Письмо VI. С. 2. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 4 августа 1823 г.



Письмо VI. С. 3. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской, 4 августа 1823 г.



Письмо VII. С. 1. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской. Монтополи, 10 октября 1823 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46(6)

Письмо VII. С. 2. Кардинал Э. Консальви кн. З. Волконской. Монтополи, 10 октября 1823 г.

III. ПИСЬМА А. Н. ВОЛКОНСКОМУ И А. П. ГОЛИЦЫНУ

Что заставило нас обратиться к письмам из архива Зинаиды Волконской, адресованным её сыну, Александру Никитичу Волконскому? Во-первых, он не только постоянно демонстрировал толерантность к новому вероисповеданию матери, но и поддерживал морально и материально все её проекты в области христианской благотворительности. Неудивительно поэтому, что и после кончины княгини некоторые её корреспонденты продолжали общаться с сыном. В архиве княгини Зинаиды мы находим письма известного религиозного философа Лакордера, литератора и военного Ксавье де Местра (брата Жозефа де Местра), миссионера Жербе, адресованные в разное время и матери, и сыну. Среди корреспондентов А. Н. Волконского есть письма и от дипломатов, и от глав государств и королей, и от политиков (Меттерних), и от литераторов. Во-вторых, личность А. Н. Волконского сама по себе была очень привлекательной. По свидетельству генерала В. В. Ильина, «доброта сердечная, ум и ласковое обхождение со всеми, кто только имел до него дело, заставляли всех, от короля до последнего человека, любить и уважать его»[1]. Через три года после смерти матери (в 1862 году) князь Волконский опубликовал на французском два тома: первый том содержал литературные произведения княгини Зинаиды, а во втором были проза и поэзия, посвящённые ей.

Из корреспонденции А. Н. Волконского мы выделили двух авторов: князя Вяземского, уже известного по предыдущим письмам, и сложную, противоречивую фигуру Якова Николаевича Толстого (1791–1867). Письмо П. А. Вяземского датировано 1859 годом, письма Я. Н. Толстого написаны в 1858, 1863 и 1865 годах. Все они относятся к периоду, когда князь А. Н. Волконский достиг пика своей дипломатической карьеры: после затянувшейся стадии незначительных должностей в 1858 году он стал российским послом в Дрездене (Саксония). Четыре года спустя он получил назначение послом в Испанию, в то время, когда эта страна играла важную роль в европейских делах.

Другая, небольшая, группа писем, неожиданно найденная в архиве Волконской, была адресована князю Августину Петровичу Голицыну (1823–1875). Активный пропагандист католицизма, он жил в Париже и издавал престижный католический журнал «Correspondant». Голицын занимался литературной деятельностью и популяризировал новую русскую литературу на Западе: перевёл «Историю пугачёвского бунта»

А. С. Пушкина, «Князя Серебряного» А. К. Толстого. Одно из писем в архиве Волконской написано И. С. Тургеневым, чей роман «Дым» также перевёл Голицын. Но Тургенев был настолько недоволен результатом, что решил сам работать над новым переводом.

Дальнее родство Голицына с Волконскими, его католические связи, его частые пребывания в Риме, где у него было много родственников, — всё это может объяснить, почему несколько писем, адресованных ему и его жене Ангелине (Angéle) Голицыной, оказались в римском архиве Зинаиды Волконской.

Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому

2/14 августа 1858 года князь Вяземский и его жена Вера Фёдоровна отправились из Петербурга в новое заграничное турне. Прошло двадцать четыре года с тех пор, как они в первый раз посетили Германию и Италию (см.: Два письма П. А. Вяземского. С. 87). С тех пор они потеряли дочерей Прасковью, Надежду и Марию, которые были с ними во время первого путешествия. Князь продолжал писать поэзию и критические статьи, но количество его произведений уменьшилось, а качество ухудшилось, как признавал он сам[2]. В 1855 году Вяземский получил пост товарища министра народного просвещения, и официальные обязанности отнимали у него много времени. Однако за четыре месяца до отъезда за границу князь ушёл в отставку и теперь, свободный от служебных дел, он отправился в долгий путь, на этот раз без каких-либо определённых планов.

Первые три месяца Вяземские посвятили посещению знакомых мест и встречам с друзьями прежних лет. Прежде чем обосноваться надолго на юге Франции, они проехали через Карлсбад, Дрезден, Штутгарт, Баден-Баден, Лозанну и Женеву. 21 ноября/3декабря 1858 года, после короткой остановки в Лионе и Марселе, они прибыли в Ниццу. Это курортное место, не имеющее сезонных ограничений, привлекало не меньше, чем большие города, и стало центром пребывания русских, путешествующих по южной Европе. Уже через день после прибытия Вяземский отметил в своей записной книжке имена русских, живущих в Ницце. Среди близких друзей были «Волконские-Сибирские», как он называл семью декабриста, князя С. Волконского, который недавно вернулся из сибирской ссылки, граф Н. Кочубей, графиня М. Олсуфьева, князь С. Голицын и поэт А. Майков. В то время Ницца была также резиденцией великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, вдовы и дочери вел. кн. Михаила Павловича, брата императора Николая I. Если в двадцатые годы и позже, в то время, когда он писал первые два письма Зинаиде Волконской, П. Вяземский имел натянутые отношения с царём, то теперь он был в дружеских отношениях со всеми членами императорской семьи. Согласно

его записной книжке, во время пребывания в Ницце он встречался с великими княгинями почти через день. Вяземский возобновил старое знакомство с прусским дипломатом, учёным и писателем Христианом Карлом Бунзеном[3]. Политическая обстановка в Европе, особенно военное противостояние в Пьемонте, была темой постоянных дискуссий в дипломатических кругах Ниццы.

Шестидесятисемилетний князь не потерял вкуса к путешествиям и хотел быть свидетелем важных исторических событий. В 1859 году началась война между Пьемонтом и Австрией, при участии французских войск; она захватила Вяземского и увлекла его из мирной Ниццы на небезопасные итальянские дороги, ведущие в Турин и Геную. Письма, написанные им жене Вере Фёдоровне в Ниццу, свидетельствуют о его непосредственном переживании войны: «Я веду такую военную жизнь, что чувствую, как у меня вырастают усы», — шутил он[4]. Его письма содержат также серьёзные размышления о ситуации того периода. 8 мая 1859 года Вяземский отправился в обратную дорогу на почтовом дилижансе, не желая пользоваться морской дорогой: «Я не езжу морем, а только воспеваю его»[5]. В день прибытия, 12 мая 1859 года, князь немедленно сообщил сыну свои впечатления об этой полной опасностей поездке. «После того шума и возбуждения я почувствовал себя в Ницце как в монастыре, настолько покойна и статична здесь жизнь»[6]. Эта «статичная» Ницца не могла уже удерживать князя — через две недели после его возвращения из Генуи, 27 мая 1859 года, Вяземские направились в Германию.

За два дня до отъезда князь написал письмо сыну княгини Зинаиды, которая была его давним другом, Александру Никитичу Волконскому, занимавшему в то время пост российского посла в Дрездене. Князь знал молодого Волконского ещё по Москве, в его отроческие и юношеские годы. Позже, в 1833 году, когда двадцатидвухлетний Александр учился в Петербургском университете, они возобновили своё знакомство, хотя Вяземский отметил, что было непросто установить близкие отношения с молодым застенчивым князем[7]. Позднее они также встречались и в Петербурге, и за границей, где Волконский служил как дипломат. Встретились они и в начале путешествия Вяземских, в Дрездене, где и провели десять дней, с 4 по 14 октября 1858 года. Но столица Саксонии никогда не привлекала Вяземского, однажды он заметил: «Дрезден — это новый Вавилон, Содом и Гоморра по сравнению с Карлсруэ»[8].

Лист (13,2 x 21 см). Текст письма расположен на страницах 1 и 2.
Не опубликовано.

Nice, 13/25 mai, 1859

J'apprends, cher Prince, que l'on doit m'expédier des lettres et peut-être de l'argent en les adressant à la légation russe à Dresde. Veuillez bien donner vos ordres pour qu'on les garde jusqu'à mon arrivée, ou bien jusqu'à la réception

d'un avis de ma part. Nous comptons quitter Nice après demain pour nous rendre à Stuttgardt par la Suisse. Si vous voyez Pletneff qui doit passer par Dresde, dites-lui qu'il me cherche à Genève, a l'hôtel de Métropole, ou à Stuttgardt, où Titoff pourra, en tout cas, le renseigner pour mon [itinéraire] sur mes faits et gestes. J'ai toujours l'intention d'aller plus tard à Carlsbad, si toutefois Votre Excellence et Vos Excellentes veulent bien le permettre. Vous seriez bien aimable, cher Prince, de me dire un petit mot tout laconique et tout franc à ce sujet, en me le faisant venir par votre honorable collègue et mon honorable ami Titoff. En tout cas, je compte toujours sur le plaisir de Vous voir à Dresde, où nous appelent nos intérêts les plus chers et les mieux sonnants renfermés dans la cassette, confiée à votre bienveillante tutelle. Présentez, je vous prie, mes hommages dévoués à la Princesse et agréez mes compliments les plus affecteux.

Wiazemski

Ницца, 13/25 Мая 1859 года

Как я узнал, дорогой князь, мне следует отправлять письма и, может быть, деньги на адрес дипломатической миссии в Дрездене. Будьте добры распорядиться, чтобы их сохранили до моего прибытия или до получения моего распоряжения. Мы рассчитываем покинуть Ниццу послезавтра и продолжить путь в Штутгарт через Швейцарию[i]. Если вы увидите Плетнёва[ii], который должен проехать через Дрезден, скажите ему, чтобы он искал меня в Женеве, в отеле «Метрополь», или в Штутгарте, где Титов может в любом случае осведомить его о моих делах[iii]. В дальнейшем я собираюсь ехать в Карлсбад, если только Ваше Превосходительство и Ваши Превосходительства захотят мне это разрешить. Вы будете очень любезны, дорогой князь, если скажете мне словечко, совсем короткое и чистосердечное, на сей счёт, которое позволило бы мне послать за вашим уважаемым коллегой и моим уважаемым другом Титовым[iv]. В любом случае я, как всегда, рассчитываю на удовольствие видеть вас в Дрездене, куда нас зовут наши интересы, весьма дорогие и весьма звонкие, заключённые в шкатулке, которая поручена вашей благосклонной опеке[v]. Прошу вас передать моё почтение княгине и примите мои наилучшие пожелания[vi].

Вяземский

[i] План ехать в Штутгарт осуществился, но занял больше пяти недель из-за частых остановок Вяземских по дороге в Швейцарию. Покинув Ниццу 27 мая 1858 года, они проехали Арль, Авиньон, Ним, Монпелье и Лион; 12 июня прибыли в Женеву, где оставались больше двух недель, прежде чем продолжить путешествие в Штутгарт[9].

[ii] Плетнёв Пётр Александрович (1792–1865) — поэт, литературный критик, издатель. Профессор русской словесности в Петербургском университете с 1832 по 1849 год, с 1840 по 1861 год — ректор этого университета,

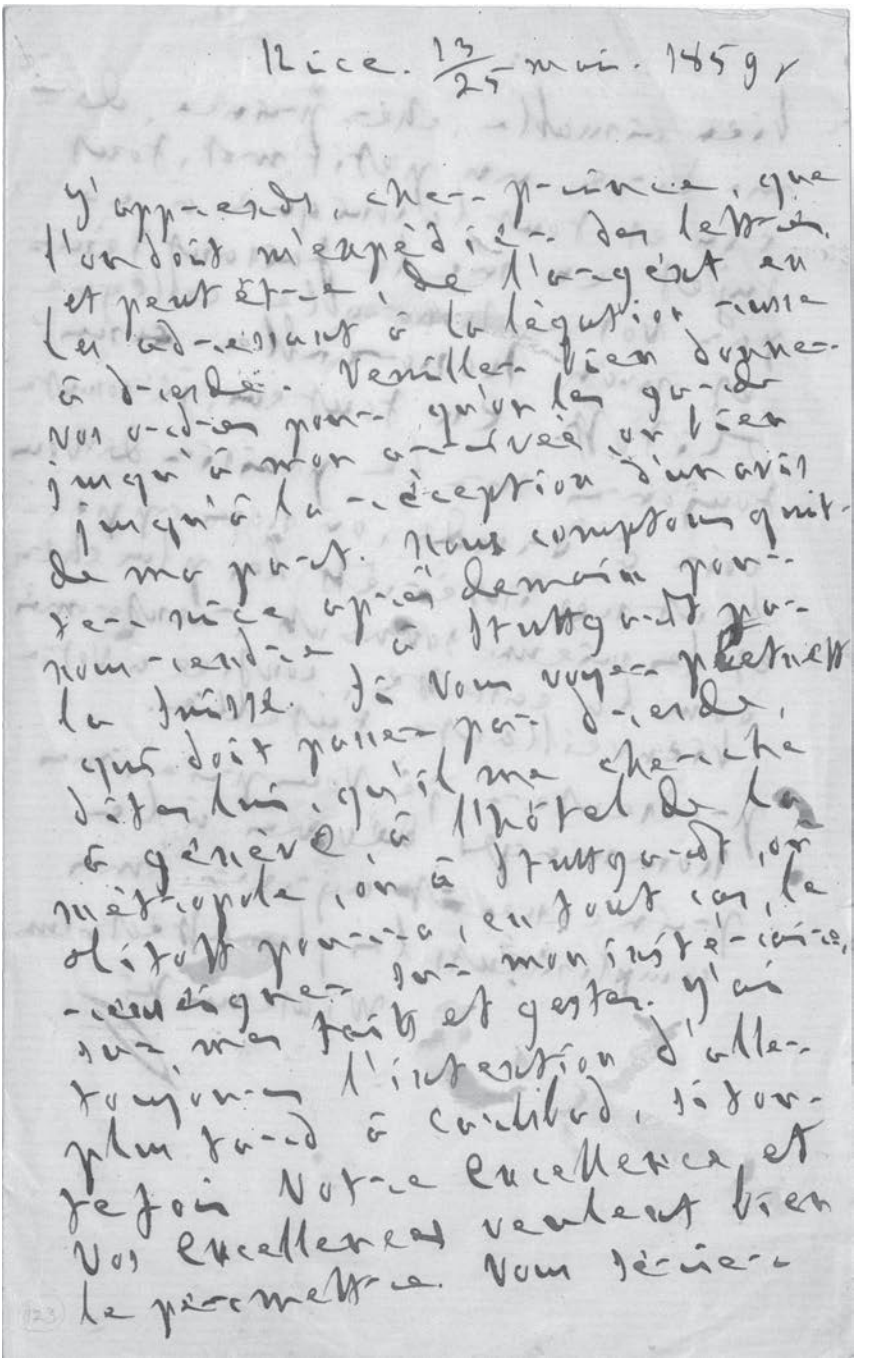
с 1841 — член Петербургской Академии наук. После смерти Пушкина в течение восьми лет издавал журнал «Современник». Плетнёв был близким другом В. Жуковского, П. Вяземского, Н. Гоголя и А. Пушкина, который посвятил ему роман в стихах «Евгений Онегин».

[iii] Титов Владимир Павлович (1807–1891) — русский писатель, государственный деятель, дипломат. Литературный псевдоним — Тит Космократов. Вместе с В. Одоевским, С. Шевырёвым и Д. Веневитиновым входил в состав литературно-философского кружка «Общество любомудрия». В. Титов был близким другом многих русских писателей, включая П. Вяземского и А. Пушкина. С 1840 года — на дипломатической службе в Турции, с 1855 — посланник России в Штутгарте, с 1858 — член Государственного совета. Во время первого посещения Штутгарта, в октябре 1858 года Вяземский много времени проводил с Титовым, они вместе ездили в Баден-Баден, а до этого посетили Интерлакен. Вяземский переписывался с Титовым и держал его в курсе событий своей жизни — «sur mes faits et gestes», как он написал Волконскому. Вернувшись из «разведывательной» поездки в Пьемонт 22 мая, Вяземский написал длинное письмо Титову и сопроводил его стихами «Моё мнение об этой войне»[10].

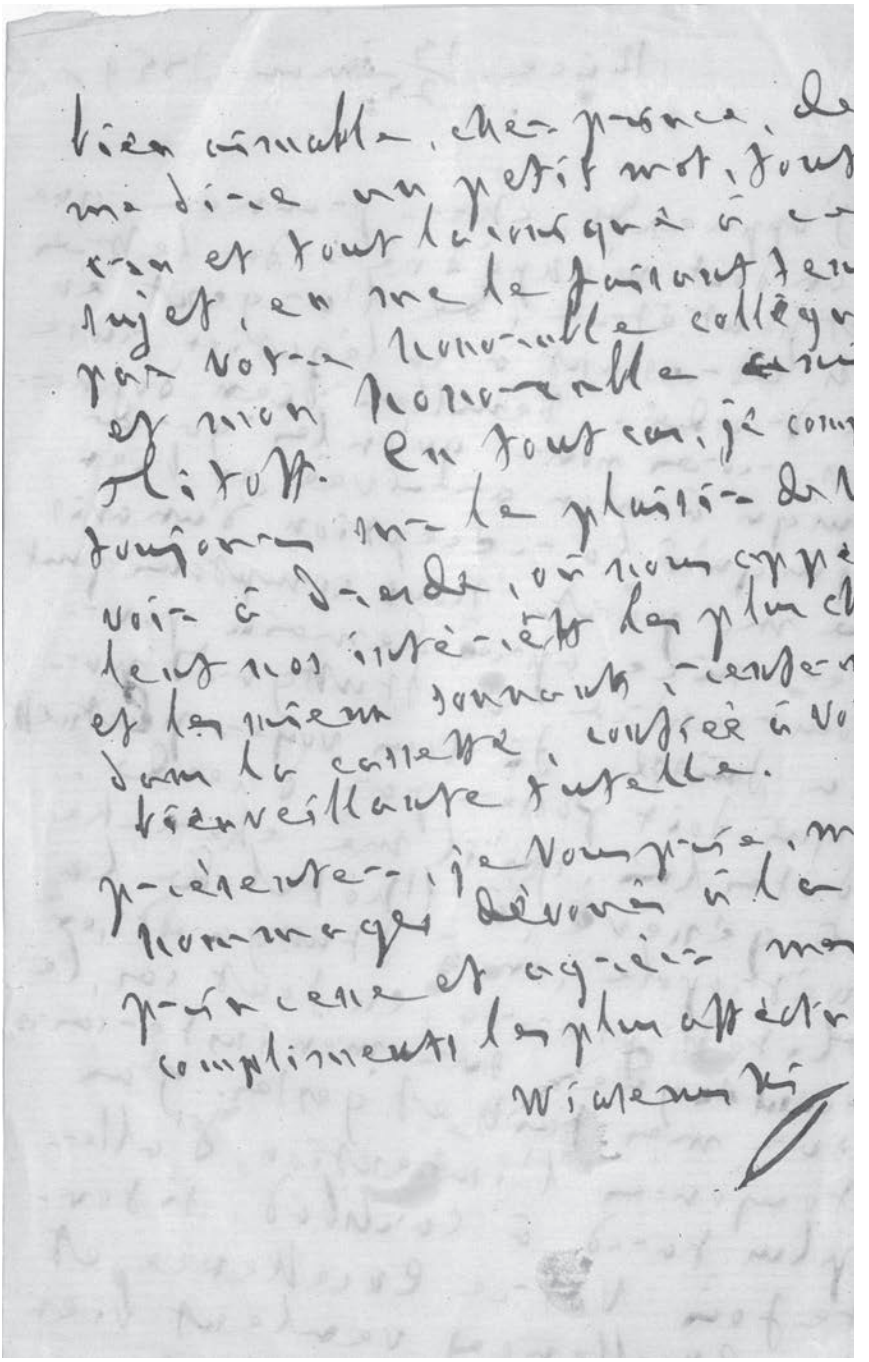
[iv] В начале своей поездки Вяземские останавливались в Карлсбаде больше чем на месяц (с 30 августа по 3 октября 1858 года). Деликатный намёк Вяземского, обращённый к князю и его жене, подразумевает надежду быть снова приглашёнными в дом Волконских в Карлсбаде. Однако либо приглашение не было подтверждено, либо Вяземские сами изменили свои планы, но они не поехали в Карлсбад перед возвращением в Россию. Вместо этого они продлили своё пребывание в Штутгарте, откуда князь предпринял короткие поездки в Баден-Баден, Дуркхейм и Гейдельберг. Ближе к концу их турне Вяземский почувствовал усталость, беспокойство и поспешил домой. В одном из своих стихотворений — «На дороге» — он выражает надежду, что когда-нибудь появятся «ковры-самолёты», которые смогут быстро переносить людей из страны в страну[11]. Вяземские прибыли в Петербург 22 ноября /4 декабря 1859 года.

[v] Вяземский имеет в виду деньги, которые он оставил на сохранение в русской миссии в Дрездене.

[vi] Жена Александра Волконского, княгиня Луиза, урождённая фон Лилиен (1807–1871). Следует заметить, что Зинаида Волконская даже не упоминается в письме к её сыну: к этому времени она полностью отошла от мирской жизни, и этот факт был известен и принят её семьёй и друзьями.



Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому. Ницца, 13/25 мая 1859 г.
Архив З. А. Волконской, fMS RUSS 46.11(123)



Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому. Ницца, 13/25 мая 1859 г. С. 2

Три письма Я. Н. Толстого кн. А. Н. Волконскому

В архиве Зинаиды Волконской есть три письма от Якова Николаевича Толстого, адресованные Александру Никитичу Волконскому и посланные ему из Парижа в 1858, 1863 и 1865 годах. Эти письма характеризуют Толстого во многих отношениях, так как после 1837 года он становится одной из самых противоречивых (и трагических) фигур в мире литературы и политики.

Яков Николаевич родился в 1791 году в семье помещика Николая Яковлевича Толстого в Осташкове. С двенадцатилетнего возраста воспитывался в Пажеском корпусе. Служил в гвардии с 1808 по 1810 год; принимал участие в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах, был награждён орденом Владимира 4-й степени с бантом. С 1817 года — старший адъютант генерала А. А. Закревского, с 1821 — старший адъютант Главного Штаба.

Заняв довольно видное место по службе и обладая влиятельными родственными связями и хорошим состоянием, Толстой вскоре вошёл в высший круг петербургского общества.

Вероятно, к 1817 году относится знакомство Якова Николаевича с юным Александром Пушкиным, который только что окончил Лицей и с удовольствием предавался развлечениям в светских и товарищеских кругах. Оба они стали членами литературного кружка «Зелёная лампа» (Я. Н. Толстой позже — его председателем), основанного братьями В. Н. и А. Н. Всеволожскими. Участниками собраний этого общества были представители богатой светской молодёжи, живо интересовавшиеся литературой и театром. В состав общества входили также офицеры Д. М. Барков, М. А. Щербинин, лейб-улан Ф. Ф. Юрьев, лейб-гусар П. П. Каверин, В. В. Энгельгардт, будущий декабрист А. И. Якубович и другие. В этот период Яков Николаевич был любим и уважаем современниками[1]. Пушкин, который считал Толстого близким другом, посвятил ему прекрасное стихотворение «Стансы»[2].

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни;
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета —
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придёт,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины, забот
И бесполезных размышлений!

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам даёт игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое веселье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен,
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

Что касается литературных работ Я. Толстого, то они не были значительным вкладом в русскую литературу. На собраниях «Зелёной лампы», однако, его стихи, пьесы и переводы встречали благожелательный приём присутствующих. В 1821 году, по совету друзей, он решился издать сборник своих стихотворений, оказавшийся единственным[3].

В самом начале 1821 года Толстой вступил в тайное общество «Союз благоденствия», в котором было много офицеров, в том числе и тех, кто вышел на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Поскольку Толстой в апреле 1823 года уехал в Париж, он, конечно, не принимал участия в восстании. Однако был привлечён к следствию, и из страха перед наказанием решил не возвращаться на родину[4]. Таким образом, он стал эмигрантом поневоле и, продолжая жить на широкую ногу, быстро оказался в тяжёлом материальном положении (на его имение был наложен арест). Началась возня с кредиторами и разнообразные «уловки», которые давали возможность существовать хотя бы на грани нищеты[5]. Но, несмотря на трудности, Толстой сумел познакомиться со многими французскими писателями и журналистами и не оставлял литературной деятельности. Он принял на себя роль защитника всего русского от нападок не вполне компетентных и не всегда настроенных доброжелательно французских и немецких авторов[6]. Журнальная и полемическая деятельность Толстого обратила на себя внимание петербургских и московских литераторов, и в 1827 году князь Вяземский постарался привлечь его к сотрудничеству в «Московском телеграфе», хотя в то время было запрещено даже упоминать имя Толстого. Позже этот журнал благодарил Толстого за посредничество между российским и французским читателями. В связи с выходом в Париже критической

рецензии Толстого на книгу Ж. Ансело «Шесть месяцев в России» Вяземский поместил в «Московском телеграфе» отзыв на эту брошюру. В нём Вяземский написал, что русская литература должна быть благодарна своему новому «генеральному консулу» в Париже, который защищает русскую культуру от невежественных иностранцев[7].

Я. Н. Толстой всеми силами старался восстановить репутацию верноподданного и заслужить прощение царя. Кульминацией этих усилий стала составленная им в 1835 году биография генерал-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича, бывшего наместником Польши с 1832 года. После публикации этого панегирика князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому (которому это восторженное прославление понравилось) Толстой действительно был приглашён в Петербург по представлению А. Х. Бенкендорфа[8]. Эта поездка стала возможной благодаря тому, что Николай I приказал выдать Толстому в Париже 10 000 рублей для оплаты его огромного долга. 1 января 1837 года, после четырнадцатилетнего отсутствия, Толстой прибыл в Петербург и успел повидаться с Пушкиным до роковой дуэли[9]. 29 января министр народного просвещения С. С. Уваров получил от Бенкендорфа письмо с «высочайшим повелением» назначить отставного гвардии штабс-капитана Якова Толстого корреспондентом Министерства народного просвещения в Париже. Во втором письме Бенкендорфа министру сообщалось, что Толстому назначается оклад в 3000 рублей в год, и что деньги эти будут переводиться в Париж через III Отделение.

Должность, которую Толстой занял с этого времени в Париже и на которой оставался почти до самой смерти, была крайне неопределённой и загадочной.

Толстой должен был писать в Министерство народного просвещения отчёты, содержащие его наблюдения «за ходом наук, литературы и учебного преподавания во Франции». Хотя должность его в Министерстве не была официальной, он регулярно получал чины и ордена. В то же время он числился «по особым поручениям» при III Отделении Собственной Его Величества Канцелярии и составлял «политические депеши о состоянии Франции, о течении дел, о переворотах, о борьбе партий и вообще обо всём, касающемся высшей политики Европы».

Зависимость от двух начальников и неопределённость обязанностей тяготила Толстого. Он писал брату: «В глазах моих соотечественников слыву за подозрительного поверенного, а в глазах некоторых французов — даже за тайного агента»[10].

И по собственному желанию, и по роду службы Толстой устанавливал контакты с русскими, приезжавшими в Париж, которым он всегда готов был помочь в практических делах. Как заметил Вяземский, «все русские в Париже находили в нём опытного и готового к услугам гида. Он стал

истинным парижанином, но в то же время остался русским до мозга костей»[11].

В отставку Я. Н. Толстой вышел за полгода до смерти в чине тайного советника, умер в Париже 15/27 февраля 1867 года.

Три письма Я. Толстого А. Волконскому, написанные в последний период его жизни, показывают, насколько изменились его взгляды и его личность. Он очень старался помочь Волконскому, который в то время был послом в Саксонии и позже в Испании, найти хорошего французского повара. Но ещё более важно, что во втором и третьем письмах Толстой демонстрирует профессиональное умение писать политические обзоры. Его анализ ситуации во Франции и Испании показывает, насколько хорошо он был информирован, хотя и имел склонность несколько злоупотреблять слухами при обсуждении событий. Толстой ожидал, что его аналитические и одновременно занимательные письма, в текст которых вплетены иногда преувеличенные любезности, будут хорошо восприняты князем, от которого Толстой надеялся получить какую-то помощь.

Стоит заметить, что проблемы России в этот критический послереформенный период рассматривались Толстым довольно поверхностно и абстрактно (п. II).

ПИСЬМО I

Лист (25 x 20 см), сложен по горизонтали сгибом влево. Текст занимает три страницы с постскриптумом на четвёртой.

Не опубликовано.

Публикуется с сокращениями

Paris, le 1 Mai, 1858

Vous avez tort, mon Prince, d'élever le moindre doute à l'endroit de mes souvenirs de l'an 40 et de l'année 37. Quand on a la bonne fortune de rencontrer une personne de votre mérite, l'impression qu'elle produit reste gravée en caractères indélébiles dans notre mémoire...

<...>

...Je fais seulement des vœux pour que vous puissiez, dans un avenir prochain, exercer vos talents sur un théâtre plus large et plus important. J'aborde maintenant la question culinaire...

<...>

...Le Sieur Lapersonne — ancien officier de la bouche du Roi Louis-Phillipe et plus tard Maître d'hôtel du Duc de Nemours qu'il a suivi dans son exil. La baronne de Seilléere, une des plus opulentes dames de Paris, où il a travaillé en dernier lieu, en fait le plus grand éloge; il passe aussi pour le premier glacier de Paris: celui-ci demande 2,000 F...

Париж, 1 Мая, 1858

Вы не правы, князь, в том, что у вас возникают худшие подозрения в отношении моих воспоминаний 40-го и 37-го года[i]. Когда речь идёт о счастливом случае встретить человека таких достоинств, как ваши, впечатление об этой встрече остаётся выгравированным в памяти нестираемыми буквами. (Пропущена часть письма, в которой Толстой описывает разговор о Волконском со своим кузеном, Иваном Толстым. Затем следует поздравление с важным дипломатическим назначением).

<...> Я только желаю, чтобы вы смогли в ближайшем будущем проявить ваши таланты на поприще более масштабном и более значительном[ii]. Подхожу вплотную к кулинарному вопросу. (Еще часть удалена: она представляет собой ответ на просьбу Волконского помочь найти опытного французского шеф-повара для посольства в Дрездене. Толстой даёт себе волю, описывая в деталях достоинства как самих поваров, так и тех, кому они служили. Интересно заметить, что их заработки достигали 1500–2400 франков. Толстой даже описывает отличительные особенности их меню. Ниже пассаж, демонстрирующий представление Толстого о его «аппетитном» поручении).

<...> Господин Лаперсон — бывший офицер «кухонной армии» короля Луи-Филиппа, позже — метрдотель герцога Немурского, которого он сопровождал в ссылке. Баронесса де Сейер, одна из наиболее роскошных дам Парижа, у которой он работал в последнее время, рассыпается в похвалах ему; он слывёт лучшим мастером десертов в Париже, его гонорар 2000 франков[iii].

[i] Толстой впервые встретил Волконского в начале января 1837 года в Варшаве, где по пути в Россию он остановился, чтобы навестить своего покровителя графа Паскевича. Молодой дипломат Волконский служил в то время в дипломатической канцелярии фельдмаршала Паскевича в Варшаве, где работал до 1853 года[12].

[ii] В 1856 году, уже в звании камергера, князь Волконский был назначен советником посольства в Вену. В 1858 году он стал посланником в Дрездене, Саксония. С 1860 по 1862 год, до уничтожения Неаполитанского королевства, он был посланником при короле Неаполитанском, а с 1862 года, в течение пяти лет, был посланником при дворе испанской королевы[13].

[iii] Эта часть письма Толстого показывает, что он был одинаково хорошо осведомлён как в политической ситуации, так и в деталях повседневной жизни парижского общества, включая кулинарные изощрения и заработки успешных поваров.

ПИСЬМО II

Лист (27 x 20 см), сложен по горизонтали сгибом влево. Текст письма расположен четырёх страницах.

Не опубликовано.

Paris, le 30 Décembre 1862 / 11 Janvier 1863

Mon cher Prince,

Ne vous attendez pas à une epistola gratulatiora; je ne vous rendrai donc point vos aimables félicitations à l'occasion du jour de l'an; tel n'est past mon principe: je déplore, au contraire, l'usage consacré dans tous les pays du monde de se réjouir à l'occasion d'une année écoulée, de venir le dire à ses amis, à ses connaissances, et à ses supérieurs, avec jubilation et solennité pour leur rappeler qu'ils ont vécu 365 jours de plus et se sont par conséquent rapprochés de 365 pas de *l'ultima ratio*. Tout ce que je puis faire pour les personnes que j'aime et que j'estime c'est de leur dire: je vous félicite de ce que durant l'année que vient de s'écouler vous n'avez éprouvé aucun grave préjudice, que votre Santé a été satisfaisante, que vous ne vous êtes pas cassé le cou, que vous n'avez pas été la victime d'aucune trahison, d'aucune injustice humaine, — si toutefois la personne que vous congratulez a échappé à toutes ces calamités.

Mais former des vœux, c'est une mauvaise plainsanterie; car on a beau en former et des plus brillants, personne n'est là pour les mettre à exécution. Quoiqu'il en soit, si j'avais le moindre petit espoir que mes vœux seraient exaucés, je n'hésiterais pas un instant d'en adresser de fervents pour le bonheur et la prospérité de l'excellent Prince et de Madame la Princesse.

Le Sieur Rayer, professeur culinaire, auteur d'une brochure sur «les conserves alimentaires», joint à toutes ces éminentes qualités celles de *craqueur émérite*. Pour le prouver, je declare que:

le. Oncque de ma vie, je ne lui ai offer 2,500 F, n'étant d'ailleurs pas autorisé de le faire, je n'ai pu outrepasser vos instructions.

2e. Que jamais, au grand jamais, je ne lui ai offer une indemnité de 500 F; il l'aura pris sous son bonnet de cuisine. Lorsqu'il m'en a fait parler par mon Valet-de-Chambre, je lui fis répondre qu'à mon avis, il ne lui était dû qu'un mois de gage, à savoir 175 F et lui fis offrir cette somme. Vous voyez que la vérité dans la bouche de cet officier de bouche ne règne pas plus que dans son cœur; voilà pourquoi je ne serai pas fâché d'en finir avec lui.

Si la Question Mexicaine vous préoccupe beaucoup, elle n'est pas moins inquiétante en-deçâ des Pyrénées. Une obstination peu politique porte le maître suprême de céans à persérvérer dans son idée, nonobstant les sacrifices énormes que lui coûte cette malencontreuse expédition lointaine. Je tiens d'un employé du Ministère de la guerre que déjà 150 millions ont été dépensés à cet effet; il a ajouté que ce n'était que par le Ministère où il est employé, mais qu'on pourrait évaluer à la moitié le chiffre des dépenses de la Marine. Quant aux dépenses en chair humaine, ceci n'entra point dans les calculs des conquérants,

la chair à canon est, dans ce moment-ci plus dévorée que jamais, à cause de l'art de tuer perfectionné par les progressistes modernes. Au surplus, il nous reste une consolation, c'est que tant que la guerre mexicaine durera, l'Europe pourra respirer librement, car il serait matériellement impossible de manger simultanément à deux si énormes râteliers. *Le Journal des Débats* dans son premier pari du 8 Janvier, trace un tableau vrai mais effrayant des misères que ravagent les provinces les plus riches de la France, misères sans remède et qui prennent des proportions désastreuses. Les murmures et les mécontentements dans la capitale se manifestent avec une recrudescence qui alarme le pouvoir.

En reportant nos regards sur la *carissima patria*, un frisson de terreur nous saisit involontairement et l'on est obligé de convenir qu'il y a péril en la demeure. Toutefois sans trop exagérer le danger, on ne saurait se dissimuler que «qui trop embrasse, mal étreint»: après l'èmacipation nous est arrivée drue comme grêle la réforme judiciaire. Louis XVIII a dit dans un language quelque peu trivial pour un Roi et que le Sieur Royer-Collard pourrait répéter: «pour faire un civet, il faut un lièvre,» or, pour réformer la justice d'un vaste pays, il faut des éléments pour en reconstituer un autre. Où donc pourrait-on trouver en Russie des jurisconsultes aussi nombreux, des jurys intègres? Où sont-ils? Qui pourrait me donner leur adresse? Bref, tout est remis en question, et nous pataugeons comme des aveugles dans un ténébreux chaos.

Notre ambassadeur est un charmant homme, un parfait gentleman. Je suis convaincu qu'il réussira à faire taire quelques individus, animés d'un patriotisme de *Kvas* et de *Batvinia* et qui continuent encore à maugréer à cause du nom que n'est pas Slave pur sang, d'autre jalousent son élévation subite, à cause du *chin*, préjugé que le progrès n'est pas encore parvenu à déraciner.

Je finis, en vous priant, mon Prince, de continuer à disposer de moi, que le petit malentendu qui vous a donné tant d'ennui ne vous dégoûte pas pour l'avenir, d'autant plus que j'en fais mon *mea culpa*; en effet, c'est moi qui, contrairement aux préceptes de Talleyrand ai déployé «trop de zèle». Je saurai dorénavant procéder avec moins de précipitation.

Veuillez agréer l'expression de mon cordial et très respectueux dévouement

J. Tolstoj

Париж, 30 Декабря 1862 / 11 Января 1863 года

Дорогой князь,

Не ожидайте от меня поздравительной эпистолы; я далёк от того, чтобы возвращать вам ваши любезные приветствия по случаю нового года; это не мой принцип: напротив, я сожалею о принятом во всех странах мира обычае радоваться по случаю уходящего года, ходить к друзьям, знакомым, начальникам, чтобы с ликованием и торжеством поздравить их и напомнить, что они прожили ещё 365 дней и что, стало быть, они приблизились на 365 шагов к последней надежде (ultima ratio). Всё, что я могу сделать

для людей, которых люблю и уважаю, — это сказать им: я поздравляю вас с тем, что в течение года, который вот-вот истечёт, вы не испытали никаких серьёзных неприятностей, что ваше здоровье было удовлетворительным, что вы не сломали себе шею, что вы не стали жертвой чьей-либо измены или несправедливости — если только человек, которого я поздравляю, избег всех этих бедствий.

Но сочинять такие пожелания — это дурная шутка, поскольку даже самые прекрасные и блестяще составленные, они всё равно ни для кого не выполнимы. Как бы то ни было, если бы я имел хоть небольшую надежду, что мои пожелания осуществятся, я бы не колебался ни минуты адресовать пожелания счастья и благополучия их превосходительствам князю и княгине[i].

Господин Рэйе, профессор кулинарии, автор брошюры «Продовольственные запасы», ко всем своим выдающимся качествам присоединяет теперь качества почётного болтуна. Чтобы подтвердить это, я объявляю, что:

1. Я никогда не предлагал ему 2500 F не будучи уполномоченным делать это, и никогда не нарушал ваших инструкций.

2. Никогда, вообще никогда, я не предлагал ему компенсации в 500 F; он это возьмёт под свой поварской колпак. Когда он вынудил меня говорить об этом через моего камердинера, я велел ему сказать, что, по-моему, он ему должен только за один месяц, а именно 175 F, и предложил ему эту сумму. Как видите, истина в устах этого «трудящегося на ниве насыщения» царствует не больше, чем в его сердце; вот почему я не стал бы досадовать, что покончил с ним[ii].

Если «мексиканский вопрос» вас так занимает, то он останется столь же тревожащим по ту сторону Пиреней. Упрямство, с каким хозяин дома (т.е. Наполеон III.— *Примеч. переводчика*) отстаивает свою идею, имеет мало общего с политикой, не говоря уже об огромных жертвах, сопряжённых с этой злосчастной далёкой экспедицией. У меня есть сведения из военного министерства, что уже 150 миллионов было истрачено на это предприятие; нужно добавить как минимум половину этой суммы на расходы морского ведомства. Что касается человеческих потерь, то они никогда не входили в расчёты победителей, пушечное мясо сейчас пожираемо больше, чем когда-либо,— благодаря техническому прогрессу искусство убивать усовершенствовалось. Сверх того, нам остаётся утешение, что, пока продолжается мексиканская война, Европа сможет вздохнуть свободно, поскольку «невозможно занимать две прибыльные должности одновременно»[iii]. Le Journal des Débats в своём первом выпуске от 8 января рисует правдивую, но пугающую картину нищеты, которая поразила богатейшие французские провинции, — беспросветной нищеты, принимающей катастрофические размеры. Ропот недовольства в столице усиливается так быстро, что это начинает тревожить власть[iv].

Излагая наши взгляды на дражайшую родину, мы невольно содрогаемся от ужаса и должны признать, что дело не терпит отлагательства. Тем не менее, не преувеличивая опасность, нельзя утаивать от себя, что «за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь»: после освобождения стало очевидным, что необходима судебная реформа. Людовик XVIII в своей речи сказал когда-то нечто довольно тривиальное, но что господин Ройе-Коллар мог бы повторить: «чтобы сделать рагу из кролика, нужен кролик», или, чтобы реформировать правосудие в огромной стране, нужно иметь необходимые для этого элементы. Где в России можно найти достаточно юрисконсультов и судов присяжных? Где они? Кто мог бы дать мне их адрес? Короче, всё упирается в этот вопрос, и мы, как слепые, блуждаем во мраке и хаосе[v].

Наш посол — обаятельный человек, настоящий джентльмен. Я убеждён, что он заставит замолчать некоторых типов, охваченных квасным патриотизмом и продолжающих бурчать и ругаться из-за его неславянского происхождения, а также и других, завидующих его быстрому возвышению, его чину, — предрассудки, которые прогресс ещё не в состоянии искоренить.

Заканчивая, прошу вас, князь, продолжать располагать мною, чтобы маленькое недоразумение, которое принесло вам столько огорчений, не оставило следа в будущем, тем более что я признаю mea culpa; действительно, именно я, пренебрегая советами Талейрана, несколько переусердствовал. Впредь я буду действовать не так торопливо[vi].

Примите выражения моей сердечной и глубокой преданности

Я. Толстой

[i] Это продуманное и цветистое рассуждение по простому вопросу (почему его не радовало приближение нового года и его празднование) характерно для стиля позднего Толстого. Возможно, он так много писал на эту тему потому, что ему было неловко давать объяснение, приведённое дальше, в третьем абзаце.

[ii] По-видимому, шеф-повар, которого Толстой рекомендовал Волконскому, уже находящемуся в Мадриде, не подошёл князю, что привело к увольнению «кулинарного профессора». Смущённый неудачным выбором повара, Толстой пытается вести разговор в лёгком тоне, сострив, что истина не всегда исходит из уст того, кто трудится, чтобы наполнить уста других.

[iii] «Мексиканский вопрос», о котором идёт речь, внушал много опасений. Наполеон III предполагал укрепить свой пошатнувшийся авторитет с помощью лёгкой победоносной войны. Он и раньше был вовлечён в ряд военных конфликтов. После участия в Крымской войне последовала итальянская кампания 1859 года, в которой желаемые результаты, несмотря на первоначальные успехи, так и не были достигнуты. С начала шестидесятых годов XIX столетия внешняя политика Второй империи становилась всё более авантюрной. Наполеон III истратил огромные ресурсы на мексиканскую кампанию: в течение 1862 года французы довели численность

своих войск до 30000, не считая 10000 военно-морских сил, действовавших в мексиканских водах. Однако вся операция закончилась бесславно. Из письма видно, что у Толстого были свои информаторы во французском правительстве, так что он мог использовать в своих отчётах в Россию надёжные сведения.

[iv] После периода успешного экономического развития начался спад, который уже ощущался в начале 1860-х. Следы процветания ещё не исчезли, но война истощила экономику Франции и повлияла на повседневную жизнь людей. К 1863 году недовольство охватило всю страну. Оппозиция, вооружённая социалистическими теориями, добилась участия в Сенате, и многие крупные города начали голосовать за республиканцев[14].

[v] Ироническое упоминание о «дражайшей родине» (carissima patria) довольно неожиданно от бывшего члена тайного общества. Отмена крепостного права в1861 году освободила более сорока миллионов крестьян, и это потребовало изменений в местном самоуправлении и законодательстве. Но реформа правосудия состоялась только три года спустя, в 1864 году, и тогда же были созданы выборные органы местного самоуправления — земства. Однако в 1863 году, когда Толстой сетовал на послереформенные трудности, переходный период ещё не завершился.

Пьер Поль Ройе-Коллар (1763–1845) — французский государственный деятель, юрист и философ. Был вначале умеренным сторонником революции, затем либеральным монархистом, занимал несколько выборных должностей до 1842 года, когда ушёл в отставку со всех своих постов, будучи разочарован в новом режиме.

[vi] Здесь Толстой имеет в виду барона Андрея Фёдоровича Будберга (1817–1881), русского профессионального дипломата немецкого происхождения. Его назначение посланником в Париж, как свидетельствует Толстой, вызвало недовольство тех, кто стоял на националистических позициях. Эти люди не принимали во внимание, что представители рода фон Будбергов служили России на военном и дипломатическом поприще со второй половины XVIII века. Толстой высмеивает этот поверхностный, «квасной» патриотизм. Корни такого национализма питаются, по мнению Толстого, соперничеством в борьбе за «чин».

ПИСЬМО III

Два листа (27 x 20 см), сложены по горизонтали сгибом влево. Текст письма занимает четыре страницы первого листа и две страницы второго.

Не опубликовано.

Paris, le 6 Juillet, 1865

Mon cher Prince,

Vous êtes l'homme le plus obligeant, le plus bon, le plus indulgent, le plus aimable, le plus bienveillant, le plus spiritual de tous les ministres plénipotentiaires, voire tous les ambassadeurs. Vous avez eu la bonté de prendre l'initiative

dans l'affaire d'un jeune homme que vous ne connaissiez que d'après le dévouement cordial et la profonde estime que vous porte son oncle, et aujourd'hui vous persévérez dans la poursuite de cette affaire, nonobstant les ennuis qu'elle doit vous faire éprouver. Oui, vous êtes la perle des envoyes et ambassadeurs, inclusivement! Voici donc les noms, prénoms et qualités du postulant:

Сергей Иванович Толстой, Лейб-гвардии гусарского полка адъютант Главного Штаба Е. И.В. и Кавалер.

.....

Tels sont les titres de mon neveu à une rémunération, si vous parvenez à le lui faire accorder, vous ferez justice.

Le tableau que vous tracez de la situation politique de l'Espagne ne saurait donner de solides garanties pour l'avenir: la sécurité du pays repose sur la fidélité de l'armée et se trouve entre les mains de leurs chefs plus ou moins ambitieux, plus ou moins turbulents, donc vous avez sous ce rapport un spécimen fort curieux en la personne du G[eneral] Prim. Au surplus, tous les pays du monde offrent les mêmes inconvénients et se trouvent à peu près dans les mêmes conditions, à savoir que les destinées des Etats dépendent de la force armée, cette *ultima ratio* des insurrections. J'ai été maintes et maintes fois témoin de ces défections spontanées des troupes; il suffisait d'un bataillon pactisant avec les émeutiers, pour faire faire subitement *volte-face* à tout le reste de la troupe.

J'apprends la mort du Duc de Rivas que j'ai beaucoup connu lors de son émigration sous le nom de Colonel Saavedra: je l'ai revu depuis Duc et Ambassadeur; c'était un homme de talent et d'esprit.

Quant à nous, nous sommes bien tranquilles pour le moment; à en juger par les acclamations enthousiastes du bon peuple parisien à l'apparition de leur bien-aimé Empereur, il nous est permis d'espérer que tout ira à ravis. Quelques différends qui ont éclaté au sein de la famille impériale ont un peu préoccupé le public, mais une ascension aéronautique a fait tout oublier et les préoccupations se sont envolées avec le Géant. En attendant Plon-plon, on commence de l'appeler à l'armée Craint-plomb à cause de son courage équivoque, en attendant cet enfant terrible du Sénat et de la famille im[péria]le, après avoir fait *semblant* d'avoir fait une chute, pour retarder sa visite aux Tuileries, continue à bouder et va, dit on, faire un voyage de circumnavigation et tout le monde applaudit à cette lointaine pérégrination; d'aucuns chantent: «Bon voyage Monsieur Dumoulin! On vous regrettera quand vous reviendrez». On fait aussi le bruit qu'il est revenu à résipiscence qu'il reste et sera réintégré dans sa fonction de Conseiller privé.

L'Impératrice paraît avoir pris au sérieux sa régence et les applaudissements populaires et ceux de la presse. Elle est fermement convaincue qu'a la mort de César, elle, Césarine, prendra en toute sécurité les rênes du gouvernement; elle ne lit donc point d'histoire? Elle pourrait bien se désillusionner en ouvrant seulement le *Moniteur* de 1813; elle y verrait que Marie-Louise, régente comme elle à cette

époque, que le peuple acclamait comme la plus sage, la plus charitable des souveraines, a fini par prendre le chemin de Parme et devenir Madame Neiperg.

Kolochine m'a parlé de vos cruelles souffrances; il n'est pas besoin de dire que nous y avons vivement compati.

Avec mille et mille remerciements.

Votre bien cordialement dévoué

J. Tolstoj

Париж, 6 Июля, 1865

Дорогой князь,

Вы — человек самый вежливый, самый добросердечный, самый снисходительный, самый любезный, самый доброжелательный, самый остроумный из всех полномочных министров и даже из всех послов[i].

Вы были так добры, что приняли участие в деле одного молодого человека, которого вы могли знать только по сердечной преданности и глубокому уважению его дяди, и сегодня вы продолжаете проявлять настойчивость, чтобы завершить это дело, несмотря на неприятности, которые можете испытать. Да, действительно, вы лучший из всех послов! Вот имя, фамилия и звания просителя:

Сергей Иванович Толстой, Лейб-гвардии гусарского полка адъютант Главного Штаба Е. И.В. и Кавалер.

(Следующая часть письма опущена как не несущая интересной информации.)

Таковы титулы моего племянника, которые вы можете ему пожаловать, и в этом случае вы поступите справедливо[ii].

Политическая ситуация в Испании, которую вы описали, не может дать твёрдых гарантий будущего: безопасность страны покоится на преданности армии и находится в руках её командиров, более или менее амбициозных, более или менее беспокойных, одним из любопытных образчиков которых является генерал Прим[iii]. Более того, все страны мира испытывают те же неудобства и находятся примерно в тех же условиях, зная, что судьбы государств зависят от мощи армии, этого последнего аргумента (ultima ratio) бунтарей. Я много раз был свидетелем этой внезапной измены со стороны войска; достаточно одному батальону договориться с мятежниками, чтобы заставить всю оставшуюся армию внезапно сделать крутой поворот[iv].

Сообщаю о смерти герцога де Ривас — я хорошо его знал со времени эмиграции, когда он носил имя полковника Сааведра; я снова его увидел в качестве герцога и посла; это был человек талантливый и умный[v].

Что касается нас, то здесь всё спокойно в настоящий момент; если судить по приветственным возгласам доброго парижского народа, полного энтузиазма по случаю появления их горячо любимого императора, то можно надеяться, что всё пойдёт восхитительно[vi]. Некоторые разногласия,

имевшие место в недрах императорской семьи, немного озаботили публику, но запуск воздушного шара заставил всё позабыть, и озабоченность улетела вместе с шаром «Гигант»[vii]. Что касается «Плон-Плона», прозванного в армии «тот, кто боится свинца», по причине его сомнительного мужества, то это «ужасное дитя» Сената и императорской семьи притворился, что упал, только чтобы отсрочить свой визит в Тюильри, и продолжает сердиться и дуться; как говорят, он собирается в кругосветное путешествие, и весь мир аплодирует этому решению; все поют: «Доброго путешествия, месье Дюмулен! Будет жаль, когда вы вернётесь». Ходят также слухи, что он исправился и что он остаётся и снова будет частным Советником[viii].

Императрица, кажется, всерьёз приняла своё регентство и аплодисменты публики и прессы. Она твёрдо убеждена, что по смерти Цезаря она, Цезарина, благополучно возьмёт бразды правления в свои руки; она, что же, не читала истории? Она могла бы освободиться от иллюзий, лишь открыв Монитор за 1813 год; где бы увидела, что Мария-Луиза, такая же регентша, которую народ прославлял как самую благонравную и милосердную из правителей, кончила тем, что отправилась в Парму и превратилась в Мадам Нейперг[ix].

Колошин[x] сказал мне о ваших жестоких страданиях[xi]; нет нужды говорить, что мы вам живо сочувствуем.

Тысяча благодарностей

Сердечно вам преданный

Я. Толстой.

[i] С 1862 по 1868 год, до переворота и отъезда королевы Изабеллы II из Испании, А. Н. Волконский был посланником при дворе испанской королевы.

[ii] Сергей Иванович Толстой (1838–1897) — племянник Якова Толстого, сын его кузена Ивана (Жана), которого Толстой упоминал в наименее интересной, а потому опущенной нами части своего первого письма Волконскому от 1 мая 1858 года. Молодой Толстой не преуспел в карьере, которую семья ожидала от него.

[iii] Хуан Прим (1814–1870) — испанский генерал и политический деятель. Хуан Прим был одним из лидеров «славной» революции 1868 года, которая закончилась победой либералов и отстранением от власти королевы Изабеллы II. Во время первой карлистской войны 1833–1839 годов Хуан Прим поддерживал малолетнюю Изабеллу II в войне против сторонников абсолютизма и после 1839 года играл видную роль во всех политических неурядицах Испании. Был вынужден скрываться за границей. В 1861 году назначен командующим испанским корпусом в Мексике, но, видя бесперспективность войны, вывел Испанию из этого сомнительного предприятия. 27 декабря 1870 года Хуан Прим подвергся нападению мадридских республиканцев и, получив тяжёлые раны, скончался 30 декабря. Князь Волконский мог неоднократно встречать генерала Прима.

[iv] Толстой снова употребляет своё излюбленное латинское выражение ultima ratio — последний аргумент (п. II). Он употребляет французское выражение volte face, когда говорит о внезапной перемене настроения в армии в пользу восставших.

[v] Герцог де Ривас, Анхель де Сааведра (1791–1865) — испанский политический деятель, поэт и драматург. Во время революции 1820 года Сааведра был сторонником демократической конституции 1812 года, и в 1823 году, во время вторжения французов, был приговорён к смерти за свои крайне либеральные взгляды, из-за чего ему пришлось уехать в Лондон. В 1834 году ему было разрешено вернуться в Испанию, где он получил по наследству титул герцога и испанского гранда. В 1836 году стал министром внутренних дел, но в 1837 году снова был вынужден эмигрировать, на этот раз за свои консервативные взгляды. После скорого возвращения и до 1848 года был посланником в Неаполе, а позже стал послом в Париже и Флоренции.

[vi] Толстой иронически называет «обожаемым императором» Луи Наполеона Бонапарта (1808–1873), племянника Наполеона, который, после второй неудачной попытки захватить власть, был приговорён к пожизненному тюремному заключению в 1840 году. Шесть лет спустя ему удалось бежать в Англию, а после революции 1848 года, осенью, его выбрали в Учредительное собрание.10 декабря 1848 года в результате первых прямых президентских выборов он стал первым президентом Франции и принёс присягу на верность республике. Четыре года спустя, однако, 2 декабря 1852 года, президент был провозглашён императором под именем Наполеона III и возглавлял Вторую империю до 4 сентября 1870 года. Его первоначально успешная внутренняя и внешняя политика была подорвана в 1860-х годах агрессивной и даже авантюристической внешней политикой (п. II, примеч.[iii, iv]).

[vii] Здесь Толстой шутит о спорах между членами императорской семьи по вопросам внешней политики, которые потеряли интерес для публики, как только состоялся последний по времени полёт воздушного шара «Гигант». Это был самый большой в мире воздушный шар — около 200 тысяч кубических футов газа. Каждый его запуск, даже неудачный, вызывал исключительный энтузиазм публики и затмевал все другие события.

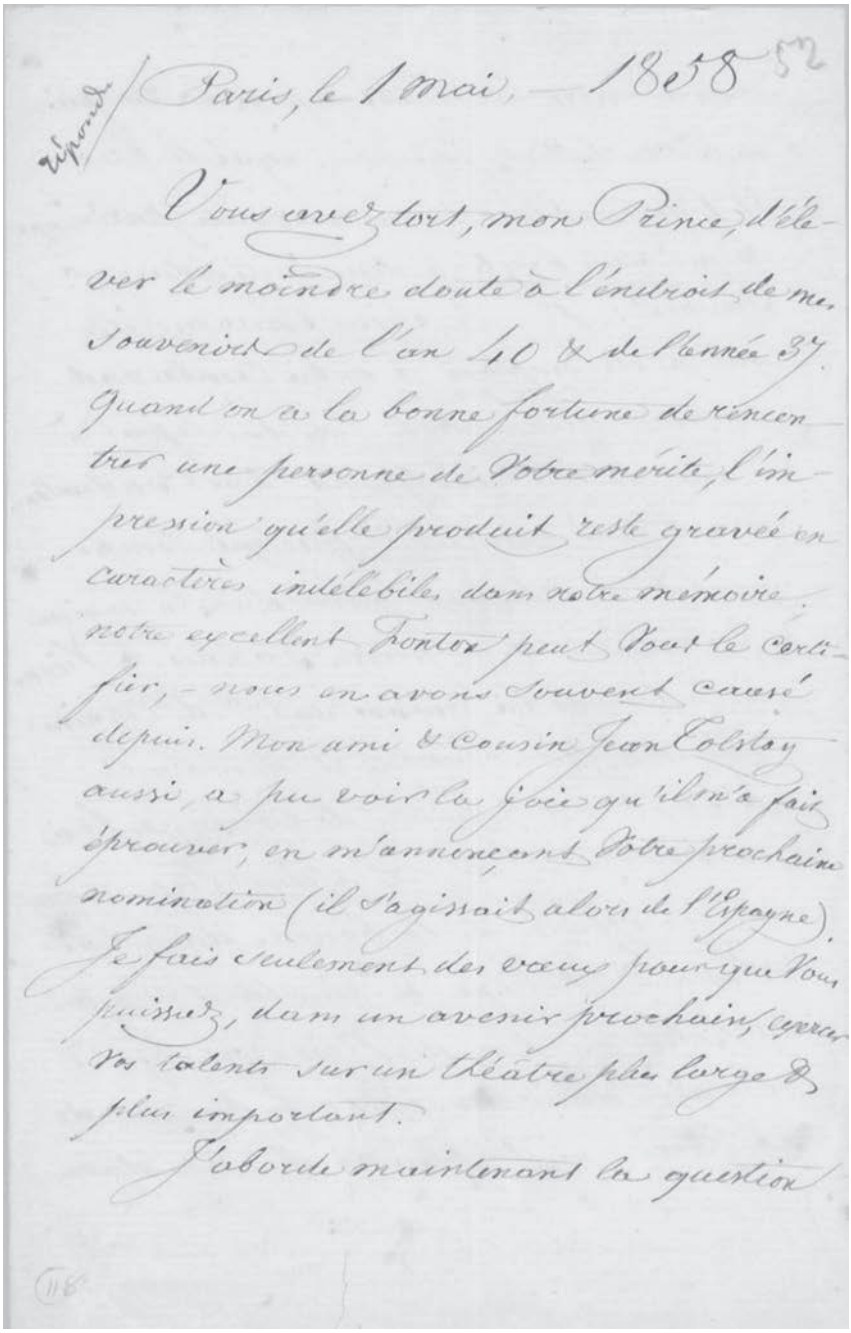
[viii] Наполеон, Жозеф Шарль Поль Бонапарт (1822–1891), — сын младшего брата Наполеона, Жерома (Иеронима), короля Вестфалии. Шутливое прозвище «Плон-Плон» он заслужил во время Крымской войны, в которой участвовал в звании дивизионного генерала. После революции 1848 года был избран в Учредительное собрание, где прославился радикализмом своих речей, за что получил прозвище «красный принц». После провозглашения империи он считался, до рождения императорского принца, наследником престола. Толстой сравнил принца Жозефа с Дюмуленом, французским юристом XVI века, который был известен как красноречивый оратор. В 1865 году принц произнёс речь против участия Франции в мексиканской экспедиции, что привело в замешательство Наполеона III. Ожидалось, что

после этого он отправит своего неуправляемого кузена в одно из длительных «странствований», как это бывало в прошлом.

[ix] Толстой продолжает писать о событиях и персоналиях в том же ироническом ключе. В июле 1865 года императрица Евгения (1826–1920) в отсутствие своего супруга фактически исполняла обязанности регента. Толстой сравнивает её возможную судьбу с судьбой Марии-Луизы Австрийской (1791–1847), второй жены Наполеона I, которая после его отречения вернулась в Австрию, а после его смерти вышла замуж за графа Адама Нейперга (1775–1829).

[x] Сергей Павлович Колошин (1822–1869) — писатель, публицист, фельетонист, редактор. Его роман «Светские язвы» (1858) изображал современную жизнь в сатирическом свете. Другое его сатирическое произведение — «Наша деревня изо дня в день. Дневник фельетониста. Развлечения» было издано в 1860 году. С 1861 по 1863 год издавал в Москве общественно-литературный журнал, но за недостатком средств издание прекратилось, а Колошин разорился. По состоянию здоровья он был вынужден уехать в Италию, где жил в бедности и работал переводчиком. Умер во Флоренции. За границей общался и с Александром Волконским, и с Яковом Толстым.

[xi] «Жестокие страдания» Волконского были связаны с его тяжёлой подагрой.



Répondu

Paris, le 1 mai, — 1858 52

Vous avez tort, mon Prince, d'élever le moindre doute à l'endroit de mes souvenirs de l'an 40 & de l'année 37. Quand on a la bonne fortune de rencontrer une personne de Votre mérite, l'impression qu'elle produit reste gravée en caractères indélébiles dans notre mémoire. notre excellent Fontez peut Vous le certifier, – nous en avons souvent causé depuis. Mon ami & cousin Jean Tolstoy aussi, a pu voir la joie qu'il m'a fait éprouver, en m'annonçant Votre prochaine nomination (il s'agissait alors de l'Espagne). Je fais seulement des vœux pour que Vous puissiez, dans un avenir prochain, exercer vos talents sur un théâtre plus large & plus important.

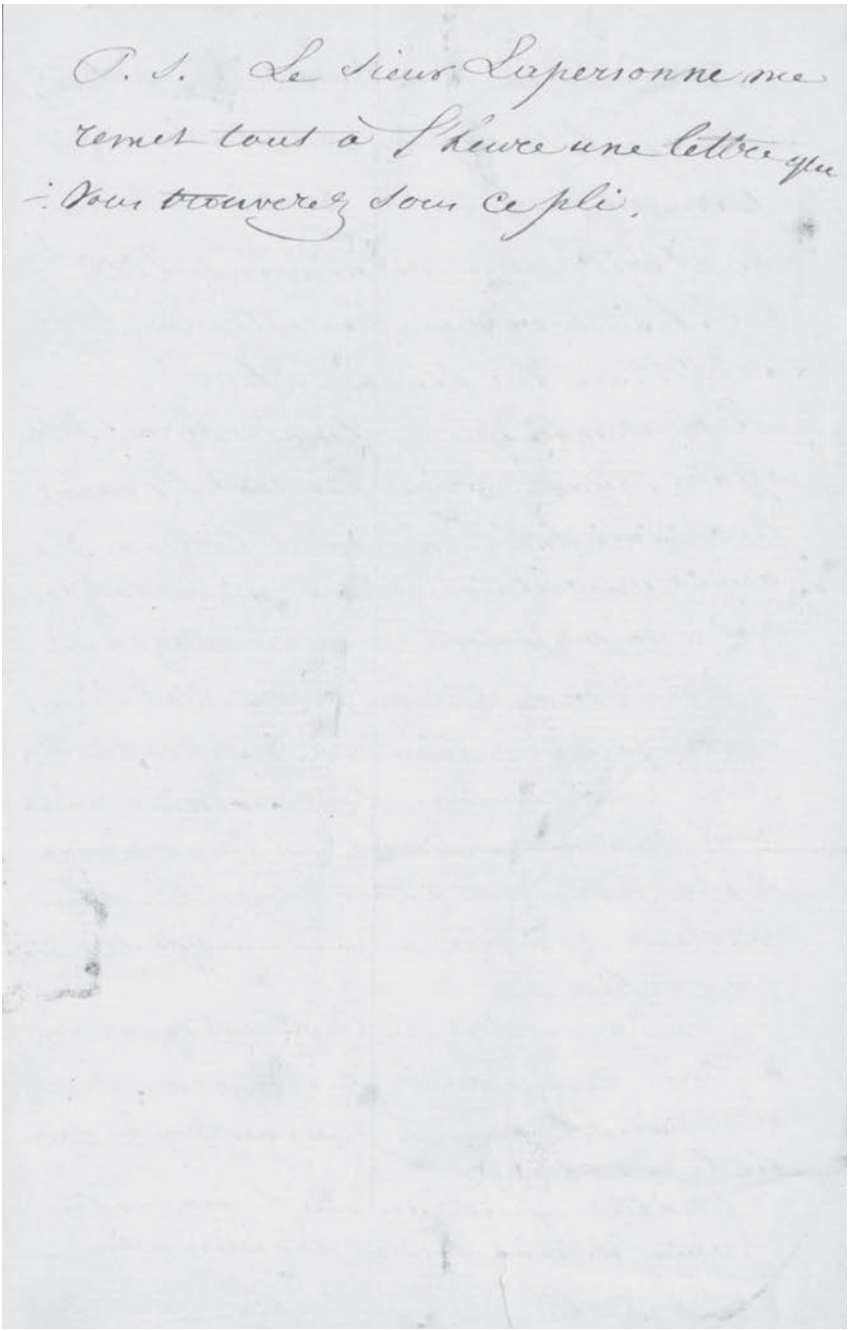
J'aborde maintenant la question

(118)

Письмо I. С. 1. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 1 мая 1858 г.
Архив З. А. Волконской, fMS Russ 46.11(118)

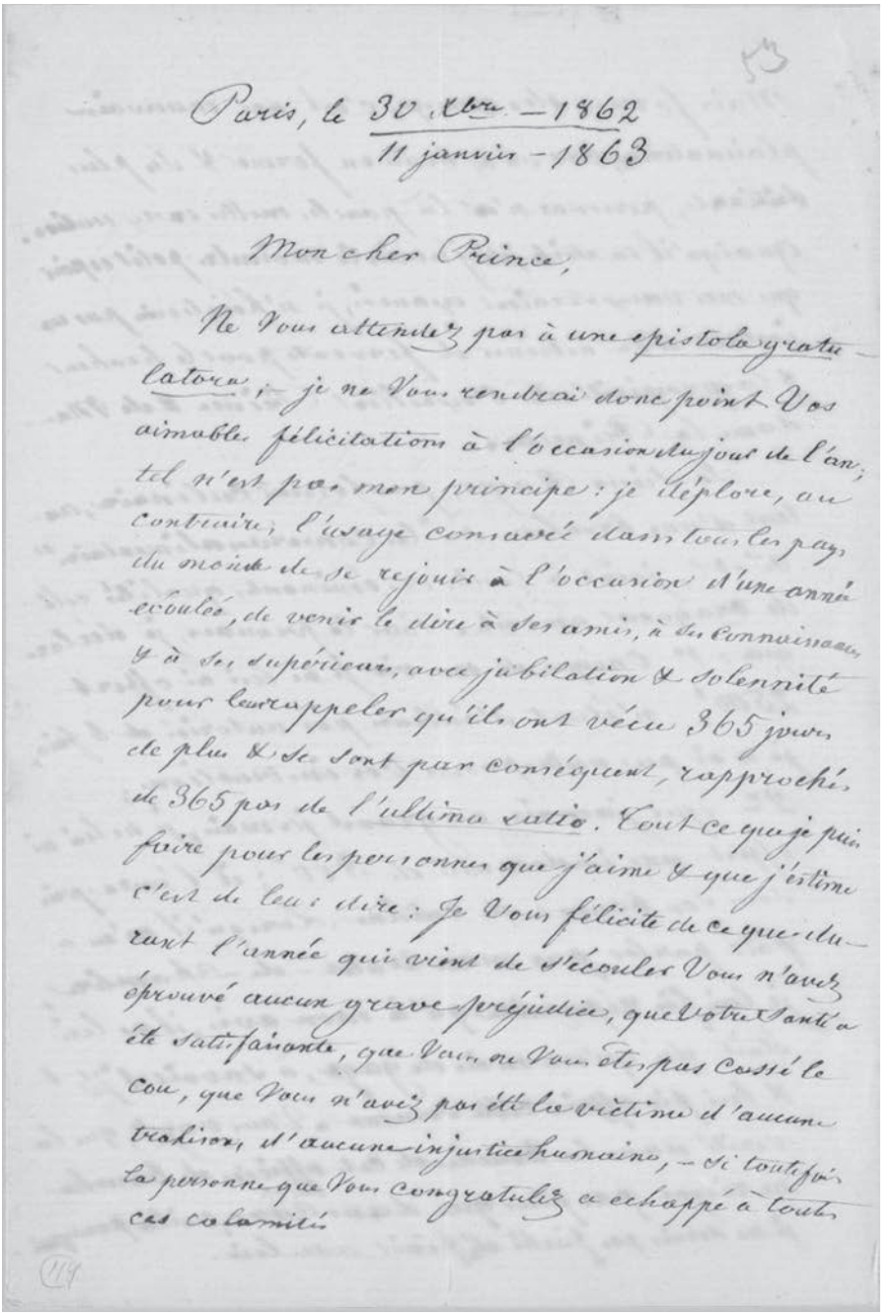
culinaire aussitôt après la réception
de votre lettre, j'ai convoqué le ban
& l'arrière ban de la marmite parisienne
& me suis arrêté à deux individus, – à
savoir: 1° le Sieur Chavonnaille
qui a été employé à notre Ambassade
comme aide-chef lors du séjour à
Paris de Mgr le Grand-Duc Constantin;
il est resté pendant quelque temps, en
qualité de Chef en plein dans la maison
Rothschild & a passé 3 années à Vienne
à la tête de la cuisine du Cte d'Axinim
ministre de Russie; il demande
1500 f. &, comme de raison, les frais
de voyage; – 2° Le Sieur Lepersonne
ancien officier de la bouche du Roi
Louis-Philippe & plus tard Maître
d'Hôtel du Duc de Nemours qu'il
a suivi dans son exil. La baronne de
Seillière une des plus opulentes dame
de Paris, où il a travaillé en dernier
lieu, en fait le plus grand éloge; il
passe aussi pour le premier glacier
de Paris, celui-ci demande 2000 f.
& les frais de voyage, bien entendu; Mme
de Seillière lui donnait 2400 f.
Il me semble que ce dernier ferait votre
affaire, ayant dirigé pendant 11 années
les cuisines de la maison d'Orléans, il a
acquis un certain aplomb qui ne siéd pas
mal à un majordome de bonne compagnie.
Voilà, mon Prince, le résultat de mes
investigations culinaires & j'attendrai vos
ordres pour conclure définitivement avec
celui des deux candidats qui vous agréera
le plus. Je me mets à votre disposition pour
tout autre commission que vous voudrez bien
me confier.
Vous promettez de faire une apparition
à Paris, vous y serez le bien venu & je
m'estimerais heureux de pouvoir vous en faire
les honneurs.
Veuillez agréer avec mes hommages, l'expression
de mon cordial dévouement
J. Colstoy
34, Rue de Penthièvre
P.S.

Письмо I. С. 2.–3. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 1 мая 1858 г.



P. S. Le Sieur Laperronne me remet tout à l'heure une lettre que vous trouverez sous ce pli.

Письмо I. С. 4. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 1 мая 1858 г.

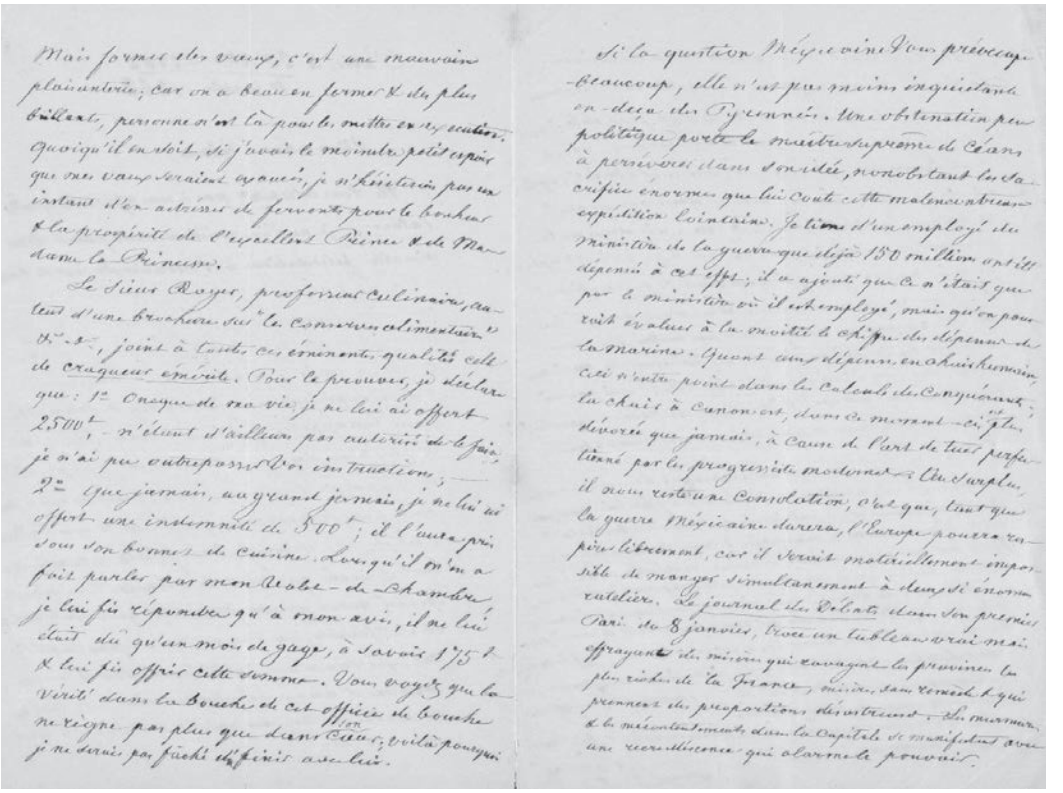


Paris, le 30 Xbre – 1862
11 janvier – 1863

Mon cher Prince,

Ne Vous attendez pas à une epistola gratulatoria; je ne Vous rendrai donc point Vos aimables félicitations à l'occasion du jour de l'an; tel n'est pas mon principe: je déplore, au contraire, l'usage consacré dans tous les pays du monde de se réjouir à l'occasion d'une année écoulée, de venir le dire à ses amis, à ses connaissances et à ses supérieurs, avec jubilation & solennité pour leur rappeler qu'ils ont vécu 365 jours de plus & se sont par conséquent, rapprochés de 365 pas de l'ultima ratio. Tout ce que je puis faire pour les personnes que j'aime & que j'estime c'est de leur dire: Je Vous félicite de ce que durant l'année qui vient de s'écouler Vous n'avez éprouvé aucun grave préjudice, que Votre santé a été satisfaisante, que Vous ne Vous êtes pas cassé le cou, que Vous n'avez pas été la victime d'aucune trahison, d'aucune injustice humaine, – si toutefois la personne que Vous congratulez a échappé à toutes ces calamités

Письмо II. С. 1. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 30 декабря 1862 г. / 11 января 1863 г.
Архив З. А. Волконской, fMS Russ 46.11(119)

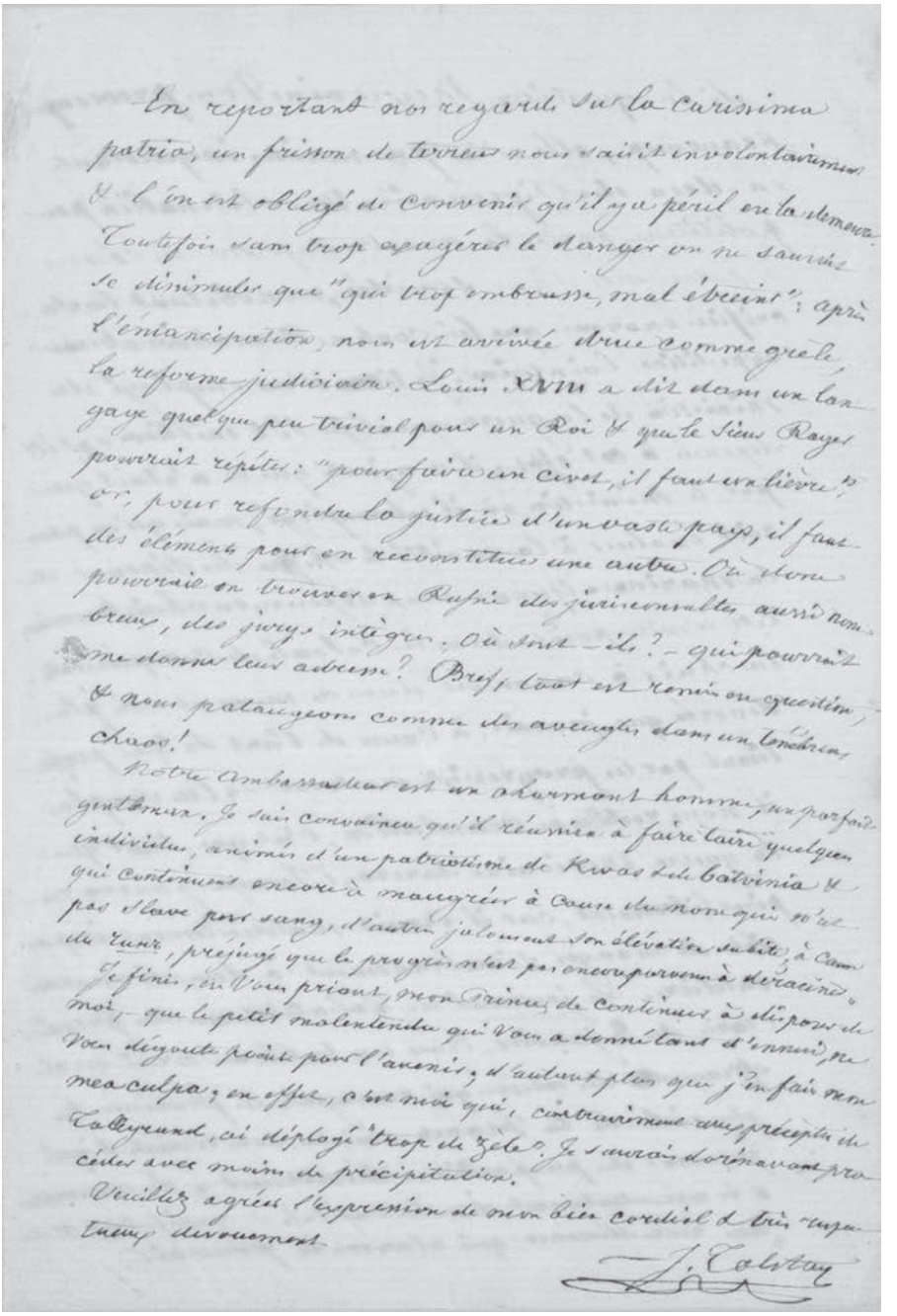


Mais former des vœux, c'est une mauvaise plaisanterie; car on a beau en former & du plus brillant, personne n'est là pour les mettre en exécution. Quoiqu'il en soit, si j'avais le moindre petit espoir que mes vœux seraient exaucés, je n'hésiterais pas un instant d'en adresser de ferventes pour le bonheur & la prospérité de l'excellent Prince & de Madame la Princesse.

Le Sieur Royer, professeur culinaire, auteur d'une brochure sur le Commerce alimentaire &c &c, joint à toutes ces éminentes qualités celle de cuisinier émérite. Pour le prouver, je déclare que: 1° Lorsque de ma vie je ne lui ai offert 2500 f, n'étant d'ailleurs pas autorisé de le faire, je n'ai pas outrepassé l'ordre instructif; — 2° que jamais, au grand jamais, je ne lui ai offert une indemnité de 500 f; il l'a pris sous son bonnet de cuisine. Lorsqu'il m'en a fait parler par mon Aide-de-Chambre je lui fis répondre qu'à mon avis, il ne lui était dû qu'un mois de gage, à savoir 175 f & lui fis offrir cette somme. Vous voyez que la vérité dans la bouche de cet officier de bouche ne règne pas plus que dans Cœur; voilà pourquoi je ne saurais pas fixer définitivement avec lui.

Si la question Mexicaine vous préoccupe beaucoup, elle n'est pas moins inquiétante en-deçà des Pyrénées. Une obstination peu politique porte le ministre suprême de céans à persévérer dans son idée, nonobstant les sacrifices énormes que lui coûte cette malencontreuse expédition lointaine. Je tiens d'un employé du ministère de la guerre que déjà 150 millions ont été dépensés à cet effet; il a ajouté que ce n'était que pour le ministère où il est employé, mais qu'on pourrait évaluer à la moitié à ajouter des dépenses de la marine. Quant aux dépenses en chair humaine, cet article point dans les calculs des conquérants; la chair à canon est, dans ce moment-ci, plus dévorée que jamais, à cause de l'art de tuer perfectionné par les progressistes modernes. — Au surplus, il nous reste une consolation, c'est que, tant que la guerre Mexicaine durera, l'Europe pourra respirer librement, car il serait matériellement impossible de manger simultanément à deux si énormes ratelier. Le journal du Débats dans son premier Paris du 8 janvier, trace un tableau vrai mais effrayant des misères qui ravagent les provinces les plus riches de la France, misères sans remède & qui prennent des proportions désastreuses. Du murmure & le mécontentement dans la capitale se manifestent avec une recrudescence qui alarme le pouvoir.

Письмо II. С. 2–3. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому.
Париж, 30 декабря 1862 г. / 11 января 1863 г.



En reportant nos regards sur la carissima patria, un frisson de terreur nous saisit involontairement & l'on est obligé de convenir qu'il y a péril en la demeure. Toutefois sans trop exagérer le danger on ne saurait se dissimuler que "qui trop embrasse, mal étreint": après l'émancipation, nous est arrivée drue comme grêle la reforme judiciaire. Louis XVIII a dit dans un langage quelque peu trivial pour un Roi & que le Sieur Royer pourrait répéter: "pour faire un civet, il faut un lièvre", or, pour refondre la justice d'un vaste pays, il faut des éléments pour en reconstituer une autre. Où donc pourrait on trouver en Russie des jurisconsultes aussi nombreux, des jurys intègres. Où sont-ils? – qui pourrait me donner leur adresse? Bref, tout est remis en question & nous patauyeons comme des aveugles dans un ténébreux chaos!

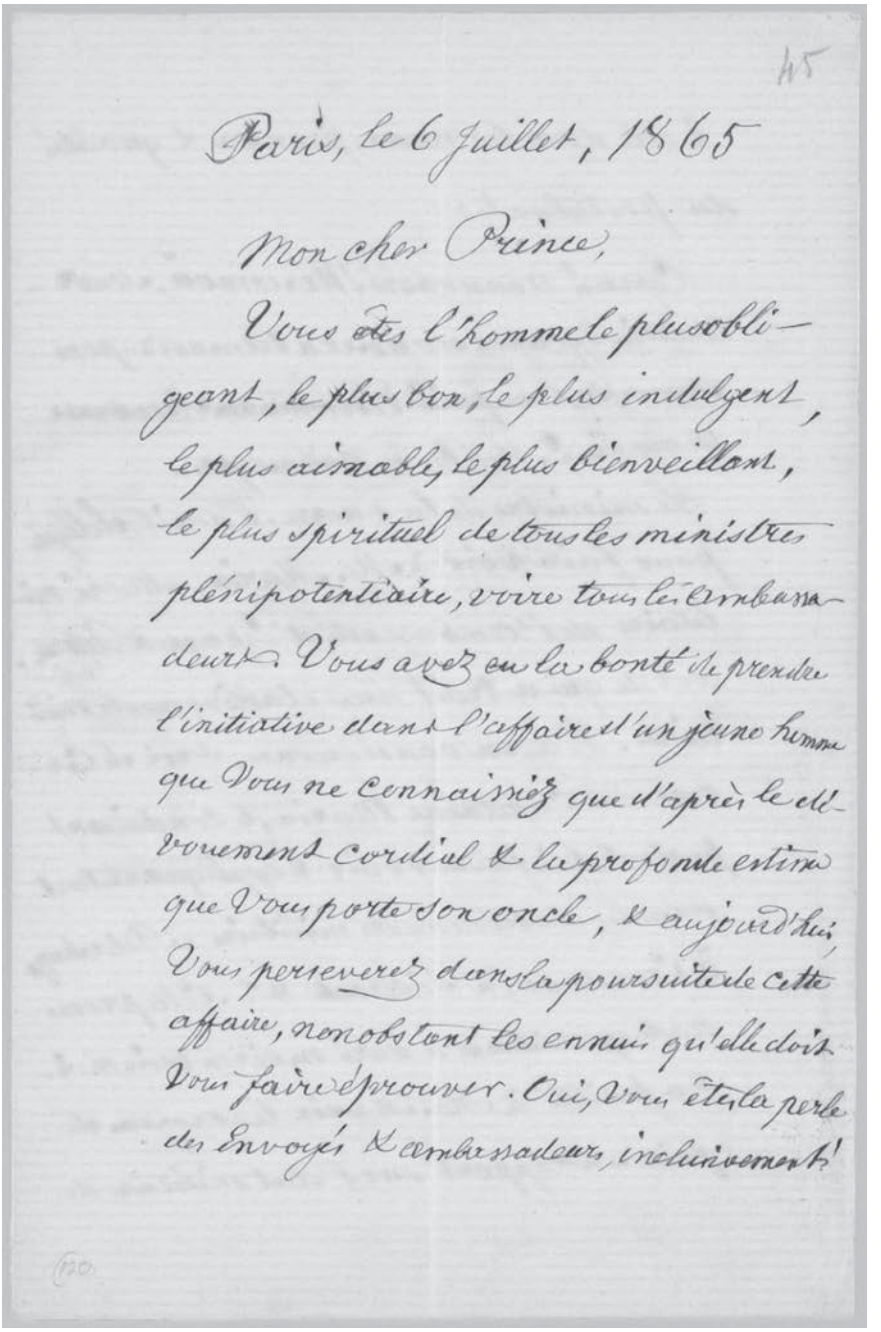
Notre ambassadeur est un charmant homme, un parfait gentilhomme. Je suis convaincu qu'il réussira à faire taire quelques individus, animés d'un patriotisme de Kwas de la Batavia & qui continuent encore à manifester à cause du nom qui n'est pas slave pur sang, d'autres jalousent son élévation subite, à cause de leur, préjugé que le progrès n'est pas encore parvenu à déraciner.

Je finis, en vous priant, mon Prince, de continuer à disposer de moi, – que le petit malentendu qui vous a donné tant d'ennui, ne vous dégoute point pour l'avenir, d'autant plus que j'en fais mon mea culpa; en effet, c'est moi qui, contrairement aux préceptes de Talleyrand, ai déployé trop de zèle. Je saurai dorénavant procéder avec moins de précipitation.

Veuillez agréer l'expression de mon bien cordial & bien respectueux dévouement

L. Tolstoy

Письмо II. С. 4. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому.
Париж, 30 декабря 1862 г. / 11 января 1863 г.



45

Paris, le 6 Juillet, 1865

Mon cher Prince,

Vous êtes l'homme le plus obligeant, le plus bon, le plus indulgent, le plus aimable, le plus bienveillant, le plus spirituel de tous les ministres plénipotentiaire, voire tous les ambassadeurs. Vous avez eu la bonté de prendre l'initiative dans l'affaire d'un jeune homme que Vous ne connaissiez que d'après le dévouement cordial & la profonde estime que Vous porte son oncle, & aujourd'hui Vous persevererez dans la poursuite de cette affaire, nonobstant les ennuis qu'elle doit Vous faire éprouver. Oui, Vous êtes la perle des Envoyés & ambassadeurs, inclusivement!

(120)

Письмо III. С. 1. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 6 июля 1865 г.
Архив З. А. Волконской, fMS Russ 46.11(120)

Voici donc les noms, prénoms & qualités du postulant:

Сергій Ивановичъ Толстой, Надворный Государственный Секретарь Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Статскій Генералъ Адъютантъ Его Императорскаго Величества.

Le ministre de la guerre l'avait délégué pour faire voir à Mr. Marix, attaché militaire de l'ambassade d'Espagne à Petersb. tout ce qui a trait aux établissements militaires. Il a, en conséquence, servi de Cornac au Capitaine Marix, le conduisant partout, lui faisant voir & expliquant tout dans les établissements militaires à Petersbourg, à Cronstadt, à Sisterbeck &c. Cette promenade quotidienne a duré environ trois mois & a facilité à Mr. Marix les moyens de faire un rapport sur l'état militaire de Russie, lequel lui aura valu, vraisemblablement quelque décoration. Tels sont les titres de mon neveu à une petite rémunération, si vous parvenez à la lui faire accorder, — vous ferez justice.

Le tableau que vous tracez de la situation politique de l'Espagne ne saurait donner de solides garanties pour l'avenir: la sécurité du pays repose sur la fidélité de l'armée & se trouve entre les mains de leur chef plus ou moins ambitieux, plus ou moins turbulent, dont vous avez sous ce rapport un specimen fort curieux en la personne de Gl Prim. Au surplus, tous les pays du monde offrent les mêmes inconvénients & de trouvons à peu près dans les mêmes conditions, à savoir que les intérêts des Etats dépendent de la force armée, cet ultima ratio des insurrections. J'ai été maintes & maintes fois

Письмо III. С. 2–3. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 6 июля 1865 г.

témoin de ces défections spontanées de troupes;
il suffisait d'un bataillon partisan avec
les émeutiers, pour faire faire subitement volte
face à tout le reste de la troupe.

J'apprends la mort du Duc de Rivas que
j'ai beaucoup connu lors de son émigration
sous le nom de Colonel Saavedra; je l'ai re-
vu depuis Duc & ambassadeur; c'était un
homme de talent & d'esprit

Quant à nous, nous sommes bien tranquilles
pour le moment; à en juger par les acclama-
tions enthousiastes du bon peuple parisien à
l'apparition de leur bien aimé Empereur, il
nous est permis d'espérer que tout ira à vair
Quelques différends qui ont éclaté au sein
de la famille impériale, ont un peu préoccu-
pé le public, mais une ascension aéronautique
a fait tout oublier & les préoccupations se
sont envolées avec le Géant. En attendant
Plon-plon, — ou comme on l'appelle à

Письмо III. С. 4. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 6 июля 1865 г.

Suite 2

l'armée Croint-plomb à cause de son courage équivoque; en attendant cet enfant terrible du Sénat & de la famille impe, après avoir fait semblant d'avoir fait une chute, pour retarder sa visite aux Tuileries, continue à bouder & va, dit-on, faire un voyage de circumnavigation & tout le monde applaudit à cette lointaine pérégrination; d'aucuns chantent: "Bon voyage Monsieur Dumolet" On vous regrettera quand vous reviendrez. — On fait courir le bruit qu'il est revenu à résipiscence, & qu'il reste & sera réintégré dans sa fonction de Conseiller privé. — L'Impératrice paraît avoir pris au sérieux sa régence & les applaudissements populaires & ceux de la presse; elle en est fermement convaincue

Письмо III. С. 5. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 6 июля 1865 г.

qu'à la mort de César, elle Césarine
prendra, en toute sécurité, les rênes du gou-
vernement; elle ne lit donc point l'histoire?
elle pourrait bien se désillusionner en ouvrant
seulement le Moniteur de 1813; elle y ver-
rait que Marie Louise régente comme
elle à cette époque, que le peuple acclamait
comme la plus sage, la plus charitable
des souveraines, — a fini par prendre
le chemin de Parme & devenir Madame
de Neipperg.

Kalochine m'a parlé de Vos cruelles
souffrances; il n'est pas besoin de dire que
nous y avons vivement compati.
Avec mille & mille remerciments
Votre bien cordialement dévoué

L. Tolstoy

Письмо III. С. 6. Я. Н. Толстой кн. А. Н. Волконскому. Париж, 6 июля 1865 г.

Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну

Подписанное и датированное письмо от Ивана Сергеевича Тургенева в архиве Волконской не содержит имени адресата. Им не мог быть Александр Никитич Волконский — он находился в Мадриде в качестве русского посла до октября 1868 года[1], а в это время адресат письма, очевидно, жил в Париже. Текст письма, до сих пор не опубликованного, даёт, однако, полезную информацию относительно личности человека, которому оно было написано.

Письмо датировано 21 февраля 1868 года и содержит адрес отправителя — Баден-Баден, где Тургенев жил, с небольшими перерывами, с 1863 года. Единственной причиной, побудившей знаменитого писателя выбрать этот модный немецкий курорт, было желание находиться рядом с Полиной Виардо, за которой он следовал с 1845 года. Семья Виардо покинула Францию, потому что муж Полины, Луи Виардо, композитор и искусствовед, был противником режима Наполеона III. Прославленная певица, уже потерявшая голос, выбрала Баден-Баден, где она занималась преподаванием, постановкой музыкальных спектаклей, а также изредка давала концерты. К тому времени Тургенев стал не просто близким другом, но скорее членом семьи Виардо. В Баден-Бадене Тургенев работал над переводом на французский язык романа «Дым» и писал рассказ «Бригадир». Он также помогал Полине Виардо утвердить себя в новом амплуа — музыкального педагога и режиссёра собственных музыкальных комедий, писал для них либретто и даже сам появлялся иногда на сцене в довольно странных ролях, всегда встречаемый публикой с любопытством. Во время сезонов, когда разрешали охоту, Тургенев предавался своему старому увлечению; его компаньоном был Луи Виардо, такой же заядлый охотник. В этот период Тургенев вёл интенсивную переписку с русскими, французскими и немецкими друзьями и корреспондентами из литературных кругов. Это также помогло нам установить личность тургеневского адресата.

Письмо, начинающееся с формального «Monsieur», написано по-французски, за исключением двух русских названий — рассказа «Бригадир» и журнала «Вестник Европы». Это подсказывает, что письмо было написано либо русскому, для которого французский был привычным средством общения, либо французу, владеющему русским. Теоретически это мог быть Проспер Мериме, свободно читающий по-русски, но Тургенев не мог обращаться к нему так отстранённо (они были друзьями). Это подтверждается их более поздней перепиской[2].

Будучи тонким стилистом, Тургенев всегда заботился об оформлении своих писем. Его французский был безупречен, хотя сам он считал его «петербургским французским». Однако литературные друзья Тургенева находили, что его чистый и выразительный французский напоминает язык французских салонов XVIII века[3]. Тургенев писал по-русски не только своим русским друзьям, но, временами, и Полине Виардо, которая хорошо знала кроме европейских языков также и русский. «Мои дружеские чувства, — написал он однажды, — могут быть гораздо лучше выражены на нашем родном языке»[4]. Тургенев, живя за границей, любил, по его словам, «побаловать себя иногда русским словцом»[5].

Имея в виду эти соображения, мы снова обратились к тургеневским письмам за 1867–1868 годы. Из его русских корреспондентов, получавших от него письма на французском, мы выделили семерых. Четырём из них, которым он обычно писал по-русски, Тургенев послал рекомендательные письма по-французски; он просил за различных людей. Все они начинались с обращения «Cher Monsieur»[6]. Следующие два письма были адресованы русским, для которых французский был основным языком коммуникации[7]. Седьмым человеком, которому Тургенев написал пятнадцать длинных писем по-французски, был русский князь Августин Петрович Голицын (1823–1875), обращённый католик, эссеист и издатель французского журнала Correspondent. Мы считаем, что именно к нему обращено настоящее письмо[8].

Именно Голицын перевёл роман Тургенева «Дым»; этот перевод настолько разочаровал автора, что, при участии Проспера Мериме[9], он не только его исправил, но даже переписал многие части романа. Тургенев называл Голицына своим «переводчиком-предателем»[10] и писал ему: «Я только что получил первые главы „Дыма“ в „Корреспонденте“ — и не мог отделаться от тягостного чувства, видя своё имя под работой, кишащей — должен это сказать — ошибками и бессмыслицей <...> Я никогда не кончу, если стану перечислять все ошибки этого перевода»[11]. Вдобавок ко всему, когда «Дым» стал объектом яростных политических нападок на Россию, Голицын, не желая, чтобы его имя было связано с романом, попросил изъять его из французского перевода[12]. Всё это показывает, что у Тургенева были причины не жаловать ни голицынский перевод, ни его самого, и объясняет безличное «Monsieur», французский язык письма и сдержанный тон.

Упоминание Тургеневым о предстоящей поездке в Париж и его обещание привезти рассказ «Бригадир» также подтверждает нашу атрибуцию. В одном из опубликованных писем Голицыну, написанных уже после поездки Тургенева в Париж, он возвращается к тому же вопросу: извиняясь за то, что не привёз «Бригадира», как обещал, он уведомляет Голицына, что рассказ ему вскоре передадут[13].

Ещё один аргумент в поддержку нашего заключения о личности адресата неожиданно нашёлся в более позднем добавлении к архиву

Волконской, в папке с пятью короткими письмами Августину Голицыну и запиской Ангелине Голицыной[14]. Письмо Тургенева было, однако, положено отдельно. Присутствие этого неожиданного письма можно объяснить католическими связями самой Волконской или кого-то из её потомков, а также частыми поездками князя Августина Голицына в Рим, где жили несколько поколений его родственников.

Это письмо из гарвардского архива Волконской является шестнадцатым из известных писем, написанных Иваном Сергеевичем Тургеневым Августину Петровичу Голицыну. Из пятнадцати уже опубликованных писем только два сохранились в оригинале[15].

Лист (14 x 21,5 см). Слева на бумаге рельефное тиснение: корона и буквы «М. А.». Текст письма расположен на лицевой стороне, на обороте подпись.

Не опубликовано

Bade
Schillerstr. 7
a 21 Fevrier 1868

Monsieur,

Si je ne vous ai pas repondu à l'instant, c'est que je comptais aller à Paris et vous remettre en personne le No de la Revue *(Vestnik Evropy)* où se trouve ce petit récit en question. La maladie d'un ami m'a retenu ici; mais j'espère pouvoir me rendre à Paris vers la fin de la semaine prochaine — et j'aurai le plaisir de vous porter le «Brigadier» dés que j'y serai arrivé.

Le prince Tcherkasski a quitté Bade depuis plus d'un mois: il est allé par Munich à Berlin où il compte passer le reste d l'hiver. Recevez, Monsieur, l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

J. Tourguéneff

Баден-Баден
Шиллерштрассе, 7.
21 Февраля 1868[i]

Monsieur[ii]*,*

я не ответил вам сразу потому, что рассчитывал поехать в Париж и передать вам лично номер (Вестника Европы), в котором помещён тот самый маленький рассказ[iii]. Болезнь моего друга задержала меня; но я надеюсь отправиться в Париж к концу следующей недели[iv] — и буду иметь удовольствие принести вам «Бригадира», как только приеду[v].

Князь Черкасский[vi] вот уже больше месяца как покинул Баден-Баден: он поехал в Берлин (через Мюнхен), где надеется провести остаток зимы.

Примите, Monsieur, уверения в моём совершенном почтении.

И. Тургенев

[i] Тургенев всегда датировал свои письма, не забывая указать и адрес. Однажды он ворчал на писателя Д. В. Григоровича за его раздражающую русскую привычку не писать адрес, так что возникала путаница относительно местопребывания отправителя[16]. Благодаря такому педантизму Тургенева мы теперь знаем, что 21 февраля 1868 года он находился в Баден-Бадене, на Шиллерштрассе, 7, где он жил с начала 1863 года. Через десять дней после возвращения из Парижа, 30 марта/11 апреля 1868 года, Тургенев переехал в собственный дом на Тиргартенштрассе, 3.

[ii] Формальное «Monsieur» Тургенев использовал в тринадцати из пятнадцати писем Голицыну. Только в двух письмах он обращался к Голицыну как «Mon Prince» или «Cher Monsieur»[17].

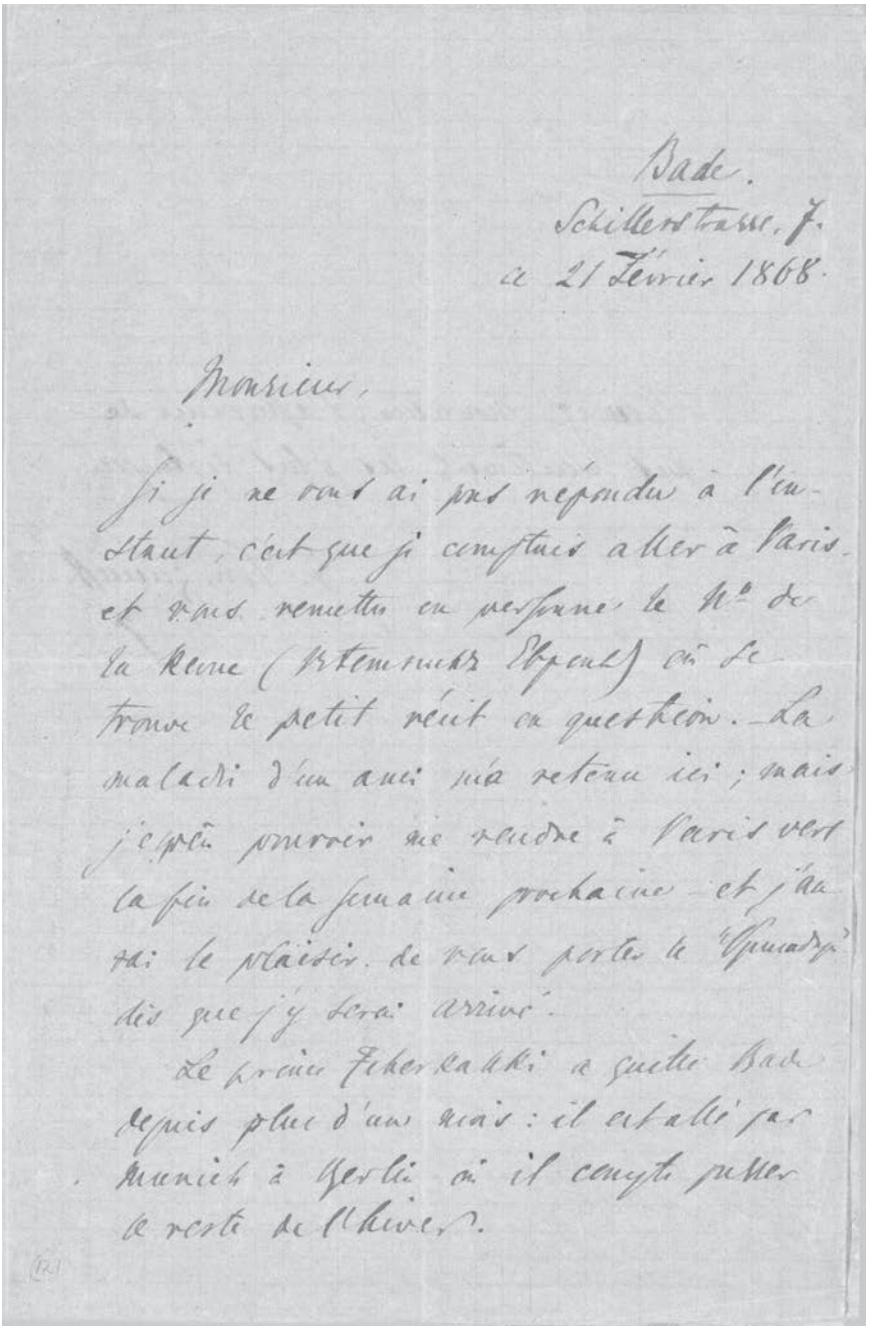
[iii] Название «того самого маленького рассказа» («ce petit récit en question») — «Бригадир». Тургенев начал его писать 7/19 февраля 1867 года в Баден-Бадене[18]. Рассказ был напечатан в России в январском выпуске журнала «Вестник Европы». Тургенев тщательно работал над текстом, отшлифовывая детали. По воспоминаниям И. А. Гончарова, Тургенев, случалось, посылал срочные письма из Германии, прося редактора изменить или добавить несколько слов[19].

[iv] Тургенев начал планировать поездку в Париж ещё в декабре 1867 года и не раз писал об этом в своих письмах, но откладывал её так много раз, что и сам начал подшучивать над этим: «Дьявол вмешивается в мои планы, вставляя палки в колёса»[20]. В письмах Тургенев приводил разные причины отсрочки отъезда, одной из которых была болезнь Луи Виардо[21]. Действительной причиной, однако, была тяжёлая финансовая ситуация, в которой состоятельный Тургенев очутился в это время из-за недобросовестного управления его имениями дядей, Николаем Николаевичем Тургеневым, который почти разорил писателя. В начале января управляющий нанёс последний удар: он объявил необеспеченный вексель на шестнадцать с половиной тысяч рублей, которые его доверчивый племянник оставил ему на случай крайней необходимости[22]. Кое-как поправив свои дела, Тургенев отправился в Париж 11/23 марта 1868 года. Вернулся он 20 марта/1 апреля, проведя неделю в Париже, где увиделся с дочерью Полиной Брюэр и обсудил с издателем некоторые вопросы. Голицын не получил рассказа для перевода. Вскоре после публикации «Бригадира» в России («Вестник Европы». 1868. № 1) Тургенев сам взялся переводить его, диктуя, как обычно, французский текст Луи Виардо («он знал своё дело»), затем посылая его для правки Просперу Мериме[23]. Рассказ был опубликован во Франции в 4, 5 и 6-м выпусках «Journal de Débats» за 1868 год. Несколько месяцев спустя, вместе с шестью другими рассказами Тургенева, «Бригадир» появился в сборнике рассказов «Московские новеллы» (Nouvelles moscovites), изданном Жюлем Этцелем в Париже в 1869 году.

[v] На следующий день после прибытия в Париж Тургенев увиделся с Голицыным, но не мог отдать ему «Бригадира», как обещал в письме, потому что должен был оставить русский текст у Мериме, который работал над

переводом. Однако он послал Голицыну рассказ спустя три месяца, через Проспера Мериме[24].

[vi] Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878) — русский общественный деятель, публицист. В молодости (1850–1851) участвовал в деятельности славянофильских кружков, печатался в их издании «Русская беседа». Совместно с Н. А. Милютиным, одним из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 года, и философом-славянофилом Ю. Ф. Самариным В. А. Черкасский участвовал в подготовке и проведении освобождения крестьян от крепостной зависимости. Тургенев мог встретить Черкасского в 1857 году, когда тот был за границей. Зимой 1858 года они оба были в Риме, и вполне вероятно, что их знакомство с Голицыным началось здесь. Позже Тургенев и Черкасский встречались и за границей, и в Москве. Осенью 1867 года, когда князь Черкасский был в Баден-Бадене, Тургенев представил его семейству Виардо, и все трое — Тургенев, Черкасский и Виардо — приняли участие в охоте.



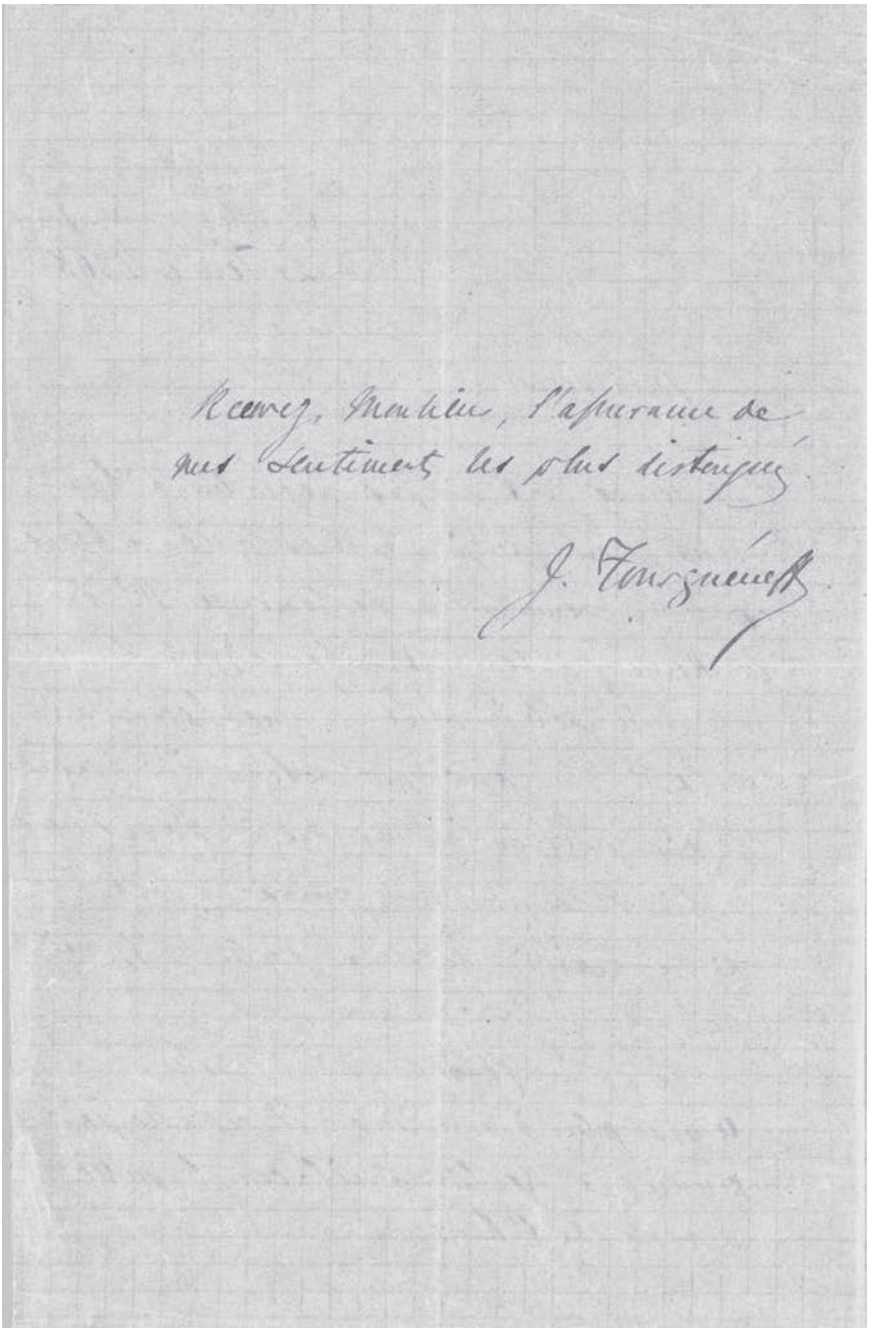
Bade.
Schillerstrasse, 7.
ce 21 Février 1868.

Monsieur,

Si je ne vous ai pas répondu à l'instant, c'est que je comptais aller à Paris et vous remettre en personne le N° de la Revue (Vremennik Obzorenij) où se trouve le petit récit en question. — La maladie d'un ami m'a retenu ici; mais j'espère pouvoir me rendre à Paris vers la fin de la semaine prochaine et j'aurai le plaisir de vous porter le "Spuaschi" dès que j'y serai arrivé.

Le prince Tcherkaski a quitté Bade depuis plus d'un mois: il est allé par Munich à Berlin où il compte passer le reste de l'hiver.

Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну. Баден-Баден, 21 февраля 1868 г.
Архив З. А. Волконской, fMS Russ 46.11(121)



Recevez, Monsieur, l'assurance de
mes sentiments les plus distingués.

J. Tourgénieff

Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну. Баден-Баден, 21 февраля 1868 г. С. 2

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

I. Введение

[1] Существует запись М. Д. Татищевой, бабушки З. Волконской, которая свидетельствует, что княгиня родилась 3 декабря 1789 г. в Дрездене. Сама Волконская указывала дату 3 декабря 1792 г., Турин. Изменение места рождения связано с тем, что её отец жил в Турине в указанное время. Дата рождения З. Волконской впервые обсуждалась в статье: *Якобсон Р., Арутюнова Б.* Неизвестная альбомная запись Николая Гоголя. Harvard Library Bulletin. Cambridge, July 1972. Vol. XX. № 3. P. 237.

[2] *Гулыга А.* Из забытого. Наука и жизнь. М., 1977. № III. С. 104–107; Письма И. Канта князю А. М. Белосельскому. ЦГАЛИ. Ф. 172, оп. 1, д. 153.

[3] У Зинаиды никогда не было тёплых отношений с мачехой. Характерно, что среди памятников дорогим её сердцу людям, возведённых в саду римской виллы Волконской, места для А. Г. Белосельской-Белозерской не нашлось. Среди имён государственных деятелей и знаменитых писателей мы, однако, находим имена её няни и гувернантки.

[4] Отдел рукописей библиотеки Хоттон, Гарвардский университет (далее — ОРБ Хоттон).

[5] *Азадовский М. К.* Из материалов Строгановской Академии. Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской // Литературное наследство (далее — ЛН). М.-Л.: Академия Наук СССР. 1939. Т. 33–34. С. 206–208; ОРБ Хоттон.

[6] ОРБ Хоттон.

[7] *Lieven D., von.* Letter to her brother Alexander Benkendorf, 16/28 September, 1813 // Robinson L. G., ed. Letters of Dorothea Princess Lieven. London: Longmans, 1902. P. 5.

[8] Записки М. Д. Бутурлина // Русский Архив (далее — РА). 1897. Кн. I, вып. 4. С. 641; Там же. 1878. Вып. 10. С. 252.

[9] ОРБ Хоттон.

[10] *Gentz F., von.* Journal. Leipzig, 1861. P. 1854; *Weil M.-H.* Les dessous du Congrès de Vienne. Paris: Payot, 1971. Vol. I. P. 201, 206, 229, 372, 399.

[11] Письмо графа Москати З. Волконской, 23 апреля 1815 г. // ОРБ Хоттон; *Rzewuska R.* Mémoires. Rome: Cuggiani, 1939. Vol. II. P. 18.

[12] *Волконский А. Н.* Шесть писем императора Александра I к княгине З. А. Волконской // Сборник русского исторического общества. 1868. Т. III. С. 312.

[13] Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Béloselky-Bélozersky. Paris et Karlsruhe: W. Hasper, 1865. Vol. I. P. 151; ОРБ Хоттон.

[14] *Тургенев Н. И.* Письма к брату С. И. Тургеневу. М.: АН СССР, 1936. С. 232.

[15] *Свистунова М. П.,* ред. Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1875. Кн. VIII. С. 679; *Rzewuska R.* Mémoires... P. 17; *Thürheim L.* Mein Leben, Erinnerungen aus Osterreichs Grosser Welt. Munich: Miller, 1914. Vol. III. P. 79, 100, 102.

[16] *Записка аббата Николя* о воспитании молодого князя А. Н. Волконского. // РА. 1895. Кн. I, вып. 4. С. 486–496.

[17] *Батюшков К. Н.* Его письма и очерки его жизни // РА. 1867. Вып. 10–11. С. 1518, 1520, 1524.

[18] *Volkonskaja Z.* La boue d'Odessa // ОРБ Хоттон; также опубликовано и откомментировано Надеждой Городецкой: Zénaida Volkonsky. La boue d'Odessa. Revue des études Slaves, 1953. P. 82–86.

[19] Паспорт Наумовой был найден позже в архиве писателя А. М. Ремизова. Об этом: *Полонский Я. Б.* Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме. Временник Общества друзей русской книги. Париж: Поволоцкий, 1938. Т. IV. С. 163, 165.

[20] Из автобиографических записок княжны В. Н. Репниной // РА. 1897. Кн. II, вып. 7. С. 489.

[21] *Булгаков А. Я.* Письмо к брату, 19 августа 1818 г. // РА. 1900. Кн. III, вып. 9. С. 129.

[22] Quatre nouvelles par la princesse Zéneide Volkonsky — Laure, Deux tribus du Brésil, Les maris mandingues, L'enfant de Kachemyr. Moscou, L'Imprimerie d'Auguste Sémène, 1819. P. 1–176; Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 1–142.

[23] Боргондио, Жантиль (1780 — ум. после 1830). Остафьевский архив князей Вяземских. Изд. графа С. Д. Шереметева / под ред. и с прим. В. И. Саитова. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1913 (далее — ОА). Т. I. С. 318, 323.

[24] Там же. С. 322–323.

[25] *Beyle H. (Stendhal)*. Lettre à A. de Mareste, Mars 3, 1820 // Correspondance. Paris: le Divan. 1933. Vol. V. P. 299.

[26] Скульптор С. И. Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818–1828. Собрал Эвальд В. Ф. // Приложение к Вестнику Изящных Искусств. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 1884. Т. II, вып. 5. С. 122–125; *Lewis T.*, ed. Extracts of the Journals and Correspondence of Miss Berry. London. 1865. Vol. III. P. 274–276.

[27] *Rochefoucauld S., de la*. Lettre à Volkonskaya, novembre 24, 1822. Mémoires. Paris, 1837. Vol. I. P. 347–349; *Rzewuska R.* Mémoires... P. 17.

[28] ОРБ Хоттон.

[29] *Булгаков А. Я.* Письмо к К. Я. Булгакову, 28 июля 1824 г. // РА. 1901 г. Кн. II, вып. 5. С. 74.

[30] Extrait d'une lettre au Baron Mérian en 1826 // ОРБ Хоттон; Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 219–232.

[31] Князь П. Б. Козловский (1783–1840). Приводится по: *Белозерская Н.* Княгиня З. А. Волконская // Исторический Вестник (далее — ИВ). 1897. Т. LXVII. С. 952.

[32] Tableau Slave du cinquième siècle. Paris, 1824; Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 157–218.

[33] Интерес Белосельских к своим корням продолжился до настоящего времени. Князь Сергей Сергеевич Белосельский (1895–1979), который жил в США, написал для своих детей историю их рода на английском. Я благодарна Марине Белосельской-Казарда, обратившей моё внимание на эту рукопись.

[34] Gazette de France, 31 mai, 1824; *Martainville A.* Drapeau Blanc, 30 mai 1824. Приводится по: *Белозерская Н.* Княгиня З. А. Волконская... С. 953.

[35] *Волконская З.* Ольга (отрывок) // Московский наблюдатель. 1836. Т. IX. С. 308–338; *Volkonskaya Z. A.* «Olga» // Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 269–338.

[36] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. VII. С. 329.

[37] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 6 февраля 1833 г. // ОА. 1899. Т. III. С. 223.

[38] *Модзалевский Б. Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. Былое. Петроград, 1918. № I (29). С. 31.

[39] См. ссылку[36]. Адам Мицкевич посвятил Волконской стихотворение «Греческая комната»; он также перевёл для неё в прозе на французский свои «Крымские сонеты», приложив к подношению прозаический перевод (на французский) своих стихов о поэзии («О, поэзия, ты не искусство живописи...») // ОРБ Хоттон.

[40] *Волконская З. А.* Письмо А. С. Пушкину, 29 октября 1826 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1937. Т. XIII. С. 229.

[41] *Козлов И. И.* Письмо З. А. Волконской, 25 ноября 1826 г. // ОРБ Хоттон.

[42] *Волконский М. С.*, ред. Записки княгини М. Н. Волконской. СПб.: Голике, 1906. С. XXXI, XXXII, XXXIII, 19, 20, 21; *Веневитинов А. В.* Проводы княгини Марии Волконской // Русская Старина (далее — РС). 1875. Т. XII. С. 822–824.

[43] *Пушкин А. С.* Княгине З. А. Волконской, посылая ей поэму «Цыганы». Полн. собр. соч. 1937. Т. III. С. 54; ОРБ Хоттон.

[44] Много информации о салоне З. Волконской можно найти в: Письма А. Я. Булгакова своему брату // РА. 1901. Кн. II, вып. 5. С. 93; 1901. Кн. II, вып. 6. С. 164, 189, 211, 215, 223; 1901. Кн. III, вып. 7. С. 370, 380, 398, 410; 1901. Кн. III, вып. 9. С. 9, 16, 17.

[45] Два недатированных письма от архимандрита Герасима (Павского) // ОРБ Хоттон. Известно, что не только архимандрит, но и митрополит Платон (Левшин) стращал верующих адскими муками за их грехи: *Снегирёв И. М.* Жизнь Платона митрополита Московского. М., 1856. С. 540.

[46] *Пушкин А. С.* Письмо к П. А. Вяземскому, 25 января 1829 г. // Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 38.

[47] *Волконская З. А.*: 1) Александру Первому // Дамский журнал. 1826. № 2. С. 74–75; Московский телеграф (далее — МТ). 1826. Ч. 7. С. 3–4; 2) На кончину императрицы Елизаветы Алексеевны // Дамский журнал. 1826. № 12. С. 232; 3) Из путевых записок об Италии // Московский вестник (далее — МВ) 1827. Т. VI. С. 392–397; 4) Добродушие // МВ. 1827. Т. V. С. 372–373; Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 237–238; 5) Отрывок из путевых записок // Галатея. 1829. Ч. V. С. 3–21; 6) Отрывок из путевых записок // Там же. Ч. VI. С. 88–90; 7) Сновидение // Там же. Ч. V. С. 21–31.

[48] *Теребенина Р. Е.* Пушкин и З. А. Волконская // Русская литература (далее — РЛ). 1975. № 2. С. 144.

[49] *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. 1932. Т. 4/6. С. 477–486.

[50] *Соболевский С. А.* Письмо С. П. Шевырёву, 19 июля 1831 г. // РА. 1909. Кн. II, вып. 7. С. 500.

[51] *Шевырёв С. П.* Письмо Веневитинову А. В. из Рима // Барсуков Н. П., ред. Жизнь и труды М. П. Погодина. 1890. Т. III. С. 76.

[52] *Волконская З. А.* Письмо П. А. Вяземскому, 23 авг. / 4 сент. 1830 г. Рим // ЛН. 1952. Т. 58. С. 98.

[53] *Тургенев А. И.* Письмо З. А. Волконской, 12/24 декабря 1832 г. // ОРБ Хоттон.

[54] *Глинка М. И.* Письмо З. А. Волконской, 23 февраля 1832 г. // ОРБ Хоттон.

[55] 1) Отрывки из путевых записок // МВ. 1830. Т. II. С. 140–151; 2) Отрывок из путевых записок // Северные цветы (далее — СЦ) 1830. С. 216–227; 3) Там же, 1831. С. 120–124; 4) Логогриф. Литературная газета. 1830. Т. I. С. 71; 5) Моей звезде // СЦ. 1832. С. 167–168; 6) Там же. Надгробная песня славянского гусляра. С. 86–87; 7) Князю П. А. Вяземскому на смерть его дочери // РА. 1867. С. 313; МН. 1835. Ч. III. С. 113; 8) Отрывок сказания об Ольге. Там же. 1836. Ч. VIII. С. 286–300.

Ч. IX. С. 308–338; 9) Четыре ангела. Там же. С. 116–117; 10) Другу-страдальцу // Утренняя заря. 1839. С. 193–194; 11) Песня Невская // РА. 1872. Кн. 62. С. 1979–1982; 12) Последние дни жизни Александра I // РС. 1878. Т. XXI. С. 141–150; 13) Exstrait d'une lettre au Baron Mérian. 1826 // Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. 249–251; 14) Портрет // Денница. 1830. С. 114–117.

[56] *Вяземский П. А.* Письма к жене, 23, 24, 25 мая, 1, 3 июня 1832 г. // Звенья. М.-Л., 1951. Т. LX. С. 369, 370, 371, 377, 380, 386, 387; *Волконская З.* Письмо Адаму Мицкевичу из Ботцена, 6 июня 1832 г. В нём она описывает своё серьёзное состояние: «Я умираю... вечность начинается для Вашего друга...». Archiwum literackie, XII. Listy do A. Mickiewicza w Muszeum Adama Mickiewicza w Parizu. Warsawa, 1968. S. 214.

[57] Scritti Spirituali. ОРБ Хоттон. Н. Городецкая, предполагавшая, что Волконская была обращена в 1833 г., подробно документировала жизнь Зинаиды после принятия католичества: Princess Zinaida Volkonsky. Oxford Slavonic Papers, 1954. V. P. 102–103, and Zinaida Volkonsky as a Catholic. The Slavic and East European review. London, 1960. 39. P. 34–43; *Mazon A.* Zénèide Volkonskaya la Catholique. Festschrift für Edward Winter zum 70 Geburstag. Berlin: Akademie Verlag, 1967. S. 579–590.

[58] *Belli G. G.* Sor'Artezza Zenavida Voroshi (написана на римском диалекте 3 января 1835 г.); *Orioli G.* Guiseppe G. Belli. Lettere Giornali Zibaldone. Turin: Einaudi, 1962. P. 196–197.

[59] Отношения между З. Волконской и В. Скоттом, а также адресованное ей стихотворение, мы предполагали обсудить подробно во втором томе этой книги.

[60] *Вяземский П. А.* Письмо З. А. Волконской из Ганау, 15/27 сентября 1834 г. // ОРБ Хоттон; *Kauchtschischwili N.* L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjazemski. Milan: Societa Editrice e Pensiero, 1964. P. 318–320; Письмо из Флоренции, 12/24 апреля 1835 г. // ОРБ Хоттон.

[61] *Буслаев Ф.* Римская вилла княгини З. А. Волконской // ВЕ. 1896. Кн.1, вып.1. С. 5–32; *Callari L.* Le ville di Roma. Rome, 1934. P. 361–363; *Orioli G.* Zenaide Wolkonsky. Palatino, 1966. 4 serie Anno X. P. 6–7; *Pietrangeli C.* Miscelanea della Societa Romana di storia Patria. Rome, 1973. XXIII. P. 425–430.

[62] *Теребенина Р. Е.* Записки о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин А. С. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. VIII. С. 266.

[63] Там же. С. 256, 266.

[64] *Волконская З.* Письмо А. Мицкевичу из Парижа, 8 ноября 1836 г., написанное перед её возвращением в Рим во время короткой остановки в Лангре. Archiwum literackie, 1968. XII. P. 213; *Gorodetzky N.* Princess Zinaida Volkonsky... С. 102.

[65] Мы получили из Vicariato di Roma копию страницы с именами прихожан церкви Свв. Винченцо и Анастазио за 1836 г. В ней З. Волконская, М. Власова, В. Павей и четверо слуг записаны как римские католики. Важно, что их имена в записях предыдущего года отсутствуют.

[66] Записки М. Д. Бутурлина // РА. 1897. Кн. II, вып. 5. С. 58.

[67] *Jakobson R., Aroutunova B.* Неизвестная альбомная запись... С. 236–254.

[68] *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь. Пять лет жизни за границей. 1836–1841 // ВЕ. 1894. Т. 8. С. 630–631; *Smolikowski P.* Historia Zgromadzenia Zmartwychwstania Pañskiego. Cracow, 1892–1897. Vol. II. S. 104, 111–115.

[69] *Иордан Ф. Л.* Записки // РС. 1891. Т. 71, ч. 7. С. 247–249.

[70] *Теребенина Р. Е.* Записки о Пушкине, Гоголе, Глинке... С. 273.

[71] *Жуковский В. А.* Три записки З. А. Волконской в Риме: 18/30 января; 26 января / 7 февраля; 30 января / 11 февраля 1839 г. // ОРБ Хоттон.

[72] *Теребенина Р. Е.* Записки о Пушкине, Гоголе, Глинке... С. 258.

[73] Там же. С. 258.

[74] *Волконский Г. С.* Письмо С. Г. Волконскому, декабрь 1811 г. // Волконский С. М., Модзалевский Б. Л., ред. Архив декабриста С. Г. Волконского. Петроград: Голике, 1918. Т. I. С. 374.

[75] Там же. С. xxiv; *Вяземский П. А.* Письмо к жене. 19 августа 1832 г. // Звенья. 1951. Т. IX. С. 439.

[76] *Lieven D., von.* Letter to her brother Alexander Benkendorf, February 8, 1820 // Robinson L. G., ed. Letters of Dorothea... P. 46.

[77] *Теребенина Р. Е.* Записки о Пушкине, Гоголе, Глинке... С. 266.

[78] *Базанкур О. Г.* Переводчик Пушкина — Риччи // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.-Л.: АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 424–429; *Дмитриева Е.* Мои воспоминания // Звенья. М., 1950 г. С. 788–795; *Kauchtschischwili N.* Il diario di Darja Fedorovna Ficquelmont. Milan: Societa Editrice Vita e Pensiero, 1968. P. 73.

[79] *Ladou C., de, abbé.* Monsignior Gerbet, sa vie, ses oeuvres et l'école menasienne. Paris, 1870. Vol. II. P. 162; цит. по: *Gorodetzky N.* Princess Zinaida Volkonsky... P. 102; Записки архимандрита Владимира Терлецкого // РС. 1889. Т. 63. С. 566.

[80] *Муравьёв А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 13.

[81] *Пассек Т. П.* Воспоминания // РС. 1878. Вып. 22. С. 99–101.

[82] *Volkonskaya Z.* Letter to Maria De Mattias. Rome, December 4, 1845 // MS, Archive of the Order of Sisters Adorers of Precious Blood, Rome.

[83] Записки Владимира Терлецкого... С. 566.

[84] Lettere della Venerabile Maria De Mattias, fondatrice delle Suore Adoratrici del Preziosissimo Sangue di N.S.J.C. Rome: Tragilia, 1944. Vol. I. P. 214, 233, 264, 274, 294, 347, 350–351, 369, 417, 433; Vol II. P. 69, 171, 364.

[85] Записки Владимира Терлецкого... С. 566–567; *Malaguti A.* La Principessa Wolkonsky e Angela Molari. Le Suore Bianche, Primo Centenario della Fondazzione Santarcangelo di Romagnia, 3 maggio 1857–3 maggio 1957.

[86] *Volkonskaya Z. A.* Письмо к Папе Пию IX // MS., Curia Generalizia dei Missionari del Preziosissimo Sangue, Rome.

[87] MS., Curia Generalizia dei Missionari del Preziosissimo Sangue, 4 Marzo 1834–1934; MS., La Casa Principali Dell'Instituto, Rome.

[88] *Волконская З. А.* Отрывок из путевых записок // СЦ. 1830. С. 218.

[89] Euvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky... P. xiv

[90] *Пушкин А. С.* Переписка 1828–1831 // Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 1–251.

[91] Там же.

[92] *Пушкин А. С.* 1) Письма Н. Н. Гончаровой из Болдино, 1830 г. // Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 118, 119, 120, 125, 130; 2) Письма к Н. Н. Пушкиной. Там же. С. 244–246, 248–249.

[93] Содержание, структура и стилистические приёмы писем пушкинской эпохи детально проанализированы в: *Todd W.-M., III.* The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976.

[94] *Вяземский П. А.* Письмо к В. Ф. Вяземской, 3 августа 1826 г. // ОА. Т. V, 2. С. 68.

[95] Цит. по: Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М. ГИХЛ, 1986. С. 120.

[96] *Вяземский П. А.* Письмо графине Э. К. Мусиной-Пушкиной, 18 октября 1837 г. // ЦГАДА. № 1270. Вып.1, гл. 3; № 3319. Вып. 1, гл. 18; Цит. по: Герштейн Э. Судьба... С. 120

[97] Там же. С. 121.

[98] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. VIII. С. 282.

[99] См ссылку[25]

II. Письма княгине З. А. Волконской

Письмо мадам де Сталь

[1] Первое цитирование письма мадам де Сталь княгине Волконской появилось в: *Trofimoff A.* (1883–1966). La Princesse Zénaïde Wolkonsky: de la Russie impériale à la Rome des papes. Rome: Staderini, 1966. P. 38; тот же короткий пассаж (на русском) был воспроизведён в: *Теребенина Р. Е.* Пушкин и З. А. Волконская // РЛ. Л., 1975. № II. С. 143.

[2] Madame de Staël. Dix années d'exile, ed. Gautier. Paris: Plon, 1904. P. 288.

[3] *Balayé S.* Dans la bibliothèque de Madame de Staël // Cahiers Staëliens, nouvelle série. Paris: Attinger, 1970. P. 52–53. («Cahiers Staëliens» — «Тетради» — это орган Общества по изучению наследия мадам де Сталь); *Дурылин С.* Госпожа де Сталь и её русские отношения // ЛН. 1939. Т. 33–34. С. 265–268; *Сорель А.* Госпожа Сталь. СПб., 1892. С. 51; *Galiffe J. B. G.* D'un siècle á l'autre. Génève, 1878. Vol. II. P. 312; *Trtnik Rossetini O.* Madame de Staël et la Russie: in Madame de Staël et l'Europe. Paris: Bibliothèque Nationale, 1966. P. 66.

[4] *Madame de Staël.* Dix années... P. 293.

[5] Там же. С. 305.

[6] Там же. С. 313–314.

[7] *Ростопчин Ф. В.* Письмо Александру I, 26 июля 1812 г. // РА. 1875. Кн. II, вып. 8. С. 400.

[8] *Madame de Staël.* Dix années... P. 298, 314, 362.

[9] Там же. С. 331.

[10] Там же. С. 311, 314, 331, 362.

[11] *Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1885–1887. Т. III. С. 198.

[12] Частные письма 1812 года М. А. Волковой к В. И. Ланской // РА. 1872. С. 2388–2389, 2395–2397.

[13] *Madame de Staël.* Dix années... P. 318.

[14] Знаменитый граф Орлов, как написала графиня Гурьева, «ползал на четвереньках, чтобы залучить мадам де Сталь в свой дворец, увеличив тем самым престиж своего острова». *Щукин П. И.,* сост. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Письма Элен Гурьевой. Москва: тип. Мамонтова, 1905. Т. IX. С. 303.

[15] *Balayé S.* Les carnets de voyage de Madame de Staël. Geneva: Droz, 1971. P. 294–321.

[16] *Madame de Staël.* Dix années... P. 334–337.

[17] *Дурылин С.* Госпожа де Сталь... С. 232–260; *Ulrichova M.,* ed. Lettres de Madame de Staël conservées en Bohême. Prague: Academie Tchéchoslovaque des Sciences, 1960. P. 266; *Solovieff G.* Madame de Staël et ses correspondants russes // Cahiers Staëliens, nouvelle série. 1962. № 1. P. 4–30.

[18] *Волконский С. М.,* ред. Архив декабриста С. Г. Волконского. Петроград: Голике, 1918. С. 378, 381; Частные письма 1812 года // РА. 1872. С. 2397.

[19] Из материалов Строгановской Академии // ЛН. Т. 33–34. С. 206–208.

[20] *King N.* Un récit inédit du grand voyage de Madame de Staël (1812–1813) // Cahiers Staëliens, nouvelle série, 1966. № 4. P. 11, 13.

[21] *Щукин П. И.,* ред. Бумаги, относящиеся... С. 302.

[22] ЦГАЛИ. Ф. 46, ед. хр. 560, л. 409, прим. 5 (письмо от 16/28 ноября 1866 г. из Мадрида) // Теребенина Р. Е. Автограф послания Пушкина к З. А. Волконской и его история. Русская литература. Л., 1975. № 2. С. 143.

[23] Частные письма... С. 2397.

[24] Записки М. Д. Бутурлина // РА. 1897. Кн. 1, вып. 2. С. 640; Mémoires de la comtesse de Boigne née D'Osmond. Paris: Mercure de France, 1971. P. 274.

[25] *Волконский А. Н.* Поездка флигель-адъютанта князя Н. Г. Волконского к Наполеону в 1808 году // РА. 1874. Кн. 1, вып 1. С. 1047–1050.

Письмо Е. А. Баратынского

[1] *Максимов Н. Я.* Евгений Абрамович Баратынский по бумагам Пажеского Корпуса // РС. 1870. С. 201–207.

[2] *Баратынский Е. А.* Письмо Н. В. Путяте, осень 1825 г. ЦГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1, ед. хр. 80 // *Къетсаа Г.* (*Kjetsaa G.*) Е. А. Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo-Bergen-Tromsö: Universitetsforlaget, 1973. С. 113; Письмо Н. В. Путяте в январе 1826 г. // РА. 1867. Т. I. С. 174.

[3] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 15 октября 1828 г. // ОА. Т. III. С. 179; *Вяземский П. А.* Письмо Пушкину, 4 августа 1825 г.// А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. 1941. Т. XIII. С. 276.

[4] *Баратынский Е. А.* Письмо Н. М. Коншину, 19 декабря 1826 г. // РС. 1908. Т. 12. С. 759.

[5] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Т. II. С. 37; *Барсуков Н. П.* Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева // Старина и Новизна (далее — СиН). 1905. Т. X. С. 505; *Баратынский Е. А.* Материалы к его биографии. Из Татевского Архива. Петроград: изд. Императорской Академии Наук, 1916. С. 79; *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени. Женщины XIX века. СПб., 1874. С. 264; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. VII. С. 329; *Пассек Т. П.* Воспоминания // РС. 1873. Т. 3. С. 315; *Баратынский Е. А.* Письмо Муханову, 29 октября 1826 г. // РА. 1895. Т. III, кн. 9. С. 125.

[6] «Из царства виста и зимы». Альманах Подснежник. СПб., 1829. С. 151; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотв. Л.: Советский Писатель. Большая библиотека поэта. 1957. С. 144; ОРБ Хоттон.

[7] Куплеты на день рождения княгини Зинаиды Волконской в понедельник 3 декабря 1828 года, сочинённые в Москве кн. П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, С. П. Шевырёвым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским. Там же. С. 314–316.

[8] *Баратынский Е. А.* Стихотворения. М. 1835. Т. I–II // Собрание барона Б. Леммермана, Рим; Теперь в библиотеке Хоттон.

[9] *Волконская З. А.* Письмо П. А. Вяземскому из Рима, 4 марта 1830 г. // ЛН. 1952. № 58. С. 98; *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 1 января 1829 г. // Архив братьев Тургеневых. Петроград. 1921. Т. I, 6. С. 77.

[10] *Баратынский Е. А.* Письмо Н. В. Путяте из Неаполя, апрель-май 1844 г. // РА. 1867. С. 296.

[11] *Баратынский Е. А.* «Дядьке-итальянцу» // Полн. собр. стихотвор. Библиотека поэта. Л., 1957. С. 203.

[12] *Къетсаа Г. (Kjetsaa G.)* Е. А. Баратынский... С. 564–637.

[13] *Баратынский Е. А.* История кокетства // СЦ. 1825. С. 109–111; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотв. Ред. М. Л. Гофман. Петроград: Академия Наук, 1915. Т. II. С. 204–207.

Письмо И. И. Козлова

[1.] *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. С. 11.

[2] *Белинский В. Г.* О творчестве И. И. Козлова // Отечественные записки. 1841. Т. XV, ч. VI. С. 4.

[3] *Данилов Н. М.* Материалы для полного собрания сочинений И. И. Козлова. Известия Отдела русского языка и словесности Академии Наук. СПб. 1915. Т. XX, кн. 2. С. 102; *Хомутов А. С.* Из бумаг поэта И. И. Козлова // РА. 1886. Кн. 1, вып. 2. С. 177–202.

[4] *Жуковский В. А.* Предисловие к поэме Козлова «Чернец» // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Т. XIV. С. 63.

[5] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской. 5 января 1832 г. // Звенья. М.: Госкультпросветиздат, 1951. Т. IX. С. 243.

[6] *Грот К. Я.* Дневник И. И. Козлова // СиН. 1906. Т. XI. С. 39–66; *Хомутов А. С.* Из бумаг... С. 180–192.

[7] *Грот К. Я.* Дневник... С. 48, 51, 52, 56–58; *Соловьёв Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». В 2-х томах. Петроград: тип. Сириус, 1915. Т. 1. С. 94–97, 100–102;

[8] *Козлов И. И.* «Княгине З. А. Волконской» // Полн. собр. стихотв. Л.: Советский писатель. Большая библиотека поэта.1960. С. 103–104.

Это стихотворение впервые, без указания автора, появилось в: РС. 1900. Кн. 1–2. С. 311 под названием «К кн. З. А. В-ой». Издатель Русского Архива П. И. Бартенев комментировал название так: «Несомненно, что оно обращено княгине Зинаиде Александровне Волконской. Автора, однако, мы не знаем. Оно было найдено в бумагах имения Мухановых и затем помещено в музей И. П. Щукина».

[9] *Грот К. Я.* Дневник... С. 46.

[10] *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотв... С. 103.

[11] *Козлов И. И.* «Португальская песня» // Там же. С. 138; Композиция Даргомыжского, озаглавленная «Привет», появилась в 1828 г., издатель М. Бернард.

[12] *Вяземский П. А.* Письмо И. И. Козлову, 2 января 1828 г. // Хомутов А. С. Из бумаг... С. 183.

[13] Теперь в библиотеке Хоттон.

[14] *Лаваль А. Г.* Письмо И. И. Козлову // Хомутов А. С. Из бумаг... Кн. 3. С. 317.

[15] *Козлов И. И.* «Песня соловья» // ОРБ Хоттон.

[16] *Волконская З. А.* «Ты арфа страданья...» Впервые опубликовано в альманахе Утренняя заря. 1839. С. 139; ОРБ Хоттон.

[17] *Козлов И. И.* Княгине З. А. Волконской (в ответ на её послание) // Полн. собр. стихотв... С. 301.

[18] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М.: Путь, 1911. Т. II. С. 27.

[19] *Веневитинов М. А.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова // РА. 1885. Кн. I, вып. 1, С. 127.

[20] *Волконская З. А.* Письмо А. С. Пушкину, 29 октября 1826 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1941. Т. XIII. С. 299.

[21] *Грот К. Я.* Дневник... С. 41–42.

[22] *Козлов И. И.* «Чернец, киевская повесть». СПб., 1825.

[23] *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени. Женщины первой половины XVIII века. СПб., 1874. С. 244.

[24] *Козлов И. И.* Письма к А. А. Воейковой // Соловьёв Н. В. История одной жизни... С. 27–29, 36, 50; *Хомутов А. С.* Из бумаг... С. 179, 188, 193; *Козлов И. И.* Письмо А. С. Пушкину, 31 мая 1825 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1937. Т. XIII. С. 176.

[25] *Constant B.* Adolf. Paris: Garnier, 1955. P. 19–22.

[26] *Вяземский П. А.* Адольф // Полн. собр. соч. 1886. Т. X. С. iii.

[27] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской, 6 сентября 1826 г. // ОА. Т. 2. С. 90.

[28] *Пушкин А. С.* Письмо А. И. Тургеневу, 14 июля 1824 г. // Пушкин А. С. ... Т. XIII, С. 103.

[29] *Вяземский П. А.* Письмо И. И. Козлову, 9 июля 1827 г. // Хомутов А. С. Из бумаг... Кн. 2. С. 184–185. «Ваша княгиня» — Наталья Долгорукая, героиня поэмы Козлова с тем же названием.

Письмо М. И. Глинки

[1] Письмо, рукопись которого находится в библиотеке Хоттон Гарвардского университета, было опубликовано в: *Зильберштейн И. С.* Новонайденное письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской // Памяти Глинки. Исследования и материалы. М.: Академия Наук, 1958. С. 441–456. Эта полная и информативная публикация нуждается, однако, в некоторых добавлениях и уточнениях. Первое из них: рукопись никогда не находилась в библиотеке Колумбийского университета.

[2] *Глинка М. И.* Записки // Полн. собр. соч. М.: изд. Музыка, 1973. Т. I. С. 242–243.

[3] *Струговщиков А. Н.* М. И. Глинка. Воспоминания // РС. 1874. Т. 9. С. 715–716.

[4] *Глинка М. И.* Записки... С. 211, 240.

[5] Там же. С. 249.

[6] *Hector Berlioz* de Glinka. Journal de Débats. 1845, April 16.

[7] Зильберштейн И. С. утверждает: «Нет никакой информации, подтверждающей знакомство Волконской и Глинки. В мемуарах современников ни единым словом не упоминается о встрече Глинки и Волконской, и в его мемуарах имя Волконской также не встречается... Всё это подтверждает наше предположение, что Глинка не встречал Волконскую в двадцатые годы, когда она жила в России». Новонайденное письмо... С. 448.

[8] *Погодин М. П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевырёве // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1869. № 141. С. 405; *Стасов В. В.* Письмо к Н. Ф. Финдейзен, 26 мая 1893 г. // Ежегодник Императорских театров. 1912. Вып. XI. С. 8.

[9] *Глинка М. И.* Записки... С. 234.

[10] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. М.: 1889. Т. II. С. 67.

[11] В домашних концертах у Соймонова звучала преимущественно вокальная музыка, так как молодая графиня, учившаяся пению у знаменитого Маниелли во Флоренции, была прекрасной певицей. Эти вечера особенно привлекали московских любителей музыки как раз в те годы, когда здесь жила Волконская.

[12] Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Краевскому // РА. 1897. Кн. I, вып. 3. С. 455.

[13] Лирический альбом на 1829 год. Издан М. Глинкой и Н. Павлищевым. СПб., 1829. Экземпляр из римской библиотеки Волконской. Теперь в библиотеке Хоттон.

[14] *Глинка М. И.* Письмо С. П. Шевырёву, 10 ноября 1831 г. Из бумаг Шевырёва // РА. 1878. Кн. 1, вып. 2. С. 59.

[15] *Глинка М. И.* Записки... С. 250.

[16] *Глинка М. И.* Письмо С. П. Шевырёву... С. 59, 60

[17] *Асафьев Б. В.* М. И. Глинка. М.: изд. Музыка, 1950. С. 71.

[18] *Глинка М. И.* Записки... С. 250–252.

[19] Там же. С. 251.

[20] Там же. С. 260.

[21] *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.-Л.: Академия, 1931. С. 206.

[22] *Глинка М. И.* Письмо С. П. Шевырёву... С. 59; *Глинка М. И.* Записки... С. 252.

[23] И. С. Зильберштейн ошибочно не делал различия между палаццо Поли в центре Рима, в котором Волконская снимала этаж, и её собственной виллой неподалёку от собора Иоанна Латеранского — в то время почти за городом. В 1832 г. устройство

виллы ещё продолжалось, и Волконская въехала туда в 1833 г. Волконская переписывалась со многими старыми друзьями, как сообщает Зильберштейн. Однако два имени должны быть исключены из этого списка: умершая в 1817 г. мадам де Сталь и граф Риччи, который уехал из России в Рим почти одновременно с княгиней и виделся с ней здесь постоянно. *Зильберштейн И.* С. Новонайденное письмо... С. 445.

[24] Дневник П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. VIII. С. 256.

[25] *Глинка М. И.* Записки... С. 252.

[26] Там же. С. 249.

[27] Там же. С. 252.

[28] Там же. С. 251, 259; *Stendhal H.* Vie de Rossini. Paris: Le Divan, 1928. P. 79, 80, 120, 129; *Mendelssohn F.* Letters. N-Y. 1868. P. 149.

[29] *Соболевский С. А.* Письмо С. П. Шевырёву, 14 ноября 1832 г. // РА. 1909. Кн. II, вып. 7. С. 509.

[30] *Барсуков Н. П.* Альбом автографов... С. 527–533.

[31] *Jakobson R., Aroutunova B.* An Unknown Album Page by Nikolaj Gogol. Harvard Library Bulletin. Cambridge: July 1972. Vol. XX. # 3. P. 236–254.

[32] *Власова М. А.* Запись в альбоме З. А. Волконской // ОРБ Хоттон.

[33] *Базанкур О. Г.* Переводчик Пушкина — Риччи // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 425–429; Письма А. Я. Булгакова к брату // РА. 1900. Т. III, вып. 12. С. 567, 570–573; РА. 1901. Т. II, вып. 7. С. 399, 409; РА. 1903. Т. III, вып. 9. С. 142; Записки М. Д. Бутурлина // РА. 1897. Т. II, вып. 8. С. 549; *Дмитриева Е. И.* Мои воспоминания // Звенья. М., 1950. Т. VIII. С. 788, 792.

[34] *Рожалин Н. М.* Гёте, Страдания Вертера. М.: 1828, 1829. Т. I–II; Статьи Рожалина опубл. в: МВ. 1827. № 1, 4–6, 15–16; 1830. № 1; ВЕ. 1825. № 144. С. 7.

[35] *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. 1932. Т. 4–6, С. 422–444; *Шевырёв С. П.* Письмо А. П. Елагиной, 29 мая 1829 г. // РА. 1879. Кн. I, вып. 1. С. 138–139.

[36] *Бычков И. А.*, ред. Дневник В. А. Жуковского. 1901 г., запись от 18/30 января 1839 г. С. 460: День рождения Гоголя — у Волконской. Пели Риччи, Капальди, Корсини. (Написание фамилии варьирует: Капальди — Капальти).

[37] *Асафьев Б. В.* М. И. Глинка... С. 71.

[38] Альбом М. А. Власовой, начало от 3 марта 1832 г. // ОРБ Хоттон.

[39] Письмо А. М. Раевской к Е. Н. Орловой, 14/26 декабря 1856 г. // Архив Раевских. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1912. Т. IV. С. 372, 389, 548; Письмо Марии Риччи. Rome, Via Borgognoni 96.

Письмо А. И. Тургенева

[1] *Пушкин А. С.* Письмо П. А. Вяземскому, август 1831 г., письмо Ф. Н. Глинке, 21 ноября 1831 г. // Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 216, 241.

[2] *Тургенев А. И.* Письма П. А. Вяземскому, 28 апреля 1833 г., 17 декабря 1833 г. // Архив братьев Тургеневых. СПб.: Академия Наук, 1911–1921. Т. 1, 6. С. 216, 372.

[3] *Stendhal (Beyle H.)* Correspondance. Paris: Le Divan, 1834. Vol. VIII. P. 42, 49–51, 53–56, 61–62, 65.

[4] *Bunsen Ch.-K.* Aus seinem Briefen. Leipzig, 1868. P. 393–394; *François M.* Etudes Stendhaliènnes. Paris: Mercure de France, 1957. P. 349; Цит. высказывание Шатобриана

по: *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 6 февраля 1833 г. // ОА. 1899. Т. III. С. 224.

[5] *Тургенев А. И.* Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841–1842. Т. I, II.

[6] *Срезневский И. И.* Александр Иванович Тургенев. Несколько о нём припоминаний // РС. 1875. Т. 12. № 3. С. 555–564; № 4. С. 739–749.

[7] *Вяземский П. А.* Из старой записной книжки // РА. 1875. Кн. I, вып. 1. С. 64–65; также: письма к А. И. Тургеневу, 20 ноября 1826 г., 4 сентября 1832 г. // Архив братьев Тургеневых. С. 47, 104.

[8] Там же. С. 124, 129, 185–186, 226.

[9] *Тургенев А. И.* Письмо П. А. Вяземскому, 12/24 декабря 1832 г. // Архив братьев Тургеневых. С. 122–128.

[10] *Тургенев А. И.* Письмо Н. И. Тургеневу, 22 ноября 1827 г. // Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 270; Письмо Вяземскому П. А., 12/24 декабря 1832 г. // Архив братьев Тургеневых. С. 124.

[11] Там же. С. 137.

[12] Там же. С. 124.

[13] *Волконская З. А.* Путевые заметки. Веймар — Бавария — Тироль // СЦ. 1830. № 6. С. 216–226.

[14] *Тургенев А. И.* Письмо П. А. Вяземскому... С. 124.

[15] *Жуковский В. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 19/31 октября 1832 г. // РА. 1895. Вып. 11. С. 266–268; *А. И. Тургенев*. Письма П. А. Вяземскому, 12/24 декабря 1832 г., 31 декабря / 12 января 1833 г. // Архив братьев Тургеневых. С. 125, 141, 183–184.

[16] *Тургенев А. И.* Письмо К. Я. Булгакову, 10 апреля 1833 г. // Архив братьев Тургеневых. С. 181–182.

[17] *Бычков И. А.*, ред. Дневник В. А. Жуковского... С. 277–279, 283, 288, 290, 295.

[18] *Тургенев А. И.* Письмо из Парижа // Европеец. 1832. № 2. С. 272–280.

[19] *Тургенев А. И.* Письма П. А. Вяземскому, 18/30 января 1833 г., 24 января / 5 февраля 1833 г. // Архив братьев Тургеневых. Т. VI. С. 149–150, 156.

Два письма кн. П. А. Вяземского

[1] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч... Т. I. С. X; РА. 1875. Кн. III, вып. 9. С. 441–442.

[2] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 30 сентября 1819 г. // ОА. СПб. 1899. Т. I. С. 318.

[3] Там же. С. 322–323.

[4] *Волконская З. А.* Письмо П. А. Вяземскому, 20 сентября 1826 г. // ЛН. 1952. Т. 58. С. 52.

[5] *Волконская З. А.* Александру Первому // Дамский журнал. 1826. № 2. С. 74–75; МТ. 1826. Ч. 7. С. 3–4; 2) На кончину императрицы Елизаветы Алексеевны // Дамский журнал. 1826. № 12. С. 232; МТ. 1826. Ч. 9, отд. 1. С. 3.

[6] *Вяземский П. А.* Записка о князе Вяземском, им самим составленная // Записные книжки. М.: Академия Наук, 1963. С. 154; ОА. Т. III. С. 211–212.

[7] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 6 февраля 1833 г. // ОА. Т. II. С. 223.

[8] *Вяземский П. А.* Из старой записной книжки // РА. 1873. Кн. II, вып. 6. С. 1085.

[9] *Волконская З. А.* Письмо П. А. Вяземскому... // ЛН. Т. 58, С. 98.

[10] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу... С. 223.

[11] *Вяземский П. А.* Записка о князе Вяземском... С. 222–223.

[12] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской, 21–22 апреля 1828 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 12–14.

[13] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 16/28 августа 1834 г. // ЦГАЛИ. Ф. 4108, ед. хр. 26–29. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjazemskij. Milan: Societa edit. vita e pensiero, 1964. P. 265.

[14] Там же. С. 276; см. также: *Жуковский В. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 8 октября 1834 г. // РА. 1895. Кн. III. вып. 11. С. 284.

[15] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 4/16 декабря 1834 г. // ЦГАЛИ. Ф. 4108, ед. хр. 26–29. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... P. 280.

[16] Там же. С. 281.

[17] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому... С. 284 и далее.

[18] *Вяземский П. А.* Письмо А. С. Пушкину, 24 августа 1831 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1941. Т. XIV. С. 214.

[19] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 4/16 декабря 1834 г. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... P. 281, footn.; также: *Stendhal H.* Lettre à Vyazemsky // Correspondance. Paris: Pléiade, 1967. Vol. II. P. 771, 929, footn.; *Нечаева В., Дурылин С.* П. А. Вяземский и Франция // ЛН. М., 1937. Т. 31–32, С. 124; *Кочеткова Т.* Стендаль и Вяземский // Вопросы литературы. 1959. Т. VII. С. 148–155.

[20] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 4/16 декабря 1834 г. Цит. по: *Kaichtschischwili N.* L'Italia... P. 284.

[21] *Orioli G.* Zenaide Wolkonsky // Palatino. 1966. № 2. P. 6, footn.; *Colombi E.* Zenaide Wolkonsky a Palazzo Poli. Orazio, 1956. № 5–6. P. 33–37.

[22] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 21 февраля 1835 г. Цит. по: *Kauchtschischwili* N. L'Italia... P. 289–292.

[23] *Вяземский П. А.* Записка о князе Вяземском... С. 229.

[24] Там же. С. 229.

[25] *Волконская З. А.* Князю П. А. Вяземскому на смерть его дочери // МН. М., 1835. Ч. II. С. 113. Через три года Гоголь написал Вяземскому в Петербург о посещении кладбища вместе с Волконской: «На могиле, столь дорогой Вашему сердцу, цвели кусты роз. Я был там ещё раз... и снова было приятно видеть, что эта могила не осталась забытой». *Гоголь Н. В.* Письмо П. А. Вяземскому, 25 июня 1838 г. Рим // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.: 1937–1952. Т. XI. С. 156.

[26] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 30 июня 1835 г. // ОА. Т. III. С. 267.

[27] Это письмо, рукопись которого хранится сейчас в Гарвардской библиотеке Хоттон, было полностью опубликовано в исключительно интересной книге Нины Каучишвили «Италия в жизни и творчестве Вяземского» (1964). Мы нашли некоторые разночтения в тексте (отмечены в квадратных скобках) и предложили дополнительную информацию.

[28] *Жуковский В. А.* Письмо А. П. Елагиной // Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия Жуковского. Спб., 1883. С. 161.

[29] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 19 сентября 1834 г. // ЦГАЛИ. Ф. 4108, ед. хр. 9, 10. Цит по.: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... С. 267.

[30] *Вяземский П. А.* Записка о князе Вяземском... С. 146–164.

[31] *Вяземский П. А.* Письмо в Петербург из Мюнхена, 27 октября / 8 ноября 1834 г. // ЦГАЛИ. Ф. 4108, ед. хр. 24, 25. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... С. 277, 278.

[32] Вяземский П. А. Письмо П. П. Вяземскому, 14/26 октября 1834 г. // ЦГАЛИ. Ф. 4108, ед. хр. 3–6. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... С. 275.

[33] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской, 12 апреля 1835 г. // ЦГАЛИ. Ф. 3269, ед. хр. 73, 74. Цит. по: *Kauchtschischwili N.* L'Italia... С. 293, 294.

[34] *Тургенев А. И.* Письмо П. А. Вяземскому, 23 октября 1834 г. // ОА. 1899. Т. III. С. 260.

[35] *Вяземский П. А.* Куплеты, петые на семейном празднике Окуловых // Полн. собр. соч. 1880. Т. IV. С. 65–66; Дарье Алексеевне Шиповой, урождённой Окуловой... Т. IV. С. 103–105.

[36] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской... С. 293–294

[37] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 30 июня/12 июля 1835 г. // ОА. 1899. Т. III. С. 267.

[38] *Вяземский П. А.* Письмо И. И. Дмитриеву, 17 июня 1837 г. // РА. 1868. Кн. 1, вып. 4. С. 665.

[39] *Галлан Р.* Французский язык писем кн. П. А. Вяземского // Русский литературный архив. Нью-Йорк: Розен, 1956. С. 54–55; см. также наш раздел (с. 150–151) о французских письмах царя Александра I.

Три записки В. А. Жуковского

[1] *Зейдлиц К., фон.* Василий Андреевич Жуковский. Митау, 1870. С. 148.

[2] Светские связи Жуковского в Риме отражаются в его дневниках: *Жуковский В. А.* Дневники / Изд. И. А. Бычков. Спб., 1901. С. 446, 447, 454–459, 464, 466.

[3] Там же. С. 447–449, 457, 462; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. в 14 т. М.-Л.: Академия Наук, 1937–1952. Т. XI. С. 197.

[4] *Соловьёв Н. В.* Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский // Русский библиофил. Спб., 1912. С. 69–77; *Жуковский В. А.* Дневники... С. 449–453, 456–457, 460–463.

[5] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 447.

[6] «Мы почти весь день осматривали Рим с утра до ночи». Цит. по: *Гоголь Н. В.* Письмо В. Н. Репниной, 18 января 1839 г. // Полн. собр. соч. М.-Л.: АН, 1937–1952. Т. XI. С. 195.

[7] *Тургенев А. И.* Письмо П. А. Вяземскому, 21 апреля 1839 г. // ОА. 1899. Т. IV. С. 70–71.

[8] *Жуковский В. А.* Письмо И. И. Козлову, 9/21 февраля, 1839 г. // РА. 1867. Кн. I. С. 842.

[9] *Жуковский В. А.* Письмо А. И. Тургеневу, конец 1825 г. // РА. 1895. Кн. III, вып. 9. С. 200.

[10] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 277–279, 283, 288–290, 294–295.

[11] Там же. С. 447–449, 455, 458–459, 463–464, 466.

[12] Там же. С. 464.

[13] Текст трёх записок Жуковского без комментариев, указания дат и с некоторыми ошибками впервые был опубликован в: *Фридкин В. М.* Пропавший дневник Пушкина. М.: Знание, 1991. С. 142–144.

[14] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 463.

[15] Там же. С. 462.

[16] Там же. С. 463.

[17] В 1974 г. эта книга всё ещё была в коллекции барона Леммермана в Риме среди книг и картин, принадлежавших кн. З. Волконской.

[18] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 464.

[19] Там же. С. 457, 464.

[20] Там же. С. 466.

[21] Там же. С. 464.

[22] Там же. С. 464–466; *Гоголь Н. В.* Письмо из Рима А. С. Данилевскому, 2 февраля 1838 г. // Полн. собр. соч. М.-Л.: АН, 1937–1952. Т. XI. С. 121–123; Письмо П. А. Вяземского сыну, 21 февраля / 5 марта 1835 г. // Kauchtschischwili N. L'Italia... P. 289–291.

[23] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 266.

[24] *Волконская З. А.* Сыну и другу. Четыре ангела // МН. 1836. Т. I, ч. 8. С. 116–117; Архив З. А. Волконской, ОРБ Хоттон.

[25] *Жуковский В. А.* Дневники... С. 428.

[26] *Жуковский В. А.* Письмо А. И. Тургеневу, конец 1825 ... С. 200.

Пятнадцать писем царя Александра I

[1] *Волконский А. Н.* Шесть писем императора Александра I к княгине З. А. Волконской // Сборник русского исторического общества. 1868. Т. III. С. 310–314.

[2] *П.Б.(артенев).* О княгине З. А. Волконской // РА. 1867. Кн. III, вып. 10. С. 310; Записка аббата Николя о воспитании молодого князя А. Н. Волконского // РА. 1895. Кн. I, вып. 4. С. 495; Барсуков Н. П. Альбом автографов... С. 505; *Волконский С. М., ред.* Архив декабриста С. Г. Волконского. Петроград: Голике, 1918. Т. I. С. XL.

[3] *Великий Князь Николай Михайлович.* Император Александр I. СПб.: Экспедиция Заготовл. Гос. Бумаг, 1912. Т. I. Предисловие. С. V.

[4] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Т. II. С. 36; *Белозерская Н.А.* Княгиня З. А. Волконская // ИВ. 1897. Т. LXVII. С. 942; *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни. М.-Л.: Академия, 1933. С. 514.

[5] *Caulaincourt A.*, de. Nouvelle et on dit de Saint-Pétersburg // Grand Duc Nicolas Michailovitch. Les relations diplomatiques de la Russie et de la France. 1808–1812. St. Pétersburg: 1908. Vol. VI. P. 37, 67, 82, 110–113, 124–127, 184; *Эдлинг Р. С.* Из записок // РА. 1887. Кн. I, вып. 1. С. 212–213; *Rzewuska R.* Mémoires. Rome: Cuggiani, 1939. Vol. I. P. 247–248, Vol. II. P. 96–97; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Круг, 1928. С. 39.

[6] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция Заготовл. Гос. Бумаг, 1910. С. V, VII, IX, 46–47, 59.

[7] *Соловьёв Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Петроград: Сириус, 1915. Т. I. С. 140; *Rzewuska R.* Mémoires... Vol. I. P. 258–267.

[8] А. Чарторыйский и Королева Гортензия цитируются по: *Тимирязев В. А.* Иностранцы в России // ИВ. 1908. № 62. С. 1053; *Nostitz K., von.* «Diary» in Frederick Freksa, ed. A Peace Congress of Intrigue. N.-Y.: The Century, 1919. P. 114; *Gentz F.* Journal. Leipzig, 1861. S. 185; *Thürheim L.* Mein Leben. Erinnerungen aus Österreichs Grosser Welt. Munich: Georg Müller, 1913. Vol. II. S. 92–95.

[9] Камер-Фурьерский журнал 1811 г. Кн. VII–XII. СПб., 1910. С. 360, 439.

[10] *Свистунова М. П., ред.* Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской // ВЕ. 1874. Ч. VIII. С. 596; Письмо мадам де Сталь З. Волконской в августе 1812 г. // ОРБ Хоттон.

[11] Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. VII. С. 276, 322.

[12] *Caulaincourt A., de.* Mémoires. Paris: Plon, 1933. Vol. II. P. 221.

[13] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. I. С. 187–188.

А. С. Шишков сделал предположение, что третьей дамой была госпожа Солдан и добавил примечание: «Если не ошибаюсь, эта госпожа Солдан приходилась внучкой фельдмаршалу Кутузову, дочь которого, Анна Михайловна, была замужем за генерал-майором Николаем Захаровичем Хитрово». Эта оговорка, «если

не ошибаюсь», очень уместна, т. к. указанная внучка Кутузова родилась после 1806 г. Приходится признать, что третья дама остаётся неизвестной.

[14] *Голенищев-Кутузов М. И.* Письмо Е. М. Тизенгаузен // СиН. 1874. Т. X. С. 377.

[15] *Rippold F.,* ed. Erinnerungen aus dem Leben des General Feldmarshals Herman von Boyen. Leipzig, 1890. Vol. III. S. 16.

[16] *Шишков А. С.* Записки... С. 188.

[17] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. III. С. 156;

[18] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 151.

[19] *Garde-Chambonas A., de la.* Souvenirs du Congrès de Vienne. Paris: H. Vivien, 1901. P. 91; *Тимирязев В. А.* Иностранцы... С. 112.

[20] *Щёголев П. Е.*, ред. Воспоминания братьев Бестужевых. Петроград: Огни, 1917. С. 217; *Тургенев А. И.* Письмо А. Я. Булгакову, 20 апреля 1817 г. // Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М.: Соэгиз, 1939. С. 157; *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 154; *Вяземский П. А.* Звенья. Письма к жене, 2 февраля 1832 г. М.: ГИЗ, 1951. Т. IX. С. 277; *Волконский С. Г.* Записки. СПб.: Синодальная Типография, 1902. С. 379.

[21] *Adams J. Q.* Memoirs. Philadelphia, 1874. P. 94; *Caulaincourt A.*, de. Nouvelle... // Grand Duc Nicolas Michailovitch. Les relations diplomatiques ...V. 6. P. 15; *Garde-Chambonas A., de la.* Souvenirs du Congrès... P. 91–92.

[22] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 159–160, 183, 186–187.

[23] *Chateaubriand F. R.* Congrès de Verone. Paris, 1838. Vol. I. P. 114.

[24] *Chapuisat E.*, ed. Journal de Y. G. Eynard. Paris: Plon, 1914. P. XVIII, XIX; *Garde-Chambonas A., de la.* Souvenirs du Congrès... P. 200; *Эдлинг Р. С.* Из записок // РА. 1887. Кн. I, вып. 3. С. 412; *Gentz F. V.* Journal... P. 185–190; *Fournier A.* Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Vienna: F. Tempinsky, 1913. P. 154; *Rzewuska R.* Mémoires... P. 248–258; *Weil M.-H.* Les dessous du Congrès de Vienne. Paris: Payot, 1917. Vol. I. P. 193, 210, 205, 318, 443, 446, 558.

[25] *Волконская С. Г.* Письмо мадемуазель де Кошле, 11/23 июня 1814 г. Лондон // Mlle de Cochelet. Mémoires. Bruxelles, 1837. Vol. II. P. 16; Vol. III. P. 41–43.

[26] *Metternich K.* Mémoires. Paris, 1881. Vol. III. P. 500.

[27] *Нессельроде М. Д.* Графу Н. Д. Гурьеву, 2 февраля 1824 г. // *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 560–562; *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 353–365.

[28] Письма К. Я. Булгакова к его брату // РА. 1903. Кн. II, вып. 5. С. 63; *Schnitzer H.* Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicholas. Paris, 1847. Vol. II. P. 22–26; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. VII. С. 451–452; *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. II. С. 539–541, 605–616.

[29] *Волконская З. А.* Александру I // Дамский Журнал. 1826. № 2. С. 74–75; Последние дни жизни Александра I. Рассказы очевидцев, записанные княгиней З. А. Волконской // РС. 1878. Т. XXI, кн. 1. С. 139–150.

[30] *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. М., 1932. Т. 4–6. С. 429–442; Архив Гёте и Шиллера в Веймаре, отдел рукописей.

[31] *Богданович М. И.* История царствования императора Александра Первого и России его времени. СПб., 1869. Т. IV. С. 56–85; *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 148–152.

[32] Там же. С. 154–155; *Joneville C.* Life and Times of Alexandr I. London, 1875. Vol. II. P. 275.

[33] *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 84, 87, 98, 101–114.

[34] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 141.

[35] Recollections of Caulaincourt, duc of Vicenza. London, 1838. Vol. I. P. 168–169; *Cazalas E.,* ed. Mémoires du General Benningsen. Paris: H. Charles-Lavauzelle, 1907. Vol. III. P. 222–227.

[36] *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 154; *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 115–116.

[37] *Волконский С. М., ред.* Архив декабриста... Т. I. С. x.

[38] Письмо от 28 мая 1813 г. См.: *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 153.

[39] Александр отбыл в Опочно (Чехия), чтобы встретиться со своей сестрой, Вел. Кн. Екатериной Павловной 4/16 июня. См.: *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 154; Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка... С. 154–155.

[40] *Волконский А. Н.* Шесть писем императора Александра I к княгине З. А. Волконской // Сборник русского исторического общества. 1868. Т. III. С. 312.

[41] *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 161–179; *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 161–164; *Cazalas E.*, ed. Memoires de qen. Bennigsen... P. 238–240.

[42] *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 190–202; Recollections of Caulaincourt... P. 205–220; *Joyneville C.* Life and Times...Vol. II. P. 303; *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 165–166.

[43] *Шишков А. С.* Краткие записки. СПб., 1831. С. 161–162.

[44] *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 348–349.

[45] Recollections of Caulaincourt... Vol. I. P. 239, 241, 245–246; *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 170–174; *Bernhardi T.* Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Carl F. Grafen von Toll. Leipzig: 1857. Vol. III. S. 420–423; *Cazalas E.*, ed. Memoires de qen. Bennigsen... P. 241–245

[46] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 145.

[47] *Joyneville C.* Life and Times... P. 314.

[48] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 159–160, 183, 186–187.

[49] *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 180–182; *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 346–353.

[50] *Волконская З. А.* Куплеты, адресованные Спаде // Азадовский М. К. Из материалов Строгановской академии. ЛН. М.-Л.: 1939. Т. 33–34. С. 209–210; *Шидловский А. Ф.* Письма А. Ф. Спада к В. Г. Теплякову // РС. 1896. Т. 85. С. 670–677; ОРБ Хоттон.

[51] Le Portfeuille de la Comtesse D'Albany. Paris, 1902. P. 609; *Lewis T.*, ed. Extracts of the Journals and Correspondence of Miss Berry. London, 1865. Vol. III. P. 344–345; Mémoires de Mlle de Cochelet (1836–1838). Vol. I. P. 384–386; Vol. II. P. 15–16, 216–219; *Волконский С. Г.* Записки. СПб., 1902. Т. I. С. 337–340.

[52] *Волконский С. Г.* Записки... С. 379; *П. А. Вяземский.* Звенья.1951. Т. IX. С. 277; Mémoires de Mlle de Cochelet... Vol. II. P. 163–164.

[53] *Weil M. H.* Les dessous du Congrès de Vienne... P. 205; *Giachetti G.* Der Wiener Kongress. Bern: Hallwag, 1945. P. 66.

[54] См. ссылку [51].

[55] *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 71–74.

[56] *Меттерних К.* Частное письмо // Paléologue M. Alexandre I-er. Paris: Plon, 1937. P. 277–278.

[57] *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 228–229, 240–245; *Conte della Scarena*. Reminiscences in La Civilita Cattolica. 1878. Vol. XII. P. 633.

[58] *Николай Тургенев*. Дневники // Архив братьев Тургеневых. 1811–1816. СПб., 1913. Т. III. С. 301.

[59] *Caulaincourt A., de*. Nouvelles et on dit. 1908. Vol. VI. P. 110.

[60] Архив князя Воронцова. М., 1890. Т. XXXVI. С. 240; Там же. Т. XXIX. С. 8, 10, 11; *Polovtsoff*. Correspondance diplomatique. St. Peterburg: Societé Imp., 1907. P. 379.

[61] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. II. С. 85–111; Т. IX. С. 107.

[62] Записки М. А. Бестужева // РС. 1881. Т. XXXII. С. 598; *Луппол И. К.*, ред. Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М.: Соцэгиз, 1939. С. 157; Архив Государственного Совета. СПб., 1892. Т. IV. Ч. 2. С. 558–578.

[63] Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // РА. 1886. Вып. 5. С. 100–101.

[64] Беседа с Шатобрианом. Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 259.

[65] *Вяземский П.* А. Полн. соч. собр. СПб., 1879. Т. VII. С. 451–452.

[66] Письма А. Я. Булгакова к брату // РА. 1901. Кн. II, вып. 5. С. 52.

[67] *Волконский П. М.* Письма к И. В. Васильчикову // РА. 1875. Кн. II, вып. 5. С. 49, 70–83; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. СПб., 1902. Т. 1, ч. 2. С. 304–307, 318–319, 330; *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 560–561.

[68] *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Императрица Елизавета Алексеевна. СПб., 1909. Т. III. С. 504.

[69] Этнографическая работа «Славянская картина пятого века» («Tableau slave du V-me siècle») издана в Париже дважды: первый раз в 1820, второй — в 1824 г. Перевод этой работы появился в Дамском журнале в 1822 г. Перевод был выполнен П. И. Шаликовым и вызвал полемику.

[70] *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 184–187; *Metternich K.* Mémoires... Vol. III. P. 373–374, 377; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1914. Т. II. С. 643–652; Восстание декабристов. Материалы в 12 Т. М.-Л.: 1925–1969. Т. II. С. 67, 69.

Семь писем кардинала Эрколя Консальви

[1] *Crétineau-Joly J.,* ed. Mémoires du Cardinal Consalvi. Paris, 1864. Vol. I. P. 28.

[2] *Fischer E. L.* Cardinal Consalvi. Maintz, 1899. P. 325.

[3] *Boudou A.* Le Saint Siège et la Russie. Leur relation diplomatique au XIX siècle, 1814–1847. Paris: Plon, 1922. P. 38–39; *Ellis John T.* Cardinal Consalvi and Anglo-Papal Relations. Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1942. P. 21–33; *Wichterich R.* Sein Schicksal war Napoleon. Leben und Zeit des Kardinal — staatssekretär Ercole Consalvi. Heidelberg: F. H. Kerle, 1951. S. 299–300, 302.

Мы сомневаемся, чтобы Консальви и Волконская могли встретиться в 1813 г. во время её короткого визита в Рим.

[4] *Angelucci P.-G.* Il grande Segretario della Santa Sede. Rome: Scuola typ. Pio X, 1924. P. 49; *Crétineau-Joly J.,* ed. Mémoires... VoI I. P. 36–37, 83–84; *Ellis John T.* Cardinal Consalvi... P. 24–27.

[5] *Nicoulaud C.,* ed. Mémoires de la Comtess de Boigne. Paris: Plon, 1907. Vol. II. P. 280, 405.

[6] *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 45–48; *Fischer E.* Cardinal Consalvi... P. 28, 104–113; *Rinieri I., padre.* Corrispondenza inedita dei Cardinali Consalvi e Pacca del tempo del Congresso di Torino. Unione Typografico, 1903. P. 583, 704–710, 718, 738–745.

[7] *Eynar J.-G.* Journal. Paris: Plon, 1924. Vol. I, P. 17–19. *Fournier A.* Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Wien: Tempsky, 1913. S. 120, 181, 246–248, 287, 353; *Sorel A.* L'Europe et la révolution française. Paris: Plon, 1897–1906. Vol. VIII. P. 358–360, 373; *Weil M.-H.* Les dessous du Congrès de Vienne. Paris: Payot, 1917. Vol. I. P. 35, 45–50; *Wichterich R.* Sein Schicksal... P. 310–317.

[8] *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 48–52.

[9] Diario del Marchese di San Mazzano // quoted in: *Rinieri I., padre.* Corrispondenza... P. LIV.

[10] Выдержки из заметок принца де Линя, цит. в: *Wichterich R.* Sein Schicksal... S. 311.

[11] *Fournier A.* Die Geheimpolizei... P. 469.

[12] *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 37–63, 64–89; *D'Azeglio M.* Recollections. London: 1868. Vol. II. P. 127; La Russia e l'arbitrato della Santa Sede. La Civilitá Cattolica, 1899. February issue; *Rinieri I., padre.* Corrispondenza... P. 115, 130, 132, 600, 642–647.

[13] *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 132–133; La Russia e l'arbitrato della Santa Sede... December 4, 1876; *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император Александр I. Экспед. Заготовл. Гос. Бумаг, 1912. Т. I. С. v.

[14] *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 149.

[15] *Crétineau-Joly J.*, ed. Mémoires... Vol. I. P. 59.

[16] *D'Azeglio M.* Recollections... Vol. II. P. 128.

[17] Письма русского посла А. Я. Италинского (1743–1827) кардиналу Консальви, 4 декабря 1822 г. и 9 апреля 1823 г. См. в: Частные бумаги Э. Консальви. Propaganda Fede, Rome. Fold. XXXII, doc. 3–4; Об Италинском и его миссии в Риме см. в: *Boudou A.* Le Saint Siège... P. 79–81, 88–90.

[18] *Crétineau-Joly J.,* ed. Mémoires... Vol. I. P. 65; quoted in *Fischer E. L.* Cardinal Consalvi... P. 291–292.

[19] *D'Abrantès Laure Junot, Duchesse.* Mémoires. Paris: J. de Bonnot, 1969. Vol. XV. P. 206; *Lenormant A. C.,* ed. Souvenirs et correspondence tiré de papiers de Madame Récamier. Paris: 1859. Vol. II. P. 50–51; *Thürheim L.* Mein Leben. Erinnerungen aus Osterrichs Grosser Welt. Munich: Müller, 1914. S. 78–179.

[20] *Thürheim L.* Mein Leben... S. 100.

[21] *Nicoulaud C.,* ed. Mémoires de la Comtess de Boigne... Vol. I. P. 280.

[22] *Beyle H. (Stendhal).* Lettre à A. de Mareste, 26 mars 1820 an. // Correspondance. Paris: Bibliothèque de Pléiade, 1962. Vol. I. P. 1016.

[23] *D'Azeglio M.* Recollection... Vol. II. P. 126–127.

[24] *Mlle Cochelet.* Mémoires. Bruxelles: 1838. Vol. I. P. 196; *D'Abrantès L.* Mémoires... Vol. XV. P. 609; *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals and correspondence of Miss Berry from the year 1783 to 1852. London: 1863. Vol. III. P. 330, 344–345.

[25] *Angeli D.* Roma Romantica. Milan: Traves, 1935. P. 212–215; *Cametti A.* Memorie storiche dell'Accademia Filarmonica Romana, 1924. P. 43, 49–50; *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals...P. 274–276, 330; *Rzewuska R.* Mémoires. Rome: Cuggiani, 1950. P. 16–18.

[26] Два неопубликованных письма архимандрита Г. Павского (1797–1866) Волконской, написанные в Москве, вероятно, между 1827 и 1828 г., после её разрыва с Барбиери и в связи с увлечением графом Риччи, повлекшим его развод с женой, подругой Зинаиды // ОРБ Хоттон.

[27] Письмо кардинала Консальви от 10 октября 1823 г. // ОРБ Хоттон.

[28] Эта часть корреспонденции кардинала Консальви в его личном архиве в Propaganda Fede в Риме осталась для нас недоступной.

[29] *Beyle H. (Stendhal).* Lettre à A. de Mareste, 3 mars 1820 an. // Correspondance. Paris: Bibliothèque de Pléiade, 1962. Vol. I. P. 1003.

[30] *Stendhal.* «La vie de Rossini», in Euvres completes. Paris: P. Larrive, 1954. Vol. II. P. 436.

[31] *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals... P. 284–285.

[32] *Gentz F., von.* Depêches inédites. Paris: Plon, 1876; Ibid. Tagebücher. Leipzig, 1873; *Eckhardt H., von.* Friedrich von Gentz und die Deutsche Freiheit: Schriften und Briefe aus den Jahren 1815–1832. Munich, 1921.

[33] См. ссылку [29]; *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals... P. 274.

[34] *Bunsen F.* Vie et lettre de la Baronne Bunsen. Geneva-Paris, 1895. Vol. I. P. 50; *Eckhardt H., von.* Friedrich von Gentz und die Deutsche Freiheit... P. 91–96.

[35] *Bunsen Ch.-K.* Aus seinen Briefen. Leipzig: 1868. S. 170–171; *Castlereagh R.S., Viscount.* Correspondence, Dispatches and other Papers. London, 1853. Vol. VII. P. 272, 284, 340, 375.

[36] *Metternich K.* Letter to Cardinal Consalvi, December 13, 1820; *Crétineau-Joly J.,* ed. Mémoires... Vol. I. P. 140.

[37] Mémoires de Vicomte de La Rochefoucauld. Paris, 1837. Vol. I. P. 373–374, 380.

[38] Письмо от Александра I кн. З. Волконской, 24 мая 1816 г. // ОРБ Хоттон; *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals... P. 330.

[39] *Lewis T.,* ed. Extracts of the journals... P. 330–331; *Rzewuska R.* Mémoires... Vol. II. P. 17.

[40] *Bunsen F.* Vie et lettres... Vol. I. P. 196, 207–208, 212–213; *Fischer E.L.* Cardinal Consalvi... P. 332–333; *Daudet E.* Diplomats et hommes d'Etat contemporains. Le Cardinal Consalvi. Paris: 1866. P. 182, 288; *Lenormant A.*, ed. Souvenirs et correspondence...Vol. II. P. 50, 52–53.

[41] *Pélissier L.-G.* Le Portefeuille de la Comtesse D'Albany. Paris A. Fontemoing, 1902. P. 601–609.

[42] *Elisabeth*, Duchess of Devonshire to Lord George Byron, letter of August 17, 1821, in The Two Dushesses. London, 1898. P. 440; *Thürheim L.* Mein Leben... Vol. III. S. 176; *Lenormant A.,* ed. Souvenirs et correspondence... Vol. II. P. 50–55.

[43] *Crétineau-Joly J.,* ed. Mémoires... Vol. I. P. 192–198.

III. Письма А. Н. Волконскому и А. П. Голицыну
Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому

[1] *Ильин В. В.* Воспоминание о князе А. Н. Волконском // РА. 1878. Кн. 10. С. 251.

[2] *Герштейн Э. Г.* Судьба Лермонтова. М.: ГИХЛ, 1986. С. 121, 336.

[3] *Вяземский П. А.* Старая записная книжка // Полн. собр. соч. 1886. Т. X. С. 112–218.

[4] *Вяземский П. А.* Письмо В. Ф. Вяземской, 4 мая 1859 г. // Kauchtschischwili N. L'Italia... P. 314.

[5] *Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу, 2 июня 1833 г. // ОА. Т. III. С. 223–228.

[6] *Вяземский П. А.* Письмо П. П. Вяземскому, 12 мая 1859 г. // Kauchtschischwili N. L'Italia... P. 315.

[7] Там же. С. 100.

[8] Там же. С. 219–227, 235.

[9] Там же. С. 226.

[10] Там же. С. 228, 237.

[11] *П. А. Вяземский*... Т. XI. С. 297–298.

Три письма Я. Н. Толстого кн. А. Н. Волконскому

[1] *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой. Биографический очерк // РС. 1899. № 9–10. С. 5, 11–14; *Щёголев П. Е.* Из двадцатых годов. К биографии Я. Н. Толстого // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб.: Академия Наук, 1904. Т. II. С. 65–67; *Пушкин А. С.* Письмо Я. Н. Толстому, 26 сентября 1822 г. // Полн. собр. соч. 1937. Т. XIII. С. 46–48; Там же. Письмо А. А. Бестужеву, 12 января 1824 г. С. 62, 84.

[2] *Пушкин А. С.* Стансы. 1819 г. // Полн. собр. соч. 1937. Т. II. С. 109.

[3] *Толстой Я. Н.* Моё праздное время, или собрание некоторых стихотворений. СПб., 1821; Перевод в стихах 5-й любовной элегии Тибулла. Журнал древней и новой словесности, 1818 г., 22–25 октября; Переработка для сцены двух французских пьес, поставленных, но неопубликованных: Мнимые разбойники, или суматоха в трактире, Нетерпеливый; перевод на французский Пушкинского стихотворения «Чёрная шаль» // Современник. 1857. Т. IV. С. 267; *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 15–21.

[4] Там же... С. 21–23, 28–38; *Щеглов П. Е.* Зелёная лампа // Пушкин и его современники. 1908. Т. VII. С.19–28, 36; *Turgenev N. I.* La Russie et les Russes. Paris, 1847. Vol. I. P. 197–199; *Розен А. Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870. С. 66–67.

[5] *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 25, 35.

[6] *Tolstoj J.* Quelques pages sur l'Anthologie russe pour servir de réponse á une critique de cet ouvrage insérée dans le «Journal de Paris». Paris, 1824. В этом обзоре Толстой защищает русскую литературу, и в частности И. А. Крылова, от нападок критика; *Tolstoj J.* Resumé de l'histoire de Russie. Revue Encyclopédique, 1825. Vol. XXVI. P. 531–534; Статьи Толстого о современном состоянии русской литературы появились в Revue Encyclopédique, XXI, XXVI, XXXI, XXXVIII, XLIV; *Tolstoj J.* Six mois suffisent-ils pour connaître un pays, une observation sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé Six mois en Russie; пространное возражение Толстого на книгу некоего В. Манье, критикующего статью генерала Жомини об успехах русских в турецкую войну 1828 г. Книга Манье появилась в Париже в 1829 г.; *Tolstoj J.* Lettre d'un Russe á un Russe, simple réponse au pamphlet de Mme la Duchesse d'Abrantès, intitulé: Catherine II. Paris, 1835; *Tolstoj J.* La Russie en 1839, revée par Mr. De Custin. Paris, 1844. P. 1–112.

[7] *Вяземский П. А.* Записная книжка. 30 июля 1826 г. М.: Академия Наук, 1963. № 418. С. 134; *В. А. Жуковский* цитирует письмо Вяземского А. И. Тургеневу // РА. 1895. Кн. IV, вып. 10. С. 231; МТ. Т. XV. С. 216–232; Т. XVI. С. 154, 164–178; *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 29–33.

[8] Всеподданнейшее письмо Я. Н. Толстого от 26 июля (н. с.) 1826 г. // Щёголев П. Е. Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987; *Щёголев П. Е.* Из двадцатых годов... С. 29–34; *Щеглова С. А.* Переписка Я. Н. Толстого с А. И. Тургеневым. Памяти декабристов. Л.: Академия Наук, 1926. Т. II. С. 164–178; *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 29–30; *Tolstoj J.* Essai biographique et historique sur le feld maréchal prince de Varsovie compte Paskevitch de Erivan. Paris, 1835. P. 1–235. Эта биография была переведена на польский В. Зайончковским и издана в Варшаве в 1840 и 1841 гг.

[9] Письма Толстого брату Н. Н. Толстому от 14 октября 1827 г., 8 сентября 1829 г., 30 августа 1830 г. // *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 29–30, 36, 38, 42.

[10] *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой... С. 44–49; Записки Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 77–78, 112–114; Из записок В. А. Муханова // РА. 1897. Кн. I, вып. 1. С. 51; РА. 1897. Кн. I, вып. 2. С. 278; *Тарле Е. В.* Донесения Якова

Толстого в III отделение // ЛН. 1937. Т. 31–32. С. 563–565; *Тургенев А. И.* Письмо Н. И. Тургеневу из С.-Петербурга о назначении Толстого с окладом в 3000 рублей // Пушкин и его современники. 1908. Т. VI. С. 85. Толстой был рекомендован на эту позицию князем Э. Мещерским, см. в: ЛН. 1939. С. 32–33, 383, 450, 478. Толстой сам написал Паскевичу, что для того, чтобы быть агентом в Париже и «влиять на французскую прессу, необходимы три вещи: деньги, деньги, деньги», см. в: *Тарле Е. В.* Донесения... С. 567.

[11] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. 1878. Т. I. С. 245.

[12] *Ильин В. В.* Воспоминание о князе А. Н. Волконском... С. 252.

[13] Там же. С. 252–253.

[14] В это время у Толстого было подчёркнуто негативное отношение к любому революционному движению, будь то венгерское, испанское восстание или французская революция 1848 г. Это ясно выражено во втором томе биографии Паскевича, составленной Толстым, и в его «Донесении о действиях в Венгрии русской армии под командованием фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского».

Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну

В своих воспоминаниях о князе А. Н. Волконском (см.: РА. 1878. Кн. 10. С. 252) генерал *В. В. Ильин* ошибочно указал дату отъезда Волконского из Мадрида как 1867 г., в то время как «Славная революция» в Испании произошла 19–27 сентября 1868 г., после чего королева Изабелла II покинула столицу и уехала в Париж.

[2] *Merimée P.* Correspondance generale, 2-me série. Toulouse: F. Privat, 1961. Vol. XIII. P. 546–547, Vol. XIV. P. 44, 66, 95–98, 112–115, 121–123, 169–171.

[3] *Giraux V.* Essai sur H. Taine. Paris, 1901. P. 190.

[4] *Тургенев И. С.* Письмо С. А. Миллер, 6/18 марта 1853 г. // Полн. собр. соч. в 28 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968. Письма. Т. II. С.131.

[5] *Соллогуб В. А.* Воспоминания. Л.: Худ. Литература, 1988. С. 511–512.

[6] Французские письма Тургенева русским корреспондентам: 1) М. Н. Каткову, 26июля / 7 августа 1866 г. // Письма. Т. VI. С. 91; 2) В. Ф. Одоевскому, 29 сентября 1867 г. С. 310; 3) М. Н. Стасюлевичу, 29 сентября 1867 г. С. 312; 4) Ф. И. Тютчеву, 29 сентября 1867 г. С. 313; 5) Б. Н. Чичерину, 29 сентября 1867 г. С. 313. Первая из этих коротких записок представляла виолончелиста Б. Коссмана (Cossman B.), четыре других были написаны в поддержку американского дипломата и писателя Юджина Шуйлера (Eugene Schuyler), жившего тогда в Москве.

[7] *Тургенев И. С.* Письмо Альберту Н. Тургеневу, 22 марта / 3 апреля 1869 г. // Письма. Т. VII. С. 346; Письмо Е. Ф. Радену, 9/21 мая 1866 г. // Письма. Т. VI. С. 76.

[8] Пятнадцать писем И. С. Тургенева А. П. Голицыну охватывают период примерно в десять месяцев — с 19 июня / 1 июля 1867 г. по 12/24 апреля 1868 г. // Письма. Т. VI. С. 281–283, 288, 296–297, 299, 304–306, 325, 338, 343, 348; Письма. Т. VII. С. 118, 129.

[9] *Тургенев И. С.* Письма А. П. Голицыну // Письма. Т. VI. С. 281–282, 288–289, 296, 305, 338, 567–568; Жюлю Этцелю (Jules Hetzel) // Письма. Т. VII. С. 333.

[10] *Тургенев И. С.* Письмо Полине Виардо, 14/26 марта 1868 г. // Письма. Т. VII. С. 96.

[11] *Тургенев И. С.* Письмо А. П. Голицыну 14/26 июля 1867 г. // Письма. Т. VI. С. 288–289.

[12] *Тургенев И. С.* Письмо Жюлю Этцелю, 13/25 февраля 1868 г. // Письма. Т. VII. С. 63.

[13] *Тургенев И. С.* Письмо А. П. Голицыну, 12/24 апреля 1868 г. // Письма. Т. VII. С. 118, 119.

[14] Письма А. П. Голицыну. Alfred Pierre Falloux, Josef Hippolyte Guilbert, Ernest Naville, Auguste Haxthausen, François Pierre Guizot; а также записка Ангелине Голицыной от Софии Свечиной (to Angéle Golitsina from Sophie Svetchina) // Архив З. А. Волконской, ОРБ Хоттон.

[15] *Тургенев И. С.* Письмо А. П. Голицыну, 14/26 июля 1867 г. // Письма. Т. VI. С. 288–289. Оригинал письма от 12/24 апреля 1868 г., опубликованный в: Письма. Т. VII. С. 118–119 — в частной коллекции И. С. Зильберштейна.

[16] *Тургенев И. С.* Письмо Д. В. Григоровичу, 25 января / 6 февраля 1881 г. // Письма. Т. XIII, кн. 1. С. 48.

[17] *Тургенев И. С.* Письма А. П. Голицыну, 19/31 августа 1867 г., 3/15 сентября 1867 г. // Письма. Т. VI. С. 299, 306.

[18] Это обозначено на обложке первого черновика. Bibliothèque national, Collection Slave, 84.

[19] *Гончаров И. А.* Письмо М. Н. Стасюлевичу // Полн. собр. соч. в 8 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. VIII. С. 395.

[20] *Тургенев И. С.* Письмо Максиму Дюкану, 6/18 февраля 1868 г. // Письма. Т. VII. С. 53.

[21] *Тургенев И. С.* Письма. Т. VII. С. 15, 28, 32–33, 35, 38–39, 43, 52–53, 63, 69.

[22] *Тургенев И. С.* Письма Н. А. Кишинскому, 25 апреля / 7 мая 1867, 17/29 июня 1867, 9/21 декабря 1867 г. // Письма. Т. VI. С. 238, 290–291; Т. VII. С. 10, 18, 90.

[23] *Тургенев И. С.* Письмо Жюлю Этцелю (Jules Hetzel), 30 мая / 11 июня 1868 г. // Письма. Т. VII. С. 147.

[24] Nouvelles moscovites. Paris: J. Hetzel, 1869.

[25] *Mérimée P.* Correspondance générale... Vol. VIII. P. 169.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азадовский М. К. 226, 241
Александр I, император России 4, 9–10, 18–29, 39, 44–45, 49, 87, 109–155, 159, 226, 228, 229, 231, 236, 238–244
Александр II, император России 34, 102
Алопеус Д. М. 141
Алопеус Ж., (урожд. Ж. фон Венкстерн, во втором браке Лопухина Анна Ивановна) 140–141
Альбани, графиня 173
Андерсон Д. 8
Ансело Ж. А. 195
Апоний А. Р., граф 159, 163
Апоний Т. (урожд. Ногарола) 163
Аракчеев А. А. 115, 117, 145
Арндт Э. М. 45
Арутюнова-Манусевич Б. А. 4, 7–8, 10–11, 13–14, 226
Асафьев Б. В. 234

Б

Базанкур О. Г. 230, 235
Байрон Д. 60, 63–64, 114, 171
Баратынская Н. Л. (урожд. Энгельгардт) 53
Баратынский Е. А. 4, 27, 30, 53–57, 59, 80, 232
Барбери Дж., граф 159–160, 167, 172
Барбери, мадемуазель 167
Барбери, мадам 167, 172
Барбиери М. 21–22, 25, 28, 30, 156, 172, 243
Барков Д. М. 193
Барсуков Н. П. 228, 232, 234–235, 239
Бартенев П. И., П. Б.(артенев) 48, 233, 239
Бартенева П. А. 59
Бартенев Ю. Н. 242
Батлер К. 8
Батюшков К. Н. 22, 45, 80, 227, 231
Белинский В. Г. 32, 58, 232
Белли Д. Д. 89
Беллини В. 69, 73, 76
Белозерская Н. 227, 239
Белосельские-Белозерские 26
Белосельский-Белозерский А.М. 16, 17, 64, 133–134, 226
Белосельский И. А. 18
Белосельский-Белозерский С.С. 227
Белосельская-Белозерская А.Г. (урожд. Козицкая) 22, 26, 45, 46–48, 62, 64, 143, 226
Белосельская Н. А. (в замуж. Лаптева) 18
Белосельская-Казарда М. 227
Бенишу П. 7
Бенкендорф А. Х. 40, 195, 226
Бентинк У. 45
Бербери, мадам и месье 170, 172
Берлиоз Г. 70
Бернард М. 233
Бестужев М. А. 242
Бестужев-Марлинский А. А. 53, 245
Бестужевы братья 240
Бетховен Л., ван 159
Бейль М.-А., см.: Стендаль 80, 84, 89
Богданович М. И. 240–241
Бойен Г., фон 111
Бонапарт М. Л., (Летиция), мать Наполеона I 89
Боргондио Ж. 23, 87, 227
Бруни А. 77
Бруни Ф. А., (Фиделио) 11, 23, 27, 33–34, 64, 75, 77, 89, 102
Бруссо К. 8
Брюллов А. П. 11
Брюллов К. П. 2, 11, 32, 73, 89
Брюно Ж. Л. 7
Брюэр П., дочь И. С. Тургенева 222
Буань Э. А., д'Осмонд 137, 153, 155–156
Будберг А. Ф., фон 202
Булгаков А. Я. 23, 227, 228, 235, 240
Булгаков К. Я. 227, 236, 240, 242
Бунзен Х. К., фон 89, 161, 188
Буслаев Ф. И. 229
Бутенев А. П. 36
Бутурлин М. Д. 33, 48, 226, 229, 231, 235
Бычков И. А. 235–236, 238

В

Вайнтрауб В. М. 7
Вакарелиска С. 8
Валентини Д., банкир 97
Вандам Д. Ж. 124–125
Васильчиков И. В. 242
Веллингтон А. У. 143
Веневитинов А. В. 228
Веневитинов Д. В. (Vénévitinoff) 27, 54, 61–63, 71, 73, 190, 233
Веневитинов М. А. 233
Веневитинова А. М. 33
Вересаев В.В. 239
Верне О. 32, 70, 89, 102
Виардо Л. 219, 222–223
Виардо П., (Виардо-Гарсия П.) 219–220, 246
Виардо, семья 219
Вигель Ф. Ф. 239
Виельгорский И. М. 34
Виельгорский М. Ю. 12
Висконти П. Е. 88
Витберг К. Л. 138
Владимир (Терлецкий), архимандрит, см.: Терлецкий В. 36–37
Владиславлев Б. А. 71
Власов А. С. 77
Власова (Vlasov), М.А. (псевдоним Магдалина, Мадлена), (урожд. Белосельская) 18, 30, 33, 36, 75–78, 82–83, 229, 235
Воейкова А. А., «Светлана», (урожд. Протасова) 233, 239
Волкова М. А. 226, 231, 239
Волконский А. Н. 9, 18, 22, 30–32, 37, 48, 78, 109–110, 115, 121, 124, 129–130, 147, 156, 164–167,186–188, 190–193, 196–197, 201, 205, 207–219, 226, 227, 232, 239, 241, 244–246
Волконский Г. П. 72–73
Волконский Г. С. 230
Волконский М. С. 228
Волконский Н. Г., (Никита) 18, 23, 25, 32, 35–36, 45, 49, 65, 110, 112, 121, 127, 129–130, 146, 150, 232
Волконский Н. Г., (Николай Репнин) 18, 65

Волконский П. М., князь Пётр 36, 65, 113, 115, 117, 129, 133, 145–146, 153, 242
Волконский С. Г. 18, 28, 35, 65, 137, 187, 228, 230–231, 239–241
Волконский С. М. 228, 230–231, 239, 241
Волконская М. Н., (урожд. Раевская) 28, 228
Волконская С. Г., княгиня Софья (урожд. Волконская) 19, 32, 59, 63, 65, 73, 111, 116–117, 120, 124, 126, 143, 145, 164–167, 170
Волконские-Сибирские 187
Волхут Э. 9
Вольтер 134
Всеволожский А. Н. 193
Всеволожский В. Н. 193
Вяземский (Viazamski) П.А. 4, 9, 12, 15, 23, 26–27, 29–31, 39, 41–43, 45, 53–56, 58–60, 62–64, 71, 80, 82–83, 87–90, 92–101, 106, 143, 186–192, 195, 227–230, 232–238, 240–242, 244–246
Вяземский П. П. (Павел) 90, 237, 244
Вяземская В. Ф. 15, 88, 90, 95, 97, 187–188, 230, 233, 236, 238, 244
Вяземская М. П. 88, 90, 94–95, 97, 187
Вяземская Н. П. 88, 90, 95, 97, 187
Вяземская П. П., («Пашенька», Pauline) 88–92, 93–95, 97, 187–188

Г

Габерцеттель И. И. 32
Галлан Р. 238
Гальберг С. И. 63, 77, 227
Геништа И. И. 12, 27
Гентц Ф., фон 159
Геранже П., дом 36–37
Герасим (Павский), архимандрит 156, 228
Герштейн Э. Г. 230, 244
Гёте И. В. 11, 19, 30, 63, 78, 89, 95–96, 117, 134, 228, 235, 240
Глинка М. И. (Glinka) 4, 11–12, 31, 33, 39, 59, 69–78, 83–84, 105–106, 228–230, 234–235
Глинка И. Н., отец композитора 69, 76
Глинка Ф. Н. 235
Гнедич Н. И. 53, 59
Гоголь Н. В. 11, 33–34, 102, 104, 190, 226, 229–230, 237–239
Голенищев-Кутузов М.И. 240
Голицын А. Н. 115, 117, 132, 145, 242
Голицын А. П. 9, 186–187, 219–225, 244, 246–247
Голицын С. М. 187
Голицына А., (Angéle) Angéle Golitsina 187, 247
Голицына Авдотья (Евдокия) Ивановна, (урожд. Измайлова) 45
Голицына М. А., (урожд. Суворова-Рымникская) 59
Голицына С. 160
Головин И. Г. 245
Головина В. Н. 12
Гончаров И. А. 222
Городецкая Н. Д. (Gorodetzky) 227, 229, 230
Гортензия Богарнэ, де, королева Нидерландов 21, 137, 239
Гофман М. Л. 232
Гофман Э. Т.А. 63
Грибоедов А. С. 59, 88
Гриббл Ч. 8
Григорий, сын 3. Волконской 20
Григорий VII, Папа Римский 168
Григорович Д. В. 222, 247
Грот К. Я. 233
Гросси Т. 107
Гулыга А. В. 226
Гульянов И. А. 25
Гурьев Н. Д. (Gourief) 88, 131–132, 240
Гурьева Е. Д., (Элен), (Gourieff H.) 231
Гурьева М. Д. 47

Д

Д'Азельо М., кардинал 155–156
Д'Арк Ж. 12
Данилевский А. С. 238
Данилов Н. М. 233
Даргомыжский А. С. 59–60, 233
Девонширская Э., герцогиня (урожд. леди Элизабет Фостер) 155, 170, 171, 172
Девонширский У., герцог 171
Декарт Р. 63
Дельвиг А. А. 53, 59, 64, 79, 88
Деннис Р. 7
Державин Г. Р. 36, 77
Дженга, делла, кардинал 171
Дмитриев И. И. 80, 238
Дмитриева Е. И. 230, 235
Доницетти Г. 69, 73, 75–76
Дорнберг 45
Дурново А. П., (Алина), (урожд. Волконская) 59, 63, 65, 73, 143
Дурново П. Д. 35–36, 229, 235
Дурылин С. Н. 228, 231, 235, 237, 240
Дюкан М. (Ducamp M.) 247
Дюмулен Ш. 205–206

Е

Евгения (Эжени Мари де Монтихо), императрица Франции, супруга Наполеона III 207
Екатерина II, императрица России 134
Екатерина Павловна, Вел. Кн., герцогиня Ольденбургская, королева Вюртемберга 20, 110, 113, 121–122, 133, 187, 239, 241
Екатерина Михайловна, Вел. Кн. 187
Елагина А. П. 54, 94, 235, 237
Елизавета Алексеевна, императрица 64, 110–111, 146, 228, 236, 242
Ермолов А. П., генерал 142

Ж

Жерамб Ф. 121
Жерамб Э. 120–121
Жербе О. Ф. 36, 186
Жомини А. А., де 125, 245
Жуковский В. А. (Joukoffsky) 4, 11, 27, 35, 36, 39, 58–59, 64, 77–78, 81–83, 88, 91–92, 94–97, 102–108, 190, 229, 233, 235–239, 245

З

Зайончковский В. 245
Закревский А. А. 55, 193
Зеа-Бермудес, Дон, де, 45
Зенеида (Волконская З. А.) 22
Зейдлиц К. К., фон 237–238
Зильберштейн И. С. 234–235, 247

И

Иванов А. А. 102
Иванов Н. К. (Ivanoff) 36, 69, 70, 72–76
Иванова-Блинова Е.В. 4, 8, 14
Иванчин-Писарев Н.Д. 232
Изабелла II, королева Испании 205, 246
Ильин В. В. 20, 186, 244, 246
Иордан Ф. И. 32, 229
Италинский А. Я. 153, 155, 243

К

Каверин П. П. 193
Кайсаров П. С. 78
Калиостро А. 160
Каменский С. М. (Kamensky) 131–132
Кампанари В. 8
Камуччини В. 102
Канкрин Е. Ф. 95
Кант И. 63, 226

Канторович И. В. 8
Капальти (Капальди, Marietta) М. 74, 75, 78, 105, 235
Карамзин Н. М. 42, 80
Каскарт 45
Касльри Р.С., виконт 244
Кастелафар 153
Катков М. Н. 246
Каучишвили Н. 237
Кейли Д. 8
Киммель (Kimmel) 131–132
Кипренский О. А. 89, 102
Кириевские, братья 27, 71
Киреевский И. В. 30, 53–54, 63, 84, 232–233
Кишинский Н. А. 247
Клавер К. 8
Козлов И. И. (Kosloff Jean) 4, 27, 39, 41, 58–68, 80, 104, 117, 165, 228, 232–234, 238
Козлов И. И., сын
Козлова А. И. (Александра), дочь
Козлова И. И. 61, 65
Козлова С. А., (урожд. Давыдова), жена Козлова И. И. 65
Козловский О. А. 45
Козловский П. Б. 25, 227
Коленкур А., де, герцог 125
Колошин С. П. 206–207
Консальви Э., кардинал 4, 17, 24, 28, 39, 141, 152–168, 170–185, 242
Констан Б., (Анри-Бенжамен Констан де Ребек) 64
Коншин Н. М. 232
Копп И. Г. 88, 92, 94, 98
Коринна, Коринна-Зинаида, Коринна Александровна, Северная Коринна (дружеское обращение к З. Волконской) 45, 79, 82–83
Корсини З. 105, 235
Коссман Б. (Cossman B.) 246
Кочеткова Т. 237
Кочубей Н. А. 187
Кошле Л., де 22, 137, 240
Кошелев А. И. 63
Краевский А. А. 71, 234
Кретино-Жоли Ж. 154
Крылов И. А. 245
Куракин А. Б. (Kourakin) 131–134
Куракина Н. И. 12
Куриони А. 159
Кутузов М. И. 111, 239–240
Кутузовы 45
Кюхельбекер В. К. 53

Л

Лабедойер Ш. А., («Бедойер») 22, 136–137
Лаваль А. Г., (урожд. Козицкая) 45, 48, 60, 233
Лагарп Ф.С. 151
Лакордер Ж. Б.А. 36, 186
Ламеннэ Ф. Р. 36
Ламперини Ф. 8
Ланжерон А. Ф. 23
Ланская В. И. 48, 226, 231, 239
Лаперсон 197
Ларошфуко С., де (Рошефуко С., де ла) 22, 24–25, 137
Лафонтен Ж. 132–133
Лебцельтерн З. И., (урожд. Лаваль, сестра Е. Трубецкой, дочь графа и графини Лаваль) 59
Лев XII, Папа Римский 154, 157, 171–172
Левей Л. 8
Леммерман В.К, (Базиль), барон 7, 34, 103, 232, 238
Лермонтов М. Ю. 229–230, 244
Ливен Д. А., фон, (урожд. Бенкендорф) 226
Лилиен Л., фон, (в замуж. Волконская Л.) 190
Линь Ш. Ж. де, принц 21, 154, 243
Лобанова-Ростовская К.И. 35
Локк Д. 63
Лопухин П. П. 142
Луиза, королева Пруссии 110
Луи Наполеон Бонапарт, Наполеон III, император Второй Империи (1852–1870) 206
Луи-Филипп I, герцог Орлеанский, король Франции (1830–1848) 197
Лунин П. М. 77
Луппол И. К. 241
Людовик XVIII, король Франции (1814–1824) 114, 201
Люке, дом 36–37
Лютцов Л., фон 89

М

Майер М. 2
Майков А. Н. 187
Макдональд Ж. 125
Максимов Н. Я. 232
Маниелли, итальянский певец 233
Манье В. 245
Мария-Луиза Австрийская, императрица Франции 205, 207
Мария Павловна, Вел. Кн., великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская 122
Мария Фёдоровна, вдовствующая императрица 18, 110, 141, 154
Марс А., актриса, (Anne-Françoise-Hippolyte Boutet Salvetat) 21, 25, 165
Мартьянова 163
Марчелло Б. 105
Маттиас М., де 37
Мейнвиель, муж Ж. Фодор-Мейнвиель 76
Мельгунов Н. А. 12, 27, 70–71
Мендельсон-Бартольди Ф. 70
Мериме П. 219, 220, 222, 223
Мерлини Д., дон 38
Местр К. К., де 186, 226
Меттерних К. 115, 129, 137, 141, 143, 153–154, 159, 161, 186, 241
Меццофанти Дж., кардинал 36, 89
Мещерский Э. П. 246
Миллер С. А. 246
Милютин Н. А. 223
Михаил Павлович, Вел. Кн. 187
Михайловский-Данилевский А.И. 239
Мицкевич А. 11, 27, 54, 78, 228, 229
Модзалевский Б. Л. 228, 230, 245
Мольер Ж. Б. 26
Мордовцев Д. Л. 232–233
Моро Ж. В. 125, 129
Москати, граф 226
Муравьёв А. Н. 36, 230
Мусина-Пушкина Э.К. 42, 230
Муханов В. А. 232–233, 245
Мынбаева А. К. 4, 9

Н

Наполеон I Бонапарт, император французов (1804–1814 и 20.02–22.06.1815) 18, 20–22, 35, 39, 44–45, 49, 89, 111, 117, 121, 123, 125, 127, 129, 133–134, 137, 150, 152, 153, 155, 207, 232
Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (Плон-Плон), племянник Наполеона I 206
Наполеон Жером (Иероним) Бонапарт, король Вестфалии (младший брат Наполеона I) 206
Наполеон III 200, 201, 206, 218, 219
Нарышкин А. Л. 45
Нарышкина (Narishkin) М.А. 110, 113, 142, 143, 150
Нарышкина Софья, внебрачная дочь Александра I 115, 143, 150
Наумова А. 23, 227
Нейперг А. 207
Нейперг М.-Л., (мадам Нейперг), см.: Мария Луиза Австрийская 205
Немурский, (Луи-Филипп I Бурбон, герцог Орлеанский) 197

Нессельроде К. В. 153
Нессельроде М. Д. 240
Нечаева В. 237
Николай I, император России 30, 32, 36, 65, 80, 94, 117, 187, 195
Николай Михайлович, Вел. Кн. 110, 239–243
Николь Шарль Доминик, аббат Николь 22, 160, 227, 239
Новосильцев Н. Н. 87
Ноццари (Нотсари) А. 73, 75–76

О

Одоевский В. Ф. 27, 63, 71, 190, 246
Окулова А. А., (в замуж. Дьякова) 98
Окулова Д. А., (в замуж. Шипова) 98, 238
Окуловы (Ocouloff), сёстры 96, 98, 238
Олбани Л., графиня, (урожд. Штольберг) 155
Олсуфьева М. В. 187
Олуэ, майор 163
Орлен Я. 8
Орлов В.Г. 45, 231
Орлова Е. Н. 235
Офресн, мадам, (вдова месье Офресна) 132, 134
Офресн, (сценическое имя — Жан Риваль) 134

П

Павей В. Д. (Pavey) 20, 30, 33, 37, 229
Павел I, император России 17
Павлищев Н. И. 72, 234
Павлов Н. Ф. 30, 53, 54, 71, 232, 234
Павский Г. П. 28, 243
Паер Ф. 11
Паизиелло Дж. 12, 24
Паини Ф. 11
Пакка Б., (Расса) кардинал 153
Панжу Ф., де 15
Паскевич-Эриванский И.Ф., князь Варшавский 195, 197, 246
Пассек Т. П. 230, 232
Пастернак Б. Л. 96
Пепе Г., генерал 161
Перуккини Дж. — Б. 11
Пий VI, Папа Римский 160
Пий VII, Папа Римский 141, 152, 154, 157, 163, 168, 170, 171
Пий IX, Папа Римский 37, 230
Платон (Пётр Георгиевич Левшин), митр. 228
Плетнёв П. А. (Pletneff) 53, 189–190
Погодин М. П. 53–54, 71, 228, 232, 234, 239
Полевой Н. А. 53
Поллини Ф. 69
Полонский Я. Б. 227
Потоцкая М. А., (урожд. княжна Салтыкова-Головкина) 89
Прим Х. 204–205
Протасова А. А., (в замуж. Воейкова) 59
Пушкин А. С. 10, 16–17, 27–29, 31, 36, 40, 43, 53–54, 59, 63, 70, 71, 77, 79–81, 83, 87–88, 187, 190, 193, 195, 228–233, 235–238, 245
Пушкина Н. Н., (урожд. Гончарова) 40, 230
Путята Н. В. 53, 232

Р

Раден Е. Ф. 246
Радецкий Й. В. (Radetsky J.) 122–123
Раевская А. М. 235
Раич С. Е. 54
Разумовский А. К. 45, 153, 154
Раскович С. 8
Ремер Н. Ф. 75
Ремизов А. М. 227
Репнина В. Н. 227, 238
Репнины 23
Рикорди Дж. 76
Риччи М. 28–29, 36, 75, 77, 94, 97, 105, 107, 230, 235, 243
Риччи Е. П., (урожд. Лунина) 28, 77
Роан Л., де 137
Рожалин Н. М. 30, 75, 77–79, 82, 84, 235
Розен А. Е. 245
Ройе-Коллар П.П. 201–202
Романовы 26
Россини Дж. 11, 21, 76–77, 165
Ростопчин Ф. В. 44, 231
Румянцев Н. П. 45, 112–113
Рылеев К. Ф. 53

С

Сааведра А. де, (Ривас, де) 204, 206
Саган Катерина Вильгельмина, герц. Курляндская 136–137
Саитов В. И. 227
Сайкина Н. В. 8
Самарин Ю. Ф. 223
Самора, кардинал 8
Сан Маццано, ди, маркиз 153
Свербеев Д. Н. 54
Свербеева Е. А. 54
Свечина С. П. (Sophie Svetchina) 247
Свистунова М. П. 226, 239
Сейер, де 197
Сент-Олэр, де (граф, Бопуаль Л. К., де) 79, 81–82
Сент-Прист А., граф 160
Сент-При А.Г. (Прист, Ст. Прист) 159, 160, 170
Силик, повар З. Волконской 143
Скванси, (Скасси, Сасси) 140, 142
Скотт В., сэр 32, 229
Снегирёв П. М. 228
Смоликовский П. (Smolikowski) 229
Соболевский С. А. 27, 30, 53–54, 69, 71, 228, 235
Соймонов А. Н. 71, 234
Солдан (Садан, Солдаен) Х.Ф., генерал, 239
Соловьёв Н. В. 233, 238–239
Соллогуб В. А. 73, 234, 246
Сорель А. 231
Спада А. Ф. 132, 134, 241
Сперанский М. М. 114
Срезневский И. И. 80, 236
Сталь-Гольштейн Анна-Луиза Жермен, де (Сталь Холстейн Некер, де) 4, 15, 15, 17–19, 39, 41, 43–52, 232, 239
Стасов В. В. 234
Стасюлевич М. Н. 227, 246–247
Стейн (Штейн) 45
Стендаль А., см. Анри Бейль 12, 23, 43–49, 76, 156, 158–159, 237
Струговщиков А. Н. 234
Сухтелены 45

Т

Талейран Ш.-М. 154, 201
Татищева М. Д. 226
Тарле Е. В. 245–246
Теребенина Р. Е. 228–231
Терлецкий В., см.: Владимир (Терлецкий), архимандрит 230
Тепляков В. Г. 241
Тетерборн 45
Тизенгаузен Е. М. 240
Тимирязев В. А. (Timiriazeff) 96, 239–240
Тирвитт Т., сэр 130
Титов В. П., (Titoff) (лит. псевд. — Тит Космократов) 63, 189–190
Толстой А. К. 187
Толстой И., (Жан) 197, 205
Толстой Н. А. (Tolstoy) 120, 131–132, 134
Толстой Н. Н. 245
Толстой Н. Я. 193
Толстой С. И. 204, 205

Толстой Я. Н. 9, 186, 193–197, 201–218, 245–246
Тон К. 11
Траслоу Х. (Truslow Hugh) 9
Тридон К. 8
Трубецкой В. С. 137
Тургенев А. И. (Tourgeneff) 4, 26, 30, 39, 41, 43, 54, 59, 79–86, 88, 90, 94, 97–98, 104, 107, 228, 232, 235–249
Тургенев Альберт Н., (сын Н. И. Тургенева) 246
Тургенев И. С. (Tourguéneff) 9, 187, 219–225, 246–247
Тургенев Н. И. 80, 142, 226, 236, 242, 246
Тургенев Н. Н. 222
Тургенев С. И. 226
Тургеневы, братья 59, 235, 236, 242
Турхейм Л., фон 156
Тютчев Ф. И. 246
Тюфякин П. И. 45

У

Уваров С. С. 45, 195
Удино Ш. 125
Уильсон 45
Уильямс Дж. 7
Уорт Д. 8

Ф

Фабиола, монахиня 8
Фангер Д. 7
Фердинанд I Бурбон 159, 161
Фердинанд IV, король неаполитанский 159, 161
Ферретти Я. (Якопо Ферретти) 89
Феш Ж., кардинал, 172
Финдейзен Н. Ф. 234
Фиораванти В. 76
Фихте И. 63
Фодор-Мэйнвиель Ж. 73, 75–76
Франц II Иосиф, император Австрии 146, 159
Фридкин В. М. 238
Фридрих-Вильгельм III, кронпринц Пруссии 146, 159

Х

Хант В. 102
Хитрово А. М. 239
Хитрово Н. З. 239
Хомутов А. С. 233–234
Хомяков А. С. 53–54

Ц

Цветаев И. В. 31

Ч

Чаадаев П. Я. 27, 40
Чарторийский А. 239
Черкасский В. А. (Tcherkasski) 221, 223
Чимароза Д. 26
Чичерин Б. Н. 246

Ш

Шаликов П. И. 242
Шатобриан Ф. 80, 114, 143, 235, 242
Шварценберг К. П., (Schwarzenberg K.) 122–123, 125, 133
Шевырёв С. П. 27, 30, 53, 70–72, 78, 190, 228, 232, 234–235
Шекспир В. 63
Шеллинг Ф. В. 27, 63, 78
Шенрок В. И. 229
Шереметев С. Д. 227
Шидловский А. Ф. 241
Шиллер Ф. 23, 27, 63, 240
Шильдер Н. К. 240–242
Шимановская М. А. 11, 59
Шишков А. С. 239–241
Шлегель Ф. 63
Шрейер М. 133
Штакельберг Г. О. 153
Штерич Е. П. 69, 72
Штиглиц 77
Штольберг Ф. Л. 121
Шуйлер Ю., (Eugene Schuyler) 246

Щ

Щеглов П. Е. 245
Щеглова С. А. 245
Щербинин М. А. 193
Щёголев П. Е. 240, 245
Щукин П. И. 231, 233

Э

Эвальд В. Ф. 227
Эдлинг Р. С., (урожд. Стурдза) 239–240
Эдмондс К. 8
Энгельгардт В. В. 193
Энгр Ж. О.Д. 102
Этцель Ж., (Hetzel J.) 246–247

Ю

Юм Д. 63
Юрьев Ф. Ф. 193

Я

Языков Н. М. 53, 94
Якобсон Р. О. 4, 5, 7, 226
Якубович А. И. 7, 193

A

Adams John Quincy 240
Alopéus Jannette 139
Ancelot Jaque Arsène F. P. 245
Angeli Diego 243
Angelucci P.-G. 242
Aroutunova B. A. 235
Aufresne Mme Rival 131

B

Balayé Simone 231
Barberi, Mme 166
Barberi, Mlle, Comtesse 166
Barberi Giovanni, Comte 158
Berberi, Месье 165
Belli Giuseppe Gioacchino 229
Benkendorf A. 230
Berlioz Hector 234
Berberi et M. Berberi 169
Bernhardi T. 241
Berry Mary, Miss 227, 241
Beyle H. (Stendhal) 227, 243
Boigne Eléonore Adélaide d'Osmond 242–243
Bonaparte Napoleon-Joseph-Charles-Paul («Plon-Plon») 203
Boudou Adrien 242, 243
Boyen H. V. 240
Bunsen Christian Karl, von 235, 244
Bunsen Francis 244
Byron George Gordon 244
Bruni Fidelio 74

C

Callari L. 229
Cametti A. 243
Capaldi (Capalti) Marietta 74
Castlereagh Robert Stewart, Viscount 244
Catherine II 245
Caulaincourt A., Duc de Vicence 239, 240, 242
Cazalas E. 241
Chapuisat E. 240
Chateaubriand François René
Cochelet, Mlle, de 241, 243
Colombi E. 237
Consalvi Ercole, cardinal 242–244
Constant B. 233

Courlande Dushesse de, Catherine Wilgelmine 135
Crétineau-Joli J. 242–244
Curioni Alberico 158–159
Custin A. L.L., de, marquis 245

D

D'Abrantès Laure Junot, Duchess 243, 245
D'Albany, Comtesse 241, 244
D'Azeglio Massimo 243
Daudet Ernest 244
Donizetti Gaetano 74
Dumoulin, Monsieur 203

E

Ellis John T. 242
Elisabeth, Duchess of Devonshire 169, 244
Eckhardt H., von 244
Eynard J.—G. 243

F

Falloux Alfred Pierre 247
Fétis François-Joseph 70
Fischer E. L. 242, 244
Ficquelmont D. 230
François M. 235
Freksa Frederick 239
Furnier August 240, 243
Fodor-Mainvielle J. 73–74
Fournier A. 239, 243

G

Galiffe J. B.G. 231
Galitsin (Golitsyn) A.N. 131
Gautier, éditeur 231
Gentz Friedrich, von 158, 226, 239–240, 244
Gérambe Edouard, de 119, 121
Gerbet Olympe Philippe 230
Giachetti Graciano 241
Giraux V. 246
Goethe Johann Wolfgang 96
Gourieff N. D. 131
Guilbert Joseph Hippolyte 247

H

Haxthausen August 247
Hetzel Jules 246–247

J

Jacobson Roman 229, 235
Joyneville C. 241

K

Kauchtschishwili Nina 229–230, 237–238, 244
King Norman 231
Kjetsaa Geir 232
Kopp J. H. 91, 94

L

La Bédoyèr Ch. A. 135
Ladou C., de, Abbé 79
La Fontaine Jean, de 131
Lapersonne Le Sieur 196
La Rochefoucault Sosthène, de 227
Lenormant A. C. 243
Lewis Theresa, Lady 227, 243–244
Lieven Dorothea, von (née Benckendorff) 226, 230
Louis XVIII, King of France 199
Louis-Phillipe, Roi 196

M

Malaguti A. 230
Marie-Louise Austrian, Empress of France, second wife of Napoleon I, (Neiperg, Madame) 203–204
Martainville A. 227
Mattias Maria, de 230
Mazon André 229
Mendelssohn-Bartholdi Felix 235
Mérian Andreas Adolph, von, baron 227, 229
Mérimée Prosper 246–247
Metternich-Winneburg Klemens 240, 242, 244
Mezzofanti Guiseppe, cardinal 36
Mickiewicz A. 229
Molari Angela 230

N

Naville Ernest 247
Nemours, Duc, de 196
Nicoullaud Charles 242–243
Nostitz Karl, von 239
Nozzari Andrea 73–74

O

Olloué (Oloué), Major 162
Orioli G. 229, 237

P

Pacca Bartolomeo 133
Paléologue M. 241
Palloti Vincenzo 37
Pavesi Stefano 59
Pélissier Leon 244
Pietrangeli Carlo 229
Pius VII, pontiff 169
Prim Juan 203

R

Radetzky J. V. 123
Récamier, Madame 243
Ricci Mineato 74, 92, 96
Rinieri Ilario, padre 242–243
Rippold F. 240
Robinson L. G. 226
Rogealine N. 74, 77, 81
Royer-Collard Pierre Paul 196
Rzewuska Rozalie 226, 227, 239–240, 243

S

Saavedra Angel, duc de Rivas 203
San Mazzano, Marchese 243
Seilléere, baronne, de 196
Scarena, della, Conte 241
Schnitzer H. 240
Schwarzenberg K. P., von 123
Schuyler E. 246
St.-Aulaire, comte (Louis Clair de Beaupoil) 81–82
St. Priest Alexis Guignard de, comte 158, 169
Solovieff G. 231
Sorel A. 243
Spada Antoine 131
Squance 139
Staël-Goldstein Anne Louise Germaine, de 231
Stendhal (Henry Beyle) 235, 237, 244

T

Taine H. A. 246
Talleyrand Charles Maurice 199
Thürheim Lulu, von 226, 239, 243–244
Timiriazeff V. A. 96
Todd William Mills III 230
Trofimoff André 231
Trtnik Rossetini Olq 231

U

Ulrichova Maria 231

V

Vandamme Dominique Joseph 123
Velluti Giovanni Battista 59
Venconschi Zenaida (Volkonskaia) 33
Vernet Horace 70
Volkonsky Zénéide 226

W

Walhaut Emily 9
Weil M.–H. 226, 240, 243
Wellington Arthur Wellesley 143
Wichterich Richard 241–243

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На первой стороне обложки: портрет кн. З. Волконской. Ж. Д. Мюнере. Первая треть XIX в.

На четвертой стороне обложки: портрет кн. З. Волконской в костюме Танкреда. Ф. А. Бруни. Между 1820 и 1823 г.

На первом форзаце: романтический пейзаж. Неизвестный художник.

На втором форзаце: романтический пейзаж. Неизвестный художник.

На фронтисписе: портрет кн. З. Волконской. Гравюра М. Майера с утраченной акварели К. Брюллова. 1830 г.

Иллюстрации в тексте:

Автограф А. С. Пушкина «Среди рассеянной Москвы...» С. 16

З. Волконская Александру Первому. Дамский Журнал. 1826. С. 29.

Н. В. Гоголь на вилле кн. З. А. Волконской. Рисунок приписывается Ф. Бруни. Между 1837–1839 г. С. 34.

Письмо мадам де Сталь кн. З. А. Волконской, [не ранее 8/20 августа и не позднее 15/27 августа 1812 г.], СПб. С. 50–52.

Письмо Е. А. Баратынского кн. З. А. Волконской, [не ранее 21 ноября 1825 г. — не позднее 4 июня 1826 г., Москва]. С. 57.

Письмо И. И. Козлова кн. З. А. Волконской, 25 ноября 1826 г., СПб. С. 66–68.

Письмо А. И. Тургенева кн. З. А. Волконской, 10/22 декабря 1832 г., Рим. С. 85–86.

Два письма кн. П. А. Вяземского кн. З. А. Волконской: 15/27 сентября 1834 г., Ганау; [12/24 апреля 1835 г., Флоренция]. С. 99–101.

Два рисунка В. А. Жуковского. Конец 1838 г. — начало 1839 г., Рим. С. 103.

Три записки В. А. Жуковского кн. З. А. Волконской: 18/30 января 1839 г., Рим; 26 января / 7 февраля 1839 г., Рим; 30 января / 11 февраля 1839 г., Рим. С. 107–108.

Семь писем кардинала Э. Консальви кн. З. А. Волконской: 10 октября 1820 г.; 19 января 1821 г.; 13 февраля 1821 г.; 22 октября 1821 г., 22 июня 1823 г.; 4 августа 1823 г., Рим; 10 октября 1823 г., Монтополи. С. 174–185.

Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому, 13/25 мая 1859 г. Ницца. С. 191–192.

Три письма Я. Н. Толстого кн. А. Н. Волконскому: 1 мая 1858 г., Париж; 30 декабря 1862 г. / 11 января 1863 г., Париж; 6 июля 1865 г., Париж. С. 208–218.

Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну, 21 февраля 1868 г., Баден-Баден. С. 224–225.

Первая цветная вклейка

Между с. 32–33

Портрет З. Волконской. Л. Берже. Около 1829 г.

Портрет З. А. Волконской. Ф. Бруни. 1820-е г.

Портрет Н. Г. Волконского. Ф. Бруни. 1820-е г.

Портрет З. Волконской. Гравюра Баттистелли с картины Э. Росси. Около 1850 г.
Портрет З. Волконской. Медальон на стекле. Около 1822 г.
Портрет З. Волконской. Камея на раковине. Около 1858 г.
Портрет кн. Волконской в роли Жанны Д'Арк. Рисунок Ф. А. Бруни. Около 1826 г.
Портрет кардинала Э. Консальви. А. Феста (A. Festa).
Портрет царя Александра I. Неизвестный художник (А. И. Зауервейд?)
Пейзаж окрестностей Рима. Неизвестный художник (В. А. Жуковский?) Предположительно XIX в.
Князь А. Н. Волконский с дочерью Надеждой, маркизой Кампанари. Вторая половина 1870-х г., Рим.
Княгиня Л. Волконская с дочерью Зинаидой. Примерно 1855 г., Рим.
Фотография семьи кн. З. Волконской.
Оборот фотографии семьи кн. З. Волконской.
Памятник А. Пушкину, Е. Баратынскому и В. Жуковскому. Фотография Фабри.
Памятник Д. Веневитинову. Фотография Фабри.
Памятник Вальтеру Скотту. Фотография Фабри.
Памятник кн. З. Волконской, поставленный её сыном А. Н. Волконским. Фотография Фабри.
Автограф Н. В. Гоголя в альбоме М. Власовой.
Портрет М. Власовой. Г. Риснер.
Церковь Свв. Винченцо и Анастазио в Риме, где похоронена кн. З. Волконская.
Два профиля: А. И. Тургенев и В. А. Жуковский.
Аллея на вилле Волконской

Вторая цветная вклейка
Письма царя Александра I кн. З. Волконской.
Часть первая, между с. 112–113
Письмо I. Яуэр, 14 мая 1813 г.
Письмо II. Петерсвалдау, 28 мая 1813 г.
Письмо III. [Не ранее 4/16 июня и не позднее начала августа 1813 г.]
Письмо IV. Тёплиц, 21 августа 1813 г.
Письмо V. [Между концом сентября и 4 октября] 1813 г.
Письмо VI. Лейпциг, 10 октября 1813 г.
Письмо VII. Шафхаузен, [30 дек. 1813 / 11 янв. 1814]
Письмо VIII. Петербург, 12/24 мая 1816 г.

Третья цветная вклейка
Письма царя Александра I кн. З. Волконской
Часть вторая, между с. 144–145
Письмо IX. [Москва], 8 октября 1817 г.
Письмо X. Лайбах, 22 января / 3 февраля 1821 г.
Письмо XI. Бриксен, 13/25 декабря 1822 г.
Письмо XII. Царское Село, 8 июня 1824 г.
Письмо XIII. [Москва, между июлем и 16 августа 1824 г.]
Письмо XIV. [Санкт-Петербург, между июлем и 16 августа 1824 г.]
Письмо XV. Царское Село, 2 апреля 1825 г.

VII. Zinaida Aleksandrovna Volkonskaia papers, 1809–1879: Guide

MS Russ 46-46.14. Houghton Library, Harvard Library, Harvard University
Harvard University, Cambridge, Massachusetts 02138 USA
© President and Fellows of Harvard College

Descriptive Summary

Location: Harvard Depository
Location: f
Call No.: MS Russ 46-46.14
Repository: Houghton Library, Harvard Library, Harvard University
Creator: Volkonskaia, Zinaida Aleksandrovna, kniaginia, 1792-1862.
Title: Zinaida Aleksandrovna Volkonskaia papers,
Date(s): 1809-1879.
Quantity: 1 collection (2.5 linear feet (15 volumes and 1 box)
Language of materials: Collection materials are in Russian and French.
Abstract: Papers of Russian poet Zinaida Aleksandrovna Volkonskaia including her poetry, drawings, correspondence, diary entries, and notes.

Immediate Source of Acquisition:
67M-152. Purchased with the Kilgour discretionary fund and with the assistance of the Friends of Harvard College Library from Barone Basilio Lemmerman, Rome, Italy; received: 1967 February 14.

Conditions Governing Access:
There are no restrictions on physical access to this material. Collection is open for research. A portion of this collection (MS Russ 46.14 (5)) is not housed at the Houghton Library but is shelved offsite at the Harvard Depository. Retrieval requires advance notice. Readers should check with Houghton Public Services staff to determine what material is offsite and retrieval policies and times.

Preferred Citation for Publication:
Zinaida Aleksandrovna Volkonskaia Papers, 1809-1879 (MS Russ 46-46.14). Houghton Library, Harvard University.

Biographical / Historical
Volkonskaia was a Russian princess and author, as well as an amateur singer who collected contemporary vocal compositions. Her birth date is most likely 1789 and not 1792.

Arrangement
Organized into the following series:

- I. fMS Russian 46: Album of letters
- II. MS Russian 46.1: Album of poetry
- III. MS Russian 46.2: Album of drawings
- IV. fMS Russian 46.3: Album of drawings
- V. MS Russian 46.4: Album given by Zinaida Volkonskaia to her nephew
- VI. fMS Russian 46.5: Illustrated Odessa poems
- VII. fMS Russian 46.6: Giornali scritti spirituali
- VIII. MS Russian 46.7: Notebook
- IX. MS Russian 46.8: Album of Maria Vlasova,

- X. MS Russian 46.9: Working notebook
- XI. fMS Russian 46.10: Poems and compositions by various authors
- A. Poems
- B. Compositions
- XII. fMS Russian 46.11: Letters
- XIII. MS Russian 46.12: Documents
- XIV. pfMS Russian 46.13: History of Russia by Fidele Bruni
- XV. fMS Russian 46.14: Miscellaneous manuscripts, printed music, and other material

General
A portion of this collection is shelved offsite at the Harvard Depository. See access restrictions below for additional information.

Container List

- **Series: I. fMS Russian 46: Album of letters.** 52f. (52p.)
  - **(1).** Staël-Holstein, Anne Louise Germaine (Necker) baronne de, 1766-1817. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [St. Petersburg, 15 Aug] **1812**. 1s. (4p.)
  - **(2).** Pozzo di Borgo, Carlo Andrea, comte, 1764-1842. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  - **(3).** Moscati, Domenico, comte, 1768-1831. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p.] 23 **Apr 1815**. 1s. (2p.)
  - **(4-9).** Consalvi, Ercole, cardinal, 1757-1824. 6 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
    - (4) [n.p.] **1821**. 1s. (1p.)
    - (5) [n.p.] 19 Jan [n.d.] 1s. (1p.)
    - (6) Montopoli, **10 Oct 1823**. 1s. (2p.)
    - (7) Rome, **22 Oct 1821**. 1s. (3p.)
    - (8) [n.p., n.d.] 1s. (4p.)
    - (9) [n.p.] 22 **Jun 1823**. 1s. (2p.)
  - **(10-13).** Jomini, Aleksandr Genrikhovich, baron, 1814-1888. 4 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
    - (10) Zurich, 27 Mar 8 Apr [n.d.] 1s. (2p.)
    - (11) Aran, 9/21 Mar [n.d.] 1s. (2p.)
    - (12) Troyes, 13 Feb [n.d.] 1s. (3p.)
    - (13) same, 9 Feb [n.d.] 1s. (1p.)
  - **(14).** Dibich-Zabalkanskii, Ivan Ivanovich, 1785-1831. A.L.s. to Nikita Volkonskii; Mohilev, 13 **Oct 1821**. 1s. (1p.)
  - **(15-16).** Albani, Giuseppe, cardinal, 1750-1834. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
    - (15) [n.p.] **20 Oct 1829.** 1s. (2p.)
    - (16) [n.p.] **18 Nov 1829**. 1s. (1p.)
  - **(17-19).** Lacordaire, Jean Baptiste Henri, 1802-1861. 3 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
    - (17) Rome, **31 Mar 1839**. 1s. (2p.)
    - (18) same, **5 Mar 1832**. 1s. (1p.)
    - (19) same, **7 Apr 1839.** 1s. (2p.)
  - **(20-26).** Gerbet, Phillippe, bp. 1798-1864. 7 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
    - (20) [n.p.] 7 Apr [n.d.] 1s. (2p.)
    - (21) Villa Stramii, **2 Jul 1837**. 2s. (6p.)
    - (22) same, **9 Aug 1839**. 1s. (4p.)
    - (23) [n.p.] 1 Mar [n.d.] 1s. (2p.)
    - (24) [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    - (25) [n.p.] 26 Mar [n.d.] 1s. (2p.)
    - (26) Florence, **23 Jan 1841**. 1s. (4p.)
  - **(27-28).** Pavskii, Gerasim Petrovich, 1787-1863. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:

        - (27) [n.p., n.d.] 1s. (3p.)
        - (28) [n.p., n.d.] 1s. (4p.)
    - **(29).** Shishkov, Aleksandr Semenovich, 1754-1841. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p.] **2 Oct 1827**. 1s. (1p.).
    - **(30-32).** Zhukovskii, Vasilii Andreevich, 1783-1852. 3 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
        - (30) [Rome, **18-30 Jan 1839**] 1s. (2p.)
        - (31) [Rome, **26 Jan-7 Feb 1839**] 1s. (1p.)
        - (32) [Rome, **3 Jan-11 Feb 1839**]
    - **(33).** Baratynskii, Evgenii Abramovich, 1800-1844. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [Moscow, between 21 **Nov 1825** and 4 **June 1826**]
    - **(34).** Kozlov, Ivan Ivanovich, 1779-1840. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; St. Petersbourg, **25 Nov 1826**. 1s. (3p.)
    - **(35-36).** Sainte-Aulaire, Louis Clair de Beaupoil, comte de, 1778-1854. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
        - (35) [n.p., n.d.] 1s. (3p.)
        - (36) [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
    - **(37-38).** Viazemskii, Petr Andreevich, kniaz', 1792-1878. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
        - (37) [Florence, 12-24 **April 1835**] 1s. (2p.)
        - (38) Hanau, 15/27 **Sep 1834**. 1s. (4p.)
    - **(39).** Maistre, Xavier, comte de, 1763-1852. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    - **(40-41).** Fullerton, Lady Georgiana Charlotte (Leveson-Gower), 1812-1885. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
        - (40) London, 25 **Sep 1853**. 1s. (4p.)
        - (41) [n.p.] 25 Feb [n.d.] 1s. (1p.)
    - **(42).** [Turgenev, Alexander Ivanovich, 1784-1845] A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [Rome, **22 Oct 1832**] 1s. (2p.)
    - **(43-44).** Desaugiers, Marc Antoine Madeleine, 1772-1827. 2 A.L.s. to Nikita Volkonskii:
        - (43) [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
        - (44) [n.p.] 29 May [n.d.] 1s. (1p.)
    - **(45).** Camuccini, Vincenzo. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    - **(46).** Paër, Ferdinando, 1771-1839. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    - **(47-48).** Boieldieu, Francois Adrien, 1775-1834. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
        - (47) Paris, 1 **Jan 1834**. 1s. (4p.)
        - (48) [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    - **(49).** Glinka, Mikhail Ivanovich, 1804-1857. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; Naples, **23 Feb 1832**. 1s. (4p.)
    - **(50).** Köhler, Christian Louis Heinrich, 1820-1886. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; St. Petersbourg, **19 Nov 1826**. 1s. (4p.)
- **Series: II. MS Russian 46.1: Album of poetry 60f. (92p.)**
    - **(1).** Tonchi, Salvator, 1756-1844. La partenza della Principessa Zenaide Wolkonskia. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 4f. (7p.). Poem.
    - **(2).** Janish, Karolina Karlovna. [Composition] A.MS.s.; [n.p.] **3 Dec 1828**. 3f. (4p.)
    - **(3).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. Le lothus. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
      Translation into French from Italian.
    - **(4).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. Il loto. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (2p.) Poem.
    - **(5).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. Sonnet. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 1f. (1p.) Prose translation in French by an unidentified person.
    - **(6).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. La chambre Greque. MS. (in unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (3p.)

French prose translation by Michiewicz of his poem in Polish.

- **(7).** Viazemskii, Petr Andreevich, kniaz', 1792-1878. Stikhi sochinënnye dlja rozhdenia K. Zinaidy Volkonskoi: v **3 Dekabria 1828**. N.F. Pavlov, I.P. Kireevskii. MS. (unidentified hand); [n.p.] **1828.** 3f. (5p.)
  Poem, also by Evgenii Abramovich Baratynskii, Stepan Petrovich Shevyrev, [ ] Pavlov, Dmitrii Vladimirovich Venevitinov, [ ] Kireevskii.
- **(8).** Odoevskii, Vladimir Fedorovich, kniaz', 1803-1869. V. tainstvennoi Indii. A.MS.s.; [n.p.] 4 **Sep 1838**. 1f. (2p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(9).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. Le loto. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (2p.). Poem.
- **(10).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. La nube. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.).Poem.
- **(11).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. La pietà. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.) Poem.
- **(12).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. K Rimu drevnemu vzyvaet. A.MS.s.; [n.p.] **1829**. 3f. (5p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(13).** Volkonskaia, Zinaida Aleksandrovna (Beloselskaia-Belozerskaia), kniaginia, 1792-1862. Moei zvezde. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
- **(14).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Vniav mol'be Moskvy derzhavnoi. A.MS.s.; Rome, **Oct 1831**. 3f. (5p.) Poem.
- **(15).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Stansy na 29 Oktiabria. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 2f. (3p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(16).** Kozlov, Ivan Ivanovich, 1779-1840. Ia arfa trevogi, ty arfa Liubvi. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(17).** Volkonskii, Aleksandr Nikitich, kniaz', 1811-1878. Angely, Sochineno v den' rozhdenia Mamin'ki. 3 Dekabria 1828. A.MS.s.; [n.p.] **3 Dec 1828**. 2f. (3p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(18).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. Le nuage. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  French prose translation by unidentified person of Ricci's poem in Italian.
- **(19).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. La nube. Ms. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  Poem.
- **(20).** Baratynskii, Evgenii Abramovich, 1800-1844. Iz tsarstva vista i zimy. A.MS.s.; Moscow, **26 Jan 1829**. 2f. (2p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia on the occasion of her departure from Moscow.
- **(21).** Pavlov, [ ] Kak solovei. A.MS.s.; [n.p.] **23 Jan 1829**. 1f. (1p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(22).** Tastu, Amable [Voiart], 1798?-1885. La veille de Noël. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 2f. (3p.)
  A song.
- **(23).** Tastu, Amable [Voiart], 1798?-1885. Reverie. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.
- **(24).** Kireevskii, Ivan Vasil'evich, 1806-1856. Sred' zhizni kholodnoi, sred' zhizni pustoi. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(25).** G[ ], C. *Sonetto*. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(26).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. Farys. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 4f. (7p.)
  French translation of poem in Polish.
- **(27).** Kaysiewiiz, Jerome. Sur la villa de la P. Z. W. A.MS.s.; Rome, **1838**. 1f. (1p.)
  Poem in Russian with a French verse translation.
- **(28).** Tastu, Amable (Voiart), 1798?-1885. La mendiante. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 4f. (6p.)
  Poem.
- **(29).** Kozlov, Ivan Ivanovich, 1779-1840. Graziosa quanto bella. A.MS.s. (Giovanni K); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.

- **(30).** Kozlov, Ivan Ivanovich, 1779-1840. Portugal'skaia pesnia. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.

- **Series: III. MS Russian 46.2: Album of drawings** 51f. (47p.)
  - **(1).** [3 drawings, unsigned]
    - [No. 3 of 3 unsigned drawings (landscape)]
  - **(2).** Matveev, Fedor. Landscape. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(3).** [3 drawings, unsigned]
  - **(4).** Volkonskaia, Z. A. Scene from a play. Drawing (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(5).** [15 drawings, unsigned]
    Reader notes that one drawing with name Staaling is really Stroling or Shroling.
  - **(6).** Volkonskaia, Z. A. Landscape with figures. Drawing (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(7).** De Lihu, Eugenie. A l'autel de l'hymen... Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(8).** De Lihu, Eugenie. Les souvenirs reciproques. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
    Reader notes that this drawing is really Stroling or Shroling.
  - **(9).** [10 drawings, unsigned]
  - **(10).** Haüy, Valentin, 1745-1822. Ships in harbor. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(11).** [4 drawings, unsigned]
  - **(12).** Volkonskaia, Z. A. La Vicomtesse de l'Espinosse. Drawing (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(13).** Volkonskaia, Z. A.. [5 portrait drawings] Drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 5f. (5p.)

- **Series: IV. fMS Russian 46.3: Album of Drawings.** 68f. (23p.)
  - **(1).** Forese, Benvenuti. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(2).** Bruni, Fidele, 1801-1874. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(3).** [ ] 2 drawings, (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  - **(4).** Stealing, [ ] Drawing, signed; Paris, **1815**. 1f. (1p.)
  - **(5).** [ ] Drawing, (unsigned); Franzensbrunen, 10/**22 Jun 1815**. 1f. (1p.)
  - **(6).** Brassi, [ ] Drawing, signed; Rome, [n.d.] 1f. (1p.)
  - **(7).** Fischbein, W. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(8).** Strodge, [ ] Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(9).** Porter, Sir Robert Ker, 1777-1842. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(10).** [ ] Drawing, (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(11).** Kiel, Ljeff Ivanovich, d. 1851. Drawing, signed; Paris, [n.d.] 1f. (1p.)
  - **(12).** Volkonskii, Sérénissime Petr Mikhailovich, kniaz', 1776-1852. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.).
  - **(13).** Bruni, Fidele, 1801-1874. Drawing, signed; Vasseiux, **1819**. 1f. (1p.)
  - **(14).** [ ] 2 drawings, (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  - **(15).** Circourt, Anastasie de, 1808-1863. Drawing, signed; Rome, **2 May 1830**. 1f. (1p.)
  - **(16).** Haüy, Valentin, 1745-1822. Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(17).** [ ] 5 drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 5f. (5p.)

- **Series: V. MS Russian 46.4: Album given by Zinaida Volkonskaia to her nephew.** 49f. (69p.)
  Moscow, **13 Aug 1828**.
  - **(1).** Volkonskaia, Z. A. Vers sur la musique. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  - **(2).** Volkonskaia, Z. A. Vers à Mademoiselle Mars. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (2p.)
  - **(3).** Volkonskaia, Z. A. Á Madame Philis Andrieux. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.) Poem.
  - **(4).** Pushkin, Aleksandr Sergeevich, 1799-1837. Kniagine Zenaide Aleksandrovne Volkonskoi 5 Maia v den' predstavleniai Ital'ianki v Alzhire. Pri Poslanii ei svoego poema Tsygane. MS. (in the hand of Zinaida Volkonskaia); [n.p.] **5 May** [n.d.] 2f. (2p.)
    Poem.

- **(5).** Volkonskaia, Z. A. Couplets aux moutons. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (2p.)
- **(6).** Volkonskaia, Z. A. Romance. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.
- **(7).** Volkonskaia, Z. A. Vers au président de l'academie Strogonovienne. A.MS. (unsigned); [n.p.] **1809**. 2f. (2p.)
- **(8).** Volkonskaia, Z.A.. Romance. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.
- **(9).** Volkonskaia, Z. A. Couplet. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(10).** Volkonskaia, Z. A. Couplets sur le gothique. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
- **(11).** Volkonskaia, Z. A. Couplets adressés à Spada. A.MS. (unsigned); [n.p.] **1812**. 1f. (1p.)
- **(12).** Volkonskaia, Z. A. Enigme. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.
- **(13).** Volkonskaia, Z. A. Sur la mort de Dimitri Venevitinov. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem.
- **(14).** Volkonskaia, Z. A. La bonté. A.MS. (unsigned); Moscow, **1828**. 2f. (2p.)
  Composition.
- **(15).** Volkonskaia, Z. A. L'Europe malade. A.MS. (unsigned); [n.p.] **1812**. 2f. (2p.)
  Poem.
- **(16).** Volkonskaia, Z. A. Les mains. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (3p.)
  Poem.
- **(17).** Volkonskaia, Z.A. [Composition on Sainte Catherine] A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 3f. (5p.)
- **(18).** Volkonskaia, Z. A. La chambre grecque. A.MS. (unsigned); Moscow, [n.d.] 2f. (2p.)
  Translation of Adam Mickiewicz's poem from Polish.
- **(19).** Volkonskaia, Z. A. Sur le jour de Noël. A.MS. (unsigned); [n.p.] 13/**25 Dec 1827**. 1f. (1p.)
  Poem.
- **(20).** Volkonskaia, Z. A. Aleksandru Pervomu. Printed poem dedicated to Aleksandr I; Moscow, **1826**. 1f. (2p.)
- **(21).** Pushkin, Aleksandr Sergeevich, 1799-1837. Na Konchinu Imp. E.-A. MS. (in the hand of Zinaida Volkonskaia); Moscow, **7 Apr 1826**. 1f. (1p.);
- **(22).** Viazemskii, Petr Andreevich, kniaz', 1792-1878. À l'Empereur Alexandre. MS. (in the hand of Zinaida Volkonskaia); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(23).** Volkonskaia, Z.A. [3 portrait sketches] Drawings, (unsigned); [n.p., n.d.] 3f. (3p.)
- **(24).** Volkonskaia, Z.A. La vierge de Raphäel. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (4p.)
  Composition.
- **(25).** Volkonskaia, Z.A. [2 portrait sketches] Drawings, (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (2p.)
- **(26).** Volkonskaia, Z. A. La Madeleine du Corrège. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  Composition.
- **(27).** Volkonskaia, Z. A. [Portrait sketch] Drawing (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(28).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. Sonnet à Madame la Princesse Zeneide Volkonsky. MS. (in the hand of Zinaida Volkonskaia); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  French translation of his poem in Polish.
- **(29).** Volkonskaia, Z.A. [2 portrait sketches] Drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (2p.)
- **(30).** Volkonskaia, Z.A. Vers sur la boue d'Odessa. A.MS. (unsigned); [n.p.] **Mar 1819**. 3f. (5p.)
- **(31).** Volkonskaia, Z.A. [5 portrait sketches] Drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (3p.)
- **(32).** Vlasova, M.A. Couplets à mon amie. MS. (in the hand of Zinaida Volkonskaia); [n.p.] 11 **Oct 1827**. 1f. (1p.)

- **(33).** Volkonskaia, Z.A. [Portrait sketch] Drawing, (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(34).** Volkonskaia, Z.A. Quel est cet homme... A.MS.s.; [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
  Composition.
- **(35).** Volkonskaia, Z.A. O toi qui vins te reposer... A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Composition.
- **(36).** Volkonskaia, Z.A. Fragment du journal. A.MS.s.; Florence, [n.d.] 2f. (3p.)
- **(37).** Volkonskaia, Z.A. Chant du scalde. MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
- **(38).** Volkonskaia, Z.A. Choeur des jeunes filles... A.MS.s.; [n.p., n.d.] 2f. (3p.)
  Poem.
- **(39).** Volkonskaia, Z.A. *Sur la fête du cactus grandiflora.* A.MS. (unsigned); Rome [n.d.] 2f. (3p.)
  Composition.

- **Series: VI. fMS Russian 46.5: Illustrated Odessa poems.**
  - **(1).** Volkonskaia, Z.A. Couplets sur la boue d'Odessa. A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 7f. (6p.)
    Illustrated with pen drawings.
  - **(2).** Volkonskaia, Z.A. Odessa en 1819. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 7s. (7p.)
    Poems illustrated by watercolors.
- **Series: VII. fMS Russian 46.6: Giornali scritti spirituali.**
  - Volkonskaia, Z.A. Giornali scritti spirituali. A.MS.s.; [v.p.] **1852-1854**. 91f. (60p.)
- **Series: VIII. MS Russian 46.7: Notebook.**
  - Volkonskaia, Z. A. Notebook containing diary entries and notes. A.MS. (unsigned); [v.p.] **1857-1859**. 48f. (59p.)
- **Series: IX. Album of Maria Vlasova, MS Russian 46.8:** 46f. (89p.)
  - **(1).** Vlasova, M. A. Dedication to album. A.MS. (unsigned); [Rome] **10 Jun 1854**. 1f. (1p.)
  - **(2).** Pavey, Vladimir. Je te vis pleurer. A.MS.s.; Rome, **25 Feb 1831**. 1f. (1p.)
    Translation into French of a poem by Byron.
  - **(3).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Kruzhasia s vami v val'se shumnom. A.MS.s.; Rome, **1831**. 1f. (1p.)
    Poem to Maria Vlasova.
  - **(4).** Vlasova, M. A. [Notes in drawings and printed pictures] A.MS. (unsigned); [n.p., v.d.] 3f. (3p.)
  - **(5).** [2 silhouettes of Madame Dumouchel and Monsieur Lagrenais, (unsigned)]
  - **(6).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz', 1782-1840. Rimeur de la maison. A.MS. (unsigned); Casamicciola, **22 Jul 1842**. 1f. (1p.)
    Poem.
  - **(7).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz', 1782-1840. C'est donc votre jour de naissance. A.MS. (unsigned); [n.p.] 20 Jun [n.d.] 1f. (1p.)
    Poem in French. With printed engraving of the Piazza di San Marco.
  - **(8).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz', 1782-1840. C'est aujourd'hui donc votre fête. A.MS. (unsigned); Vomero, **22 Jul 1841**. 1f. (1p.)
    Poem in French.
  - **(9).** [Pencil drawings of Kniazevo, **1822**, unsigned]
  - **(10).** [Pencil drawing of aquedotto di Claudio, unsigned]
  - **(11).** Volkonskaia, Z.A. [3 pencil portraits] Drawing, signed; Rome, 10 Jun/29 May **1832**. 1f. (1p.)
  - **(12).** Odymic, Edouard. Heureux! A.MS.s.; Rome, **28 Jun 1830**. 1s. (1p.)
    Composition.
  - **(13).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. *Le depart*. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
    Translation into French of a poem by Edouard Odymic in Polish.
  - **(14).** Volkonskaia, Z. A. Poem to Maria Vlasova. A.MS.s.; Frascati, **10 Jun 1839**.
  - **(15).** [Pencil drawing of Odessa, **1818**] 1f. (1p.)
  - **(16).** Volkonskii, Aleksandr Nikitich, kniaz', 1811-1878. 4 anges. MS. (in the hand of Maria Vlassof); [n.p.] 11/23 Oct [n.d.] 1f. (1p.)

French prose translation of a poem composed in Russian.

- **(17).** [2 engravings of scenes of Venice]
- **(18).** [ ] Ode di miniato. MS. (in the hand of Maria Vlasova); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)
- **(19).** Volkonskaia, Z. A. Diary entry. A.MS. (unsigned); Viterbo, 6 May [n.d.] 1f. (1p.)
- **(20).** [ ] Meditation. MS. (in the hand of Maria Vlasova); Lacco, **May 1842**. 1f. (1p.)
- **(21).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz'. Ámab: veut Madelaine. A.MS. (unsigned); Rome, 31 **Dec 1839**. 1f. (1p.)
  Poem in French.
- **(22).** Bruni, Fidele, 1801-1874. Duettino. A.MS. (unsigned); [n.p.] **10 Jun 1830**. 5f. (10p.)
  Song composed for Maria Vlasova.
- **(23).** Volkonskaia, Z. A. Moei Zvezde MS. (in the hand of Aleksandr Volkonskii); Rome, **1831**. 1f. (2p.)
  Poem.
- **(24).** Capalti, Marietta. [Composition in Italian] A.MS.s.; Rome, **26 Mar 1832**. 1f. (1p.)
- **(25).** Capalti, Marietta. [Composition in Italian] A.MS.s.; Rome, **26 Mar 1832**. 1f. (1p.)
- **(26).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz'. Enfant chéri. MS. (in the hand of Maria Vlassof); Rome, 11 Sep/**30 Aug 1842**. 1f. (1p.)
  Poem in French to Aleksandr Volkonskii.
- **(27).** Pio, Virginia. [Drawing of an angel] Drawing, signed; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(28).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz'. Je n'ai que ce bouquet. A.MS. (unsigned); Casamicciola, **3 Jul 1842**. 1f. (1p.)
  Poem dedicated to la Baronne de Lilien.
- **(29).** Ricci, Angelo Maria, 1776-1860. La pietà. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Poem in Italian.
- **(30).** Volkonskaia, Z.A. [Drawing after Girometti] Drawing, (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(31).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Ma zadann'ia slova: Burmistr-ryba-skhodka-bogomater'-kover-mir-khoziain, blagoslovenie. A.MS.s.; Boxzen, **17 Jun 1832**. 1f. (1p.)
  Poem to Maria Vlasova.
- **(32).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz', 1782-1840. Pour après demain. MS. (in the hand of Maria Vlassof); Rome, **14/2 Dec 1839**. 1f. (1p.)
  Poem for Zinaida Volkonskaia.
- **(33).** Gerlah, Louise (Martin) [Poem in French] MS. (in the hand of Maria Vlasova); Rome, 16 **May 1831**. 1f. (1p.)
- **(34).** Orsini, Luigi. *Arietta per camera*. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 2f. (4p.)
  Music dedicated to Maria Vlasova.
- **(35).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz', 1782-1840. [Note to Zinaida Volkonskaia] A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(36).** Alopez, J. [Composition in French and Italian] A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(37).** B[ ], Catiche. [Composition in French] A.MS.s.; Rome, 2/14 **Apr 1832**.
- **(38).** Viazemskaia, Nadja, kniaginia. [Composition in French] A.MS.s.; Rome, 14/2 **Apr 1835**. 1f. (1p.)
- **(39).** Roshalin, Nikolai. [Composition in Russian] A.MS.s.; Rome, **1832**. 1f. (1p.)
- **(40).** B[ ], M. [Composition in French] A.MS.s.; [n.p.] **27 Apr 1826**. 1f. (2p.)
- **(41).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Vniav mol'be Moskvy dlerzhavnoi. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 3f. (5p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(42).** [ ] *Kakimi vyrazit' stikhami*. MS. (unidentified hand); [n.p.] 16 **Jan 1825**. 1f. (1p.)
  Poem to Maria Vlasova.
- **(43).** Volkonskaia, Z. A. Chetyre angela, synu i drugu. A.MS.s.; St. Petersbourg, **1836**. 1f. (1p.)
  Poem to Aleksandr Volkonskii.
- **(44).** Ghirelli, Clementina. [Dedication] A.MS.s.; Rome, **5 Mar 1833**. 1f. (1p.)
- **(45).** Ghirelli, Gioanbattista. [Composition] A.MS.s.; Rome, **18 Apr 1833**. 1f. (1p.)
- **(46).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz'. [Composition] MS. (in the hand of

Maria Vlasova); Rome, **24 Mar 1838**. 1f. (1p.)
- **(47).** Morjiani, Giuseppe. [Composition] A.MS.s.; Rome, **13 Apr 1833**. 1f. (1p.)
- **(48).** Miatle-, [ ] [Composition] A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(49).** Gogol', Nikolai Vasil'evich, 1809-1852. Kak ni glup indiskoi petukh. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
  Composition dedicated to Maria Vlasova.
- **(50).** Boieldieu, François Adrien, 1775-1834. [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(51).** Boieldieu, Jenny. [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(52).** Pierlot, Auguste. [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; Rome, **7 Apr 1833**. 1f. (1p.)
  Also signed by Ana Pierlot.
- **(53).** Bianchini, Antonio. [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(54).** Geyes, G. [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; [Rome] **2 Sep 1839.** 1f. (1p.)
- **(55).** L'Arngetella, [ ] [Dedication to Maria Vlasova] A.MS.s.; Rome, **20 Apr 1842.** 1f. (1p.)
- **(56).** Vlasova, M.A. Je voulais te féter. A.MS. (unsigned); Naples, 29 May/**10 Jun 1841.** 1f. (1p.)
  Poem to Zinaida Volkonskaia.
- **(57).** Vlasova, M.A [Note about pressed flower] A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1f. (1p.)
- **(58).** Tari, Achille. *Lasciami o ciel pietoso*. A.MS.s.; Naples, **31 Aug 1833.** 2f. (3p.)
  Music dedicated to Maria Vlasova.
- **(59).** [ ] [Composition in Italian] Ms. (unsigned, unidentified hand); [n.p.] 19 Mar [n.d.] 1f. (1p.)
- **(60).** [2 drawings of a piece of sculpture and a room, unsigned]
- **(61).** Volkonskii, Nikita Grigorevich, kniaz'. Vous etes plus exacte chère soeur. A.MS. (unsigned); [n.p.] 28/**16 Sep 1842**. 1f. (1p.)
  Poem to Maria Vlasova.
- **(62).** Volkonskii, A. N., kniaz', 1811-1878. Sainte et simple de coeur. MS. (in the hand of Maria Vlasova); Soleure, **18 Aug 1844.** 1f. (1p.)
  Poem to Louise Volkonskaia.
- **(63).** Mapillou, [ ] *Prière*. MS. (in the hand of Louise Volkonskaia); Casamicciola, **26 Jul 1842.**
- **(64).** [2 drawings of a man's head and of Castel Gandolfo, unsigned]
- **(65).** Tari, Achille. *Melanconia ninfa gentile*. A.MS. (unsigned); Naples, **3 Jun 1834.** 3f. (5p.)
  Music composed for Maria Vlasova.
- **(66).** Volkonskaia, Z. A. Drawing of a woman. Drawing (unsigned); Moscow, [n.d.] Missing, October 2015.
- **(67).** Volkonskii, A. N., kniaz', 1811-1878. Komplimenty! komplimenty! A.MS.s.; Rome, **28 Feb 1831.** 1f. (1p.)
  Poem.
  Missing, October 2015.
- **(68).** [Portrait sketch, unsigned]
- **(69).** Cecconi, Virginie. [2 landscape drawings] Drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 2f. (2p.)

- **Series: X. MS Russian 46.9: Working notebook.**
  - Vlasova, M. A. Working notebook. A.MS.s.; [v.p.] **1820-1826**. 90f. (180p.)
    Contains journal entries, drafts of poems, and penmanship exercises.

- **Series: XI. fMS Russian 46.10: Poems and compositions by various authors.**
  - **A. Poems**
    - **(1).** Aleksandr II, Emperor of Russia, 1818-1881. Glubokoe Uvazhenie. A.MS.s.; Moscow, **24 Dec 1849.** 1s. (1p.)
      Poem.

- **(2).** Gliubov, M. Kogda naskuchiv vikhrem sveta. A.MS.s.; [n.p.] 17 Sep [n.d.] 1s. (1p.)
- **(3).** Hugo, Victor, 1802-1885. Heureuse qui peut aimer... A.MS.s.; [n.p.] **1852.** 1s. (1p.)
  Poem.
- **(4).** Jazykov, [ ] Ty ne krasavitsa, no ia tebia liubliu. A.MS.s.; [n.p.] **1850.** 1s. (2p.)
- **(5).** Kireevskii, Ivan Vasil'evich, 1806-1856. Dobry liudi, vam spoiu ia. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  Poem.
- **(6).** Kozlov, I. I., 1779-1840. Pridi, pridi, pesnia solovia. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(7).** Maistre, Joseph, comte de, 1753-1821. [Verses to Zinaida Volkonskaia] A.MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 1s. (4p.)
  Attributed to: Ligne, Charles Joseph, Prince de, 1735-1814 by Bayara Aroutunova.
- **(8).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. La chambre greque. A.MS.s.; Moscow, **4 Nov 1827**. 1s. (2p.)
  Translation into French of his poem in Polish.
- **(9).** Pushkin, Aleksandr Sergeevich, 1799-1837. Sredi Razseiannoi Moskvy. A.MS. (unsigned); [n.p.] **6 May 1827**. 1s. (1p.)
  Poem.
- **(10).** Rosambert, [ ] Je viens d'ouvrir ma tabatière... A.MS.s.; [n.p.] **13 Feb 1860**. 2s. (5p.)
  Poem dedicated to la Baronne de Gise.
- **(11).** Shcherbina, T. *Tishina*. A.MS.s.; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  Poem.
- **(12).** Shevyrev, Stepan Petrovich, 1806-1864. Russkii solovei v Rime. A.MS.s.; Rome, 29 May/**11 Jun 1830**. 1s. (2p.)
- **(13).** Viazemskii, Pavel Petrovich, kniaz', 1820-1888. Velikii Petr! A.MS.s.; Carlsbad, [n.d.] 1s. (1p.)
  Poem.
- **(14).** Volkonskaia, Nadia Aleksandrovna, kniaginia, 1855- Engel Gottes steigt hernieder... MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  Poem to Aleksandr Volkonskii.
- **(15).** Volkonskaia, Nadia Aleksandrovna, kniaginia, 1855- Freudig heut begruss ich. MS. (unidentified hand) signed; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  Poem to Aleksandr Volkonskii.
- **(16).** Volkonskaia, Nadia Aleksandrovna, kniaginia, 1855- Je vous offre mon cher papa... MS. (unidentified hand); [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
  Poem to Aleksandr Volkonskii.

- **B. Compositions**
  - **(17).** Brosset, Marie Félicité, 1802-1880. A la conference de l'academie imperiale des sciences, section d'histoire et de philologie. MS. (copy, unidentified hand); [n.p.] **24 Jan 1862.** 1s. (4p.)
    Lecture on art.
  - **(18).** Nerrgerleskii, [ ] Il n'y a de bonne grace... A.MS.s.; [n.p.] **1839.** 1s. (1p.)
    Composition in French.
  - **(19).** [ ] Appendix tertia historica. MS. (unsigned); [n.p., n.d.] 10f. (27p.)
    Copy of manuscript at Salsburg.
  - **(20).** [ ] [Living conditions among the landowner serfs] MS. (unsigned, unidentified hand); [n.p., n.d.] 10f. (19p.)
  - Unidentified poems and compositions

- **Series: XII. fMS Russian 46.11: Letters.**
  N.b. Many of the letters to unidentified addressees are presumed to have been addressed to Prince Aleksandr Nikitich Volkonskii; some were probably addressed to

Prince Augustin Petrovich Golitsyn.

- **(1).** About, Edmond, 1828-1885. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(2).** Adestino, [ ] d'. A.L.s. to Tommaso Garlocci; Florence, **26 Sep 1857**. 1s. (2p.)
- **(3-17).** Aleksandr I, emperor of Russia, 1777-1825. 15 letters to Zinaida Volkonskaia:
  - **(3).** A.L.s.; Tauer, **14 May [1813]** 1s. (3p.) env.
  - **(4).** A.L.s.; Peterswaldan, **28 May [1813]** 2s. (5p.) env.
  - **(5).** A.L.s.; Töplitz, **21 Aug [1813]** 1s. (4p.) env.
  - **(6).** A.L.s.; Leipzig, **10 Oct 1813.** 2s. (5p.) env.
  - **(7).** A.L.s.; **[n.p., 1813]** 1s. (1p.) env.
  - **(8).** A.L.; [n.p., **[end of Sep-4 Oct]** 1813] 1s. (3p.) env.
  - **(9).** A.L.s.; Schoffhausen, **[30 Dec 1813–11 Jan 1814]** 2s. (6p.) env.
  - **(10).** A.L.s.; St. Petersburg, **12/24 May 1816.** 1s. (4p.) env.
  - **(11).** A.L.s.; [Moscow] **8 Oct 1817.** 1s. (3p) env.
  - **(12).** A.L.s.; Laybach, **3 Feb 1821.** 2s. (8p.) env.
  - **(13).** A.L.s.; Brixen, **25 Dec 1822**. 1s. (1p.) env.
  - **(14).** A.L.s.; [Moscow, **Jul – 16 Aug 1824]** 1s. (2p.)
  - **(15).** A.L.s.; [St.Petersburg, **Jul – 16 Aug 1824]** 1s. (2p.) env.
  - **(16).** A.L.s.; Tsarskoe Selo, **8 Jun 1824.** 2s. (6p.) env.
  - **(17).** A.L.s.; same, **2 Apr 1825.** 1s. (4p.)
- **(18).** Antonelli, Giacomo, cardinal, 1806-1876. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Vatican, **17 Mar 1862.** 1s. (2p.) env.
- **(19).** Audavant, Olympe. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(20).** Aumale, Henri d'Orléans, duc d', 1822-1897. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **1 Mar 1856.** 1s. (1p.)
- **(21).** Aumale, Henri d'Orléans, duc d', 1822-1897. MS.L. (unsigntd) to [ ]; Paris, **10 Feb 1860.** 1s. (1p.)
  Written and signed by [ ] Fleury.
- **(22).** Bassano, Napoléon Joseph Hugues Maret, duc de, 1803-1898. MS.L.s. to Augustin Petrovich Golitsyn; [Paris] **22 May 1866.** 1s. (1p.)
- **(23).** Berryer, Pierre Antoine, 1790-1868. A.L.s. to [ ]; Angerville, **22 Jun 1858.** 1s. (1p.)
- **(24).** Broglie, Albert, duc de, 1821-1901. A.L.s. to [ ]; Paris, **29 Nov 1863.** 1s. (2p.)
- **(25-27).** Bülow, Hans von, 1830-1894. 3 A.L.s. to [ ]:
  - (25) Florence, 16 Nov 1871?. 1s. (1p.)
  - (26) same, 21 Oct [n.d.] 1s. (2p.)
  - (27) [n.p.] 28 Oct [n.d.] 1s. (1p.)
- **(28).** Campo, Jose. MS.L.s. to [ ]; Madrid, **11 May 1865.** 1s. (1p.)
- **(29).** Camuccini, Vincenzo. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **12 Nov 1830.** 1s. (1p.)
- **(30).** Cazalès, Edmond de, 1804-1876. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Rome, **13 Jan 1842.** 1s. (4p.)
- **(31).** Consalvi, Ercole, cardinal, 1757-1824. A.L.s. to Zinaida Volkonskaia; Rome, **10 Oct 1820.** 1s. (1p.)
- **(32).** Davydov, Denis Vasil'evich, 1784-1839. A.L.s. to Nikita Grigorevich Volkonskii; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(33).** Dupanloup, Félix Antoine Philibert, bp. of Orléans, 1802-1878. A.L.s. to [ ]; Domène, 10 **Jun 1863.** 1s. (1p.)
- **(34).** Dupont Des Loges, Paul Georges Marie, bp. of Metz, 1804-1886. A.L.s. to [ ]; [Metz] 6 Feb **1869.** 1s. (1p.)
- **(35).** Ernst II, duke of Saxe-Coburg-Gotha, 1818-1893. MS.D.s.; Altenburg, **21 Apr 1860**. 1s. (1p.)
  Document awarding a medal to Aleksandr Volkonskii.
- **(36).** Ezpeleta, comte d' MS.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Paris, **27 Nov 1869**. 1s. (1p.)
- **(37).** Falloux, Alfred Pierre Frédéric, comte de, 1811-1886. A.L.s. to Augustin Petrovich Golitsyn; [Paris, **14 Nov 1854**] 1s. (4p.)

- **(38).** Farragut, David Glasgow, 1801-1870. A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; Madrid, 13 Dec [n.d.] 1s. (2p.)
- **(39).** Filon, Auguste, 1800-1875. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Paris, **19 Jun 1845?** 1s. (3p.)
- **(40).** Geofroy, Louis de. A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; Versailles, **12 Aug 1871**; 2s. (8p.)
- **(41).** Gerbet, Philippe, bp., 1798-1864. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(42).** Girardin, Émile de, 1806-1881. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; [n.p.] **22 Apr 1858**. 1s. (4p.)
- **(43).** Girardin, Émile de, 1806-1881. A.L.s. to [ ]; Paris, 3 Jul [n.d.] 1s. (1p.)
- **(44).** Golitsyn, [ ] kniaginia. A.L.s. to [ ]; Tsarskoe Selo, [n.d.] 1s. (1p.)
- **(45).** Gorchakov, Aleksandr Mikhailovich, kniaz', 1798-1883. MS.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Peterhof, **14 Jul 1859.** 1s. (1p.)
- **(46).** A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; St. Petersburg, **6 Apr 1871**. 1s. (1p.)
- **(47-48).** Grigorovich, Dmitrii Vasil'evich, 1822-1899. 2 A.L.s. to [ ]:
  - (47) [n.p.] 21 Sep [n.d.] 1s. (2p.)
  - (48) [n.p.] 3 Mar [n.d.] 1s. (1p.)
- **(49).** Gučetic-Owčarevič, L. A.L.s. to [ ]; Frohnleiten, 31 Jul [n.d.] 1s. (4p.)
- **(50).** Guibert, Joseph Hippolyte, cardinal, 1802-1886. A.L.s. to Augustin Petrovich Golitsyn; Tours, **22 Sep 1858**. 1s. (2p.)
- **(51).** Guizot, François Pierre Guillaume, 1787-1874. A.L.s. to [Augustin Petrovich Golitsyn?]; Val Richer, **5 Sep 1869**. 1s. (3p.)
- **(52-53).** Haller, Karl Ludwig, 1768-1854. 2 A.L.s. to [ ]:
  - (52) Soleure, 29 May 1845. 1s. (4p.)
  - (53) Soleure, 24 May 1852. 1s. (3p.)
- **(54-55).** Hamilton, James. 2 A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]:
  - (54) Athens, 17 Oct 1856. 1s. (3p.)
  - (55) same, 17 Jan 1857. 1s. (3p.)
- **(56).** Haxthausen, August freiherr von, 1792-1866. A.L.s. to [Augustin Petrovich Golitsyn]; Thienhausen bei Steinheim (Westfalen), **23 Jan 1859**. 1s. (4p.)
- **(57).** Hervey-Saint-Denys, Marie Jean Léon, marquis d', 1823-1892. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Chateau du Bréau, **17 Oct 1872**. 1s. (4p.)
- **(58).** Janin, Jules Gabriel, 1804-1874. A.L.s. to [ ]; Paris, **12 Sep 1864**. 1s. (2p.)
- **(59).** Johann, king of Saxony, 1801-1873. MS.D.s.; Dresden, **21 Apr 1860**. 1s. (1p.) Document awarding a medal to Aleksandr Volkonskii.
- **(60).** Junta revolucionaria de Madrid. MS.L. to [Aleksandr Volkonskii]; Madrid, **29 Sep 1869**. 1s. (2p.)
- **(61).** Kapnist, Petr Ivanovich, graf, 1830-1898. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(62).** La Bouillerie, François Alexandre Roullet de, 1810-1882. A.L.s. to [ ]; Carcassonne, 12 Dec **1860**. 1s. (3p.)
- **(63).** Lacordaire, Jean Baptiste Henri, 1802-1861. A.L.s. to [Zinaida Volkonskaia]; Rome, 15 Mar [n.d.] 1s. (2p.)
- **(64).** La Moricière, Christophe Louis Léon Juchault de, 1806-1865. A.L.s. to Augustin Petrovich Golitsyn; Chillon, **29 Oct 1863.** 1s. (2p.) env.
- **(65).** Ledlay, J. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(66).** Leduma, Manuel. MS.L.s. to [ ]; Madrid, **6 Nov 1867.** 1s. (1p.)
- **(67-68).** Ludwig I, king of Bavaria, 1786-1868. 2 MS.L.s. to Aleksandr Volkonskii:
  - (67) Munich, **15 Oct 1844.** 1s. (1p.)
  - (68) [Brückenau], **6 Jul 1847**. 1s. (1p.)
- **(69).** Lytton, Robert Bulwer Lytton, 1st earl of, 1831-1891. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **31 Dec 1875.** 1s. (2p.)
- **(70).** Maistre, Xavier, comte de, 1763-1852. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; [n.p.] **27 Dec 1872**. 1s. (1p.)

- **(71)-(72).** Maria Paulowna, grand duchess of Saxe-Weimar-Eisenach, 1786-1859. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
  - (71) Weimar, **27 Mar 1826.** 1s. (1p.) env.
  - (72) same, **3 Nov 1826.** 1s. (2p.)
- **(73)-(74).** Maria Fedorovna, empress of Russia, 1759-1828. 2 A.L.s. to Zinaida Volkonskaia:
  - (73) Petrofine?, **25 Jul 1826.** 1s. (1p.) env.
  - (74) [n.p.] **8 Oct 1826.** 1s. (1p.)
- **(75).** Mathilde Bonaparte, princesse, 1820-1904. A.L.s. to [ ] Enoch; [n.p.] 4 May [n.d.] 1s. (1p.) env.
- **(76).** Melchiori, S. A.L.s. to [ ]; Rome, **21 Apr 1847.** 1s. (3p.)
- **(77).** Metternich-Winneburg, Clemens Lothar Wenzel, fürst von, 1773-1859. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **11 Dec 1856.** 1s. (1p.)
- **(78).** Metternich-Winneburg, Pauline (Sandor von Szlavinicza) fürstin von, 1836-1921. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(79-80).** Mickiewicz, Adam, 1798-1855. 2 A.L.s. to [Zinaida Volkonskaia]
  - (79) Carlsruhe, 10 Jul [1832] 1s. (2p.)
  - (80) [n.p., **1832**] 1s. (2p.)
- **(81).** Micola, A. A.L.s. to Paris, 21 Jun [n.d.] 1s. (3p.)
- **(82).** Montalembert, Charles Forbes René de Tyron, comte de, 1810-1870. A.L.s. to Louis Achille Boblet; [Paris, 1840] 1s. (4p.)
  Date: 1840
- **(83).** Montalembert, Charles Forbes René de Tyron, comte de, 1810-1870. A.L.s. to [Augustin Petrovich Golitsyn?]; Paris, **29 Sep 1866**. 1s. (4p.)
- **(84).** Morkov, [ ] A.L.s to Sergei Mikhailovich Volkonskii; Nice, [n.d.] 1s. (1p.)
- **(85).** Morlot, François Nicolas Madeleine, cardinal, 1795-1862. A.L.s. to [ ]; Paris, **3 Jan 185-.** 1s. (1p.)
- **(86).** Narvaez, Ramon Maria, duque de Valencia, 1800-1868. MS.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; [n.p.] **14 Apr 1868.** 1s. (1p.)
- **(87).** Naville, Ernest, 1816-1909. A.L.s. to Augustin Petrovich Golitsyn; Geneva, **2 May 1864.** 1s. (3p.)
- **(88).** Nesselrode, Karl Robert, graf von, 1780-1862. A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii?]; [n.p.] 16 Mar [n.d.] 1s. (1p.)
- **(89).** Newman, John Henry, cardinal, 1801-1890. A.L.s. to C. Contini; [Brompton] **28 Dec 1864**. 1s. (1p.)
- **(90).** Norov, Avraam Sergeevich, 1795-1869. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; St. Petersburg, **10 Feb 1853**. 1s. (2p.)
- **(91).** Ochkin, N. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; [n.p.] **30 Mar 1846**. 1s. (2p.)
- **(92).** Odoevskii, Vladimir Fedorovich, kniaz', 1803-1869. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(93).** Orlov, Nikolai Alekseevich; 1827-1885. A.L.s. to [ ]; [n.p.] 10 Oct [n.d.] 1s. (1p.)
- **(94).** Osuna, Mariano Téllez-Girón y Beaufort, duque de, 1814-1882. A.L.s. to [ ]; [n.p.] [7?] Apr. **1870.** 1s. (1p.)'
- **(95).** Pacca, Bartolomeo, cardinal, 1756-1844. A.L.s. to Paolo Barola; Viterbo, **23 Sep 1835.** 1s. (3p.)
- **(96).** Palmer, William, 1811-1879. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **21 Dec 1872.** 1s. (2p.)
- **(97).** Persioni, Nuncio. A.L.s. to [ ]; Madrid, **12 Oct 1867.** 1s. (1p.)
- **(98).** Plater, Wladyslaw, hrabia, 1806-1889. A.L.s. to [ ]; Rapperswil, **25 Nov 1873**. 1s. (1p.)
- **(99).** Policarpo Valentino, brother. A.L.s. to Alexander II, emperor of Russia; Viterbo, **21 Aug 1861**. 1s. (3p.)
- **(100).** Randen, Editha Fedorovna, baroness, 1825-1885. A.L.s. to [ ]; Florence, 20 Nov [n.d.] 1s. (4p.)
- **(101).** Roget, François, 1797-1858. A.L.s. to Aleksandr Volkonskii; Geneva, **3 Jun 1834.** 1s. (4p.)
- **(102).** Rosa, Enrico. A.L.s. to Julio de Vera; Amelia, **31 Oct 1868.** 1s. (1p.) env.

- **(103).** Rostopchina, Evdokiia Petrovna (Sushkova), 1811-1858. A.L.s. to [ ] Golitsyn; [n.p.] 22 Feb [n.d.] 1s. (2p.)
- **(104-107).** Russia. Ministerstvo inostrannykh del. 4 MS.L.s. to Aleksandr Volkonskii:
  - (104) [St. Petersburg] **10 Mar 1869.** 1s. (1p.)
  - (105) St. Petersburg, **14 Jul 1869.** 1s. (1p.)
  - (106) same, **23 Oct 1869.** 1s. (1p.)
  - (107) same, **7 Nov 1869**. 1s. (1p.)

Signed by Alexei Nikolaevich Svistunov.

- **(108).** Sadovski, Fanny. A.L.s. to [ ]; [n.p.] **29 Apr 1871.** 1s. (3p.)
- **(109).** San Martino di Montalbon, [ ] A.L.s. to [ ]; [n.p.] **30 Jul 1879**. 1s. (1p.)
- **(110).** Sanson, Henri, 1799- A.L.s. to Benjamin Appert; Paris, **10 Aug 1834.** 1s. (3p.)
- **(111).** Scholl, Aurélien, 1833-1902. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(112).** Shuvalov, Pavel Andreevich, 1830- A.L.s. to [ ] St. Petersburg, **23 Nov 1874**. 1s. (4p.)
- **(113).** Svistunov, Alexei Nikolaevich, 1808-1872. A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; St. Petersburg, **Jan 1858**. 1s. (3p.)
- **(114).** Swetchine, Sophie, 1782-1857. A.L.s. to [ ] Golitsyn; [Paris, n.d.] 1s. (3p.)
- **(115).** Tarbé, Prosper, 1809-1871. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(116).** Target, Paul Louis, 1821-1908. A.L.s. to [ ]; Paris, 7 Dec [n.d.] 1s. (1p.)
- **(117).** Tatishchev, Dmitrii Pavlovich, 1767-1845. A.L.s. to [ ]; Vienna, 26 Jun 1833. 1s. (1p.)
  Date: 1833.
- **(118-120).** Tolstoi, Iakov Nikolaevich, 1791-1867. 3 A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]:
  - **(118).** Paris, **1 May 1858**. 1s. (4p.)
  - (119). same, **11 Jan 1863.** 1s. (4p.)
  - **(120).** same, **6 Jul 1865**. 2s. (6p.)
- **(121).** Turgenev, Ivan Sergeevich, 1818-1883. A.L.s. to [ ]; Baden, **21 Feb 1868.** 1s. (2p.)
- **(122).** Valuev, Petr Aleksandrovich, graf, 1815-1890. A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(123).** Viazemskii, Petr Andreevich, kniaz', 1792-1878. A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii?]; Nice, **25 May 1859**. 1s. (2p.)
- **(124-125).** Visconti, [ ] 2 A.L.s. to [ ]:
  - (124) [n.p.] 1 Nov 1872. 1s. (1p.)
  - (125) [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(126).** Volkonskaia, Louise (Lilien) A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(127).** Volkonskaia, Mariia Nikolaevna (Raevskaia) kniaginia, 1807-1863. A.L.s. to [Maria Aleksandrovna (Beloselskaia-Belozerskaia) Vlasova?]; [n.p., n.d.] 2s. (4p.) Accompanied by typed transcript with notes and Italian translation.
- **(128).** Volkonskaia, Nadia Aleksandrovna, kniaginia, 1855- A.L.s. to [ ]; Paris, **31 Sep 1863**. 1s. (1p.)
- **(129).** Volkonskaia, Nadia Aleksandrovna, kniaginia, 1855- A.L.s. to [Aleksandr Volkonskii]; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)
- **(130).** Volkonskii, Aleksandr Nikitich, kniaz', 1811-1878. A.L.s. to [Zinaida Volkonskaia]; [n.p., n.d.] 1s. (2p.)
- **(131).** Volkonskii, Sergei Mikhailovich. A.L.s. to Basilio Lemmerman; Paris [n.d.] 1s. (1p.)
- **(132).** Vsevolozhskii, Ivan Aleksandrovich, kniaz', 1835- A.L.s. to [ ]; [n.p., n.d.] 1s. (3p.)
- **(133).** Walenska, [ ] A.L.s. to [ ] Enoch; [n.p., n.d.] 1s. (1p.)

- **(134).** Zashchevskii, [ ] A.L.s. to [ ]; Trieste, **30 Feb? 1838**. 1s. (4p.)
  Includes a poem.
- **(135).** Unidentified letters.

- **Series: XIII. MS Russian 46.12: Documents.**
  - **(1).** [*Safe conduct*] Printed D.s. (by various hands); Brussels, **8/20 Nov 1818**. 1s. (2p.)
    Issued to Nikita Volkonskii for passage to London.
  - **(2).** [*Safe conduct*] Printed D.s. (by various hands); St. Petersburg, **15 Mar 1860.** 1s. (3p.)
    Issued to Aleksandr Volkonskii for passage to Naples.
  - **(3).** [*Safe conduct*] Printed D.s. (by various hands); Rome, **11/23 Sep 1862**. 1s. (3p.)
    Issued to Aleksandr Volkonskii for passage to Madrid.
  - **(4).** [*Order of St. Vladimir*] MS.D.s. (by various hands); St. Petersburg, **31 Mar 1868**. 1s. (2p.)
    Document bestowing upon Aleksandr Volkonskii the order of St. Vladimir of the second degree.
- **Series: XIV. pfMS Russian 46.13: History of Russia by Fidele Bruni.**
  - Bruni, Fidele, 1801-1874. *History of Russia.* 10 ink & watercolor drawings (unsigned); [n.p., n.d.] 10s. (20p.)
    The subjects are as follows:
    - (1) The call of Rurik and his brothers in 862.
    - (2) Rurik and his companions.
    - (3) The procession to Constantinople at the time of the attack of the Russians in 866.
    - (4) The eastern emperor sends a bishop to Kiev in 867.
    - (5) The expedition of Oleg (879-912) against Constantinople.
    - (6) The peace treaty with the Greeks in 945.
    - (7) The death of Igor in 945.
    - (8) Olga traversing her estates.
    - (9) The baptism of Olga at Constantinople.
    - (10) The Petchenegs before Kiev.
- **Series: XV. fMS Russian 46.14: Miscellaneous manuscripts, printed music and other material.**
  - **(1).** [Financial papers](2 folders)
  - **(2).** [Photographs](4 folders)
  - **(3).** [Printed material](5 folders)
  - **(4).** [Miscellany](1 folder)
  - **(5).** Printed music (1 box) HD
    Bound and unbound music from the early 19th century.

СОДЕРЖАНИЕ

Выражение признательности и некоторые замечания к русскому тексту книги
Баяра Арутюнова-Манусевич,
доктор филологии,
США 7

ПРЕДИСЛОВИЕ. Большое путешествие из России на Запад, через весь земной шар, обратно в Россию
Екатерина Иванова-Блинова,
кандидат искусствоведения,
СПб., Россия 11

I. ВВЕДЕНИЕ. Краткий очерк жизни и творчества, особенности эпистолярного жанра личной переписки З. Волконской 17

II. ПИСЬМА, АДРЕСОВАННЫЕ КНЯГИНЕ З.А. ВОЛКОНСКОЙ
Письмо мадам де Сталь 44
Письмо Е. А. Баратынского 53
Письмо И. И. Козлова 58
Письмо М. И. Глинки 69
Письмо А. И. Тургенева 79
Два письма кн. П. А. Вяземского 87
Три записки В. А. Жуковского 102
Пятнадцать писем царя Александра I 109
Семь писем кардинала Э. Консальви 152

III. ПИСЬМА А.Н. ВОЛКОНСКОМУ И А.П. ГОЛИЦЫНУ
Письмо кн. П. А. Вяземского кн. А. Н. Волконскому 187
Три письма Я. Н. Толстого кн. А. Н. Волконскому 193
Письмо И. С. Тургенева А. П. Голицыну 219

IV. ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ 226
V. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 248
VI. СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 254
VII. ZINAIDA ALEKSANDROVNA VOLKONSKAIA PAPERS, 1809–1879: GUIDE 256

Баяра АРУТЮНОВА-МАНУСЕВИЧ

ЖИЗНЬ В ПИСЬМАХ.
Княгиня Зинаида Волконская и её корреспонденты

Перевод с английского и французского,
подготовка русского текста
Б. А. Арутюновой-Манусевич и А. К. Мынбаевой

Главный редактор
Д. А. Ивашинцов
Редактор
О. И. Никитина
Художник
Д.Д. Ивашинцов
Вёрстка
В.Ф. Недвецкий
Корректор
Е.В. Величкина

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, дом 12, лит. В

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11
Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57
E-mail: info@russkymir.org

Подписано в печать 27.06.2017 г. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 17
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 4562
Отпечатано с электронного оригинал-макета, предоставленного издательством
в АО "Первая образцовая типография"
Филиал "Чеховский Печатный Двор"